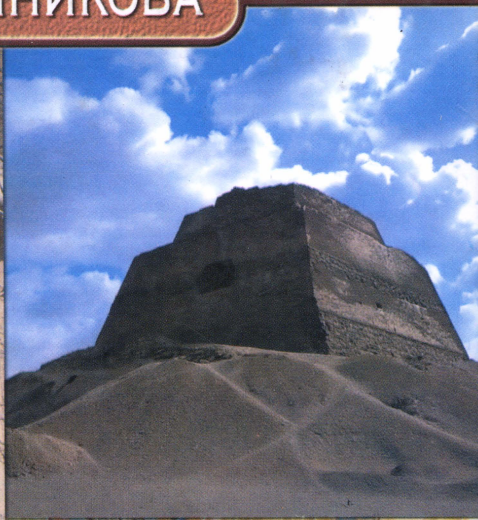
Легенды и мифы Древнего Востока

А. ОВЧИННИКОВА



ФЕНИКС

ДРЕВНИЙ МИР

А. Г. Овчинникова

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

Ростов на Дону
«Феникс»
Санкт-Петербург
«Северо-Запад»
2006

УДК 2-264:94(3)
ББК 82.3(0)
КТК 600
О-35

Scan By Vitaliy & Kali

Овчинникова А.

О-35 Легенды и мифы Древнего Востока / А. Овчинникова. — Ростов н/Д : Издательство «Феникс»; СПб.: ООО Издательство «Северо-Запад», 2006. — 463, [1] с. : ил. — (Древний мир).
ISBN 5-222-08187-7 (Феникс)
ISBN 5-93835-149-9 (Северо-Запад)

В книге популярно изложены мифы и легенды, самым тесным образом переплетающиеся с историей Древнего Египта, Древнего Двуречья и Ассирии. Автор в красочной высокохудожественной форме повествует о культурах Египта и Двуречья; рассказывает об основных вехах их исторического прошлого, о том, как ученые смогли к пониманию исторической истины. Книга написана в увлекательном стиле и читается с неослабеваемым интересом от первой до последней страницы.

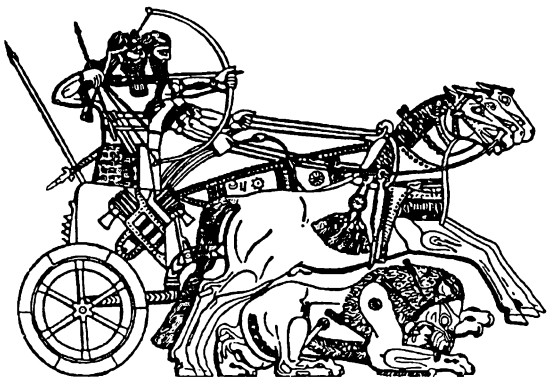
Предназначена для широкого круга читателей.

УДК 2-264:94(3)
ББК 82.3(0)

ISBN 5-222-08187-7 (Феникс)
ISBN 5-93835-149-9 (Северо-Запад)

© ООО Издательство «Северо-Запад», 2006
© Издательство «Феникс», 2006
© А. Овинникова, 2006
© А. Ганчурин, обложка, 2006

ЕГИПЕТ



ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

«Древнее египетских пирамид» — этим выражением пользуются, когда слово «допотопный» кажется слишком невыразительным и бледным, чтобы обозначить древность, которая уходит к самому началу существования человеческой цивилизации. К началу существования того, что мы сейчас именуем многозначительно гордым словом «цивилизация».

Возможно, привычка соотносить любую седую древность именно с цивилизацией Египта берет свой исток в античных временах, а точнее — в Древней Греции, оказавшей такое огромное влияние на Древний Рим, а позднее — на средневековую Европу и всю современную культуру.

Именно древние греки, с их жадной восприимчивостью ко всему новому, с их неуемным любопытством и страстью к познанию никогда не упускали случая поучиться у мудрецов страны Та-Кемет, в сравнении с которой их Эллада могла показаться всего лишь несмышленым резвым ребенком рядом с седобородым важным мудрецом. Гиппократ, Солон, Платон, «отец математики» Пифагор, «отец исто-

рии» Геродот — все они посещали Та-Кемет, или Черную Землю, стремясь приобщиться к мудрости тысячелетий.

Сейчас мы называем Пифагора, Платона, Сократа «древними мудрецами», но сами они наверняка точно так же называли легендарных великих египтян: строителя первой египетской пирамиды Имхотепа, мудреца Снефру и ученого Джедефхора, сына фараона Хуфу. Ибо тот период истории, который кажется нам такой седой стариной (двадцать четыре века отделяют нас от времени Платона!), отделен еще большей бездной времени от начала истории Египта. А того же Платона отделяло, скажем, от архитектора Имхотепа опять-таки двадцать четыре века, то есть для Платона время, когда жил гениальный египетский архитектор, было столь же почтенной и трудновообразимой древностью, какой для нас с вами является время самого Платона или его учителя Сократа.

Более того! По свидетельству Платона, когда Солон посещал египетский город Саис, этот город существовал уже восемь тысячелетий, а это значит, что (по представлениям тогдашних греков и египтян) Саис возник в IX тысячелетии до н.э. В платоновских «Диалогах» учение египетских жрецов возводится к религии легендарной Атлантиды, существовавшей, по Платону, в X тысячелетии до н.э.

Посетивший Египет в V веке до н.э. Геродот писал, что египтяне первыми стали воздвигать богам алтари, статуи и храмы... Но будучи, в отличие от Платона, не философом, а вполне добросовестным историком, Геродот не рискнул назвать дату появления первых людей и первых храмов в долине Нила[1]*.

Так когда же это все-таки произошло?

Сейчас принято считать, что предки египтян пришли в будущую страну Та-Кемет, или Та-Мери[2], из Сахары около IV тысячелетия до н.э.

В древнейшие времена Сахара вовсе не была песчаной пустыней, какой она является теперь, а представляла собой плодородную степь; однако к IV тысячелетию до н.э.

---

* Здесь и далее см. Приложение на стр. 445

климат Северной Африки изменился — и вот с иссохших, бесплодных нагорий в цветущую долину Нила переселился народ, родственный берберам, который современные ученые называют хамитами. При его слиянии с племенами протосемитов образовалась народность египтяне — гибкие смуглые люди с прямыми черными волосами...

А вслед за первыми людьми в долине Нила появились и первые боги.

Извечные вопросы людей: «Откуда возникло все сущее? Когда появился наш мир и как? Кто управляет миропорядком? Что ожидает человека по ту сторону земной жизни?» — тревожили египтян точно так же, как все другие народы. И как другие народы, египтяне рано или поздно находили ответы на эти трудные вопросы. Однако в стране Та-Кемет часто случалось так, что у одной загадки оказывалось сразу несколько различных разгадок.

В этом нет ничего удивительного: хотя труд на земле, каждый год заливаемой водами своенравного Нила, требовал совместного усилия многих людей, и первые оросительные каналы в долине этой реки начали сооружаться еще в V тысячелетии до н.э., Египет долгое время оставался раздробленным на множество небольших княжеств — номов. И в каждом из этих номов традиционно почитали *своих* богов и предлагали *свои* ответы на вопросы: «Откуда?», «Как?», «Когда?» и «Кто был первым?»

Однако время шло — так неспешно и величаво, как оно могло идти только в Египте, и постепенно мелкие номы объединились в два царства — Верхний и Нижний Египет. Прошло еще немного времени (совсем немного, не больше тысячи лет!) — и около 2900 года до н.э. легендарный фараон Менес объединил два эти царства в одно. С тех пор египетские фараоны начали носить корону, символизировавшую объединение страны: белый верхнеегипетский и красный нижнеегипетский венцы, вставленные друг в друга.

Правда, впереди были еще многочисленные смуты, были трудные времена, когда Египту пришлось вновь пережить раздробленность и упадок, но это произойдет потом... А пока что фараон Менес основал на границе Двух Земель

столицу своего нового могучего царства — город Меннефер, то есть «Прекрасная Гавань», или «Прекрасная Обитель». Этот город, именовавшийся также Хет-Ка-Пта — «Дом души Птаха», греки называли Мемфисом, в Библии же весь Египет часто обозначается именно словом Мемфис.

Мемфису суждено было стать столицей эпохи Старого царства; но даже после того, как столицу перенесли в Фивы, он остался религиозным центром бога Птаха и официальной резиденцией некоторых египетских владык.

Итак — как же представляли сотворение мира и человека в Прекрасной Гавани, в Мемфисе, в столице самых древних египетских фараонов?

В начале времен

...И тогда воскликнул один из жрецов, человек весьма почтенных лет: «Ах, Солон, Солон! Вы, эллины, вечно остаетесь детьми, и нет среди эллинов старца!» «Почему ты так говоришь?» — спросил Солон. «Все вы юны умом, — ответил тот, — ибо умы ваши не сохраняют в себе никакого предания, искони переходившего из рода в род, и никакого учения, поседевшего от времени. <...>Между тем древность наших городских установлений определяется по священным записям в восемь тысячелетий.

Платон, «Тимей»

Вначале было... (Мемфисская космогония)

Вначале повсюду простирался холодный безжизненный океан Нун, утверждали жрецы Мемфиса, один только безбрежный океан — и ничего больше. Сколько времени продолжалась подобная безбрежная холодная тоска,

жрецы умалчивают, да это и не главное. А главное то, что хотя у океана Нуна не было берегов, зато дно у него, вероятно, было, и состояло это дно из земли.

Птах — Земля — отличался от океана Нуна куда более деятельной и творческой натурой, и наконец подобное унылое положение дел перестало его удовлетворять. Птах решил воссуществовать, мало того — он решил сделаться богом!

Задумано — сделано: могучим усилием воли Птах создал из земли свою плоть, свое тело и, в соответствии с замыслом, стал богом, самым первым из когда-либо существовавших богов.

Быть первым, конечно, приятно, но быть единственным — это столь же тоскливо, как вовсе не быть! Да и творческая натура Птаха не могла удовольствоваться лишь созданием самого себя. Поэтому Птах решил призвать к жизни других богов, чтобы они помогали ему в созидании и чтобы было с кем разделить радость только что обретенного бытия.

На сей раз Птах попробовал другой творческий метод, а именно: творение Мыслью и Словом. Зародилась в сердце его мысль об Атуме, и возникло на языке его слово «Атум»; произнес Птах только что найденное слово — и в тот же миг бог Атум возник из океана Нун. (Нечто подобное можно найти в орфической теогонии, где первообразом мира является Слово-Логос, или в библейской истории о сотворении мира Богом Яхве: «Вначале было Слово...»)

Сын Птаха, Атум, сразу принялся помогать отцу в его работе и первым делом создал великую Девятку Богов — Великую Эннеаду. Однако именно Птах наделил их могуществом и божественной мудростью, воздвиг святилища и храмы, учредил празднества и жертвоприношения.

Но уж коли появились святилища и были запланированы празднества, возникла необходимость в тех, кто будет посещать эти святилища и участвовать в действах, чтить богов и услаждать их слух молитвами, а взор — раз-

нообразием этого мира... Поэтому самый интересный этап творения был еще впереди!

И создал Птах из тела своего все сущее, создал людей и зверей, заставил течь реки и нагромоздил горы, учредил номы и города. Птах сотворил работы и ремесла, сделал так, что боги вселились в свои статуи в храмах.

Сам Птах, его жена богиня Сохмет (почитавшаяся в образе львицы) и их сын Нефертум (бог растительности) составили Мемфисскую Триаду богов.

Мемфисцы считали, что Птах пребывает в теле всех живущих на земле созданий, таится в каждом одушевленном существе и неодушевленном предмете и наделяет всех людей частью своей творческой силы, которая позволила ему создать мир. А на том самом месте, где Птах творил мир, образовался великий город Мемфис.

Так полагали жители Мемфиса, превыше всех других богов почитавшие Птаха и считавшие свой город центром мироздания...

Но жители другого египетского города — Гермополя — были с ними решительно несогласны.

К концу Старого царства могущество фараонов Мемфиса значительно ослабло, номы вновь начали стремиться обрести былую независимость. К 2200 году до н.э. власть мемфисских фараонов сделалась чисто номинальной и реальная власть вновь перешла к владыкам отдельных княжеств.

Наступило время междоусобиц, смут, беспорядков и голода; ирригация Египта пришла в упадок, каждый номарх почитал себя не ниже фараона, и иссякло прежнее почтение к божественным мемфисским фараонам и к их древней столице.

Мемфис утратил былое значение, а мемфисская космогония перестала считаться одной из главных космогоний Египта.

В те смутные времена власть перешла к городу Хенсу (Гераклеополю), а вместе с ним возвысился его союзник город Хмун, то есть Восьмерка. Эллины назвали Хмун

Гермополем, так как этот город был центром почитания бога Тота, которого древние греки отождествляли со своим богом красноречия и плутовства Гермесом.

У обитателей Гермополя, то есть Хмуна, было свое, совершенно отличное от мемфисского, представление о сотворении мира; они вовсе не считали Мемфис центром мироздания и *пупом Земли*. Гермопольцы полагали, что...

Все начиналось так... (Гермопольская космогония)

Да, вначале и вправду существовал Хаос в виде Первозданного Океана, но он не был абсолютно пустым. В нем таились силы разрушения: Мрак и Исчезновение, Пустота и Ничто, Отсутствие и Ночь. Но в том же самом Океане обретались и созидательные силы, а именно: четыре пары богов, Великая Восьмерка, Огдоада. То были мужские божества — Хух (Бесконечность), Нун (Вода), Кук (Темнота), Амон (Воздух), выглядевшие как люди с головами лягушек, и женские их ипостаси — Хаухет, Наунет, Каукет и Амаунет — богини, похожие на женщин с головами змей.

Все эти боги плавали в Первозданном Океане; плескаться в компании было куда веселее, чем в одиночку, и им не было так тоскливо, как мемфисскому Птаху. К тому же силы разрушения — Мрак, Ничто и Ночь вносили разнообразие в существование Восьмерки, а Исчезновение с Пустотой придавали их плаванию элементы азарта и риска. Но все же такое групповое плавание в конце концов наскучило древним богам. Четыре пары богов решили, что им чего-то не хватает для полноты жизни.

Придя к этой мысли, боги, должно быть, потратили немало времени на дискуссию о путях решения возникшей у них проблемы. Когда изначальных творцов целых во-

семь, путь от замысла до его воплощения зачастую гораздо длиннее, чем тогда, когда творец всего один!

Но в конце концов члены большой Восьмерки достигли согласия и дружно взялись за дело: они подняли из воды Изначальный Холм и в полной темноте вырастили на нем цветок лотоса. Из цветка появился младенец Ра, прекрасное солнечное божество, осветившее весь мир, до той поры пребывавший во мраке. Увидев чудесный мир, греющийся под его благодатными лучами, маленький Ра заплакал от радости, и из его слез возникли первые люди...

А Восьмерка богов ликовала при виде своего ребенка, такого красивого, талантливого и одаренного, самого лучшего из всех детей, которым когда-либо будет суждено появиться на свет! Четыре бога и четыре богини наперебой называли Ра ласковыми именами, какими обычно родители называют своих малышей, и забавляли его сказками — ведь маленькие боги нуждаются в сказках ничуть не меньше маленьких людей. Одной из таких сказок была история о том, как малыш Ра вылупился из яйца Великого Гоготуна, белого гуся, нарушившего своим криком вековечное безмолвие Хаоса Нуна...

Сказка о белом гусе была любимой сказкой юного Ра, но потом ее услышали люди и приняли за непреложную истину. С тех пор нильский гусь стал считаться священной птицей Амона-Ра.

Подросший Ра создал богов Шу и Тефнут, от Шу и Тефнут произошли на свет все другие боги, а чуть позднее (должно быть, еще через пару-другую сотен лет), на Изначальном Холме, где из слез Ра возникли первые люди, был построен город Гермополь.

Теперь понятно, чей именно город находится в центре мироздания и является пупом Земли?

Но далеко не всем египтянам было это понятно.

Самая распространенная в Египте версия о сотворении мироздания принадлежала другому городу — Иуну, или, как его называли древние греки, Гелиополю.

Этот город никогда не был столицей Египта, но с эпохи Старого царства и до конца Позднего периода он был важнейшим теологическим центром и культовым центром солярных[3] богов. Египетское название этого города — Иуну, что означает «Город Столбов» — намекает на широко распространенный там культ обелисков, греческое же название города недвусмысленно указывает на то, что в Гелиополе прежде всех других богов поклонялись Богу Солнца, которого в Элладе называли Гелиосом.

И обитатели солнечного города Гелиополя были совершенно уверены, что...

Все начиналось так! (Гелиопольская космогония)

Все началось, конечно, с уже известного нам Хаоса — Нуна, бескрайней темной водяной пустыни.

Он существовал в холоде и безжизненной темноте наверняка не меньше, чем мемфисский Нун или Нун города Гермополя, но и его величавое одиночество в конце концов было грубо нарушено: из холодных темных вод, словно надутый мяч, выскочил солнечный бог Атум — первый из богов.

Атум так поспешил со своим появлением, что ему даже некуда было поставить ногу среди бескрайней воды, тщетно искал он клочок суши, куда можно было бы ступить. Но Атум недолго пребывал в растерянности: со свойственной ему находчивостью он создал Холм Бен-Бен — Изначальный Холм (не путать с лондонской башней Биг-Беном!).

Итак, твердь появилась, начало творению мира было положено. Но Атуму, как и всем другим первозданным богам, не хватало детей, не хватало соратников-богов, — и вот он изверг семя себе в рот и выплюнул Шу — бога ветра и воздуха, а вслед за тем изрыгнул и Тефнут, богиню мирового порядка. Несмотря на столь оригинальный способ

деторождения, Шу и Тефнут вышли настолько пригожими, что даже угрюмый старик Нун при виде них в умилении воскликнул: «Да возрастут они!»

Однако вокруг все еще простиралась кромешная тьма, а у бога Атума не было опыта в присмотре за детьми; должно быть, он ненадолго отвлекся, и Шу и Тефнут, которые были очень резвыми малышами, потерялись в Первозданном Океане.

Безутешный отец-Атум вырвал свое огненное Око и послал его на поиски детей, одновременно и позаботившись о розыске малюток, и наказав себя за беспечность. Но после некоторого раздумья Атум создал себе новое Око, причем остался так им доволен, что даже назвал его «Великолепным». Некоторые говорят, что первым Оком Атума было Солнце, а вторым — Луна, но не все с этим согласны: ведь тогда непонятно, почему Луна удостоилась титула «Великолепный», а Солнце — нет?

Тем временем первое Око Атума упорно блуждало в поисках детей, пробивая мрак своим ослепительным сиянием, пока наконец не нашло божественных шалунов.

При виде вновь обретенных детей бог Атум заплакал от радости — его слезы упали на Холм Бен-Бен и превратились в людей.

Но старое Око Атума было вовсе не радо: при виде нового Ока на челе Атума оно в ярости вскричало:

— Как! Я, не жалея времени и сил, ищу твоих пропавших детей, о нерадивый отец-одиночка, и так-то ты меня благодаришь?! Взамен меня ты уже завел себе другое Око! Может, тебе проще было бы завести и новых детей взамен пропавших, вместо того чтобы посылать меня на их поиски?!

Атум не мог не признать справедливости этих упреков, однако быстро нашел, чем утешить разгневанное Око: он поместил его себе на лоб и поручил быть своим хранителем, а также стражем установленного им и Тефнут миропорядка. Такая награда вполне устроила верное Око Атума, с тех пор подобное Око носили в коронах все фараоны, унаследовавшие свою власть от богов. Око фараонов имело

вид кобры и называлось уреем; говорили даже, что когда к фараону приближались враги, урей испускал лучи, испепелявшие злодеев на месте, точно так же, как Око Атума испепеляло святотатцев, осмелившихся посягнуть на священную особу бога...

...Шло время, выросшие Шу и Тефнут поженились, и у них родились близнецы: бог земли Геб и богиня неба Нут. Эти двое так сильно любили друг друга, что родились крепко обнявшимися, а когда выросли, то, по примеру своих родителей, сделались мужем и женой.

Очень долго Геб и Нут жили дружно и счастливо, но потом семейная идиллия супругов была нарушена из-за одной странной привычки Нут: она ежедневно поедала своих детей — звезды, а каждую ночь снова рождала их. Заметив это, Геб закатил супруге скандал: он был весьма консервативен в вопросах питания и считал, что поедать своих детей, даже если впоследствии ты снова их рождаешь, не к лицу хорошей матери и супруге. Однако Нут вовсе не собиралась отказываться от своей звездной диеты; ссора божественных супругов бушевала все сильнее и сильнее... пока не привлекла внимание папаши Шу.

Шу утихомирил супружеский скандал своих детей решительно, незамысловато и грубо: он попросту разъединил мужа и жену, разорвав их привычные объятья. Геба он оставил в горизонтальном положении внизу, а Нут поднял высоко вверх, так что она могла касаться супруга лишь кончиками пальцев рук и ног, дугой выгибаясь над ним. По сути дела, то был первый в истории мира развод, развод в прямом смысле этого слова, — в результате чего небо было отделено от земли, а количество звезд перестало сокращаться и прибывать, оставаясь с тех пор неизменным.

Но все же Нут ухитрилась даже после развода родить от Геба богов Осириса, Харвера, Сета, Исиду и Нефтиду, которые вместе со своими родителями и прародителями вошли в Великую Эннеаду, а потом...

Да-да, правильно — а потом на Изначальном Холме Бен-Бене был построен главный храм Гелиополя — храм

Ра-Атума, а также сам город Гелиополь, Иуну, центр мироздания, пуп всей Земли!

Если кто-то решил, что теперь он наконец знает, где большинство древних египтян помещали то, что эллины называли омфалом[4], — он явно заблуждается.

Потому что у Фив, великих Стовратных Египетских Фив, существовала своя версия о том, что и как происходило на заре времен.

Стовратные Фивы были известны уже с середины III тысячелетия до н.э., а после того как времена смут, раздробленности и беспорядков завершились новым объединением Египта, этот город сделался столицей возрожденного государства. Фивы (египетское название города — Уасет) оставались столицей Египта в периоды Среднего и Нового царства и, как столица, не могли не выдвинуть своего варианта космогонии.

Фиванская космогония, как вы сейчас увидите, отличалась от Гелиопольской и Гермопольской простотой, краткостью и определенностью. Фиванские жрецы считали, что...

Все начиналось именно так! (Фиванская космогония)

Амон, Владыка Земли, создал сам себя, выделившись из начальных вод, а потом из самого себя Амон сотворил все сущее: из его глаз появились люди, а из уст — боги, он научил людей строить города, древнейшим из которых стали, конечно же, Фивы. Воды и суша Фив были объявлены «первозданными», а сами Фивы, естественно, были провозглашены центром творения... Коротко и ясно, не правда ли?

Но впоследствии кое-кому это показалось чересчур кратким, и в эпоху Птолемеев, в III–I веках до н.э., возник новый, куда более смелый вариант фиванской космогонии, кое-где, на мой взгляд, даже граничащий с кощунством.

Согласно этой птолемеевской концепции, в начале мира существовал змей Кем-атеф (ипостась Амона), вероятно, очень долговечный и живучий, но все-таки не бессмертный. Умирая, змей завещал своему сыну Ир-та создать Великую Восьмерку богов. Ир-та выполнил волю отца — и новорожденная Восьмерка немедля отправилась в путь к низовьям Нила, в Гермополь, где породила великого Бога Солнца Амона-Ра[5].

Потом Восьмерка построила Мемфис и Гелиополь (видимо, только для того, чтобы было где родить богов Птаха и Атума), после чего восемь богов с сознанием выполненного долга вернулись в Фивы и там скончались. Богов похоронили в Мединет-Абу, в храме отца их создателя Кематефа, и учредили там культ умерших.

Таким образом, не только Гермополь, Мемфис и Гелиополь объявлялись более молодыми городами, чем Фивы (судя по тому, что Восьмерка после выполнения своей миссии *вернулась* в Фивы, Фивы были изначальной резиденцией змея Кем-атефа и его сына), но и сами боги Огдоады (т.е. Восьмерки) провозглашались смертными! Похоже, этих богов и создали-то лишь для того, чтобы они могли породить Бога Солнца Амона и — попутно — Птаха и Атума!

Именно Амон-Ра стал главнейшим богом Фив, ему там поклонялись в облике барана, центром поклонения этому божеству был великолепный Карнакский храм. Амон-Ра, его жена богиня Мут и их сын Хонсу, лунное божество, составляли Фиванскую Триаду богов...

Но помимо Амона-Ра, Мут, Хонсу, Птаха, Атума, Геба, Шу и Нут в Египте во все времена было множество самых разных божеств, а еще больше было историй об этих божествах, когда-то не считавших зазорным ходить по земле рядом с созданными ими людьми.

Так давайте заглянем в египетское Время Богов — в то время, что еще «древнее пирамид», хотя и несколько моложе Первозданного Океана Нуна.

Время богов

О богах я не могу знать, есть ли они или нет, потому что слишком многое препятствует такому знанию — и вопрос темен и людская жизнь коротка.

Протагор

Бегство Тефнут в пустыню

Тефнут, богиня дождя, была любимой дочерью Бога Солнца Ра и помогала ему поддерживать мировой порядок. Но однажды, когда Тефнут была еще очень молода, она поссорилась с отцом и убежала далеко на юг, в Нубийскую пустыню.

Лишившись дочери, Ра был безутешен, но еще хуже пришлось смертным обитателям Египта: едва Тефнут покинула страну, как там началась страшная засуха, солнечные лучи чуть ли не до дна прожигали Нил, и Великая Река обмелела, и пришли из Нубии песчаные бури. Посевы не могли взойти на лишенной влаги земле, люди гибли от жажды и голода, а рядом с ними гибли обессиленные звери и птицы.

Тогда великий Ра призвал к себе сына, бога ветра Шу, и сказал ему:

— Ступай в Нубию, разыщи там Тефнут и во что бы то ни стало приведи ее обратно!

Шу, который и сам тосковал по сестре, не заставил просить себя дважды. В облике льва он немедленно отправился в Нубию и вскоре отыскал Тефнут: превратившись в дикую кошку, она охотилась в пустыне на антилоп. Но как ни уговаривал Шу сестру вернуться в Египет, как ни пытался разжалобить ее рассказами о бедствиях, обрушившихся на страну в ее отсутствие, разгневанная Тефнут даже слушать его не пожелала.

Нарычав на брата, дикая кошка вернулась к прерванной охоте, а Шу ни с чем явился к отцу и рассказал ему, что Тефнут ни за что не желает покидать Нубийскую пустыню.

— Да, видно, урезонить мою дочурку должен тот, кто похитрее тебя, — в задумчивости промолвил Ра и послал за богом Тотом, мудрейшим из египетских богов.

А надо сказать, что эллины недаром отождествляли Тота со своим пронырливым богом Гермесом — Тот был настолько же разносторонен в своих талантах, как и Гермес Трисмегист — Трижды Величайший. Тота почитали как бога Луны и мудрости, как изобретателя письменности, геометрии, астрономии и календаря, как покровителя магии и медицины. Подобно Гермесу, Тот сопровождал души умерших в потусторонний мир и выполнял различные поручения других богов...

И сейчас этот бог со всем рвением взялся выполнять поручение Ра.

Тот превратился в маленького смешного павиана и легко отыскал Тефнут, по-прежнему забавлявшуюся охотой в самом центре Нубийской пустыни.

Почтительно поздоровавшись с богиней, Тот льстивым голосом стал убеждать ее вернуться: с уходом Тефнут радость покинула дом ее отца, все боги и люди Та-Мери тоскуют по ней, вся природа Та-Мери гибнет, лишившись живительной влаги... О, как возрадовались бы и боги, и смертные, если бы Тефнут смирила свою ярость и вернулась!

— Подумай сама, божественная, — уговаривал павиан, — не лучше ли тебе вернуться туда, где тебя встретят с величайшим почетом, вместо того чтобы в одиночестве терзать тощих пустынных антилоп?

Однако лесть Тота не подействовала на Тефнут, и пустыня задрожала от грозного рыка дикой кошки:

— Ты, ничтожный маленький павиан! Как ты смеешь указывать мне, могущественной богине, что я должна делать?! За такую наглость я разорву тебя на клочки, и даже мой отец Ра не сможет собрать их воедино и снова вдохнуть в тебя жизнь!

— О да, я верю, что ты сможешь это сделать, — притворившись ужасно испуганным, ответил маленький павиан-Тот, — только прежде чем ты начнешь рвать меня на части, не желаешь ли послушать сказку о том, что случается с кровожадными убийцами, одной из которых ты вознамерилась стать?

Тефнут, успевшая соскучиться в одиночестве, захотела послушать сказку и прорычала:

— Что ж, рассказывай!

«Пусть потешит меня своей сказкой, — подумала она, облизывая усы, — а съесть его я всегда успею!»

И Тот, призвав на помощь все свое красноречие, начал рассказывать о том, как жившие по соседству коршун и кошка однажды заключили друг с другом союз. Коршун поклялся никогда не нападать на котят кошки, а та в ответ пообещала не причинять зла его маленьким птенцам. Какое-то время оба союзника честно выполняли условия договора, но потом случилось так, что коршун ничего не добыл на охоте; тогда он отнял кусок мяса у котенка и отнес мясо своему птенцу.

— Так вот как ты соблюдаешь наш союз? — глядя вслед улетающему коршуну, воскликнула кошка, проворно взобралась на дерево и схватила птенца, пожиравшего украденное мясо.

Однако в последний миг кошка вспомнила о клятве не причинять зла птенцам коршуна, устыдившись, разжала когти... Но как только она это сделала, птенец в страхе выпрыгнул из гнезда и разбился насмерть.

Коршун вернулся с охоты, увидел у подножия дерева мертвого сына, в ярости напал на котят и скормил их своим коршунятам.

Тогда кошка в отчаянии воззвала к Богу Ра, умоляя его покарать убийцу, и Ра услышал мольбу кошки. Он призвал к себе бога Возмездия и велел ему примерно наказать клятвопреступника!

Бог Возмездия оказался скор на расправу: он надоумил коршуна украсть кусок мяса, который человек жарил для себя на углях, и коршун принес мясо в гнездо, не заметив,

что к добыче пристали тлеющие угольки. От горящих угольков гнездо коршуна вспыхнуло, и все его птенцы погибли в пламени...

Теперь ты видишь, о великая Тефнут, как карает твой отец тех, кто стремится пролить кровь своего ближнего?

— Хм, — в раздумье пробормотала Тефнут. — Я что-то не поняла, за какие провинности Ра покарал маленьких коршунят? К тому же — с каких это пор уродливая обезьяна, вроде тебя, смеет называться моим ближним? Но все же ты развлек меня забавной сказкой, маленький павиан, и, так и быть, я не обижу тебя! Даю тебе в этом клятву!

Павиан-Тот чуть заметно улыбнулся, радуясь первому успеху, и сразу принялся его развивать: он поднес Тефнут блюдо сладостной еды и снова начал расписывать, как тоскует по возлюбленной дочери старый Ра, как жаждет возвращения великой Тефнут весь Египет...

И в конце концов ему удалось-таки смягчить сердце гневной богини: растроганная словами Тота, Тефнут с трудом удержалась от слез. Она уже собиралась сказать, что немедленно возвращается домой... Но вдруг опомнилась и взревела от ярости.

Как! Ни отец, ни брат не смогли уговорить ее вернуться, а какой-то ничтожный маленький павиан чуть было не заставил ее переменить свое решение?! Сейчас она покажет этому проныре, на что способны когти и зубы грозной Тефнут! Сейчас она его!.. Сейчас...

Но тут богиня вспомнила, что не может сделать этого.

Да, она немедленно разорвала бы павиана в клочья, если бы только что не дала клятву не причинять вреда маленькому хитрецу! Увы, как она могла быть настолько опрометчивой, почему она не следила как следует за своим языком?!

Тефнут в ярости ревела, вздыбив шерсть и взрывая когтями песок, а Тот, хотя вновь притворился до смерти напуганным, продолжал болтать как заведенный. Он рассказывал Тефнут сказку за сказкой, историю за историей — до тех пор, пока та наконец не засмеялась, побежденная

красноречием пройдохи. Ее ярость и обида прошли, и она объявила о своем решении вернуться в Египет...

— Но, конечно, — поспешно добавила богиня, — я возвращаюсь туда по собственной воле, а не по воле какого-то болтливого павиана!

И Тефнут с Тотом двинулись в обратный путь.

Вся египетская земля ликовала, Нил снова наполнился животворной влагой, буйно зазеленели его берега. Люди встречали богиню радостными песнями и плясками, били в бубны, звенели систрами, распевали приветственные песни. В жертву Тефнут приносили гусей и газелей, ее возвращение отмечали реками вина и пива, ей подносили цветы и ветви финиковых пальм... Рыдающий от счастья Ра обнял свою дочь и устроил в ее честь роскошный пир, на котором одно из самых почетных мест по праву занял бог Тот, сбросивший шкуру маленького смешного павиана.

С тех пор каждый год по окончании сезона засухи люди Египта праздновали возвращение Тефнут — так же, как эллины праздновали весной возвращение на землю Персефоны из Аида, финикийцы — воскрешение Адониса, а шумеры — возвращение из подземного царства бога-пастуха Думмузи.

Времена года

Бог Тот, первый египетский изобретатель, в придачу ко многим другим своим хитроумным выдумкам изобрел и времена года. Он разделил год на три части, назвав их Временем Разлива, Временем Всходов и Временем Урожая. Каждый из времен года Тот поделил на четверти — в результате получилось 12 месяцев, по 30 дней в каждом.

Все были довольны установленным Тотом порядком, все, кроме богини Нут. Дело в том, что после ее развода с супругом она все-таки ухитрялась сожительствовать с Гебом по ночам. Узнав об этом, ее отец Шу страшно раз-

гневался, а ее дедушка Ра наложил на внучку проклятье: отныне ни в один из 360 дней года Нут не могла родить ребенка.

Богине неба очень хотелось иметь детей, и она поняла, что только создатель времен года, мудрый Тот, сможет помочь ее беде. Нут до тех пор рыдала, заливая Тота сверху потоками слез, пока он не пообещал что-нибудь придумать.

Пообещать легко — но как обойти проклятие Ра?

Однако Тот быстро составил план действий, прихватил недавно изобретенную им игру *сенет* и полетел в гости к Луне. Он сделал вид, что просто случайно пролетал мимо и решил заглянуть к Луне, чтобы с ней поболтать.

Скучавшая в одиночестве Луна очень обрадовалась гостю, а Тот, обменявшись с хозяйкой приветствиями, предложил ей сыграть в сенет — это было что-то вроде современных шашек, но похитрее.

— Конечно, я сыграла бы с тобой, — ответила простодушная Луна. — Да только мне нечего поставить на кон!

— Как нечего? У тебя ведь полным-полно времени! — фыркнул Тот. — Год-то ведь измеряют по тебе, Луна! Вот и поставь на кон 1/72 часть каждого из 360 дней своего года. Даже если ты проиграешь, от такой малости лунный год почти не убудет, а если проиграю я, то расскажу тебе интересную сказку! У меня этого добра тоже пруд пруди!

Само собой, Луна вчистую проигралась опытному игроку Тоту, и окончательный выигрыш Тота составил ровно 5 дней.

После этого Тот создал новый, солнечный год, присоединив к нему 5 выигранных дней, — с тех пор лунный год стал на 5 дней короче, солнечный же год стал равняться не 360, а 365 дням. 5 новых дней Тот на всякий случай посвятил Ра, чтобы тот не вздумал проклясть и эти дни тоже. Хитроумный Тот прекрасно понимал, что Ра не будет проклинать дни, посвященные ему самому.

Что ж, Бога Солнца обошли по всем статьям, и Ра ничего другого не оставалось, как позволить Нут родить по ребенку в каждый из пяти посвященных ему дней. Нут с

радостью воспользовалась любезным разрешением деда и родила Осириса, Харвера, Сета, Исиду и Нефтиду.

Борьба Ра с исчадиями мрака

Наверное, еще ни одному верховному богу, как бы силен он ни был, не удавалось править миром спокойно, без смут и войн.

Так, эллинскому громовержцу Зевсу пришлось воевать с чудовищным стоглавым Тифоном и гигантами, финикийскому богу Баалу — сразиться с богом морской стихии Йаму и с властителем подземного мира Мотом...

Египетский Ра отнюдь не был исключением из этого правила.

Не так уж много времени прошло после его воцарения на небесном престоле, как ему пришлось вступить в бой со змеем Апопом, который задумал свергнуть и уничтожить солнечного владыку.

Ра бился с Апопом целый день, только к закату тяжело раненный Апоп отступил, нырнул в реку и уплыл в подземное царство Дуат залечивать полученные в потасовке с Ра ожоги и раны. После Апопа на власть Бога Солнца посягнул огромный крокодил Магу. Этому бунтовщику тоже не повезло, Ра пронзил его копьем...

Однако пример Апопа и Магу не отпугнул других исчадий мрака.

Вслед за Апопом и Магу на землю Египта хлынули бесчисленные орды чудовищ, в суматохе сотворения мира выбравшихся из Первозданного Океана Нуна. Орда за ордой порождения тьмы накатывались на Египет в облике гиппопотамов, крокодилов и других малосимпатичных животных. Не только Ра, но и остальные боги чуть ли не каждый месяц вынуждены были сражаться с новыми полчищами злобных бестий. Возможно, как раз в те суровые времена у египетских богов вошло в моду принимать обличья разных зверей, чтобы ни в чем не уступать на поле

боя своим звероподобным противникам. «На войне, как на войне!» — решили боги и сами стали превращаться в крокодилов, бегемотов, шакалов и львиц.

Легко можно представить, как боги-соколы вели воздушную разведку, боги-быки выполняли роль тяжелой кавалерии, а боги-лягушки караулили дельту Нила, чтобы вовремя сообщать в штаб Ра о приближении новых вражеских сил.

Правда, эллины объясняли звероподобный облик египетских богов совсем по-другому: они считали, что бушевавший некогда по всему миру огнедышащий великан Тифон так напугал всех богов, что они превратились в разных зверей, пытаясь спастись от своего грозного противника. Но когда Зевс одолел Тифона и похоронил его в глубине земли под вулканом Этна, эллинские боги вновь приняли человеческий вид, — а вот боги Египта превратились в людей только наполовину, сохранив головы львов, шакалов, орлов и обезьян. Некоторые же весельчаки, вроде Тота[6], просто забавы ради то и дело меняли облик, оборачиваясь по желанию то зверем, то птицей, то человеком.

Бунт людей против Ра

В долгих жестоких боях с исчадиями мрака великий Ра состарился, ум его притупился, волосы его стали цвета лазури, сила начала убывать.

Когда весть об этом дошла до людей, смертные ополчились против своего создателя и решили свергнуть Бога Солнца с престола, чтобы самим управлять миром. Люди собрали большое войско и двинулись штурмовать дворец Ра.

При виде движущихся к его дворцу вооруженных толп старый Ра немедленно созвал всех остальных богов.

Шу, Тефнут, Геб, Нут, Хатхор, Тот и даже старик Нун явились в чертоги своего повелителя, и Нун спросил:

— Скажи, владыка, зачем ты призвал нас к себе?

— Неблагодарные люди, созданные из моих слез, замыслили против меня мятеж, — горько пожаловался Ра. — Они уже приближаются к моему дворцу, и я хочу услышать ваш совет: как мне поступить с наглыми бунтовщиками?

— Что ж тут советовать? — удивился Нун. — Направь на них жгучие лучи твоего Ока-урея, и пепел этих людишек будет развеян по ветру!

Ра мысленно хлопнул себя по лбу: как же он сам об этом не подумал! Да, ему явно пора на покой, раньше он никогда не страдал склерозом! Но, дабы не уронить свое достоинство в глазах других богов, Ра медленно кивнул и важно ответил:

— Хороший совет, отец. Я так и поступлю!

С этими словами Ра обратил на войско мятежников солнечное Око, направив на них смертоносные лучи.

Но демарш Бога Солнца не имел успеха: подслеповатый старый Ра промахнулся, и лучи урея испепелили землю в стороне от войска людей. Мятежники продолжали наступать, рассыпавшись на небольшие группы и прячась за скалами и камнями. Ра не смог прожечь скалы, хотя напрягал свое Око до тех пор, пока оно не заслезилось.

— Нет, Ра, этим людей не проймешь! — наконец нервно воскликнул Геб. — Пусть лучше твоя дочь Хатхор расправится с бунтовщиками, да так, чтобы впредь никому из смертных неповадно было поднимать руку на богов!

Богиня Хатхор растерянно вышла вперед.

Она считалась богиней любви, музыки, пляски и веселья, покровительницей молодоженов и матерей. Даже направляясь на военный совет, она взяла с собой свой любимый систр, украшенный изображением кошки с человеческим лицом; ее походка была походкой танцовщицы, ее нежные руки никогда не держали оружия. Казалось, Хатхор меньше, чем кому-либо другому, было под силу справиться с надвигающимися на дворец ее отца вооруженными ордами...

Но все боги наперебой стали доказывать, что она отлично справится с подобным делом, ведь от любви до ненависти только шаг!

Хатхор поняла, что ей придется выполнить это тяжелое поручение, потому что все остальные боги не меньше Ра боятся обнаглевших до бесстрашия людей.

— Значит, вы хотите, чтобы я сражалась за вас?! — наконец сквозь слезы воскликнула Хатхор и отшвырнула в сторону систр. — От любви до ненависти только шаг, говорите вы?! Хорошо, можете считать, что этот шаг уже мною сделан!

И Хатхор издала такой громовой рев, что боги в ужасе шарахнулись кто куда.

Тот проворно нырнул под трон Ра, когда огромная львица со вздыбленной гривой и оскаленной пастью возникла на том месте, где еще мгновенье назад стояла нежная веселая красавица Хатхор... Даже Тефнут в самые худшие ее минуты в нубийской пустыне не выглядела столь кровожадно!

А львица Сохмет, которая только что была богиней Хатхор, громадными прыжками вырвалась из дворца Ра и обрушилась на армию людей, успевшую подойти совсем близко.

Сохмет рвала людей в клочья и с наслаждением пожирала их, она убивала смертных сотнями и тысячами, лакала теплую человеческую кровь и никак не могла напиться вдоволь.

Ра понял, что его дочь перебьет всех людей, если ее не остановить.

— Хватит! Довольно! — закричал он. — Мятежники обращены в бегство, ты можешь вернуться!

— Нет! — прорычала Хатхор-Сохмет, обращая ко дворцу измазанную кровью морду. — Мне нравится убивать, я еще не насытилась кровью этих жалких тварей!

И богиня снова кинулась на людей.

Мятежники бежали во все стороны, они пытались спастись вверх по реке, но Сохмет настигала их повсюду и убивала, убивала, убивала...

Ра понял, что скоро свирепая львица истребит весь человеческий род, и ему придется сотворять людей заново, что в его преклонные годы не так-то просто будет сделать.

— Посоветуйте же кто-нибудь, как ее остановить?! — гневно воззвал Ра к другим богам. — Вы хотели, чтобы Хатхор расправилась с людьми, ну так попробуйте теперь ее образумить, пока не поздно!

Никто из богов даже помыслить не мог, чтобы встать на пути кровожадной убийцы, но хитроумный Тот, который только что выбрался из-под трона Ра, мигом сообразил, как усмирить львицу-людоеда.

Тотчас гонцы помчались на остров Абу и принесли оттуда несколько тысяч мер красного камня диди. Ра велел истолочь камень в порошок, смешать его с самым крепким пивом и разлить темно-красную жидкость в долине, где утомившаяся Сохмет улеглась спать, чтобы с первыми лучами солнца завершить уничтожение человеческого рода.

Утром Сохмет проснулась, увидела вокруг багровые лужи и спросонья приняла их за кровь.

— Отлично, напьюсь-ка я перед работой! — воскликнула она и жадно принялась лакать красную хмельную влагу.

Львица быстро поняла, что жидкость отличается по вкусу от людской крови, но продолжала лакать — так понравился ей напиток. И вскоре Сохмет до того захмелела, что ей стало уже не до убийств.

— Ладно... ик! Так и быть, я подарю уцелевшим людям жизнь, — зевая, пробормотала она. — Пусть... ик... идут на все четыре стороны... А еще лучше — пусть присоединятся к моему пиру, выпивки здесь хватит на всех! А потом мы ик... споем и станцуем... Кстати, где мой любимый систр?

С этими словами Сохмет крепко заснула — чтобы проснуться уже в образе Хатхор, нежной богини любви. Потому что если от любви до ненависти только шаг, то и обратный путь ничуть не длиннее. Недаром у египтян образ

Хатхор то и дело сливается с образом Сохмет, а иногда с ними обеими отождествляется львица-Тефнут.

С тех пор в Египте стал ежегодно отмечаться праздник Сохмет-Хатхор — «Владычицы опьянения». В этот день люди несли к изваяниям богини кувшины с крепким пивом и вином и пели прославляющую ее песню:

— Мерные наши удары — для тебя, Хатхор,
Мы пляшем для величества твоего,
До высот неба
Мы воздаем хвалу тебе.

Ведь ты владычица скипетров,
Владычица ожерелья и систра,
Владычица музыки,
Которая звучит для тебя.

Мы воздаем хвалу величеству твоему каждый день,
С вечера до той поры, когда заря встает над землей,
Мы ликуем пред ликом твоим, повелительница Дендера,
Мы чествуем тебя песнопеньями.

Ведь ты владычица ликованья,
повелительница пляски,
Ты владычица музыки, повелительница игры на арфе,
Ты владычица хороводов, повелительница
плетенья венков,
Ты владычица благовоний, повелительница танцев.

Мы славим величество твое.
Мы воздаем хвалу тебе,
Мы возносим твою славу
Над всеми богами и богинями.

Ведь ты владычица гимнов,
Повелительница книг,
Великая обладательница знаний.
Хозяйка дома писцов.

Мы радуемся величеству твоему каждый день,
Сердце твое ликует, когда внимаешь ты нашим песням.
Мы радуемся, глядя на тебя каждый день, каждый день,
И наши сердца ликуют при виде тебя.

Ты владычица венков, повелительница хороводов,
Владычица беспредельного опьянения,
Мы ликуем перед тобой, мы играем тебе,
И твое сердце радуется тому, что совершаем мы для тебя[7].

Вознесение Ра. Странствие двух ладей

Хотя Ра и удалось расправиться со своими врагами, царствовать дольше над миром стало ему невмоготу. Ра решил удалиться на покой; он снова призвал богов в Великий зал и объявил им о своем намерении.

Как ни просили боги солнечного владыку остаться, Ра был непреклонен, и наконец Нун со вздохом проговорил:

— Что ж, будь по-твоему, сынок. Ты хорошо потрудился и заслужил отдых. Пусть Нут превратится в небесную корову и возьмет тебя на спину, а Шу поднимет вас наверх, как он некогда поднял Нут, оторвав ее от Геба.

Нут послушно превратилась в корову, Ра уселся на ее спину, и Шу вознес их на небеса.

Некоторое время Ра спокойно отдыхал, пока внизу Обеими Землями правил его внук Геб. Но у многодетного Геба слишком много времени уходило на семейные дела, поэтому он сделал своей советницей и правой рукой энергичную богиню справедливости Маат. Целыми днями Геб занимался воспитанием детей (больше всего хлопот доставлял ему буйный строптивый Сет), а Маат тем временем деятельно хлопотала, наводя в мире новый порядок.

Богиня справедливости окружила мир высокими горами, поддерживающими небесную реку, и создала две ладьи: Манджет — дневную и Месктет — ночную. Дневная

ладья, по замыслу Маат, должна была перевозить Солнце с востока на запад, а ночная — доставлять Ра по подземной реке через царство мертвых Дуат обратно на восток, к месту его восхода.

Вскоре обе ладьи были готовы к спуску, теперь дело оставалось за малым: получить согласие Ра.

Ра отнюдь не обрадовался, узнав, что ему на старости лет предстоит столь длинное путешествие. Он долго отнекивался, ссылаясь на морскую болезнь, но упрямая богиня не отставала. Маат заверяла, что странствие на обеих ладьях будет просто приятной прогулкой, что Богу Солнца и делать-то ничего не придется — только сидеть на золотом троне да гордо сиять уреем! В конце концов старый Ра еще немного поворчал и махнул рукой в знак согласия.

Ладья Манджет оказалась очень милым суденышком, правда, несколько перегруженным. Кроме Ра и его золотого трона в плаванье по небесной реке отправились Маат и Хатхор, Тот и Хека, Онурис и Шу. Места на веслах заняли дюжие боги Ху, Сиа, Сехем и Хех[8] — и ладья пустилась в свой первый рейс.

Сначала все шло как по маслу. Ра успел даже задремать на золотом троне, но вскоре его сон был грубо прерван: едва Манджет достигла середины небосклона, как из небесной реки вынырнул старый знакомец Ра, змей Апоп, и с шипением вцепился зубами в борт. Со времени стародавней битвы с Богом Солнца Апоп залечил раны, стал в два раза длиннее и явно жаждал реванша.

— И это ты называешь приятной прогулкой, Маат?! — возопил Ра, от толчка чуть не свалившись с трона. — Да это же Апоп! Откуда он тут взялся?! — протерев глаза и признав старого противника, ахнул бог. — Бей его, друзья! Бей ползучего гада!

Шу, Анурис, Маат и Тот и без того лупили Апопа и в хвост, и в гриву. Ра со своего трона подбадривал сражающихся криками, время от времени обжигая Апопа лучами урея. Перевес был явно на стороне экипажа ладьи, и в конце концов гигантский змей нырнул обратно в реку, прихватив в качестве сувенира кормовое весло.

— Уф, давно уже я так не развлекался! — потирая руки, проговорил Ра. — Но все-таки, Маат, я надеюсь, впереди нас поджидает немного подобных сюрпризов?

— Да, владыка! То есть, нет... Конечно, нет! Не понимаю, откуда здесь взялся этот реликт! — поправляя разорванное схенти, виновато откликнулась Маат. — Но больше подобного не повторится, клянусь твоим сияющим Оком! Вот увидишь, наш дальнейший путь будет приятен и легок, как путь пушинки на нежном ветру!

— Гхм, — с сомнением пробормотал Ра и снова задремал.

Его разбудил дикий многоголосый вопль, подбросивший Бога Солнца на локоть в воздух:

— Сотворил ты павианов,
Да поют они тебе,
Да пляшут они перед тобою,
Да восклицают они восхваления тебе!!![9]

— А? Что такое? — пробормотал Ра, судорожно протирая урей.

— Тебя приветствуют священные горные павианы, великий владыка! — льстиво пояснила Маат, с трудом перекрикивая пение обезьян. — Ладья уже причалила к западным горам, соблаговоли теперь перейти в ладью Месктет, которая доставит нас в подземный мир!

— Да-да, конечно! — забормотал Ра, поспешно слезая с трона. — Пойдемте скорей в подземный мир, пойдемте куда угодно, только бы эти ужасные животные не последовали за нами!

Ра и его экипаж заняли место в ладье Месктет, врата Загробного Мира закрылись за ее кормой, и хор павианов стих.

Ра облегченно вздохнул, опустил ладони, прижатые к ушам, — и вдруг заметил, что вокруг его трона обвивается чудовищный змей.

— Апоп! — взвизгнул Ра, направляя на змея урей, но Маат поспешно успокоила:

— О нет, владыка, не волнуйся! Это гигантский змей Мехен-та, который будет охранять нашу ладью во время плаванья через Дуат. Мехен-та и волк Упуаут позаботятся о том, чтобы в Дуате твой покой никто не посмел потревожить!

Ра скептически хмыкнул, подозрительно посмотрел на волка Упуаута, который, ковыряя зубочисткой в острых зубах, занял место на носу ладьи, но ничего не сказал. Гребцы Ху, Сиа, Сехем и Хех сильнее налегли на весла — и ладья скользнула во мрак и безмолвие подземного мира.

Вскоре Ра убедился, что в Дуате царит куда больший порядок, чем на небесах: вся подземная река была перегорожена воротами, ладья Месктет то и дело останавливалась перед очередной преградой. Как пояснила Маат, всего подземных врат было двенадцать, и Ра не рискнул спросить, от кого охраняют Дуат их мощные створки.

Впрочем, пока вокруг было тихо и мирно, только гребцы Ра время от времени зычно окликали привратников, да лязгали массивные запоры, да раздавался вдали чей-то заунывный плач...

Престарелый бог, убаюканный мерным движением ладьи, снова начал клевать носом, но сон его как рукой сняло, едва ладья Месктет доплыла до захоронений.

Умершие толпами высыпали из гробниц, приветствуя солнечного владыку, и орали они еще кошмарнее, чем павианы.

— Слава тебе, Ра! — горланили мертвецы. —
Поклоняются тебе обитатели Дуата.
Восхваляют они тебя, грядущего в мире <...>
Ликуют сердца подземных,
Когда ты приносишь свет обитающим на Западе.
Их очи открываются, ибо они видят тебя.
Полны радости их сердца,
Когда они смотрят на тебя,
Ибо ты слышишь молитвы лежащих в гробах,
Ты уничтожаешь их печали

И отгоняешь зло от них прочь.
Все спящие поклоняются твоей красоте,
Когда твой свет озаряет их лица.
Проходишь ты, и вновь покрывает их тьма,
И каждый вновь ложится в свой гроб!..*

— Давно пора! — с надеждой откликнулся Ра на последнюю строчку. — Нет, Маат, этим путешествием ты загонишь в гроб меня самого, честное слово!

— Тебе не понравился гимн, владыка? — удивилась Маат, делая пометки в свитке папируса. — Хорошо, тогда мы изменим слова!

Ра затрясся от гнева и испепелил бы ее уреем, будь Маат смертной женщиной, а не богиней.

А ладья плыла дальше мимо гробниц, и все новые умершие высыпали из своих саркофагов, чтобы поприветствовать Бога Солнца. Только в четвертой долине Дуата звуки сводного хора мумий затихли вдали, вновь воцарилась блаженная тишина, и Ра принялся считать ворота в нетерпеливом ожидании конца путешествия.

Вот впереди показались последние, двенадцатые врата подземного мира, Ра облегченно вздохнул... Но вдруг ладью тряхнул мощный толчок, от которого волк Упуаут проглотил свою зубочистку.

— Что случилось? Почему встали? — осведомился Ра.

— О владыка, змей Апоп выпил всю воду из подземной реки, — дрожащим голосом отозвалась Маат.

— Апоп? Снова он? Откуда здесь взялся этот супостат? И на что тогда нужны все эти ворота, если любой гад может через них проползти?!

Маат ничего не успела ответить на гневные вопросы солнечного владыки: перед ладьей взвихрился песок, и неутомимый реваншист Апоп с жутким шипением вдохновенно ринулся в бой.

Вновь закипела жестокая схватка, в которой особенно отличились Упуаут, Шу и Сехем. Бог Магии Хека предпочитал держаться в стороне от драки, он поражал противника словесно, приговаривая заклинание:

— Сгинь, Апоп! Пропади, Апоп! Сгинь, Апоп! Пропади, Апоп! Это Ра и его Ка, это фараон и его Ка. Прибывает Ра — могучий. Прибывает Ра — сильный. Прибывает Ра — возвышенный...

— Что это с ним? Никак, заговаривается! — озабоченно заметил Ра.

— Прибывает Ра — великолепный. Прибывает Ра — ликующий... —

громко восклицал Бог Магии.

— Конечно, я ликую! — Ра с трудом увернулся от стремительного выпада Апопа. — С чего бы мне не ликовать — я всю жизнь мечтал о таком спокойном и мирном отдыхе!

— ...Прибывает Ра — прекрасный. Прибывает Ра — царь Верхнего Египта, —

продолжал причитать Хека. —

Прибывает Ра — царь Нижнего Египта. Прибывает Ра — божественный. Прибывает Ра — правогласный...[10]

То ли это заклинание лишило противника сил, то ли Апоп еще не полностью оправился после небесной схватки, но вскоре ползучего агрессора пронзили копьями, заставили изрыгнуть всю проглоченную воду, и ладья последовала дальше.

Весь оставшийся путь Ра хранил гордое молчание.

Он ничего не сказал, даже когда ладью окружили утопленники, оставшиеся без погребения и лишенные скудных радостей загробной жизни. Ра небрежным взмахом руки даровал им погребение, о котором они молили, хмуро посмотрел на Маат, но никак не прокомментировал сей инцидент. В том же гордом молчании Бог

Солнца выслушал объяснение Маат, что их ладья должна проплыть сквозь утробу исполинского змея, чтобы снова попасть из Дуата на небо. Без единого слова Ра вынес малоприятное путешествие сквозь внутренности гигантского пресмыкающегося, рядом с которым Апоп и Мехен-та казались просто земляными червяками...

Только покинув причалившую к краю неба ладью и смыв с себя в ближайшем озере следы пребывания в змеиной утробе, Ра в сердцах изрек:

— Да чтобы я еще когда-нибудь принял участие в твоих увеселительных поездках, Маат! Чтобы я еще раз внял твоим уговорам!..

...С тех пор Ра каждый день странствует по небосводу в ладье Манджет, а ночью пересекает Дуат в ладье Мескетет, вновь и вновь сражаясь с недобитым злодеем Апопом.

Иногда Апопу удается временно одержать верх над Ра — тогда на Египет налетает буря, порой же Апоп исхитряется даже проглотить небесную ладью — и наступает солнечное затмение. Но потом солнце показывается снова, Апоп в который раз обращается в бегство, а экипаж Ра продолжает свой путь, распевая гимн, который сочинила Маат:

— Обессилены дети восстания,
Ибо стал Ра владыкой над ними,
Пали подлые под ножом его,
И змей изрыгнул поглощенное.
Восстань же, о Ра, в святилище своем!
Силен Ра,
Слабы враги!
Высок Ра,
Низки враги!
Жив Ра,
Мертвы враги!
Сыт Ра,
Голодны враги!
Напоен Ра,

Жаждут враги!
Вознесся Ра,
Пали враги! <...>
Есть Ра,
Нет тебя, Апоп!*

— Завтра я покажу вам, есссть я или нет, — шипит Апоп, уползая в Дуат залечивать раны. — Завтра я сссдеру урей ссс вашшего ссстарикана Ра!

Но поскольку Апоп всегда грозится и ругается в прозе, его слова не имеют такой силы, как вдохновенный боевой гимн богини Маат.

Царствование Осириса и заговор Сета

Первым ребенком, которого Нут родила в посвященные Ра дни, был Осирис.

Осирис возвестил о своем появлении на свет звонким плачем, и на плач его тотчас откликнулся голос с небес:

— Вот пришел в мир Осирис, повелитель земли, великий владыка, призванный творить добро!

Брат Осириса Сет, еще в утробе матери мечтавший о власти, нетерпеливо рвался наружу, но лишь на третий день ему удалось пробить дыру в материнском боку и выйти.

Длинноухий, красноглазый, рыжеволосый Сет испустил вопль ярости, узнав, что Осирис опередил его и по праву первородства стал наследником их отца Геба.

На четвертый день Нут родила Исиду (которую часто считали дочерью Тота, а не Геба), а на пятый день — богиню Нефтиду, будущую покровительницу умерших.

Когда дети Нут выросли, Исида, богиня домашнего очага и великая чаровница, стала женой Осириса, а ее сестра Нефтида вышла замуж за Сета.

Геб процарствовал 1773 года, после чего ему наследовал Осирис, сделавшийся владыкой Верхнего и Ниж-

него Египта. В отличие от Ра и Геба, не очень-то обращавших внимание на людей, Осирис деятельно взялся за организацию жизни смертных. Он научил людей ирригации и культурному землепользованию, установил справедливые законы, с помощью Тота обучил египтян письму, внедрил в Обеих Землях разные ремесла, позаботился о развитии рудного дела и металлургии.

Осирис и его правая рука Тот привели Египет к процветанию, и люди не уставали славить доброго царя:

— Слава тебе, Осирис,
Владыка вечности, царь богов!
Многоименный,
Дивный образами.

...Растут растения по воле его,
И родит ему поле пищу.
Покорно ему небо и звезды его,
И открыты ему врата великие.
Владыка восхвалений в небе южном
И прославлений в небе северном!..

Наведя порядок в Верхней и Нижней Землях, Осирис оставил царствовать в Та-Мери свою супругу Исиду, а сам отправился в другие страны, чтобы и тамошние дикие народы научить уму-разуму...

И все это время Сет завистливо следил за успехами брата, вынашивая мечты о захвате власти. Он бы завладел троном Осириса в его отсутствие, но Исида, зная коварную натуру Сета, бдительно следила за братом, и богу пустынь и раскаленных ветров приходилось, скрежеща зубами, дожидаться подходящего случая.

Этот случай настал, когда Осирис завершил свою цивилизаторскую миссию и вернулся в Египет. Пока Осирис отсыпался с дороги, слуги Сета прокрались в его дом и сняли со спящего бога мерку. По этой мерке искуснейшие мастера изготовили деревянный сундук, изукрашенный золотом и драгоценными камнями.

Вскоре Сет устроил у себя во дворце роскошный пир; были приглашены Осирис и множество других гостей. Исиды в числе приглашенных не было: избавившись от хлопот, связанных с управлением страной, богиня отправилась навестить старика Ра.

Пир был в самом разгаре, когда Сет велел вынести сверкающий украшениями сундук. Все пирующие глаз не могли оторвать от чудесной вещи, а хозяин предложил веселое развлечение: пусть все по очереди ложатся в сундук — кому он придется впору, тот и получит его в подарок.

Забава пришлась разгоряченным вином гостям по вкусу.

Один за другим все ложились в великолепный ящик, но каждый раз оказывалось, что он либо слишком короток, либо слишком узок, либо слишком широк... Потому что с самого начала это сокровище было задумано как гроб для царственного брата Сета, — но знали об этом только сам Сет да еще несколько примкнувших к нему заговорщиков. Даже свою жену Нефтиду злодей не посвятил в заговор, зная, что она не позволит причинить зло их брату Осирису.

Но вот наконец очередь дошла до самого Осириса — и как только он лег в сундук, Сет подал знак сообщникам, которые быстро захлопнули крышку, заколотили ее и бросили гроб в устье Нила.

— Наконец-то!!! — от торжествующего крика Сета знойная буря пронеслась по всему Египту. — Теперь я — царь!!!

Странствия Исиды

Исида, сестра и жена Осириса, услышала радостный вопль Сета, бросилась искать своего мужа, но нигде не могла его найти. Напрасно она ломала руки и звала:

— Я — женщина,
прекрасная для своего мужа,
Жена твоя, Сестра твоя,
Приди ко мне скорее!
Потому что я жажду узреть тебя
После того, как не видела лица твоего.
Тьма вокруг нас, хотя Ра на небесах.
Небо смешалось с землей.
Тень легла на землю.
Сердце мое горит от злой разлуки.
Сердце мое горит, потому что стеною
отгородился ты от меня,
Хотя не было зла во мне.
Оба наши города разрушены, перепутались дороги,
Я ищу тебя, потому что жажду видеть тебя.
Я в городе, в котором нету защитной стены.
Я тоскую по твоей любви ко мне.
Приходи! Не оставайся там один!
Не будь так далек от меня![11]

Нефтида тоже тщетно искала Осириса, пока наконец дурные подозрения не заставили ее допросить с пристрастием слуг своего буйного мужа.

И тогда Нефтида узнала, что лишилась брата, а Исида — что стала вдовой.

С горестным криком обе сестры обратились в птиц: одна — в птицу Хат[12], другая — в соколицу и полетели искать гроб с телом Осириса.

Но гроба уже не было в Египте: воды Нила вынесли его в море, и волны прибили сундук к побережью, где стоял великий финикийский город Библ. Выброшенный прибоем на сушу гроб остался лежать возле маленького ростка тамариска; год проходил за годом, побег тамариска разросся в могучее дерево, и последнее пристанище Осириса оказалось заключенным внутрь ствола. По прошествии еще нескольких лет царь Библа увидел великолепный тамариск, повелел срубить его и сделать из него колонну для своего дворца... Лишь тогда Исида, все это время

странствовавшая в поисках тела мужа, добралась наконец до Библа.

При помощи заклинаний она узнала, где находится тело ее возлюбленного супруга, извлекла гроб из тамарисковой колонны, привезла в Египет и спрятала в дельте Нила, в густых зарослях камыша.

Вместе с Исидой горько оплакивала Осириса и Нефтида — оплакивала не только как брата, но и как возлюбленного... Потому что жена Сета уже давно любила Осириса не только сестринской любовью. Однажды, приняв облик Исиды, она даже заняла место жены Осириса на его ложе — сыном этой ночи стал бог Анубис с головой шакала, неумолимый страж загробного мира, полночный ужас осквернителей могил.

Исида давно простила сестру, горе сблизило несчастных богинь, и теперь они вместе рыдали о погибшем:

— О прекрасный юноша, приди в свой дом!
Давно уже, давно мы не видим тебя!
О прекрасный сотрясатель систра, приди в свой дом!..
Прекрасный юноша, ушедший безвременно,
Цветущим, не во время свое!..
Владыка, владыка, вознесенный над его отцами,
Первенец тела его матери!
Да вернешься ты к нам в прежнем образе своем,
Да обнимем мы тебя,
Да не удалишься ты от нас!
Прекрасноликий, многолюбимый!..
Да придешь ли ты в мире, владыка наш,
Да увидим мы тебя!
Да соединишься ты с нами, подобно мужу!..
Да придешь ты в мире, старший сын своего отца!..
О душа, да живешь ты снова!
Обе сестры защищают твое тело...
О прекрасный сотрясатель систра, приди в свой дом!*

Но ни эти причитания, ни могучее волшебство Исиды не могли оживить умершего.

Поиски частей тела Осириса. Рождение Гора

Исида и Нефтида думали, что ничего хуже смерти Осириса уже не может случиться — но вскоре грянула новая беда.

Когда обеих богинь не было поблизости, Сет, охотившийся на берегу Нила, нашел в камышах хорошо знакомый ему сундук, открыл и увидел мертвого брата. Ярость обуяла злого бога при виде тела Осириса, Сет вытащил меч и, разрубив труп на двенадцать частей, разбросал их по всему Египту.

— Давай, поищи теперь своего муженька, Исида! — с хохотом прокричал Сет.

Исида, Нефтида и Анубис пустились на поиски разрубленного тела Осириса. На протяжении двенадцати дней пахоты были найдены и сложены все части тела убитого бога — за исключением фаллоса, который сожрали рыбы. Казалось, потеря была безвозвратной, но Исида не растерялась: вылепила фаллос из глины и прирастила его к собранному телу.

Потом Исида, Нефтида и Анубис забальзамировали тело Осириса, и к тому времени, как на небе вновь появился Сириус, мумия была готова[13].

— Приди ко мне, владыка мой! — взмолилась тогда Исида.

Да увижу тебя сегодня!
О брат, приди, да увидим тебя!
Руки мои простерты приветствовать тебя,
Руки мои подъяты, подъяты, чтоб защищать тебя!..
Приди же к жене своей в мире!
Сердце ее трепещет от любви к тебе!*

Так в тоске причитала Исида, но тщетно — мертвец оставался мертвецом.

И все же любовь Исиды была так сильна, что она сумела зачать ребенка даже от мумии Осириса. Превратившись в

птицу Хат, богиня обняла крыльями забальзамированное тело мужа, произнесла магические слова...

И магия не подвела, не подвел и новый фаллос Осириса — Исида забеременела Гором.

Когда богиня поняла, что в ней бьется новая жизнь, сердце ее переполнилось ликованием, гордостью и тревогой. Воздев руки к лучезарному Богу Солнца, она звонко крикнула:

— Во мне зреет плоть от плоти Осириса, наследник его, господин Обеих Земель! Защити его, Ра! Пусть вырастет мой сын могучим и сильным, пусть отомстит он за смерть своего отца! Защити его, Ра! Пусть станет мой сын владыкой богов, пусть он убьет ненавистного Сета!

Неизмеримо далеко от земли была небесная ладья Ра, но все же Бог Солнца услышал страстную мольбу Исиды.

— Да явится владыка богов на землю! — раздался голос с небес. — Да не погубит Сет сына так же, как он погубил отца!

И в бурную ночь в поросших камышом болотах Дельты Исида родила прекрасного младенца, которому суждено было стать мстителем за предательски убитого Осириса.

Трудное детство Гора

Исида слишком хорошо знала своего престарелого прадедушку Ра, чтобы надеяться, что он будет надежной защитой ее новорожденному сыну.

Поэтому она спрятала Гора в самых непроходимых болотах Дельты; там она построила папирусный шалаш и покидала сына только для того, чтобы раздобыть еды в ближайших деревнях. Исиде нетрудно было зарабатывать на пропитание себе и своему малышу: знание магии помогало ей лечить людей и скот, а местные жители охотно давали ей за это хлеб, рыбу и молоко.

Но вот однажды, вернувшись в шалаш, Исида с ужасом увидела, что ее ребенок задыхается и хрипит.

Исида подхватила малыша на руки и, забыв об осторожности, стала громко звать на помощь людей, но никто из сбежавшихся на ее крик жителей не знал, как помочь больному младенцу. А сама богиня, славившаяся искусством врачевания, тоже растерялась и не знала, что делать. Она не понимала, что происходит с ее сыном, и в отчаянии причитала:

— Я знаю, это Сет погубил ребенка! Злой Сет, убивший моего мужа, теперь добрался и до сына моего, невинного малютки!

На горестный плач Исиды из камышей вышла Богиня Дельты, владычица этих мест.

— Успокойся, не Сет повинен в том, что творится с малышом, — сказала богиня рыдающей Исиде. — Сет не появлялся в моих владениях. Должно быть, младенца ужалила змея или укусил скорпион!

Исида принюхалась к дыханию ребенка и поняла, что он и впрямь укушен скорпионом. Великая чаровница сейчас же пустила в ход все свое врачебное искусство, но яд уже слишком глубоко проник в кровь Гора, и ему становилось все хуже.

Тогда Исида вскричала страшным криком, обращая вопль к Ладье Бесконечности, равнодушно свершающей свой путь по небесной реке:

— Ужален Гор, ужален Гор, о Ра! Ужален твой сын!
Ужален Гор, ужален Гор, наследник наследника,
преемник царства Шу!
Ужален Гор, ужален Гор, юноша Дельты,
чудесный младенец Дома Князя!
Ужален Гор, ужален Гор, младенец прекрасный,
золотой, дитя невинное, сирота!..
...Ужален Гор, ужален Гор, о ком я ликовала,
ибо видела в нем мстителя за отца!
Ужален Гор, ужален Гор, страдавший в своем тайнике,
опасавшийся еще во чреве своей матери!
Ужален Гор, ужален Гор, на которого я спешила
взглянуть! Как мне будет дорог тот, кто его оживит!*

Так вопила Исида, моля Ра о помощи — и вдруг небесная ладья остановилась, прервав свое неуклонное движение по небосводу... Но не владыка солнца предстал перед измученной матерью, а мудрый Тот.

— Не отчаивайся, — обратился к Исиде бог-врачеватель, — я помогу твоему малышу. Ладья Манджет не двинется с места, пока не будет исцелен маленький Гор!

— О Тот, хотя и велико твое сердце, но как медленно свершаются твои намерения, — зарыдала богиня, сжимая в объятьях сына. — Разве не пришел ты, снабженный своими чарами и великими указами оправдания?.. А смотри — Гор в мучении от яда! Это — беда, а еще раз — это смерть!*

Так рыдала Исида, но Тот волшебными словами извлек яд из крови Гора, и младенец заснул спокойным здоровым сном.

— Теперь все в порядке, — сказал Тот, укладывая ребенка в колыбель. — Жители Дельты будут присматривать за твоим малышом, чтобы впредь не случилось подобной беды. Кроме того, я приставлю к тебе для охраны семь божественных скорпионов. Пока они будут с вами, никто из их сородичей не причинит вам зла. Но все-таки тебе лучше перебраться в другое место, Исида: ты кричала так громко, что тебя мог услышать не только я, но и коварный Сет... Мне же пора возвращаться на Ладью, пока не проснулся старый Ра!

— Как? Разве не солнечный владыка послал тебя спасти моего сына? — поразилась Исида.

— Было б странно, если бы он это сделал! — ухмыльнулся Тот. — Помнишь, как недавно ты наслала на старика змею, чтобы выведать тайное имя Ра и получить над ним власть? Помнишь, как ты ни за что не хотела ему помочь, пока терзаемый болью Ра не выдал тебе свое настоящее имя?[14]

Так неужели ты думаешь, что старик согласился бы помочь твоему сыну теперь, когда с ним случилась подобная беда?

Исида потупилась, не находя ответа.

— Нет, я просто усыпил весь экипаж Манджет волшебным заклинанием, и, наверное, они до сих пор спят, — подмигнул Тот. — Поэтому мне лучше скорее вернуться на Ладью и разбудить богов, пока Манджет не прибило к берегу небесной реки, или пока ее не проглотил Апоп, или пока не случилось еще что-нибудь ужасное!

С этими словами Тот вернулся в Ладью Вечности, и вскоре она продолжила свое неторопливое движение по небосводу.

Семь скорпионов Тота

Исида решила послушаться совета мудрого бога и перебраться вместе с маленьким Гором в другое место Дельты.

Поздним вечером она с ребенком на руках вышла из шалаша и двинулась в путь, опасливо поглядывая на свою грозную свиту: скорпионы Петет, Четет и Матет шествовали впереди нее, скорпионы Местет и Местетеф шли по бокам, а скорпионы Тефен и Бефен замыкали шествие. Однако стражи, приставленные к Исиде Тотом, вели себя дружелюбно, и мало-помалу Исида привыкла к своим необычным спутникам.

Она шла, беседуя со скорпионами, и подыскивала спокойное место, где Сет не добрался бы до ее сына. Уже под утро усталая Исида вошла в маленький городок, за которым простирались безлюдные, поросшие камышом болота.

— Там я и поселюсь, — сказала своей диковинной свите богиня. — Но сначала мне нужно немного отдохнуть и покормить малыша Гора!

Исида постучала в первый попавшийся дом и попросила разрешения войти, однако жившая в доме богатая женщина ответила на просьбу грубой бранью: вот еще, будет она открывать дверь перед всякими грязными нищенками!

— Убирайся вон, бродяжка, не то я спущу на тебя собак! — крикнула богачка.

Все семь скорпионов возмущенно задрали хвосты, но Исида безропотно пошла прочь и постучала в другой дом, где жила бедная, но добрая девушка. Двери этого дома сразу распахнулись перед богиней, там она смогла отдохнуть и подкрепиться небогатым угощением, которое поставила перед ней гостеприимная горожанка.

Тем временем семь скорпионов совещались за дверью, решая, как наказать злую женщину за грубый прием, оказанный их хозяйке. Наконец шестеро скорпионов поделились своим ядом с Тефеном, а тот прополз под дверью богатого дома и стал рыскать по комнатам в поисках жертвы. Он с удовольствием ужалил бы саму женщину, но, не найдя ее, вонзил жало в ее сына.

Несчастная закричала единым криком со своим ребенком; она выбежала на улицу и стала стучаться во все дома, прося людей помочь ее мальчику, но надменную богачку никто не любил, ни одна дверь не открылась на ее просьбы.

Только Исида прибежала на крик и, узнав, в чем дело, грозно крикнула своим скорпионам:

— Как могли вы поступить так с несчастным ребенком?! Я-то знаю, что чувствует мать, глядя на умирающего сына!

Семеро скорпионов виновато потупились.

— Скорей проводи меня к ребенку, — велела Исида плачущей женщине. — Я вылечу его!

Исида возложила руки на умирающего малыша, прочитала заклинание, натерла место укуса солью, смешанной с чесноком, и приложила припарку из ячменного хлеба. Так недавно лечил Тот ее ребенка, точно так же теперь она вылечила чужого.

С тех пор для защиты дома от скорпионов и змей стали ставить охранные стеллы с высеченной на них историей про Исиду и про семь скорпионов Тота.

> О, живо дитя! И мертв яд! Жив Ра! И мертв яд! Как был исцелен Гор для матери своей Исиды, так исцелится и тот, кто страдает! ...Ячменный хлеб уничтожил яд, и он ушел. Соль же с чесноком отвратила жар и изгнала его из тела[15].

Битвы Гора и Сета

Исида недаром так старалась выведать тайное имя Ра — узнав это имя, она обрела великую силу, которую передала своему сыну Гору.

И вот Гор вырос, возмужал и, прибавив к собственной силе могущество Ра, бросил вызов узурпатору Сету.

Но Сет тоже был невиданно силен, к тому же стократно приумножил свою мощь, сопровождая ладью Ра, совершенствуя боевые навыки в непрестанных сражениях с гигантским змеем Апопом.

— Куда тебе до Апопа, сосунок! — гаркнул он, презрительно смерив взглядом юного племянника. — Сперва подрасти, змееныш, а потом пробуй тягаться со мной!

С этими словами он вырвал глаз Гора, обратив юношу в бегство. По своей старой привычке Сет разрубил глаз — на этот раз не на 12 частей, как тело Осириса, а на 64 части, и разбросал куски по всей египетской земле.

Однако Тот, постоянный покровитель Гора, опять пришел на помощь своему любимцу: собрав все куски, он вернул ему целое и невредимое Око. Мало того, новое Око Гора обладало магическими свойствами и смогло сделать то, что не под силу было совершить даже великой волшебнице Исиде.

Гор вложил Око в рот мертвого отца, и случилось чудо: Осирис воскрес!

Вся природа ликовала, встречая ожившего бога, буйно зеленела трава, а Исида с Нефтидой чуть не задушили воскресшего брата, мужа, возлюбленного в своих объятьях.

Но Осирис не остался на земле: он завещал египетский трон сыну, а сам спустился в подземное царство Дуат, чтобы стать царем Загробного Мира. Долгие годы смерти изменили Осириса — слишком яркое солнце слепило ему глаза, цветы и деревья больше не радовали его, кротость благого бога уступила место жажде мести. Новый владыка Дуата взял с сына клятву, что тот отомстит за него, и Гор охотно поклялся, потому что сам рвался в бой.

Вновь и вновь Гор и Сет сходились на поле битвы, причем Сет часто превращался в разных животных, пытаясь испугать своего молодого противника. Но Гор уже набрался боевого опыта и бесстрашно лупил узурпатора по морде, какой бы она не была — ослиной, змеиной или крокодильей. Однажды он даже проткнул копьем Сета, превратившегося в гиппопотама, и разрубил его тушу на мелкие куски, отплатив любителю расчлененки той же монетой.

Однако Гор поленился разбросать куски во всему Египту, поэтому Сет через некоторое время опять предстал перед изумленным сыном Осириса живым и невредимым и со словами: «Пустяки, простая царапина!» — снова бросился в бой.

Так продолжалось почти восемьдесят лет, и наконец непрестанные битвы надоели обоим богам. Тогда Гор и Сет решили вынести свой спор на суд Великой Девятки: пускай Эннеада решит, кому из них следует унаследовать трон Осириса и стать властелином Египта.

Тяжба Гора и Сета

Великая Девятка под председательством Ра собралась в Гелиополе, и Тот, обращаясь к Богу Солнца, попросил:

— Владыка, рассуди, кому должен принадлежать трон Осириса и животворное Око — его сыну Гору или же его брату Сету?

С этими словами Тот протянул Богу Солнца Око, вернувшее жизнь Осирису, — символ власти над Обеими Землями.

Ра взял Око и глубоко задумался — а может быть, задремал.

Боги долго ждали слова старого Ра, пока наконец Шу, потеряв терпение, не воскликнул:

— По справедливости трон должен принадлежать Гору! Правда, о владыка?

— Истинная правда! — подхватил Тот и замигал другим богам Девятки, прося поддержки.

Вся Девятка дружно закивала, и Исида, видя, что боги на ее стороне, ликующе воскликнула:

— Северный ветер, лети в Дуат, обрадуй моего мужа — трон будет принадлежать нашему сыну!

Увы, слишком рано обрадовалась богиня и слишком громко она закричала! Ее возглас разбудил старика Ра, уснувшего с Оком в руках. Бог Солнца вздрогнул, проснулся, взглянул на Исиду и, должно быть, вспомнил ее давнишнюю проделку со змеей.

— Назад! — раздраженно гаркнул он северному ветру, уже рванувшемуся выполнять поручение. — Кто здесь командует — эта соплячка или я? Я считаю, что Око надо отдать Сету! У младенца Гора еще не сбрит локон юности, где уж ему управлять Египтом, кха-кха! К тому же он — незаконный сын Осириса, потому что родился уже после его смерти...

Возмущенный гомон Девятки не дал ему договорить. Боги галдели до тех пор, пока утомленный Ра не предложил послать за всеми уважаемым богом плодородия Банебджетом, живущим на острове Сетит, чтобы вынести дело на его третейский суд.

Банебджет явился на зов Эннеады, но при виде свирепых лиц Сета и Гора, уже приготовившихся к новой драке, не захотел встать между противниками и получить удар в оба уха. Вместо себя на роль третейского судьи он выдвинул кандидатуру богини Нейт[16], и Тот, со всеобщего согласия, отправил послание в Элефантин, запрашивая мнение воинственной богини по этому трудному вопросу.

Ответ Нейт последовал быстро: «Трон Осириса должен получить Гор! А Сет может в утешение взять в жены парочку дочерей Ра, раз от бедняги сбежала его жена Нефтида».

— Слава премудрой Нейт! — в один голос воскликнула Девятка, когда Тот огласил это письмо.

Возможно, на том бы и закончился многолетний раздор Сета и Гора, если бы не стариковское упрямство Ра.

— Никогда Гор не получит трон Осириса! — прокашлял Ра. — Разве под силу царствовать тому, кому еще не исполнилось двух сотен лет?

Девятка разразилась негодующими криками, но это лишь еще сильнее разозлило старика. Бог Солнца заявил, что раз с его мнением здесь не считаются, он вообще не желает разговаривать ни с кем из Девятки! С этими словами Ра демонстративно улегся на землю, повернувшись к Эннеаде спиной.

Так старик пролежал много дней, несмотря на радикулит, полученный во время странствования на Ладьях; только к исходу месяца веселая Хатхор сумела развеселить отца песней и плясками и уговорить его сменить гнев на милость. Держась за поясницу, Ра снова занял место в судейском кресле, однако после этого разбирательство не пошло быстрее.

Мало того — вслед за Гором и Сетом перессорились все остальные боги: теперь потолок Великого зала так и дрожал от брани, взаимных попреков и оскорблений. Сет во всеуслышанье шантажировал судей, крича, что он никогда больше не поплывет ни на небесной, ни на подземной Ладьях, если трон не будет отдан ему.

— Посмотрим, как без меня вы справитесь со змеем Апопом! — встряхивая огненно-рыжей гривой, орал шантажист.

— Нет-нет, только не это! — охнул Ра, вспомнив, что лишь в присутствии Сета плаванье проходило более-менее гладко. — Конечно, трон Осириса должен принадлежать тебе, ведь ты такой могучий и опытный воин!

— Опытный интриган! — крикнул Шу.

— Узурпатор! — поддержал его Геб.

— Потрошитель! — добавил Тот.

И страсти забушевали с новой силой. Не на шутку разошедшиеся боги во всеуслышанье поливали друг друга нецензурной бранью; от одного особенно крепкого словца, вырвавшегося у Ра, даже невозмутимый секретарь суда выронил из рук камышовое перо.

— И это говорит тот, кто обещал сделать моего сына владыкой Обеих Земель! — всплеснула руками Исида.

Ра, вспомнив свое давнишнее обещание, почесал за ухом и сконфуженно потупился. Н-да, кажется, он и в самом деле еще до рождения Гора сулил ему что-то подобное...

Сет сразу уловил колебания старика и понял, что его царский сан висит на волоске.

— Как Исида смеет попрекать тебя, о владыка?! — громогласно вопросил он. — Пусть ее выведут отсюда, прежде чем разбирательство будет продолжено! — и, видя, что Ра продолжает колебаться, Сет поспешно добавил: — Если Исида останется здесь, ноги моей не будет на палубе твоих Ладей! Или я — или она!

И как Исида ни протестовала, ее выдворили из зала суда — после чего Эннеада решила перенести заседание на священный остров посреди Нила, куда мать Гора уже не сможет добраться.

Продолжение тяжбы. Хитрость Исиды

Итак, боги переправились на островок посреди Нила, строго-настрого приказав перевозчику, богу Анти, не доставлять на остров никаких женщин.

Но Исида, приняв облик древней старухи, соблазнила жадного Анти золотым кольцом и все-таки уговорила переправить ее на остров.

В это время боги как раз прервали судебное заседание и пировали в пальмовой роще. Воспользовавшись тем, что Сет, покинув компанию, удалился в кусты, Исида приняла облик прекраснейшей из женщин и как бы невзначай попалась злодею на глаза. Она была так прекрасна, что Сет сразу воспылал к ней страстью, даже не задавшись вопросом, откуда эта красотка могла взяться на безлюдном священном островке.

— Уединись со мною, красавица! — потребовал Сет. — Мое сердце горит от любви к тебе!

— А мое сердце полно печали, — грустно отвечала Исида. — Я была женой пастуха и родила ему сына, но когда мой муж умер, чужеземец отнял у сына стада и прогнал его вон, угрожая побоями. Муж мой мертв, и некому заступиться за меня и за моего мальчика!

— Я заступлюсь за вас! — пообещал Сет, ударив себя кулаком в грудь. — Где это видано, чтобы добро отдавали чужеземцу, если у хозяина добра есть наследник? Скот[17] должен принадлежать твоему сыну, красавица, несомненно!

С торжествующим криком Исида превратилась в птицу Хат, взлетела на вершину высокого дерева и крикнула:

— Ты сам вынес себе приговор, глупый Сет! Сан должен быть возвращен моему сыну, ты сам это только что сказал!

Все боги онемели от изумления.

— Ну вот и конец тяжбе, — с облегчением промолвил Ра. — Ты вынес себе приговор, Сет, и теперь ты должен...

— Ничего я не должен! — оправившись от неожиданности, негодующе взревел Сет. — Эта двуличная тварь обманула меня! А со взяточника Анти, который переправил ее на остров, я всю шкуру спущу, или я больше не бог!

Состязание Гора и Сета. Переписка с Осирисом. Конец распри

Перевозчика Анти крепко поколотили палками, на всю жизнь внушив ему отвращение к золоту[18], но эта месть не утолила ярости буйного Сета. Он бушевал до тех пор, пока Ра не предложил ему и Гору решить спор в честном поединке — только в спортивном, а не военном.

— Превратитесь оба в гиппопотамов и нырните в Нил, — велел солнечный бог. — Кто пробудет под водой меньше трех месяцев, тот проиграет тяжбу, а выигравший получит трон Осириса.

«Пусть пробудут под водой как можно дольше, — подумал старый Ра. — А я тем временем немного отдохну

от их бесконечных дрязг. Уж из-под воды-то они не будут надоедать мне своими криками, требованиями и угрозами!»

Оба врага тотчас нырнули в мутные воды Нила, и над священным островом воцарилась блаженная тишина...

Но ненадолго: Исида нарушила ее горестными воплями.

Богиня прекрасно знала, насколько силен может быть в облике гиппопотама Сет, она знала, как хорошо он умеет плавать, и испугалась, что злодей убьет ее сына под водой.

Недолго думая, Исида сделала гарпун, привязала к нему веревку и метнула оружие в воду в том месте, где скрылись Гор и Сет.

Но второпях богиня забыла прошептать над гарпуном волшебное заклинание, и зазбуренное острие вонзилось в тело Гора.

— Мать моя, что ты делаешь! — закричал из-под воды Гор. — Это же я, твой сын, вели гарпуну отпустить меня!

— Отпусти его, отпусти! — ужаснувшись своей ошибке, взмолилась Исида. — Это не враг, это мой единственный сын Гор!

Гарпун тотчас отцепился от Гора, Исида вытащила оружие, прошептала над ним волшебные слова и снова метнула его. На этот раз бросок был верен — острие воткнулось в жирную спину гиппопотама-Сета.

— Вели гарпуну отпустить меня! — взмолился Сет, взбаламутив воды Нила в тщетных попытках вырваться. — Вспомни, я же твой родной брат!

Он кричал и умолял до тех пор, пока Исида, вспомнив о детских годах, проведенных вместе с Сетом, не сжалилась над злодеем.

«Наверное, зря я все это затеяла. Лучше бы я довери-лась суду Ра, хватит с нас кровавых деяний!» — подумала богиня и велела гарпуну:

— Отпусти его, это и впрямь мой родной брат!

Гарпун послушно отцепился от Сета, Исида вытащила оружие...

Но Гор пришел в ярость, услышав, как мать заступается за его смертельного врага. Выскочив из-под воды, он схватил топор и одним взмахом отсек Исиде голову.

Все, что успела сделать чародейка, — это превратиться в каменную статую без головы, а Гор, увидев, какое страшное преступление он совершил, схватил отрубленную голову матери и, как безумный, бежал в западные горы.

Там его настиг Сет, а настигнув, вырвал у него глаза...

И неизвестно, какие еще ужасные преступления совершили бы два непримиримых врага, если бы наконец не лопнуло терпение старого Ра.

— Это уже слишком!!! Эти двое чересчур далеко зашли! — прогремел он, в ярости полыхнув уреем. — Сколько еще несчастий и преступлений должно случиться из-за того, что двое родичей никак не могут поделить власть над Египтом?! Сколько бед должно обрушиться на них, чтобы они наконец прекратили свой кровавый многолетний спор?! Эй, кто там! Найти матереубийцу, отобрать у него голову Исиды и привести сюда!

Слуги Ра исполнили приказание Бога Солнца, но перед этим богиня Хатхор исцелила Гора, влив в его глазницы молоко газели, а Тот приставил голову к статуе Исиды и оживил ее.

Вскоре Гор с Сетом предстали перед очами верховного бога, на этот раз настроенного столь решительно, что даже неукротимый Сет струхнул под гневным взглядом Ра.

— Слушайте, что я скажу вам, бесстыдники, — сурово промолвил Бог Солнца. — Ваши бесчинства переполнили чашу моего терпения...

— Этот узурпатор первый начал! — воскликнул Гор, показывая на Сета.

— От узурпатора слышу! — не остался в долгу Сет и хотел уже ринуться в бой, но Ра грянул:

— Молчать!!! — и швырнул между врагами луч урея. — А теперь послушайте меня, — обратился он к противникам, попятившимся от разделившей их обугленной воронки. — Мне это надоело. Мне надоели бесконечные

глупости, вроде ваших гонок на каменных ладьях: даже ты, Сет, с твоим небольшим умом, мог бы заранее сообразить, что ладья из камня непременно потонет[19]! Мне надоели ваши вопли и взаимные попреки. Мне надоели ваши вечные драки. Мне надоели неприличные выдумки Исиды, вроде того трюка, который она выкинула с семенем Сета...[20]

Сет, зардевшись, потупился, а Исида немедленно крикнула:

— Он сам виноват, ведь он пытался изнасиловать моего сына, гнусный извращенец!

— Молчать!!! — прервал ее старый бог, опять приготовившись в качестве самого весомого аргумента пустить в ход урей. — Хватит! А тебе, Исида, следовало бы получше воспитывать сына, чтобы он даже в самом неистовом гневе не смел поднимать руку на родную мать!

— Я не хотел... — горестно прошептал Гор, не смея встретиться взглядом с Исидой.

— Ты отсек голову собственной матери, — безжалостно прервал его старый бог. — И я чувствую, что это злодеяние не будет последним, если я позволю тебе и Сету продолжать борьбу за египетский трон. Если дело так дальше пойдет, вскоре вам не за что будет воевать! Поглядите: храмы богов разрушены и заброшены, люди прячутся в камышах, ваши битвы превратили цветущие нивы в бесплодные пустыни! Я уж не говорю про то, что над землей теперь то и дело воцаряется мрак, потому что я вынужден разбираться в дрязгах правнука и праправнука вместо того, чтобы путешествовать в небесной ладье![21] Словом, пока все мы вслед за Исидой не лишились голов, пора прекратить это многолетнее безобразие. Я принял решение, и — клянусь океаном Нуном — я заставлю всех и каждого подчиниться ему!

— Давно бы так, — очень тихо пробормотал Тот.

— Э-кхм, — откашлялся Ра. — Итак, решение мое таково: мы немедленно пошлем запрос в подземную канцелярию Осириса и узнаем его мнение по этому запутанному вопросу! Что такое? — строго воззрился он на Тота.

— Нет-нет, ничего! — поспешно ответил Тот. — Я просто поперхнулся!

«Лучше уж такое решение, чем никакое, — сказал он про себя. — Конечно, Осирис велит отдать трон своему сыну — это ясно каждому, кроме Ра! Может, хотя бы мнение владыки подземного царства заставит Эннеаду наконец покончить с судебной волокитой?»

Тот быстро составил послание к Осирису и отправил его с уведомлением в Дуат. Ждать ответа пришлось недолго: Осирис негодующе вопрошал, почему его сын Гор до сих пор не получил трона, а в постскриптуме перечислял свои заслуги в создании ячменя и полбы — любимой пищи богов и скота. Последний пассаж, увы, привел к тому, что уязвленный Ра, вместо того чтобы отдать трон наследнику великого создателя полбы и ячменя, отправил в Дуат новое послание, оспаривая приоритет Осириса в сотворении вышеперечисленных земледельческих культур...

И еще очень долго гонцы сновали туда-сюда, доставляя послания богов из подземного мира в наземный и обратно, пока наконец выведенный из терпения Осирис не пригрозил напустить на Эннеаду похитителей сердец, если боги не присудят немедленно трон Обеих Земель его сыну Гору.

Испугавшись такой ужасной угрозы, Девятка богов сейчас же присудила царский сан Гору. Тяжба, занявшая столько времени, наконец-то завершилась, и секретарь суда с облегчением дописал последний иероглиф в свитке, длинном, как русло Нила.

Но если вы думаете, что на этом все закончилось, вы ошибаетесь!

Бесстрашного Сета не остановила даже опасность лишиться сердца — презрев решение Эннеады, он потребовал, чтобы ему дали еще один шанс помериться силами с Гором.

— Хорошо... Так и быть, — кивнул уступчивый Ра. — Но, клянусь породившим меня Нуном, этот бой будет последним! Потерпевший поражение навсегда признает над

собой владычество победившего, который станет повелителем обоих Египтов! Я, Ра-Хорахти, объявил свою волю, да живу я, да здравствую и да благоденствую!

И вот по решению Ра противников отвезли на остров, где состоялась последняя битва Сета и Гора — битва, за которой следила вся Эннеада. Много дней и ночей длился ужасный бой, и все это время тьма покрывала Египет, над Нилом выли знойные ветры, молнии прорезали черное небо. Сражение закончилось полной победой Гора: восиявшее на небе солнце осветило торжествующего сына Осириса и побежденного Сета у его ног.

Восемьдесят лет продолжалась их борьба, но теперь Гор наконец-то получил титул Объединителя Двух Земель и был увенчан двухцветной короной Пшент. Сету волей-неволей пришлось покориться, в знак чего на воротах дома Птаха были водружены тростник и папирус — символ примирения и объединения не только двух египетских земель, но и двух заклятых врагов — Гора и Сета.

Девятка богов возрадовалась:
«Вот идет Гор, сын Осириса,
Твердый сердцем, правогласный,
Сын Исиды, наследник Осириса».
Собрался для него суд истины,
Девятка богов и вседержитель сам (Ра).
Владыки истины, соединившиеся там,
Отражающие неправду,
Сели в зале Геба, чтобы вернуть сан владыке его.
Найден был Гор правогласным,
И отдан ему сан отца его.
Вышел он, венчанный по велению Геба,
И взял он власть над Египтом.
Корона крепка на челе его,
И владеет он землей до границ ее.
Небо и земля под властью его,
Подчинены ему люди, народ, смертные и человечество,
Египет и народ островов моря,
И все, что обтекает Солнце, — под властью его.

Северный ветер, река и поток,
Плодовые деревья и все растения...
О как радуются Обе Земли!
Зло исчезло, и мерзость удалилась,
Земля спокойна под владыкой своим.
Утверждена правда для владыки своего,
Обращен тыл ко лжи.
Радуйся, Уннефер![22]
Сын Исиды взял корону,
Присужден ему сан отца его в зале Геба!*

Царство Осириса и трудный путь в Дуат

Когда Осирис пригрозил напустить на богов «похитителей сердец», владыка Дуата отнюдь не шутил. И в том, как он обустроил свое царство, тоже не было ни намека на шутку.

Взяв за образец собственную тяжелую судьбу, Осирис связал загробную жизнь египтянина с сохранением его бренного тела. «Воистину, как живет Осирис, так живешь и ты. Воистину, как не исчез Осирис, так не исчезнешь и ты», — было написано в сотнях египетских гробниц. Этот тезис, с одной стороны, внушал надежду на жизнь по ту сторону смерти, но с другой стороны — слишком уж много условий нужно было выполнить для того, чтобы «жить, как живет Осирис».

Во-первых, следовало сохранить мумифицированное тело умершего — если мумия уничтожалась, то душа египтянина, включавшая в себя сложные понятия «Ах», «Ба» и «Ка», исчезала навечно. Мумификация сама по себе была очень хлопотным делом (Геродот перечисляет три способа изготовлений мумий — дорогой, подешевле и самый дешевый), но сохранение тела было лишь началом пути на блаженные загробные Поля Камыша.

В Дуате умершего подстерегали сотни опасностей — там кишели крокодилы, змеи, скорпионы и львы; там

подземные рыбаки готовы были поймать покойника в свои сети; там свирепые стражи ворот задавали египтянину множество коварных вопросов, на которые нужно было давать абсолютно точные (хотя и не всегда осмысленные) ответы. Должно быть, только высшие жрецы могли легко ориентироваться в этом нагромождении загробных препон, но что было делать умершему земледельцу, ремесленнику или воину? Их шансы попасть на вожделенные Поля Камыша были ничтожно малы, какими бы достоинствами эти люди ни отличались при жизни.

Кое-какую надежду на благую загробную жизнь грамотным египтянам давали путеводители по Дуату, такие как «Тексты пирамид», «Тексты саркофагов», «Книга мертвых», «Книга о вратах» и «Книга о том, что есть в подземном мире». Подобные бестселлеры, бывшие в большом ходу в Древнем Египте, предостерегали людей от многочисленных опасностей, поджидавших их на том свете, и содержали советы, как эти опасности преодолеть. В книгах приводились тексты гимнов, которыми надлежало задабривать тех или иных богов, перечислялись имена всех стражей подземных врат с упоминанием их слабостей (дабы знать, как улестить каждого из привратников), содержались магические заклинания для борьбы с загробными чудовищами, а также давались подробные описания дорог в Дуат с приложением карт потустороннего мира...

Если умерший был грамотным, а его близкие могли позволить себе роскошь приобрести такую книгу, ее клали покойнику в гроб — и тогда усопший мог в нужную минуту быстренько найти там подсказку, вычитать правильный ответ на вопрос подземных стражей или сориентироваться по карте, куда ему идти.

Вообще снарядить египтянина в последний путь было делом дорогостоящим и нелегким — покойника требовалось снабдить не только путеводителем по Дуату, но и едой, питьем, одеждой, утварью, статуэтками-слугами «ушебти», статуэткой бога воздуха Шу, дабы усопший не задохнулся в гробу, запасной головой из известняка (на

тот случай, если бедняга ненароком забредет на место подземных казней и попадет под руку тамошнему палачу), а также каменным сердцем в виде скарабея и амулетом в виде Ока Уджат.

Положив все это в усыпальницу и совершив при помощи жреца сложные погребальные обряды, близкие умершего отправлялись к соседям просить в долг на пропитание, а усопший египтянин оказывался перед вратами «Дома Осириса-Хентиаментиу».

Найдя соответствующее место в «Книге мертвых», покойник называл по именам сторожащих врата богов и после длинного собеседования с ними направлялся к следующим вратам, где привратники задавали ему очередные замысловатые вопросы, на которые следовало давать не менее замысловатые ответы:

— Как имя твое?

— Я — растущий под лотосом и находящийся в маслине, вот имя мое... <...>Я прошел по северному городу маслины.

— Что ты видел там?

— Бедро и голень.

— Что ты сказал им?

— «Я видел ликование в стане врагов».

— Что они тебе дали?

— Пламя огня и кристалл.

— Что ты сделал с этим?

— Я зарыл их на берегу бассейна правды, как вечерние вещи.

— Что ты нашел там на берегу бассейна правды?

— Жезл из кремня — «податель дыхания» — имя его.

— Что ты сделал с огнем и кристаллом после того, как ты похоронил их?

— Я возгласил. Я вырыл их. Я загасил огонь. Я сокрушил кристалл. Я создал озеро[23],—

торопливо отвечал несчастный египтянин, украдкой подглядывая в спасительную шпаргалку и в который раз жалея, что имел неосторожность умереть.

Такие экзамены покойник проходил у каждых ворот Дуата, а чтобы умерший не скучал на пути от одних ворот до других, его поджидали еще препятствия в виде огненных озер и узких тропок, в зарослях возле которых обитали чудовища. Имена чудовищ тоже полагалось знать наизусть (или вовремя подсмотреть их в «Книге мертвых») — монстры Дуата были весьма придирчивы по части правил хорошего тона и беспощадно съедали всех, кто не мог назвать их по именам.

Правда, милосердные боги поставили по пути к жилищу Осириса нечто вроде постоялых дворов — аритов, где можно было отдохнуть и перевести дух... Но войти туда могли только умершие, которые знали имена богов, содержащих эти ариты, а также ухитрялись без запинки произнести специальные заклинания, открывающие вход.

Должно быть, немногие счастливчики, все же попавшие в арит, не спешили оттуда выйти, но в конце концов подземные вышибалы выкидывали гостей за дверь, чтобы освободить место для новых постояльцев — и покойники вновь брели от одних врат к другим, шарахаясь от чудовищ и жалея, что они не родились, скажем, в Элладе. Везет же эллинам — их подземный перевозчик Харон радушно переправляет через реку Стикс всех, кто платит ему один-единственный жалкий обол, и даже не требует, чтобы к нему обращались по имени!

Вероятно, большинство умерших египтян безвозвратно заканчивало свое существование в пасти чудовищ Дуата или навечно застревало возле каких-нибудь врат, не поладив с тамошними привратниками, но отдельные выдающиеся личности все-таки умудрялись добраться до «призовой игры».

Уникум, который вспоминал правильные названия карнизов всех врат, порогов всех врат, правой и левой сторон дверного оклада всех врат, а также правильно отвечал на вопросы всех стражей и называл по именам всех чудовищ, достигал наконец чертога Обеих Истин...

И, прежде чем войти в заветный чертог, сдавал свой самый главный экзамен — произносил так называемую

«Исповедь отрицания», клянясь перед Великой Эннеадой в том, что он не совершал сорока двух преступлений, в том числе:

— Я не чинил зла людям.
Я не нанес ущерба скоту.
Я не совершил греха в месте Истины. <...>
Я не творил дурного. <...>
Имя мое не коснулось слуха кормчего священной ладьи.
Я не кощунствовал.
Я не поднимал руку на слабого.
Я не делал мерзкого перед богами.
Я не угнетал раба пред лицом его господина.
Я не был причиною недуга.
Я не был причиною слез.
Я не убивал.
Я не приказывал убивать.
Я никому не причинял страданий.
Я не истощал припасы в храмах...[24]

И так далее, и так далее — после чего умерший возглашал: «Я чист, я чист, я чист, я чист!»

Правдивость этих показаний проверялась при помощи весов истины — на одной чаше лежало сердце покойника, на другой — страусовое перо богини Маат. При лживом ответе сердце оказывалось легче истины, и чаша с ним круто поднималась вверх; тогда подсудимый отправлялся в пасть ужасной Аммат, «Пожирательницы» — богини с телом гиппопотама, львиными лапами и пастью крокодила, на чем мытарства усопшего заканчивались.

Если же испытание завершалось благополучно, египтянину следовало оправдаться еще перед Малой Эннеадой, которая, хотя и называлась малой, была почти в пять раз обширнее Большой. В состав этого судилища входили сорок два бога различных номов — и запомнить их правильные имена и титулы мог разве что Шампольон:

— О Усех-немтут, являющийся в Гелиополе, я не чинил зла! — дрожащим голосом рапортовал египтянин,

одним глазом подглядывая в «Книгу мертвых», а другим косясь на свирепых судей. —

О Хепет-седежет, являющийся в Хер-аха, я не карал!
О Денджи, являющийся в Герпомоле, я не завидовал!
О Акшут, являющийся в Керерт, я не грабил!
О Нехехау, являющийся в Ро-Сетау, я не убивал!
О Рути, являющийся на небе, я не убавлял от меры веса!
О Ирти-ем-дес, являющийся в Летополе,
я не лицемерил!
О Неби, являющийся задом, я не святотатствовал!
О Сед-кесу, являющийся в Ненинисут, я не лгал!
О Уди-Несер, являющийся в Мемфисе,
я не крал съестного!
О Керти, являющийся на Западе, я не ворчал попусту!
О Хеджи-ибеху, являющийся в Фаюме,
я ничего не нарушил![25]

Одного последнего пункта хватило бы для оправдания перед судом инквизиции даже знаменитой Синей Бороды — Жиля де Реца, но вслед за этим египтянин зачитывал еще тридцать подобных заявлений, начинающихся с «о» и содержащих «не» — и если весы истины показывали его правдивость, с облегчением выкрикивал заключительные слова:

— Я чист, я чист, я чист, я чист!

После еще одного легкого допроса без пристрастия (единственного, на котором судьи выслушивали показания свидетелей о земных делах подсудимого) египтянин целовал порог Чертога Двух Истин, называл порог по имени, называл по имени всех стражей и наконец-то оказывался в вожделенном зале, где мог лицезреть самого великого Осириса.

Но даже там измотанный всеми перенесенными ранее испытаниями покойник должен был сдать еще один экзамен, ответив на пару-другую вопросов бога Тота.

— Кому я должен возвестить о тебе? — напоследок спрашивал бедолагу Тот.

И, видя полное отупение на лице умершего, а также вспомнив, что в процессе мумификации у бедняги извлекли мозги (а то, что от них осталось, начисто иссушили предыдущие экзамены), добрый бог задавал египтянину наводящий вопрос.

— Кто это? — спрашивал он, указывая на владыку, восседающего на троне.

— Это Осирис, — отвечал покойник, сверившись с «Книгой мертвых».

— Воистину же, воистину ему скажут имя твое! — облегченно восклицал Тот и немедля передавал умершего богу Шаи.

Под опекой этого бога египтянин наконец-то мог проследовать на блаженные Поля Камыша...

...чтобы убедиться, что после всех сложнейших испытаний он должен жить в Дуате такой же жизнью, какую вел на земле. Земледельцы продолжали выращивать в царстве Осириса хлеб, пастухи — пасти скот, ремесленники тоже выполняли здесь свою обычную работу[26].

Правда, вместо себя можно было послать трудиться статуэтку-ушебти. Стоило окликнуть ее, как она тут же отзывалась: «Я здесь!» — и выполняла за хозяина всю работу.

Это — да еще то, что в Дуате урожаи были щедрее, а скот тучнее, чем на земле, — несколько скрашивало пребывание в подземном мире, и все-таки люди предпочитали как можно дольше пребывать в царстве Гора, да живет он, да здравствует и да благоденствует!

...А Гор жил, здравствовал и благоденствовал на земле еще очень долго. Он разумно и заботливо управлял Египтом, но потом передал корону своим наследникам — фараонам, а сам занял место в ладье великого Ра.

С тех пор Гор и Сет стали путешествовать вместе в Ладье Вечности, бок о бок сражаясь со змеем Апопом и другими порождениями тьмы, пока внизу правили их смертные преемники и век за веком разворачивался длинный свиток удивительной истории Египта.

Но чтобы люди впоследствии смогли прочесть этот свиток — пусть отрывочно, заполняя многочисленные пробелы догадками, порой равными по своей фантастичности самым причудливым египетским мифам, — понадобилось много времени и усилий. Удивительные стечения обстоятельств способствовали тому, что люди шаг за шагом продвигались вглубь веков, навстречу Началу Времен, и на этом трудном пути сплетались судьбы ученых, художников, военных, кладоискателей и авантюристов.

ВРЕМЯ УЧЕНЫХ, АВАНТЮРИСТОВ И ЭНТУЗИАСТОВ

— Взгляните, господа! Мумия! Мумия!

Лорнет приставляется к глазам с обычной хладнокровной медлительностью.

— А... как, вы сказали, зовут этого джентльмена?

— Зовут? Его никак не зовут! Мумия! Египетская мумия!

— Так, так. Здешний уроженец?

— Нет! *Египетская* мумия!

— Ах, вот как. Значит, француз?

— Нет же! Не француз, не римлянин! Родился в Египта!

— В Египта. В первый раз слышу об этой Египте. Какая-то заграничная местность, по-видимому. Мумия... мумия. Как он хладнокровен, как сдержан. А... он умер?

— О, sacre bleu! Три тысячи лет назад!

Доктор свирепо обрушился на него:

— Эй, бросьте ваши штучки! Считаете нас за простофиль, потому что мы иностранцы и проявляем любознательность! Подсовываете нам каких-то подержанных покойников! Гром и молния! Берегитесь, не то... если у вас

есть хороший свежий труп, тащите его сюда! Не то, черт побери, мы разобьем вам башку!

Марк Твен, «Простаки за границей, или путь новых паломников»

Художник Доминик Виван Денон

«Кротовая куча эта ваша Европа! Только на Востоке, где живет шестьсот миллионов людей, можно создавать великие империи и совершать великие революции!» — с такими словами Наполеон Бонапарт отправился в мае 1798 года на завоевание Египта. Человек, чей талант полководца был вполне под стать его амбициям и гигантскому честолюбию, грезил славой Александра Македонского, мечтая о создании мировой державы.

Но вместе с пехотой и артиллерией Наполеон взял в свой египетский поход сто семьдесят пять ученых: историков, географов, инженеров, востоковедов, чертежников — и равнодушные пирамиды услышали громовой крик полководца, перекрывающий вопли атакующих мамелюков Мурад Бея:

— Пехота — в каре!!! Ослов и ученых — в середину!!!

Знаменитая «битва у пирамид», в которой превосходно обученные, оснащенные современным стрелковым оружием, поддержанные грозной артиллерией солдаты Наполеона столкнулись с вооруженной мечами конницей Мурад Бея, закончилась полной победой французов. Это была не столько битва, сколько бойня: французы потеряли 40 человек, мамелюки — больше 2000.

Наполеон вошел в Каир победителем, однако морская победа англичан при Абукире перечеркнула его победы на суше. 1 августа 1798 года адмирал Нельсон, долго гонявшийся за французским флотом по всему Средиземному морю, наконец настиг его в 20 километрах восточнее Александрии и уничтожил, поймав тем самым Бонапарта

в ловушку. Помощи из Франции ждать не приходилось, и несмотря на успешное подавление восстания в Каире и победу над турецкими войсками, новоявленному «Александру Великому» пришлось признать свое полное поражение.

Дизентерия, чума и холера косили войска, тысячи солдат страдали от глазных болезней, часто доводивших людей до слепоты. 24 августа 1799 года Наполеон ретировался из Каира на фрегате «Мюирон», якобы отправившись за подкреплением, на самом же деле просто бросив свою армию на произвол судьбы.

А в сентябре 1801 года капитулировал французский гарнизон в Александрии, и англичане в числе прочих условий капитуляции выдвинули требование выдачи всех древностей, собранных французами в Египте. Все, что досталось ученым, подорвавшим здоровье в египетском походе, — это зарисовки их трофеев, оригиналы которых украсили Британский музей...

Автором самых ярких, точных и многочисленных рисунков был талантливый художник Доминик Виван Денон, чья жизнь вполне могла бы послужить сюжетом для авантюрного романа.

Аристократ Виван Денон, фаворит мадам де Помпадур, в соответствии с родовой традицией избрал карьеру дипломата и успешно начал ее в Санкт-Петербурге, где ему удалось снискать симпатии Екатерины Великой. Знаток античного искусства, приятель Вольтера, автор эротических рассказов, заслуживших признание самого Бальзака, он стал членом Академии за полотно «Поклонение волхвов Спасителю». Разносторонность интересов вскоре привела Денона в Италию — там он изучал работы мастеров Ренессанса в частных коллекциях своих друзей; там его и застала весть о французской революции.

В то время как отпрыски дворянских фамилий всеми силами старались покинуть Францию, где все больше набирал размах революционный террор, Виван Денон, наоборот, возвратился на родину — для того, чтобы обнаружить свое имя в списке эмигрантов и узнать, что его

имущество конфисковано. Попасть в список эмигрантов и «подозрительных» во время якобинского террора было равнозначно вынесению смертного приговора. И Денон, снимая убогую квартирку на Монмартре, кое-как зарабатывая продажей порнографических рисунков, каждый день ждал, что настанет его очередь лечь под нож «матушки гильотины». Уже немало его друзей залили своей кровью эшафот, уже сам изобретатель «гуманного способа казни» доктор Гильотен опробовал свое изобретение на себе, но гильотина на площади Революции была ненасытна... Скорее всего, в дверь Вивана Денона тоже однажды ударили бы прикладами гвардейцы, из-за чего вся история египтологии пошла бы по-другому, если бы на его рисунки не обратил внимание «художник революции» Давид.

По заказу Давида Денон делает эскизы республиканских костюмов, и они получают милостивое одобрение Робеспьера. Робеспьер, бледневший от одного вида крови, но заливший кровью всю страну, в своем щегольстве доходил до смешного; не пожелав лишиться талантливого модельера, он вычеркнул имя Денона из списка эмигрантов и даже вернул художнику отобранное имущество.

Переворот 9 термидора положил конец Большому Террору и круто изменил судьбы многих людей. Автор знаменитой фразы, произнесенной о приговоренном к смерти химике Лавуазье: «Революция не нуждается в ученых!», Робеспьер был обезглавлен вместе со своими сподвижниками, их тела сбросили в яму с негашеной известью вслед за телами сотен их жертв. Всегда державший нос по ветру Давид, еще за день до переворота клявшийся в верности Робеспьеру, на следующий день уже отрекся от него, а впоследствии написал грандиозное полотно, изображающее коронацию императора Наполеона Бонапарта...

Но Денона ждала другая судьба. Он мечтал о настоящей работе, малевание даже очень профессиональных картин по заказу сильных мира сего не привлекало этого человека. Обаяние Денона помогло ему заручиться

расположением супруги Бонапарта Жозефины Богарне, и та представила его Наполеону. Благодаря ее протекции художник и попал в египетский поход, откуда вынес куда более ценную добычу, чем все золото, отобранное французскими солдатами у коптов и арабов.

Египет потряс Денона обилием новых впечатлений: пески! Оазисы! Мечети! Нил!

Но больше всего его увлекли и заинтересовали египетские древности. Он рисовал пирамиды, храмы, статуи и изображения богов, он рисовал во время ожесточенного рукопашного боя и когда вокруг свистели пули. Наполеон послал генерала Дезэ преследовать отступавших к Верхнему Египту мамелюков — и Денон отправился с Дезэ. В бывших Стовратных Фивах он не знал, за какой набросок взяться в первую очередь, глаза разбегались от обилия памятников: гигантские постройки, подземные ходы, настенные росписи, рельефы!

В разгар зарисовки входа в египетский храм Денона прервало появление отряда гренадеров:

— Месье Денон, нас атакуют мамелюки! Бегите, они вот-вот будут здесь! Мы послали за подкреплением!

— Отлично, ступайте за подкреплением, я пока еще порисую!

Денона пришлось силой оттаскивать от натуры.

Наполеон не добился славы в египетском походе, зато победителем из него вышел Виван Денон: после капитуляции Бельяра рисунки Денона англичане признали «личным достоянием» и разрешили вывезти во Францию.

По возвращении Денон выпустил книгу «Путешествие по Верхнему и Нижнему Египту»; эта книга вызвала настоящую сенсацию, открыв для европейцев страну, интересовавшую раньше лишь немногих энтузиастов, вроде Карстена Нибура[27].

Облик храма Аменхотепа III на острове Элефантине дошел до нас только в рисунках Денона, потому что вскоре это строение было разрушено. Около сотни рисунков Денон посвятил городу памятников — Фивам. С удивительной точностью художник копировал иероглифы, о кото-

рых тогда еще никто точно не знал, что это — надписи, орнаменты или некие загадочные символы...

А еще карандаш Денона запечатлел таинственный камень, выкопанный французскими саперами при строительстве форта Ар-Рашид близ Розетты (Рашида). Извлеченная из песка плита сохранила три различные надписи: первые четырнадцать строчек были высечены древнеегипетскими иероглифами, следующие тридцать две строки — древнеегипетским курсивом (так называемым демотическим письмом), а нижние пятьдесят четыре строки представляли собой древнегреческий текст. Древнегреческая надпись содержала благодарность жрецов Птолемею V и заканчивалась словами о том, что надпись эта высечена «священными, туземными и эллинскими буквами».

Казалось, нетрудно будет путем сравнения древнегреческой надписи с иероглифами расшифровать загадочные знаки, которые де Сен Никола в свое время объявил простыми орнаментами, а Александр Ленуар — символами «иероастронамической науки».

Но Розеттский камень хранил свою тайну еще двадцать лет, пока не пришло время выступить на сцену гениальному лингвисту, соотечественнику Денона — Жану Франсуа Шампольону.

Лингвист Жан Франсуа Шампольон

Тайна иероглифов занимала людей задолго до египетского похода Наполеона, однако все попытки расшифровать загадочные письмена до поры до времени были тщетны.

Сразу же после наполеоновского похода некто Сильвестр де Саси, считавшийся крупнейшим ориенталистом[28] своего времени, заявил: «Разгадка иероглифов? Это слишком запутанная и научно неразрешимая проблема!» К счастью, он ошибался. В Гренобле уже подрастал мальчик, которому суждено было найти решение этой «научно неразрешимой проблемы».

Жан Франсуа Шампольон родился 23 декабря 1790 года в городе Фижаке на юго-востоке Франции в семье книготорговца. В пять лет одаренный малыш самостоятельно научился читать и писать, сравнивая заученные наизусть слова молитв с текстами в молитвеннике; в девятилетнем возрасте, опять-таки без помощи взрослых, он выучил латынь и греческий, в одиннадцать — прочел Библию на древнееврейском языке.

Старший брат Жана Франсуа, Жак Жозеф Шампольон, тоже весьма незаурядный человек, был профессором греческой словесности в Гренобле, к нему и приехал Жан Франсуа, чтобы получить образование сразу в двух школах — центральной городской и частной.

Однажды школу в Гренобле посетил префект Жозеф Фурье, известный математик, секретарь Египетской комиссии в экспедиции Наполеона. Конечно, школьный учитель не преминул похвастаться перед высоким гостем необыкновенными дарованиями своего ученика: мало кто из взрослых мог похвалиться знаниями стольких языков, сколько знал этот одиннадцатилетний мальчик! Чтобы поощрить маленького полиглота, Фурье пригласил Жана Франсуа осмотреть собранную в Египте коллекцию: зарисовки храмов и статуй, обрывки папирусов, покрытые загадочными знаками...

— Что здесь написано? — спросил мальчик, жадно рассматривая иероглифы.

— Неизвестно. До сих пор еще ни одному человеку не удалось их прочесть, — честно ответил Фурье.

— Я прочту! — заявил мальчуган. — Через несколько лет, когда вырасту!

Уверенность, с какой Жан Франсуа произнес эти слова, произвела на Фурье такое впечатление, что он записал их в дневнике... И вспомнил об этой записи через двадцать лет, когда Шампольон выполнил свое обещание.

Но до расшифровки иероглифов было еще далеко, а пока успехи младшего брата не только восхищали, но и слегка пугали Жака Жозефа: тринадцатилетний мальчик с настойчивостью одержимого изучал арабский и копт-

ский языки (свой дневник он «для тренировки» писал по-коптски), в пятнадцать лет Шампольон-младший взялся за персидский, авестийский и санскрит, а «для развлечения» (!) занимался китайским.

В семнадцать лет Жан Франсуа Шампольон прочел перед членами Гренобльской академии введение к своей книге «Египет времен фараонов», представив составленную им карту Древнего Египта. Пораженные глубиной знаний и размахом замыслов юноши, ученые единогласно приняли Шампольона в члены Академии Гренобля.

Затем последовали два года учебы в Париже, где семнадцатилетний академик, голодая, ходя в отрепьях, ютясь в холодной каморке на чердаке, продолжал усиленно изучать санскрит, зендский, пахлевийский языки... В 1809 году он вернулся в Гренобль уже профессором истории, с непоправимо подорванным здоровьем, но полный решимости продолжить свой главный труд — дешифровку египетских иероглифов.

Все, что когда-либо писалось о Египте, хранил гениальный мозг Шампольона: свидетельства Геродота, Диодора Сицилийского и Страбона; заблуждения Гораполлона, рассматривавшего иероглифы как символическое письмо; смешные ошибки Иоанна Больцани и Пьера Ланглуа (первый «интуитивно» усматривал в иероглифах «символы языческих богов», а последний считал иероглифы прототипами гербов западноевропейского дворянства).

Сам Шампольон прошел через ряд ошибок и неправильных предположений, но фанатическое упорство не позволяло ему пасть духом от неудач. Как назло, преградами на пути к победе вставали не только лингвистические трудности, оказавшиеся непреодолимыми для его предшественников, но и бурные политические события в Европе.

Едва избегнувший солдатчины (благодаря отчаянным усилиям старшего брата, который с трудом добился того, чтобы юного гения не поставили под ружье во славу императора Бонапарта), во время знаменитых «ста дней» Шампольон оказался тем не менее среди приверженцев

Наполеона. Возможно, Наполеон в ту пору показался ему меньшим злом в сравнении с угрозой иностранной интервенции. Как бы там ни было, Шампольон, известный ранее своими антимонархическими настроениями, взялся редактировать в Гренобле бонапартистскую газету. Как известно, недолгий триумф вернувшегося в Париж императора закончился печально: человек, чей военный гений стоил Франции четырех миллионов жизней, сменил островок Эльбу на островок Святой Елены. Судьбы поддержавших Бонапарта людей зачастую были не менее, а то и более трагичны, чем судьба самого Наполеона.

Жан Франсуа Шампольон после вторичной ссылки императора был объявлен изменником, лишен профессуры и отправлен в изгнание в родной Фижак, откуда он вернулся в Гренобль через полтора года. Возвращение его было столь же неудачным, как и возвращение Наполеона: уволенный из университета, практически лишенный средств к существованию, Шампольон был вынужден уехать в Париж, где он вел уже привычное полуголодное существование. В Париже ученый и завершил свой беспримерный труд, заставив заговорить доселе немые египетские папирусы и камни.

Тот день, когда неуязвимый Розеттский камень «дал трещину», позволив Шампольону прочитать имя царя: «Птолемей», был началом победы недолговечного смертного человека над могущественным временем, тысячи лет скрывавшим от людей сокровища египетской цивилизации. Впервые разобрав без помощи греческого текста первые два древнеегипетских слова, Шампольон ворвался в комнату брата, бросил ему исписанные листки, воскликнул: «Я добился своего!» — и потерял сознание.

27 сентября 1822 года Жан Франсуа Шампольон выступил перед членами Французской академии наук с докладом о расшифровке египетских иероглифов.

А в 1828 году он наконец-то ступил на землю Египта и прежде всего отправился на то место, где был найден Розеттский камень, чтобы «поблагодарить египетских жрецов за благодарственную надпись 196 года до н.э.», по-

зволившую пробиться сквозь века голосам давным-давно ушедших в Дуат древних египтян.

В какой бы самой убогой египетской деревушке ни появлялся Шампольон, местные жители сбегались посмотреть на человека, который может заставить заговорить мертвые камни. Слава великого ученого далеко опережала его; и важные беи, и бедные феллахи называли его «мой брат» — обращение, которого вряд ли удостаивался раньше какой-нибудь другой иноверец.

Ученый пробыл в Египте полтора года, копируя и переводя надписи, определяя этапы строительства древних храмов, изучая, сравнивая и делая одно открытие за другим... Но результаты этих трудов опубликовал уже помощник Шампольона, уроженец Пизы Ипполито Розеллини: в 1832 году великий лингвист скончался от паралича сердца.

Научное наследие Шампольона было так велико, что лишь после его смерти многие из важнейших трудов ученого, в том числе иероглифическая грамматика и словарь, были изданы его старшим братом. Сейчас в Парижской национальной библиотеке хранится свыше 20 рукописных томов Жана Франсуа Шампольона. Несмотря на ряд ошибок и заблуждений (а кто свободен от них?), гигантский труд человека, воскресившего мертвый язык древних египтян, просто невозможно переоценить.

И все-таки нельзя не упомянуть и о некоторых печальных последствиях сенсационного открытия Шампольона. В Египет изо всех европейских стран хлынули орды коллекционеров древностей и просто любителей легкой наживы. То, что раньше как будто не имело цены, внезапно превратилось в валяющийся прямо под ногами клад; не обладающие археологической подготовкой и зачастую не питающие никакого почтения к древним святыням люди расхищали бесценные сокровища, калечили статуи и рельефы в стремлении добраться до более ценной добычи, безвозвратно уничтожали уцелевшие перед натиском времени предметы глубокой старины.

В связи с этой грустной страницей истории Египта стоит вспомнить двух человек — один из которых умер через год после гениального открытия Шампольона, а второй — родился за год до него.

«Гиена в гробницах фараонов» — Джованни Бельцони

Джованни Бельцони можно назвать предшественником кладоискателей, наводнивших потом землю Египта, — во всяком случае, он был первым, кто действовал с таким размахом и столь успешно.

Биография его была пестрой и изобиловала неожиданными поворотами: сын бедного цирюльника, Джованни с детства проявлял склонности к техническим наукам и с шестнадцати лет изучал в Риме гидротехнику, но потом по не вполне понятным причинам ушел в монастырь. Монашеская келья недолго удерживала энергичного юношу. Вскоре Бельцони сбросил рясу и... выйдя из монастыря, тут же оказался завербованным в наполеоновскую армию. Армейская муштра показалась Джованни ненамного привлекательней чтения молитв, он дезертировал из части и скрылся в Лондоне, где перепробовал множество занятий, в том числе сомнительное занятие лекаря-шарлатана.

Наконец Бельцони стал выступать в цирке в роли «самого сильного человека на свете»: сохранилась афиша, на которой он держит на спине одиннадцать человек, а в придачу — два итальянских флага. Однако страсть к изобретательству не покидала итальянца, так же, как желание разбогатеть. А почему бы первой страсти не помочь второй? И вот, сконструировав невиданно мощный водяной насос, Бельцони отправляется в Египет, где, по слухам, воду до сих пор добывают при помощи допотопного «журавля».

Нанявшись подручным на маленькое судно, итальянец добрался до Александрии, а оттуда пешком, с моделью

своего насоса на спине, дошагал до Каира. Настойчивый изобретатель даже сумел добиться аудиенции у египетского хедива Мухаммеда-Али, но эта встреча ничего ему не дала: хедива[29] вполне устраивал и «журавль», он не вдохновился достижениями прогресса.

В результате Бельцони оказался в чужой стране без средств к существованию и без всяких надежд извлечь при помощи своего насоса золото из карманов тупых египетских правителей. Какое-то время он жил продажей мелких вещей, которые ему удавалось разыскать в здешней, полной древностей земле, пока наконец британский консул Генри Соулт не предложил пронырливому итальянцу сделаться поставщиком предметов старины в Британский музей. Это было уже кое-что!

Заручившись обещанием, что все его находки будут оплачиваться золотом по «средней цене», Бельцони отправился в Долину царей и обшарил ее вдоль и поперек. В гробнице Сети I он обнаружил великолепный алебастровый саркофаг, правда, к сожалению, пустой, — но и пустой саркофаг стоил таких денег, что Британский музей оказался не в состоянии его купить. Позднее его приобрел для своей коллекции сэр Джон Соун.

Бельцони все больше убеждался, что египетская земля набита сокровищами, которые только и ждут энергичного парня вроде него. Да, энергии у него было хоть отбавляй, он даже ухитрился вывезти несколько гигантских каменных обелисков, при помощи сотен рабочих и деревянных катков доставив их к берегу Нила. Один из обелисков при погрузке перевернул барку и затонул — тогда Бельцони изготовил лебедку и с построенного на воде помоста благополучно извлек многотонную тяжесть.

Покинув Долину царей, Бельцони приступил к исследованию пирамид, уверенный, что где-то в глубине этих каменных громад прячутся несметные сокровища. Пирамида Хефрена еще со времен Диодора Сицилийского считалась монолитной — однако упорный кладоискатель исследовал ее буквально дюйм за дюймом и наконец-таки нашел один незакрепленный блок. При помощи

рабочих-арабов после нескольких дней каторжного труда Бельцони пробился внутрь пирамиды, чтобы в результате титанических усилий убедиться, что обнаруженный им ход — ложный. Другой бы на его месте опустил руки, но «самый сильный человек» решился еще на одну попытку, которая и привела его в погребальную камеру фараона Хефрена.

Однако судьба жестоко посмеялась над кладоискателем: достигнув ценой невероятных усилий заветной цели, Бельцони убедился, что его опередили: саркофаг был пуст, а на стене красовались автографы тех, кто побывал тут до него: «Мухаммед-Ахмед, Ахмед, Ахман, Мухаммед-Али»... Скорее всего (что послужило слабым утешением итальянцу), эти сыны ислама тоже нашли здесь пустой саркофаг, а все сокровища из пирамиды вынесли еще много веков назад удачливые древнеегипетские святотатцы... Оставалось только надеяться, что их покарал за это шакалоголовый бог Анубис!

И все-таки Бельцони вернулся из Египта не с пустыми руками: в 1821 году на лондонском Пикадилли он предложил всем желающим полюбоваться выставкой своих трофеев, а также развлек почтеннейшую публику книгой «Рассказ о работах и новых открытиях в пирамидах, храмах, гробницах и при раскопках в Египте и Нубии». Книга эта, хоть и не могла похвастаться научной глубиной, читалась как самый интересный авантюрный роман — недаром она и принадлежала перу настоящего авантюриста.

Да, итальянец руководствовался в своих трудах корыстными побуждениями, однако он все равно заслужил благодарность потомков: в результате его усилий были спасены и сохранены многие предметы египетской древности.

Зато тот, чей памятник по сей день украшает Каир, был человеком совсем иного склада, хотя в чем-то его деятельность была схожа с деятельностью «одного из самых замечательных людей за всю историю египтологии», как назвал Джованни Бельцони знаменитый археолог Говард Картер.

Огюст Мариетт — создатель каирского музея

Жизнь Огюста Мариетта, уроженца Булони, не была богата такими крутыми поворотами, как жизнь «одинокого шакала в египетских пустынях».

Он приехал в Египет в 1850 году, чтобы купить для Лувра кое-какие коптские надписи, и, подобно Денону, сразу же влюбился в Египет. Краткосрочный визит послужил началом дела всей его жизни: Мариетт посвятил себя спасению и сохранению памятников египетской старины.

Огюст Мариетт увидел самые грустные последствия открытия Шампольона и охватившего вслед за тем Европу «египетского ажиотажа». Грязные базарные лавчонки были забиты древними вазами и варварски отколотыми кусками рельефов, повсюду за бесценок продавали обрывки папирусов, за мизерный «бакшиш» расшатавшиеся плиты сбрасывали с пирамид для потехи туристов, настенные росписи в храмах уничтожали, чтобы добраться до воображаемых сокровищ.

Невежественные охотники за редкостями могли нанести Египту более страшный ущерб, чем нанесли когда-то завоевавшие эту страну гиксосы, и Мариетт встал на пути новоявленных варваров с не меньшим мужеством, чем Яхмос I, изгнавший из Та-Кемета «властителей пастухов».

Семь лет француз обивал пороги местных правителей, взывая то к патриотизму, к жадности, то к простому здравому смыслу тех, кто сменил у власти древних египетских номархов. Неизвестно, какое из этих чувств ему удалось-таки пробудить (скорее всего, первое), но в конце концов хедив Саид запретил раскопки и вывоз ценностей из Египта без ведома властей. Мариетт встал во главе Службы древностей Египта, осуществлявшей организацию археологических исследований, а в 1857 году создал в каирском предместье музей, послуживший основой для всемирно известного ныне Каирского музея.

Мариетту, который, в отличие от Бельцони, никогда не руководствовался в своих трудах жаждой личной наживы, везло куда больше, чем азартному итальянскому кладоискателю.

Он откопал знаменитую «аллею сфинксов» близ пирамиды Джосера, которая привела его к высеченному в скале погребению, полному интереснейших находок; он открыл гробницу сановника Чи, относящуюся к XXV веку до н.э. — настенные рельефы в этой гробнице воспроизводили много живых, реалистичных сценок из повседневной жизни египтян; он обнаружил гробницу Птахотепа, возможно, легендарного автора знаменитого «Поучения Птахотепа», относящегося к XXV веку до н.э.

Один только перечень находок неутомимого энтузиаста мог бы занять несколько листов, так же, как и перечень сокровищ, обнаруженных позднее Говардом Картером в гробнице Тутанхамона.

Мариетт умер в 1881 году, а в 1902 году основанный им музей перебрался из предместья на главную площадь Каира Тахрир. Неизвестно, как бы отнесся француз к своей статуе, которой решили почтить его египетские власти, зато он наверняка оценил бы то, что его дом в Саккаре был перестроен в очень неплохой ресторан под названием «Дом Мариетта»...

Однако говорить о людях, вырывавших у страны Та-Кемет тайну за тайной, можно бесконечно долго. Их еще больше, чем египетских богов, число которых при самом скромном подсчете переваливает за две тысячи. Поэтому лучше, не теряя времени зря, взглянуть на результаты их труда, на полный пробелов и помарок, но от этого не менее увлекательный, свиток египетской истории.

Этот свиток уводит нас назад, к тем временам, когда, как вы помните, бог Гор, по примеру отца и деда, удалился от земных дел, оставив египетский трон своим смертным преемникам — фараонам...

ВРЕМЯ ФАРАОНОВ

В древности люди жили долго и всю жизнь трудились, не зная отдыха, как рабы, лихорадочно стремясь преуспеть в красноречии, в военном искусстве или в литературе, а потом расставались с жизнью в счастливом сознании, что имя их бессмертно и память о них сохранится вечно. Проносится двадцать кратких веков — и что остается от всего этого? Растрескавшаяся надпись на каменной плите, над которой обсыпанные табаком археологи ломают голову, путаются, и наконец разбирают только имя (которое читают неверно)... Что останется от славного имени генерала Гранта через сорок столетий? В Энциклопедии 5868 года, возможно, будет написано:

«Урия С. (или З.) Граунт — популярный древний поэт в ацтекских провинциях Соединенных Штатов Британской Америки. Некоторые исследователи относят расцвет его творчества к 724 г.н.э.; однако знаменитый ученый А-а Фу-фу утверждает, что он был современником Шарк-спайра, английского поэта, и относит время его расцвета к 1328 г.н.э. — через три века после Троянской войны, а не до нее. Он написал «Убаюкай меня, мама».

От этих мыслей мне становится грустно. Я иду спать.

Марк Твен, «Простаки за границей, или путь новых паломников»

Любителям точности лучше иметь под рукой данный хронологический список «земных преемников Гора»:

Ранее царство (Тинисские династии)

I династия — 2950 — 2770 гг. до н.э. (фараоны Гор Аха или Нармер[30], Джер, Уаджи, Ден, Аджиб, Семерхет, Каа).

II династия — 2770 — 2640 гг. до н.э. (фараоны Хетепсехемун, Ранеб, Нинечер, Перибсен, Хасехемун).

Старое (древнее) царство

III династия — 2640 — 2575 гг. до н.э. (фараоны Джосер, Сехемхет, Небкара, Неферкара, Небка, Санахт, Хаба, Хуни).

IV династия — 2575 — 2465 гг. до н.э. (фараоны Снофру, Хуфу — Хеопс, Джедефра, Хафра — Хефрен, Менкаура — Микерин, Шепсескаф).

V династия — 2465 — 2325 гг. до н.э. (фараоны Усеркаф, Сахура, Нефериркара, Ниусерра, Менкаухор, Джедкара, Унис).

VI династия — 2325 — 2155 гг. до н.э. (фараоны Тети, Усеркара, Пиопи I, Меренра I, Пиопис II, Меренра II, Нитокрис — царица).

Первый переходный период

VII и VIII династии — 2155 — 2134 гг. до н.э.

IX и X династии — 2134 — 2040 гг. до н.э.

Среднее царство

XI династия — 2134 — 1991 гг. до н.э. (фараоны Иннотеф I, Иннотеф II, Инитеф III, Ментухотеп I, Ментухотеп II, Ментухотеп III).

XII династия — 1991 — 1785 гг. до н.э. (фараоны Аменемхет I, Сенусерт I, Аменемхет II, Сенусерт II, Сенусерт III, Аменемхет III, Аменемхет IV, Нефрусебек — царица).

Второй переходный период

XIII династия — 1785 — 1650 гг. до н.э.

XIV династия (параллельно с XIII) — 1715 — 1650 гг. до н.э.

XV — XVI династии (гиксосские) — 1650 — 1540 гг. до н.э.

XVII династии (параллельно с гиксосами) — 1650 — 1551 гг. до н.э. (фараоны Иниотеф — Антеф, Секненра — Таа, Камос).

Новое царство

XVIII династия — 1552 — 1306 гг. до н.э. (фараоны Яхмос, Аменхотеп I, Тутмос I, Тутмос II, Хатшепсут — ца-

рица, Тутмос III, Аменхотеп II, Тутмос IV, Аменхотеп III, Аменхотеп IV— Эхнатон, Семнехкара, Тутанхамон, Эйя, Хоремхеб).

XIX династия — 1306 — 1186 гг. до н.э. (фараоны Рамсес I, Сети I, Рамсес II, Мернептах, Сети II, Аменмес, Саптах, Таусерт — царица).

XX династия — 1186 — 1070 гг. до н.э. (Сетнахт, Рамсес III, Рамсес IV— Рамсес XI).

Третий переходный период

XI династия — 1070 — 945 гг. до н.э. (фараоны Смендес, Псуссенес I, Аменемопе, Сиамон, Псусеннес I).

XXII династия (бубастидская) — 945 — 722 гг. до н.э. (фараоны Шешонк I, Осоркон I, Осоркон II, Такелот II, Шешонк III, Пами, Шешонк V).

XXIII династия — 808 — 715 гг. до н.э. (фараоны Петубастис, Осоркон III, Такелот III и другие).

XXIV династия — 725 — 712 гг. до н.э. (фараоны Тефнахт, Бокхорис).

XXV (эфиопская) династия — 712 — 664 гг. до н.э. (фараоны Шабака, Тахарка, Танутамон и другие).

Ассирийское завоевание — 671 — 525 гг. до н.э.

Позднее царство

XXVI династия (саисская) — 664 — 525 гг. до н.э. (фараоны Псамметих I, Нехо II, Псамметих II, Априй I, Амасис, Псамметих III).

Персидское владычество (XXVII династия) — 525 — 404 гг. до н.э.

XXVIII династия — 404 — 399 гг. до н.э. (фараон Амиртей).

XXIX династия — 399 — 380 гг. до н.э. (фараон Акорис и еще три царя).

XXX династия — 380 — 343 гг. до н.э. (фараоны Нектанеб I, Теос, Нектанеб II).

Второе персидское завоевание — 343 — 332 гг. до н.э.

Македонское владычество — 332 — 305 гг. до н.э.

Птолемеи — 305 — 30 гг. до н.э.

Однако любители точности будут наверняка разочарованы, узнав, что приведенные выше даты являются в значительной степени условными. Чем дальше египтологи продвигаются вглубь времен, тем больше они расходятся в датировках: для Старого царства разброс дат составляет 150 лет, для Первого переходного периода — 100 лет, для Среднего царства и Второго переходного периода — 50 лет, а для Нового царства и Третьего переходного периода — 20 лет. Считается, что точные даты начинаются с VII века до н.э., но, памятуя цитату из Марка Твена, послужившую эпиграфом к данному разделу, не хотелось бы слишком обольщаться на этот счет.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что не только точное время правления легендарного фараона Менеса неизвестно ученым, но и до сих пор идут ожесточенные споры, с каким же из древних владык следует отождествлять объединителя Египта — с Нармером или с Гором Аха? Многие даже сомневаются, что именно Менес объединил Верхний и Нижний Египет, полагая, что это произошло еще до прихода к власти I династии.

Как бы там ни было, Менес является первым летописным царем в так называемом «списке Манефона», жреца из Савенита, жившего в III веке до н.э.

Увы, капитальный труд Манефона по истории Египта не дошел до наших дней, с ним можно познакомиться только по цитатам из Иосифа Флавия, Юлия Африкана и других, более поздних писателей. А жизнь и правление Менеса являются для нас такими же легендами, как и правление его предшественников — богов Геба, Осириса и Гора... Дымкой легенд окружены и имена многих преемников Менеса — земных воплощений Гора.

Хорошо это или плохо? Для любителей точности плохо. Для любителей мифов — хорошо. Но и тем, и другим придется принять это как объективную реальность, данную нам в ощущениях. И в ожидании того момента, когда будет изобретена машина времени и Менес наконец-то сможет признаться, кто же он на самом деле — Нармер

или Гор Аха, давайте все-таки попытаемся взглянуть в лицо некоторым египетским фараонам.

Менес — объединитель Египта

На знаменитой «палетке Нармера» фараон заносит булаву над головой стоящего перед ним на коленях поверженного врага. На обратной стороне палетки победоносный владыка изображен на поле брани, где ровными рядами лежат его обезглавленные противники. Судя по этим изображениям, покорение Нижнего Египта было достигнуто немалой кровью, но о других войнах Менеса нам ничего не известно. Создается впечатление, что после объединения страны фараон занимался исключительно мирными делами, обустраивая свою страну.

Первоначально столицей Менеса был город Тин, но после завоевания Нижнего Египта царь построил на границе Верхней и Нижней Земли новую столицу, более всего известную под греческим названием Мемфис. Одно из египетских названий этого города переводится весьма красноречиво — «Весы Обеих Земель». Новая столица легендарного владыки и впрямь находилась в стратегически важном месте между Обеими Землями; отсюда Менес управлял своим государством, здесь венчались на царство многие последующие фараоны.

Согласно легенде, именно Менес разделил страну на номы и поставил во главе каждого из них наместника-номарха. В обязанности номарха вменялось выполнение планов, присылаемых ему из столицы. Планы эти были весьма обширны и включали ирригационные работы (с сохранением специальных заболоченных участков для охоты и рыбной ловли), строительство, земледелие — и, конечно, поставку продуктов в столицу и многочисленные храмы.

Уже в те годы была заложена основа древнеегипетского общества, сохранившегося все последующие ты-

сячелетия: строгое подчинение центру, не менее строгая организация работы на местах, бюрократизация и беспощадная регламентация жизни всех египтян, от фараона до последнего раба. Всякий раз, когда отработанный веками порядок нарушался, Та-Кемет постигали упадок и бедствия.

«Цари не вольны были поступать по своему усмотрению, — пишет в своей „Исторической библиотеке“ Диодор Сицилийский. — Все было предписано законами, и не только государственная, но и частная, обыденная жизнь.

...часы дня и ночи, когда царю надлежало выполнять какую-либо из своих обязанностей, предписывались законом и не могли нарушаться даже по собственному желанию царя».

Эти слова относятся к более позднему периоду истории Египта, но, несомненно, основы подобного порядка были заложены еще при первых фараонах, список которых возглавляет Менес.

Менес создал государственные отряды ремесленников, возводивших храмы, строивших верфи, выполнявших различные общественные работы. Учет всех работ, произведенных продуктов и ценностей осуществляли многочисленные писцы. Кстати сказать, греческие авторы именно Менеса считали изобретателем египетской письменности, отбирая эту заслугу у мудрейшего бога Тота. Греки приписывали первому фараону также введение в обиход многих предметов роскоши, а его супруге — изобретение замечательного притирания для волос.

Смерть Менеса окутана таким же туманом легенд, как и его жизнь: по одному из преданий, фараон в преклонном возрасте был убит на охоте гиппопотамом.

Еще одна легенда называет его сына и наследника, Атотиса, талантливым врачом и мемфисским жрецом. Атотис и другие преемники Менеса подготовили страну к невиданному расцвету, начавшемуся в «эпоху великих пирамид», как иные энтузиасты называют Древнее царство.

Джосер — первый фараон Древнего царства и Имхотеп — инопланетянин и бог

Джосер был первым фараоном Древнего царства, но прославился он больше всего не этим, не мудростью своего правления и не победоносными походами в Нубию и в Синай. Его имя увековечено тем, что на царском кладбище близ Мемфиса он повелел выстроить первую в истории пирамиду, отступив от традиций предшественников, которых хоронили в небольших (по сравнению с пирамидами) сооружениях из камня или кирпича — мастабах.

По приказанию фараона гениальный архитектор Имхотеп — личность еще более легендарная, чем сам Джосер, — воздвиг на месте нынешней деревни Саккары 60-метровую каменную пирамиду, состоящую из шести суживающихся кверху уступов. Ученые до сих пор не могут прийти к единому мнению, намеренно или нет пирамида Джосера строилась в несколько этапов и можно ли считать Имхотепа изобретателем каменного зодчества. Как в ту пору, когда люди не знали еще не только подъемных кранов, но даже простого ярма для тяглового скота, египтяне умудрились сложить из неподъемных каменных блоков 60-метровую громаду с основанием 125 на 115 метров?

На последний вопрос у «исследователей» вроде Эриха фон Деникена, автора книг «Воспоминание о будущем», «Назад к звездам» и «Посев и космос», есть однозначный ответ: пирамиды построили пришельцы из космоса с помощью своей высокоразвитой техники. «*Нет никаких сомнений*, — пишет в своей книге фон Деникен, — *что с нашим прошлым, давностью в тысячи и миллионы лет не все в порядке. Оно кишит неведомыми божествами, которые в составе экипажей космических кораблей посещали добрую старую Землю*».

Именно инопланетяне (которых Деникен время от времени именует «богами»), в порядке гуманитарной помощи, построили египетские пирамиды, баальбекскую

веранду, а также храмы майя и посадочные полосы в пустыне Неска.

Имя инопланетянина, руководившего строительством первой египетской пирамиды, в переводе означает: «Тот, кто *приходит* в мире», но, увы, только это и «указывает» на его инопланетное происхождение. Несмотря на свое имя, *пришельцем* из космоса Имхотеп не был, зато богом он действительно стал — правда, через много лет после своей смерти, в эпоху XXVI династии.

В надписи на цоколе статуи Джосера Имхотеп именуется хранителем печати царя Нижнего Египта, первым после фараона, управителем великого дворца, знатным по наследству, верховным жрецом Гелиополя, плотником, ваятелем, изготовителем каменных сосудов. Легенды говорят об этом разностороннем человеке также как о маге, врачевателе, астрологе и писателе, авторе не дошедших до нас поучений.

А ведь Имхотеп, хотя и был сыном «начальника работ севера и юга», начал свой труд всего лишь как скромный резчик по камню. И вот он становится главным зодчим, высшим сановником, верховным жрецом — и, превзойдя все вершины карьеры, причисляется (пусть посмертно) к сонму великих богов. Есть ли еще пример столь головокружительного взлета — и взлета столь заслуженного?

Погребальный комплекс в Саккаре был задуман как вечный памятник фараону Джосеру, но стал памятником не только владыке Обеих Земель, но и хранителю его печати. До сих пор первая египетская пирамида потрясает воображение, так же, как и окружающие ее постройки. Еще большее впечатление некрополь производит, когда вспоминаешь, что он был именно *первым*, что до Имхотепа никто не пытался строить столь грандиозных каменных сооружений.

Судя по проведенной не так давно реконструкции, погребальный комплекс ограждала стена высотой в 11 метров, длиной в полтора километра, с многочисленными бастионами и с 14 ложными воротами. Единственные настоящие ворота находились в юго-восточной стороне сте-

ны и напоминали узкую щель в метр шириной и 6 метров высотой. Вероятно, ворота были постоянно открыты, их охраняла вооруженная стража — никаких следов запоров на них не найдено. За входом начиналась крытая камнем колоннада длиной в 54 метра, а дальше открывался огромный двор, подводящий к усыпальнице Джосера и его семьи. В большом подземном погребальном комплексе находились не только царские гробницы и гробницы подданных фараона, там таился целый подземный каменный город: галереи, проходы, кладовые, предназначенные для еды и питья (да не будут испытывать умершие голода и жажды в загробном мире!), многочисленные помещения, назначение которых до сих пор остается для ученых загадкой.

Если даже сейчас творение Имхотепа производит на людей, избалованных видом Эйфелевой башни, Эмпайр Стейт Билдинг и собора Святого Марка столь ошеломляющее впечатление, что они начинают поминать богов и инопланетян, не удивительно, что древние египтяне сочли создателя этого каменного чуда богом и сыном богов.

Через два тысячелетия после смерти Имхотепа его объявили сыном Птаха и львиноголовой богини Сехмет и даже ввели в одну из великих египетских «триад». Богу-архитектору воздавали почести в храмах в Карнаке, Дейр эль-Бахри, Дейр эль-Медине, в Саккаре; он считался покровителем писцов, зодчества и медицины. Последнее обстоятельство заставило греков отождествить Имхотепа со своим богом-врачевателем Асклепием, который, как известно, тоже родился человеком и только после смерти был причислен к богам. Часовня Имхотепа в Саккаре в эпоху Птолемеев стала называться Асклепионом, и сотни страждущих стекались туда в надежде на излечение...

Поэтому любой египтянин, начиная с XXVII династии полностью согласился бы с Эрихом фон Деникеном: да, пирамиду Джосера воздвиг не кто иной, как бог!

А фараоны, правившие после Джосера, еще не раз прибегали к любезной помощи инопланетян, возводя себе надгробные памятники один поразительней другого.

Хеопс, Хефрен и Микерин — создатели пирамид-гигантов

Процитируем еще раз книгу бывшего официанта, бывшего владельца отеля в Давосе, бывшего заключенного долговой тюрьмы Эриха фон Деникена, который знает о пирамидах куда больше Геродота, Шампольона, Мариетта и Перепелкина, вместе взятых: «Перед нами стоит искусственный холм почти стопятидесятиметровой высоты и весом 31,2 миллиона тонн. И говорят, будто этот колосс не что иное, как гробница заурядного правителя! Пусть верит, кто может...»

Присоединяясь к числу таких легковерных простаков, попытаемся представить, кем был для своих подданных фараон эпохи Древнего царства, отнюдь не казавшийся египтянам «заурядным правителем» (неважно, удачными или неудачными были его земные дела).

Любой фараон — да живет он, да здравствует и да благоденствует! — был не только владыкой Обеих Земель, но и живым воплощением Гора, наследником трона благого Осириса. Церемония коронации нового правителя Египта потрясала сердца и души счастливчиков, сподобившихся ее лицезреть. На коронации присутствовали боги и богини всех провинций Египта, бело-красную корону Пшент вручали новому владыке боги Гор и Сет, символизируя тем самым не только объединение севера и юга, но и восстановление порядка в осиротевшей с уходом прежнего фараона стране. Бог Тот и богиня Сешет вписывали на священном дереве Гелиополя пять имен нового царя: имя Гора; имя золотого Гора; имя, защищаемое богинями Нехбет и Уаджет; его родовое имя и личное имя.

Тем временем повсюду шли всенародные празднества, лились водопады пива и реки вина. На четыре стороны света выпускали четырех белых гусей, дабы они оповестили всех о приходе нового царя. На всякий случай вслед за гусями к номархам отправлялись вестники с посланиями, скрепленными личной печатью фараона. Не

просто царь воцарялся на троне «Гора живущих», нет, всходило новое солнце, в мир являлся тот, кто будет поддерживать установленный Маат миропорядок, ибо даже Нил не разливался без специального брошенного в воду указа фараона!

Фараон считался живым божеством, а божества не умирают. Прежний владыка Египта тоже не умирал — он, как и положено солнцу, «восходил на горизонт», чтобы возродиться к жизни в Дуате, путь в который, как мы знаем, был труден, длинен и опасен. Даже душа самого фараона могла рассчитывать на возрождение и вечную жизнь в царстве мертвых только при условии выполнения десятков сложных ритуалов — и в том случае, если мумия усопшего владыки сохранялась, подобно мумии Осириса. Поэтому неудивительно, что «восшедшие на горизонт» цари Египта отправлялись в Дуат из грандиозных сооружений, вполне достойных наследников великих богов.

Самой большой из всех египетских пирамид является пирамида фараона Хуфу, или, как его называли греки, Хеопса, с именем которого связано множество противоречивых легенд.

«...Хеопс вверг страну в пучину бедствий, — сообщает в своей „Истории" Геродот. — Прежде всего он повелел закрыть все святилища и запретил совершать жертвоприношения. Затем заставил всех египтян работать на него. Так, одни были обязаны перетаскивать к Нилу огромные глыбы камней из каменоломен в Аравийских горах (через реку камни перевозили на кораблях), а другим было приказано тащить их дальше до так называемых Ливийских гор. Сто тысяч людей выполняло эту работу непрерывно, сменяясь через каждые три месяца. Десять лет пришлось измученному народу строить дорогу, по которой тащили эти каменные глыбы, — работа, по-моему, едва ли не столь же огромная, как и постройка самой пирамиды...

...Хеопс в конце концов дошел до такого нечестия, по рассказам жрецов, что, нуждаясь в деньгах, отправил собственную дочь в публичный дом и приказал ей добыть

некоторое количество денег — сколько именно, жрецы, впрочем, не говорили. Дочь же выполнила отцовское повеление, но задумала и себе самой поставить памятник: у каждого своего посетителя она просила подарить ей по крайней мере один камень для сооружения гробницы».

Так рассказывает о фараоне Хеопсе, со слов египетских жрецов, Геродот, добавляя, что сооружение Великой пирамиды заняло 20 лет, а возмущенный народ так ненавидел Хеопса и Хефрена, что даже старался не упоминать их имена, называя их чудовищные усыпальницы пирамидами Флитиса — по имени простого пастуха, который пас неподалеку свои стада.

Греческого путешественника часто обвиняли и обвиняют до сих пор в поверхностности и недобросовестности, а то, что он сообщает о Хеопсе, вызывает возмущение многих поклонников Древнего Египта[31]. Например, французский египтолог Кристиан Жак со всем пылом восстает против подобной «извращенной и жалостливой картины».

«Надо сразу развеять глупый миф о тысячах рабов, изнуренных жарой, со спинами, исполосованными бичом, поднимающих под надзором жестокого надсмотрщика камень за камнем на кладку, — протестует писатель в своей книге „Египет великих фараонов“. — ...Пирамиды не могли быть построены рабами „из-под палки“. Совершенство этих памятников исключает всякий подневольный, бездумный труд. ...сцены в мастабах, гробницах знати, показывают не подневольных людей, а трудолюбивый и счастливый народ».

К сожалению, аргументы подобного рода не очень весомо звучат в стране, чей «трудолюбивый и счастливый народ» вымостил своими костями такое грандиозное сооружение, как Беломорканал. А ведь заключенные Беломорканала зачастую не имели даже тех примитивных инструментов, какими располагали строители Великой пирамиды: деревья валили без пил, вручную, раскачивая их канатами! Что же касается изображений «трудолюби-

вого и счастливого народа», вспомните рельефы, которые украшают, скажем, залы московского метрополитена — вряд ли их можно считать правдивыми иллюстрациями к жизни в стране «победившего социализма».

«Тот, кто имеет представление об эпохе строительства пирамид, знает, что их возводили гениальные мастера, знатоки своего дела, камнетесы, геометры, специалисты по подъему тяжестей», — утверждает восторженный француз.

Но нетрудно понять, что сколько бы подобных специалистов не было в Древнем Египте, без помощи тысяч простых рабочих им никогда не удалось бы соорудить пирамиду объемом 2 520 000 кубических метров. Поэтому сведения Геродота, которые Кристиан Жак называет «низкой клеветой» и «сомнительными анекдотами», кажутся все-таки куда более близкими к истине, чем картина, которую рисует французский поклонник великодушных и добрых египетских фараонов: свободные счастливые люди, объединенные в рабочие отряды, радостно трудятся под руководством мудрых зодчих, вдохновляемых просвещенными гуманными владыками... Причем последние являются образцом заботливых «отцов народа» и даже войны ведут явно не для того, чтобы расширить свои владения и захватить добычу, а исключительно с целью укрепления мира в Египте и... во всем мире.

До боли знакомая картина — не хватает только соревнования между рабочими отрядами за звание ударной бригады! Кстати, всех, кто помнит о не столь далеком прошлом нашей страны, на интересные мысли могут навести названия некоторых отрядов, трудившихся на строительстве пирамиды Хеопса: одна команда называлась «Хуфу пробуждает любовь», другая — «Белая корона Хуфу могуча»... Кое о чем может рассказать также раскопанный археологами поселок строителей, живших в длинных казармах-бараках западнее Великой пирамиды. Этот поселок окружала высокая каменная стена — по мнению одних, возведенная для защиты трудящихся от песка пустыни и от хищников, а по мнению других — построенная

для предотвращения побегов рабочих, в которых Хуфу так и не сумел пробудить любовь. Во всяком случае, любовь к столь почетному делу, как строительство его усыпальницы.

Но каким бы образом ни строилась Великая пирамида Хеопса, она действительно была и остается великой. Эта рукотворная гора, сложенная из 2 500 000 каменных блоков, первоначально имела высоту 146,7 метра (сейчас — 137,3 метра). Подсчитано, что внутри усыпальницы Хеопса могли бы поместиться дворцы всех ныне царствующих владык, а вес ее (около 7 млн тонн) превышает тоннаж всего военного флота США!

Сын Хуфу фараон Хафра (греки называли его Хефреном) воздвиг себе пирамиду всего на 3 метра ниже отцовской. Эти две громадины в Гизе вплоть до XIX века оставались самыми высокими созданиями человеческих рук, пока в 1880 году их не превзошли две надстроенные башни Кельнского собора, а в 1889 году — Эйфелева башня.

И все-таки о самих создателях величайших египетских пирамид известно на удивление мало. Геродот называет Хефрена таким же безжалостным правителем, каким был и его отец, а вот о фараоне Менкауре (по-гречески — Микерине), тоже построившем для себя пирамиду, греческий историк рассказывает как о добром и кротком, но несчастном правителе. Согласно преданию, Менкаура сперва потерял любимую дочь, а потом царю было предсказано, что ему осталось жить всего шесть лет. Чтобы обмануть судьбу, фараон начал проводить дни и ночи в пирах, превращая день в ночь и пытаясь таким образом приравнять шесть лет к двенадцати. Кстати, интересно звучит название одной из бригад, трудившихся на строительстве пирамиды этого царя, — «Менкаура-пьяница» (или, в более мягком переводе, — «Менкаура опьяненный»).

Также любопытен ответ богини Маат посланным к ней гонцам фараона, спросившим, отчего злодеям Хуфу и Хефрену была отпущена столь длинная жизнь, а добродетельному Менкауре — столь короткая.

— Именно потому, что фараон так добр и справедлив, я и сократила срок его жизни, — ответила богиня. — Египту суждено было претерпевать бедствия 150 лет, и Хуфу и Хафра это поняли, а Менкаура не понял.

Легенда гласит, что, тем не менее Менкаура царствовал 18 лет (Манефон утверждает, что 63 года!), но по его пирамиде создается впечатление, что он и впрямь предчувствовал свою раннюю смерть. Фараон умер, когда пирамида была всего 20 метров высотой, ее надстраивал уже его преемник и сын Шепсескаф. Окончательная высота усыпальницы Менкауры составляла 66 метров, сейчас она на 4 метра ниже — и, конечно, разграблена, как и все остальные египетские пирамиды.

Каменные громады, призванные даровать вечную загробную жизнь лежащим в них фараонам, привели к обратному результату. Вместо того чтобы внушать благоговейный трепет грабителям могил, они поневоле наводили на мысль о бесценных кладах, хранящихся в их недрах.

Ни хитроумные ловушки, ни запутанные ходы, ни стоящая на страже статуя шакалоголового Анубиса — грозного хранителя могил — ничто не смогло послужить защитой умершим владыкам Египта. Преграды, иногда ставящие в тупик даже вооруженных современной техникой археологов, не удержали дерзких древнеегипетских воров, и порой не знаешь, возмущаться ли деяниями этих святотатцев, безвозвратно уничтоживших тысячи шедевров древней культуры (ибо грабителей, конечно, интересовало только золото, а не то, чтобы было из него сделано), или восхищаться их бесстрашием и изобретательностью? Преодолев все ловушки, пойдя на немыслимый риск, не убоявшись ни страшного наказания земных властей, ни гнева богов, отважные воры становились обладателями сокровищ, которые даже трудно себе вообразить. И, вторгнувшись в святая святых усыпальницы фараона, грабители совершали самое страшное — уничтожали мумию царя, чтобы избегнуть мести ограбленного владыки. С уничтожением мумии уничтожалось и

«Ка» фараона, а это вело к бесследному исчезновению его сущности в Дуате.

Ужасней такой судьбы для древнего египтянина ничего не могло быть. И когда стало ясно, что пирамиды не способны обеспечить своим владельцам вечную жизнь на Полях Камыша, фараоны отказались от их возведения.

В Новом царстве фараонов стали хоронить уже не в Гизе, а в Долине царей, большее внимание уделяя не помпезности, а, наоборот, скрытности могил... Впрочем, и подобные меры предосторожности не смогли уберечь гробницы от разграбления, а мумии царей от поругания, уж слишком велика была награда в случае удачного грабежа! Благодаря алчности древнеегипетских воров жалкий бедняк, похороненный в песке с одной-единственной статуэткой-ушебти под боком, мог чувствовать себя в Дуате в большей безопасности, чем усыпанный сокровищами мертвый фараон.

Можно лишь гадать, какие несметные богатства содержали три великие пирамиды в Гизе до того, как в них побывали грабители. А может быть, правду говорят легенды, что, испугавшись гнева народа, Хеопс и Хефрен приказали похоронить себя в тайном месте, оставив свои огромные каменные усыпальницы пустыми? Согласно другому преданию, возмущенный народ вытащил мумии тиранов из пирамид и растерзал...

Очень трудно сказать теперь, какие из легенд, догадок, предположений, древних сказок и современных научных версий о Хеопсе, Хефрене и Менкауре истинны, а какие ложны. Кто прав — Геродот или Кристиан Жак, а может быть, ни тот, ни другой? Какими были в действительности полумифические создатели трех самых больших пирамид в оазисе Гизе?

Вереница веков скрыла от нас их подлинные лица, так же, как лица тех, кто возводил единственное, дошедшее до нашего времени, чудо света.

Но люди и по сей день взирают на пирамиды с таким же изумлением и восхищением, с каким смотрел на них когда-то Геродот, неутомимый путешественник из Гели-

карнасса. И по сей день можно вспомнить древнюю пословицу: «Все на свете боится времени, но время боится пирамид»!

Древнее царство просуществовало около пятисот лет, оставив потомкам не только пирамиды, но и величественные храмовые постройки, обелиски, дороги из гранита и известняка, шедевры живописи и ваяния, поэтические молитвы, заклинания и мифы.

Однако к концу III тысячелетия до н.э. порядок, который казался таким незыблемым, рухнул: стремившиеся к самостоятельности номархи перестали подчиняться власти мемфисских фараонов, и страна раздробилась на множество враждующих друг с другом номов. Два столетия Египет раздирали смуты, пока Ментухотеп I не завоевал одну за другой все области Обеих Земель, заново воссоединив страну.

Началась эпоха Среднего царства, богатая как войнами и внутридворцовыми заговорами, так и взлетами египетской культуры. Она завершилась новой катастрофой — вторжением гиксосов, семитских племен скотоводов-кочевников. «Властители пастухов», или, как сначала их называли египтяне, «властители чужих гористых пустынных краев», процарствовали на египетском троне 108 лет, оставшись в памяти египтян длившимся целое столетие кошмаром.

Только к концу «гиксосского завоевания» в Фивах появились собственные цари, один из которых — Камос — поднял народ на борьбу с захватчиками. Войну с гиксосами победоносно завершил уже сын Камоса Яхмос I; он изгнал чужаков и стал основателем XVIII династии, с которой начинается Новое царство — эпоха наивысшего расцвета Древнего Египта.

Последователи Яхмоса расширили границы страны вплоть до Сирии, Нубии и верховьев Евфрата. Тутмос I начертал на берегах Евфрата надпись, отмечавшую рубеж его владений, но было ясно, что это еще не конец экспансии египетских фараонов. Тутмосу II уже пришлось

столкнуться с восстаниями на захваченных его предками обширных территориях и с восстаниями в самом Египте. Царь успешно подавил все беспорядки и приготовился продолжить победоносные войны своих предшественников, но...

Молодой фараон безвременно «взошел на горизонт», после чего внешняя политика Египта резко изменилась — на трон вступила супруга Тутмоса II, царица Хатшепсут.

Хатшепсут — женщина-фараон

До Хатшепсут на египетском троне уже восседали женщины, но всякий раз их недолгое правление являлось прелюдией к эпохе очередного упадка. А царствование жены Тутмоса II пришлось на самый расцвет Египта и длилось более 20 лет.

Официально Хатшепсут считалась регентшей при своем малолетнем племяннике Тутмосе III, но уже через два года после смерти мужа она начала выступать как полновластный глава государства, присвоив себе всю атрибутику египетских царей. Стараясь ни в чем не уступать правителям-мужчинам, Хатшепсут стала носить мужскую одежду, надевать накладную бороду (которая, как ни странно, не портила ее женственное тонкое лицо) и велела титуловать себя так, как в Египте всегда титуловали царей, убрав женские окончания из всех своих имен.

И все-таки правление женщины-фараона сильно отличалось от правления фараонов-мужчин. При Хатшепсут египтяне не ходили в военные походы — они строили, восстанавливая разрушенные гиксосами храмы и возводя новые; они не захватывали новые территории — а путешествовали; они не склоняли новые народы под египетское ярмо — а торговали с ними.

Широко известна экспедиция в страну ладана, совершенная по воле царицы, которую вдохновил на это сам верховный фиванский бог Амон. Пять кораблей по трид-

цать гребцов в каждом отправились в далекий Пунт (современные исследователи помещают страну ладана на побережье нынешнего Сомали), везя для обмена оружие и бусы.

Возвращение экспедиции было похоже на первое, триумфальное, возвращение Колумба в Испанию после открытия Нового Света. Царица приняла вернувшихся путешественников в садах храма Дейр-эль-Бахри, где были высажены привезенные из Пунта драгоценные деревья ладана, и сам Амон соизволил присоединиться к празднику, дабы насладиться ароматом изысканных благовоний. Кроме ладана посланцы Хатшепсут привезли золото, эбеновое дерево, слоновую кость, забавных маленьких обезьянок. Вдохновитель экспедиции Амон мог быть доволен еще и тем, что на берегах Пунта осталась его статуя — вместе со статуями самой Хатшепсут и богини Хатхор, считавшейся владычицей Пунта.

Да, мирные начинания царицы проходили весьма успешно, зато другие аспекты ее правления были далеко не столь удачны для сохранения великодержавной мощи Египта.

Политика мира привела к тому, что многочисленные азиатские провинции, присоединенные к стране при предыдущих фараонах, воспряли духом в надежде сбросить с себя иноземную власть. Множество мелких стран и княжеств объединились в антиегипетскую коалицию, возглавляемую сильным хурритским государством Митанни. Сражаться с этой коалицией после смерти Хатшепсут пришлось Тутмосу III, самому воинственному царю за всю историю Та-Кемет.

Историческая традиция говорит о вражде Тутмоса и его тетки, о том, что после кончины женщины-фараона ее преемник повелел уничтожать изображения царицы и сбивать ее имя на памятниках, но далеко не все археологические данные подтверждают эту версию. Например, нетронутым остался храм в Дейр-эль-Бахри, по рельефам на стенах которого можно прочесть историю всего царствования Хатшепсут, в том числе и легендарного путе-

шествия в «страну ладана», Пунт. Однако неоспоримым фактом остается то, что после смерти Хатшепсут долгий мирный период истории Египта сменился периодом наивысшей египетской экспансии, раздвинувшей границы страны от Ливии до Верхнего Евфрата.

Семнадцать военных походов Тутмоса III, прозванного впоследствии «египетским Наполеоном», сделали Египет самой могучей страной древнего мира и залили кровью все окрестные страны. Тутмос, покоривший более шестисот местностей и городов, отбыл в Дуат в возрасте 70 лет, готовясь заявить перед судом Эннеады, что он никого не убивал (так гласила надпись на его саване).

Теперь Та-Кемет внушал трепет врагам и почтение союзникам. Преемники фараона-воина Аменхотеп II и Аменхотеп III[32] делали все, чтобы поддержать кровавый престиж своей державы, громя сирийские города и успешно отражая вылазки главных противников Египта — хеттского и митаннийского государств. Оба Аменхотепа отличались не только воинственностью, но и неслыханной личной мощью: первый из них (как гласит надпись на стеле в Карнакском храме) во время одного из сражений собственноручно проломил палицей головы семерых сирийских вождей, а второй обожал развлекаться охотой на львов и перещеголял своего предка, убив во время одной из охот сотню диких быков! Воистину, перед такими свершениями бледнеют подвиги Геракла и Гильгамеша!

Но вот на смену истребителю львов и быков Аменхотепу III пришел его сын Аменхотеп IV, явно неспособный проломить голову даже новорожденному теленку. Новый фараон и не пытался собственноручно уничтожать диких зверей, сирийцев и нубийцев — вместо этого он сделал то, на что не отваживался ни один из его могучих предков: поднял свою худосочную руку на египетских богов. Больше того — на людей, которые были могущественнее самих бессмертных, на фиванских жрецов, служителей верховного бога Амона!

Эхнатон — еретик и поэт

К тому времени фиванское жречество давно уже превратилось в своеобразное «государство в государстве». Вспомните трудный путь египтян в Дуат — и вам станет ясно, какими богатствами и каким влиянием пользовались люди, в чьих руках находилась загробная жизнь всех людей Та-Мери, от землепашца до фараона. А воинственные владыки Нового царства, хотя и расширили свои владения от моря до моря, мало-помалу утратили ореол божественности, которым обладали их предки. Царь-воин, царь-охотник, царь-полководец слишком стал похож на человека и слишком мало — на бога, в отличие от великих фараонов Древнего царства. В эпоху Джосера, Хуфу, Менкауры один только царь имел право напрямую общаться с богом, в официальных надписях иногда даже говорилось, что он превыше всех богов; а теперь жрецы осмеливались влиять на передачу власти от одного фараона к другому, ссылаясь на указание верховного фиванского божества Амона!

И Аменхотеп III решил вернуться к славным временам, когда фараон являлся для своих подданных земным богом. Но для этого ему требовалось сокрушить тех, кто стоял на пути к его единовластному могуществу — жрецов Стовратных Фив. В противовес поклонению Амону царь мало-помалу выдвинул на первый план поклонение Солнцу — Атону, изображавшемуся в виде солнечного диска со множеством лучей-рук.

До сих пор идут споры о том, был ли Аменхотеп IV искренне верующим человеком или же он создал культ Атона как средство борьбы со своими противниками-жрецами? По-моему, одно не исключает другое. А наблюдая за ходом его борьбы, трудно отделаться от мысли, что чем дольше фараон поклонялся солнечнму богу, тем большим приверженцем Атона он становился. Разве не могло случиться так, что царь-богоборец, царь-еретик, царь-поэт поддался очарованию им самим же созданного культа и

стал фанатиком бога, который хотя и существовал прежде, но не обладал теми чертами, какие придал ему этот яростный солнцепоклонник? Что вдохновленный своим воображением фараон в некотором роде предвосхитил историю влюбившегося в собственное творение Пигмалиона?

Человеческая натура — причудливая вещь, и эта причудливость очень ярко воплотилась в Аменхотепе IV.

Имя *Аменхотеп*, что означало «Амон доволен», на пятом году царствования царь сменил на имя *Эхнатон*, означавшее «Полезный Атону», и провозгласил главным божеством Солнце — подателя жизни, владыку всего сущего на земле. Культы остальных богов были запрещены, многочисленные жрецы остались не у дел, утратив привычное высокое положение. Но даже те жрецы и высшие сановники, которые вслед за фараоном начали поклоняться Атону, уже не могли рассчитывать на восстановление своего былого влияния.

Культ Атона был неразрывно связан с культом самого царя; как солнце в зените возвышалось над землей, так и Эхнатон возвышался над всеми своими подданными. Фараон объявил себя возлюбленным сыном солнечного светила и потребовал не только царских, но и божественных почестей. Один лишь Эхнатон — и никто иной — мог общаться с богом, всем остальным полагалось обращаться с молитвами уже к царю. «Дозволь мне всегда насыщаться лицезрением тебя!» — льстиво просил хитрый сановник Эйя, сам будущий фараон, у Эхнатона.

Насыщаться лицезрением царя его подданные могли во время религиозных церемоний в новой столице Эхнатона — Ахетатоне (Горизонте Солнца). Фараон велел построить между Фивами и Мемфисом город с великолепным храмом Атона, с многочисленными государственными учреждениями, с кварталом ремесленников, с богатыми домами знати и, покинув логово ненавистных фиванских жрецов, навсегда перебрался в Ахетатон.

Эхнатон и его жена Нефертити, как божественная чета, вместе возглавляли торжественные церемонии, по-

священные солнечному светилу; сохранились рельефные изображения грандиозных праздников, во время которых царь изливал свои милости на принявших новую веру людей, так же как Солнце-Атон изливало благостные лучи на землю.

Само собой разумеется, новая религия далеко не всем пришлась по вкусу; не только жрецы старых богов, но и большинство простых людей не захотели отречься от прежней веры. Однако культ Атона наверняка приобрел и достаточно приверженцев — кто-то искренне уверовал в солнечное божество, а кто-то соблазнился милостями фараона. Эхнатон, порвавший со старым жречеством, приблизил к себе много незнатных, «служилых», людей; недаром в ту пору были очень популярны имена, означавшие в переводе «Эхнатон меня сделал»...

К тем же, кто не пожелал уверовать в бога-Солнце, фараон был беспощаден. Земное светило могло не только даровать блага, но и опалять! Стоит вспомнить надпись в гробнице Туту: «*Всякий ненавистный попадает на плаху... он подпадает мечу, огонь пожирает (его) плоть... Обращает он (Эхнатон) мощь свою против тех, кто игнорирует учение его, милости свои — к тем, кто знает его*».

Безжалостный к противникам своего вероучения, но выстроивший святилище для своей матери, царицы Тэйе, которая, по-видимому, осталась верна старым богам; велевший предать пленных нубийцев мучительной казни[33], но нежно любивший жену и шестерых дочерей; поставивший внешнюю политику Египта на грань катастрофы, но создавший одно из самых поэтичных произведений древности — «Гимн Атону» — каким он был, фараон-еретик? Его личность до сих пор ставит в тупик многочисленных исследователей «периода Амарны»[34], вызывая столько противоречивых толков, сколько не вызывает личность никакого другого фараона. Сама внешность Эхнатона, с чересчур широким тазом, выпуклым животом, выступающими грудями, странно вытянутой головой так и провоцирует на догадки одну невероятнее другой. Эхнатона

называли душевнобольным человеком, эпилептиком, оскопленным пленным нубийцем, гермафродитом, больным синдромом Фрелиха[35] и даже... женщиной!

Страсти бушуют и по сей день; их еще больше подогревает то, что мумия Эхнатона до сих пор не найдена, знаменитая гробница 55 в Долине царей, сохранившая, как полагали одно время, мумию царя-еретика, теперь считается гробницей одного из приближенных Эхнатона — Сменхкары.

Зато раскопки в городе солнца — Ахетатоне добавили много штрихов к портрету этого неординарного человека.

Эхнатону (и мастерам, которые трудились над украшением его столицы) впервые удалось преодолеть застывшие каноны древнеегипетского искусства, показав человеческие фигуры в иных ракурсах, с иными пропорциями, чем это делалось из века в век. Очень часто в «амарнском искусстве» встречаются пейзажные мотивы, отличающиеся необыкновенным реализмом. Во дворце царя пол и стены были расписаны под «живую природу»: заросли папируса, цветы, вьющаяся по полу тропинка, парящие в небе птицы...

В рельефах, посвященных семейной жизни фараона, решительно преобладает романтизм. Вновь и вновь показывается нежная любовь Эхнатона и Нефертити друг к другу и к своим дочерям. Фараон и его жена в сопровождении играющих на систре маленьких принцесс подносят цветы солнцу, протягивающему им в руках-лучах знак жизни «анх», они целуют своих детей, играют с ними, держат их на коленях... Еще никогда в египетском искусстве не встречалось таких пронзительно-трагических сцен, как оплакивание царской четой их умершей дочери. И немного в литературе Египта найдется столь ярких и талантливых произведений, как «Гимн Атону», обнаруженный в гробнице Эйи:

Великолепен, Атон, твой восход на горизонте.
Живой солнечный диск, положивший жизни начало,
Ты восходишь на восточном горизонте,

Красотою наполняя всю землю.
Ты прекрасен, велик, светозарен и высок над землею,
Лучами ты обнимаешь пределы земель,
тобой сотворенных...
.....
Ты заходишь на западном горизонте — земля во мраке,
как мертвые
Спят люди, с головою укрывшись, не видя друг друга.
Их обирают грабители, они не слышат.
Из логовищ львы выходят. Змеи жалят во мраке.
Земля безмолвствует. Творец ее за горизонтом.
Земля расцветает, когда ты восходишь на горизонте,
Мрак разгоняя лучами.
Обе земли в ликовании.
Обе земли торжествуют.
Пробуждаются люди...
.....
Птицы из гнезд вылетают,
Взмахами крыльев душу твою прославляя.
Скачут, резвятся все твари с каждым твоим восходом.
Плывут корабли на Юг и на Север.
Любые пути открыты в твоем сиянье.
Рыба в воде играет, на свет твой выходит,
Ибо ты проницаешь лучами глубины.
Животворишь младенцев в материнских утробах.
Даешь рожденным дыханье и им уста отворяешь.
Зародыш в яйце тебя, Атон, славословит,
Птенец в яйце жив тобою.
Сквозь скорлупу ты его насыщаешь, даруешь дыханье.
Ее пробивая клювом, к тебе он стремится
На шатких ножках.
Человеку твоих творений не счесть:
От глаз они скрыты.
Ты земли создатель, ее наполняешь жизнью,
Всем, кто на ногах своих ходит,
Кто парит над нею на крыльях,
Каждого, где бы он ни жил,
Ты судьбой наделяешь.

Пусть языки различны, разного цвета кожа,
Всех одаряешь пищей, жизни конец назначаешь.
Нил сотворен тобою в глубинах подземных.
Он выведен по твоему желанью
На благо Египту...
.....
Ты един во многих обличьях,
солнечный диск животворный,
Пылающий, сверкающий, далекий и близкий,
Нет числа твоим проявленьям.
В моем пребываешь ты сердце.
У тебя сыновей мириады,
Но я, Эхнатон, правдой живущий,
Единственный в твои посвященный тайны,
Твое постигший величье.
Ведаю я, что землю ты создал
Своей могучей рукою,
Что люди — твое творенье:
Поднимаешься ты — они живы,
спрячешься — умирают.
В тебе дыхание жизни. Ты украшаешь землю.
Людей от сна пробуждаешь для службы царской,
Делаешь слугами сыну, владыке обоих Египтов
И возлюбленной им Нефертити,
Царицы земель обеих.
Да будет она жива, молода и здрава
Вечные веки[36].

Ахетатон современники называли «небесным видением» и, как любое видение, он не просуществовал долго. После смерти Эхнатона его столица пришла в упадок, и вскоре «великий очарованием, приятный красотой для глаз» город полностью обезлюдел и был занесен песками.

Само имя Эхнатона безжалостно искоренялось теми, кто спешил вернуться к прежней вере, к прежним богам. Сменхкара, преемник фараона-еретика, перенес столицу обратно в Фивы и принялся восстанавливать поврежден-

ный солнцепоклонниками храм Амона. А полный реванш за перенесенные испытания фиванское жречество взяло при молодом фараоне Тутанхамоне, муже одной из дочерей Эхнатона, Анхесенпаамон.

Фараон Тутанхамон и археолог Говард Картер

Тутанхамон взошел на трон девяти лет от роду, называясь в ту пору Тутанх*атоном*. Но впоследствии царь изменил свое имя, отрекшись тем самым от солнечной ереси и провозгласив верность прежнему богу — Амону. Надпись на одной из стел в Карнаке рассказывает о том, что молодой фараон, видя зло, в которое вверг страну нечестивый богоборец Эхнатон, исполнился решимости поднять из развалин храмы, вернуть в Та-Мери изгнанных богов, восстановить в должностях знатных людей и их сыновей, вернуть жрецам отобранные богатства.

Насколько инициатором этих деяний был сам Тутанхамон, а насколько — наиболее влиятельное лицо при его дворе, сын кормилицы Нефертити, сановник Эйя, точно определить сейчас невозможно. Точно так же невозможно сказать, какими свершениями могло бы быть отмечено царствование зятя Эхнатона в дальнейшем.

Тутанхамон скончался в возрасте восемнадцати лет, так и не успев прославиться ни в войне, ни в политике, ни в строительстве.

Ранняя смерть царя не дала даже времени подготовить ему достойную гробницу, поэтому фараона похоронили в скромном склепе, вход в который оказался впоследствии завален мусором и скрыт под хижинами рабочих, строивших неподалеку усыпальницу для Рамсеса IV. Именно это обстоятельство — какая ирония судьбы! — и сохранило гробницу Тутанхамона нетронутой, сделав имя восемнадцатилетнего царя в наши дни более знаменитым, чем имена всех его великих предшественников и преемников.

А вместе с Тутанхамоном прославился на весь мир археолог Говард Картер, родившийся спустя три с лишним тысячелетия после кончины юного фараона и давший такую сжатую характеристику его царствования: «При нынешнем состоянии знаний мы можем с уверенностью сказать только одно: единственным примечательным событием его жизни было то, что он умер и был похоронен».

Еще одной иронией судьбы можно считать то, что самое сенсационное открытие в археологии имело своей первопричиной автомобильную катастрофу. Когда богатый человек, спортсмен, любитель бегов и антиквариата лорд Карнарвон перевернулся в машине и помимо других ранений получил серьезное повреждение дыхательных путей, он, конечно, и подумать не мог, что это событие будет иметь для него какие-то положительные последствия. Но именно так и случилось. Вынужденный из-за болезни сменить английские туманы на более теплый климат, лорд Карнарвон в 1903 году приехал в Египет, где обрел главное увлечение своей жизни.

Долина царей, которую посетил Карнарвон, напоминала в ту пору Клондайк времен золотой лихорадки. Там копали все и повсюду — и азартный англичанин, конечно, не смог остаться в стороне от дела, оказавшегося куда более увлекательным, чем скачки или автомобильные гонки. Лорд Карнарвон всерьез увлекся археологией, но, сознавая, что его познаний в этой области недостаточно, обратился за помощью к начальнику Управления раскопками и древностями профессору Масперо, а тот порекомендовал ему молодого ученого Говарда Картера.

Картер обладал всеми качествами серьезного археолога: выдержкой, дотошностью и добросовестностью, которые сочетались в нем с одержимой увлеченностью своим делом. Во всяком случае его считали одержимым все те, кто были уверены, что ничего значительного в Долине царей найти уже не удастся. Разве не перевернули здесь все вверх дном сначала Бельцони, за ним — Лепсиус, а потом их многочисленные последователи? Да на этой огромной

свалке нет ни камушка, который не был бы перемещен с места на место по меньшей мере трижды!

Невзирая на подобные доводы, Говард Картер год за годом продолжал упорные поиски укрывшейся от других исследователей гробницы. Причем не просто какой-то ненайденной гробницы, а именно захоронения Тутанхамона! Опираясь на некоторые археологические находки, Картер пришел к выводу, что где-то неподалеку от таинственной гробницы 55 должна находиться усыпальница этого юного царя.

И вновь коварная судьба решила сыграть злую шутку — открытие гробницы Тутанхамона могло бы совершиться на шесть лет раньше, если бы Картер и Карнарвон не прервали раскопки у подножия усыпальницы Рамсеса III и не перенесли их в другое место Долины царей.

Тот, кто сможет представить себе гигантский труд Картера и его помощников, вереницу надежд и разочарований, сопровождавших их на этом пути, поймет, что работа людей, двадцать лет пытавшихся под горами щебня и мусора отыскать частицу живой истории Египта, превыше всех воинственных деяний Тутмоса III и Рамсеса II.

Только в 1922 году Картер вернулся наконец на прежнее место раскопок и начал сносить лачуги рабочих — то была, как говорится в авантюрных романах, его последняя надежда... А дальше все случилось именно так, как и случается в подобных романах: уже на следующий день была найдена каменная ступенька, и вскоре перед лихорадочно работавшими людьми предстал вход в запечатанную гробницу. В *запечатанную*! Значит, была надежда, что в нее не удалось проникнуть древнеегипетским грабителям и их мусульманским последователям! Убедившись, что перед ним и впрямь какое-то важное захоронение (но чье — царя? высокопоставленного сановника? какого-нибудь высшего жреца?), Говард Картер совершил один из самых невероятных подвигов в истории археологии — вместо того чтобы немедленно вскрыть гробницу и увидеть результаты своих многолетних титанических трудов, он послал телеграмму в Англию отсутствовавше-

му в ту пору лорду Карнарвону: «Наконец удалось сделать замечательное открытие в Долине. Великолепная гробница с нетронутыми печатями; до Вашего отъезда все снова засыпаю. Поздравляю».

И он действительно все засыпал, так и не увидев оттиска печати Тутанхамона на двери — и ждал еще 20 дней приезда компаньона, чтобы наконец-то встретить свой звездный час, к которому он шел нескончаемо долгие годы. Тот миг, когда, проделав отверстие во второй двери гробницы, Картер при свете свечи увидел золотой трон, черные статуи диковинных зверей и алебастровые вазы, был наградой за все тернии, через которые археологу пришлось пройти на пути к звездам.

И тут сказалась одна из самых замечательных сторон натуры Говарда Картера. Да, так же, как и одержимый поисками Трои Генрих Шлиман, английский археолог увидел осуществленными самые безумные свои мечты. Но, к счастью, в отличие от Шлимана, он не бросился в спешке вытаскивать найденные сокровища, ломая и увеча то, что при беглом взгляде могло показаться малоценным по сравнению со сверкающим повсюду золотом. Картер знал, что в этой гробнице бесценным является абсолютно все, что любая спешка может иметь непоправимые последствия. И он действовал так осторожно и бережно, как только мог. Содержимое одного лишь деревянного ларца из гробницы Тутанхамона вынималось в течение трех недель; каждая самая мелкая находка тщательно описывалась и фотографировалась.

Справедливости ради стоит сказать, что в ту пору Картеру помогали уже десятки специалистов, тогда как Шлиман копал всего лишь при помощи чернорабочих, своей жены и томика Гомера в качестве справочного материала. Но даже будь в распоряжении Картера те же скудные средства, что и у немецкого энтузиаста, он, несомненно, не допустил бы такого варварского уничтожения культурных слоев, какое допустил Шлиман. И дело здесь вовсе не в том, что Картер был профессиональным археологом, а Шлиман — нет. Дело в самом подходе к археологическим

изысканиям, в осознании того, что прошлое реконструируется из множества мелочей, которые только профану могут показаться пустячными; в понимании того, что акт уничтожения ценностей, извлеченых из-под спуда веков, уже необратим.

Археологи до сих пор рвут на себе волосы по поводу погибших стен «Трои VI», пошедших на строительство бараков для рабочих Шлимана и даже не зарисованных перед тем, как их разобрали. По едкому выражению одного из ученых, Шлиман довершил дело Агамемнона, начисто разрушив Трою Приама...

Но гробнице Тутанхамона подобное не грозило. Работы в ней продолжались несколько лет, со всей возможной тщательностью и аккуратностью, то и дело принося исследователям все новые удивительные находки. Только в 1927 году, увы, уже после безвременной смерти лорда Карнарвона, Картер открыл наконец царский саркофаг, чтобы приступить к исследованию мумии царя. Скульптурное изображение Тутанхамона, украшавшее внутренний золотой гроб, известно теперь всему миру. Но не меньшее (а может, и большее) впечатление на всех, кто присутствовал при вскрытии саркофага, произвел венок из простых полевых цветов, лежавший поверх сверкающей золотой крышки.

Этим венком простилась со своим супругом юная вдова Анхесенпаамон, имя которой мы еще вспомним, когда речь зайдет о другой могущественной державе тех времен — Хеттской...

А пока бросим беглый, очень беглый взгляд на некоторые предметы, обнаруженные Картером в гробнице Тутанхамона. Среди прочих произведений искусства там был найден трон со спинкой, инкрустированной драгоценными камнями, с изображением Тутанхамона и его жены под лучами благодатного солнца. Четыре позолоченных колесницы, украшенные орнаментом и рисунками, покрытые инкрустациями из фаянса и камня, — побывавшие в гробнице древнеегипетские грабители разломали эти колесницы на части но, по счастью, не унесли их. Четыре

деревянные позолоченные статуэтки богинь-охранительниц, стороживших саркофаг покойного царя — на их прекрасные печальные лица невозможно смотреть без волнения. Деревянный расписной ларец с изображениями сцен охоты и войны — как мы знаем, на разборку содержимого этого ларца ушло три недели. Статуэтка Тутанхамона на спине черной пантеры — трудно сказать, в ком больше грации и изящества, в юном фараоне, сжимающем длинное копье, или в черном, мягко ступающем звере. Три больших ложа с изображениями звериных голов. Статуи звероголовых богов в золотых передниках, с палицами и жезлами, грозные стражи первой комнаты гробницы. Драгоценности, алебастровые вазы, оружие, одежда, бесчисленные украшения — на одной только мумии фараона Картер насчитал сто одну группу украшений, описание которых заняло в его книге около 15 страниц...

Но не стоит дальше перечислять те несметные сокровища, которые заняли почетное место в Каирском музее. Лучше вознести благодарность к судьбе за то, что она не дала древним ворам обчистить гробницу Тутанхамона так же, как усыпальницы всех других фараонов. А ведь они побывали там, эти вездесущие древнеегипетские грабители! Но, должно быть, их кто-то спугнул, благодаря чему человечество получило бесценные сокровища, — бесценные не потому, что многие из них были сделаны из золота и драгоценных камней. Даже если бы все найденное в гробнице Тутанхамона было изготовлено из простого дерева или камня, эти произведения искусства, дошедшие к нам из бездны времен, все равно не имели бы цены.

...А в той самой бездне времен, куда нам самое время вернуться, Тутанхамона сменил на египетском троне уже небезызвестный нам сановник Эйя, вслед за которым воцарился талантливый политик и полководец Хоремхеб. Этим двоим отчасти удалось исправить катастрофические последствия внешней политики Эхнатона, оттолкнувшего союзников Египта и позволившего подвластным азиатским народам вести себя с наглостью уверенных в своей

безнаказанности сепаратистов. Да, поклонник Атона был слишком увлечен религиозной реформой, чтобы обращать большое внимание на то, что происходило за пределами Та-Кемет, в результате чего египетская держава оказалась на грани развала...

Но Эйя и Хоремхеб стабилизировали положение, а после смерти Хоремхеба в Египте воцарилась XIX династия, второй представитель которой, Сети I, подчинил Северную Сирию и Палестину египетскому влиянию и остановил продвижение на север Хеттской державы. Возможно, в этом ему помогла эпидемия чумы, свирепствовавшая в ту пору в стране хеттов.

Сети I провозгласил своим соправителем сына, когда тому было всего десять лет. Этому фараону, увенчанному короной Пшент в столь раннем возрасте, суждено было процарствовать почти семь десятилетий, получить впоследствии прозвище «Великий» и действительно стать величайшим правителем Нового царства.

Рамсес Великий и битва при Кадеше

Согласно надписи на стеле в Асуане, Рамсес II подчинил своей власти нубийцев, ливийцев и хеттов. Если первые два пункта надписи трудно оспорить, с последним дело обстоит намного сложнее.

Два могущественных государства — хеттское и египетское — давно уже сталкивались то в кровопролитных сражениях, то в дипломатических войнах и интригах. Силы были почти равны, перевес поочередно брал то один, то другой противник. На стороне Египта сражались многочисленные наемники и воины из покоренных народов; но и хетты имели могучее войско, славившееся своими боевыми колесницами. Царям страны Хатти удалось сплотить множество мелких азиатских государств на борьбу с Египтом, и хеттский владыка Муваталлис не уступал Рамсесу в твердости и храбрости.

Длительное противостояние двух государств разрешилось в битве при Кадеше — одной из самых знаменитых битв в истории древнего мира. Вполне естественно, что в ту пору каждая из сторон приписывала победу в сражении себе, но очень забавно прислушиваться к высказываниям современных египтологов и хеттологов, чьи мнения о том, кто победил, столь же разноречивы, как мнения Рамсеса и Муваталлиса.

«Когда Рамсес Великий наголову разбил хеттов у крепости Кадеш», — мимоходом, как о чем-то само собой разумеющемся, упоминает египтолог. «Когда хетты наголову разгромили Рамсеса II у Кадеша», — не менее уверенно говорит об этой же битве хеттолог.

Откуда же берутся столь разные интерпретации одного и того же события? Отнюдь не претендуя на истину в последней инстанции, хочу тем не менее попытаться перенестись на три тысячи лет назад, к городу-крепости в долине реки Оронт и посмотреть, что же там тогда происходило.

Кадеш являлся опорным пунктом хеттов в Сирии, поэтому Рамсес поставил целью захватить его, чтобы сделать плацдармом для изгнания хеттов из «сферы египетского влияния». Овладев финикийским побережьем и воздвигнув там город, который стал базой египетского флота, фараон собрал огромные по тем временам силы — 20 тысяч воинов, в том числе наемников-нубийцев, шарденов и троянцев. На стороне Муваталлиса воевали, по некоторым сведениям, ликийцы, мисийцы, пидасы, киликийцы, ионяне. Оба противника обладали грозной конницей, с той разницей, что у египтян на колесницах сражались лучники, а у хеттов — копейщики.

И вот в месяце фармути, то есть в апреле, после прекращения сезона дождей, египетское войско, предводительствуемое отрядом разведчиков, вышло в долину реки Оронт и разбило лагерь в одном переходе от Кадеша. Пока египтяне стояли на привале, к Рамсесу привели двух перебежчиков, якобы посланных князьями двух племен, не желающих воевать на стороне хеттов. При допросе с пристрастием перебежчики показали, что войско хеттов на-

ходится сейчас далеко, возле Тунипа, на расстоянии 150 км от Кадеша... Если божественный фараон немедленно выступит, он сможет без помех захватить желанный город!

Поверив пленникам, фараон разбил войско на четыре отряда и рано утром двинулся по направлению к Кадешу по правому берегу реки Оронт. В 10 км южнее Кадеша войско начало форсировать реку, потратив на переправу как минимум 5 часов. Едва передовой отряд Амон[37] оказался на другом берегу, фараон с личной охраной быстро двинулся к городу, не дожидаясь остального войска. Рамсес разбил лагерь к северо-западу от Кадеша, и вскоре к нему присоединился отряд Амон. Остальные три отряда — Ра, Птах и Сутех — задержались на переправе, причем из-за плохой организации египетское войско оказалось разорванным на две большие части, и связь между отдельными частями была утеряна.

И тут вдруг выяснилось, что так называемые «перебежчики» были нарочно подосланы хеттами, чтобы ввести в заблуждение египтян: на самом деле войско Муваталлиса и его союзников скрытно расположилось неподалеку от Кадеша и внезапно начало фланговый маневр. Неожиданная атака 2500 хеттских колесниц застала врасплох отряд Ра, находившийся на марше южнее Кадеша, и привела к полному его разгрому. Только немногим египтянам удалось бежать к лагерю отряда Амон — а за ними по пятам гналась конница хеттов...

Сам Рамсес в то время уже знал о близости врага: его люди поймали лазутчиков, которые под пытками признались, что войско хеттов сейчас вовсе не у города Тунипа, а совсем рядом... Но *насколько* рядом, фараон даже не подозревал.

И вот, в тот момент, когда Рамсес распекал своих приближенных за плохую разведку, а те каялись и били себя кулаками в грудь, в лагерь фараона, преследуя остатки отряда Ра, ворвались хетты и их союзники.

О том, что произошло потом, красноречиво рассказывает так называемый «Эпос Пентаура».

Египетские воины и колесничие в панике перед неожиданно обрушившимся на них врагом обратились в бегство, только сам фараон в сей грозный час оказался на высоте. Рамсес схватил боевое оружие, облачился в доспехи и, воззвав к отцу своему Амону, вскочил на колесницу, называвшуюся «Победа в Фивах». Призыв царя коснулся слуха Амона — и благодаря поддержке свыше Рамсес опрокинул все 2500 вражеских колесниц, загнав бегущих врагов в воду, как крокодилов. Под яростным натиском великого фараона царь хеттов вместе со своими союзниками — царем Луки, царем Ирчу, царем Месы, царем Ирунa, царем дарданов, царем Каркемиша и царем Алеппо — бежали со всех ног, а его величество *мчался за ними, как грифон, и пять раз обрушивался на них, как Баал в час своего могущества*. Перебив несметное множество бегущих, фараон испепелил и выжег равнину, на которой стоял Кадеш, чтобы никто не узнал это место, истоптанное его врагами...

Как это важно — иметь такого талантливого летописца, способного любое поражение превратить в блистательную победу!

Правда, безвестный автор, чей эпос переписал Пентаур, не упомянул, каким именно оружием Рамсес сжег равнину близ Кадеша (не иначе как уреем), так же, как не рассказал о некоторых других интересных деталях сражения.

Но по другим источникам известно, что хетты и их союзники, ворвавшись в лагерь египтян, до того увлеклись грабежом, что не стали преследовать обратившегося в бегство противника. Тем временем подоспел большой отряд египтян и полностью уничтожил ворвавшихся в лагерь хеттов. Тогда Муваталлис бросил в бой свой резерв — тысячу боевых колесниц, после чего завязалось упорное сражение, длившееся три часа с переменным успехом... А в это время на другом берегу Оронта стояла так и не вступившая в бой пехота хеттов.

Битва закончилась с подходом отряда Птах, ударившего в тыл хеттскому войску. Оказавшись в окружении, хет-

ты и их союзники с трудом пробились к крепости Кадеш и заперлись там.

— Страны чужие, видевшие победу мою, прославят имя мое в дальних землях неведомых! —

заявил фараон, возвратившись после победы в свой лагерь, и его сановники хором ответили:

— Вот он, отважный воитель, стойкий сердцем! Ты спасаешь войско свое и колесничих своих! Ты сын Амона, повергающий врагов десницей его! Ты превращаешь страну хеттов в развалины мощной дланью своею! Ты ратоборец великий, и нет тебе равного! Ты царь, сражающийся за войско свое в день битвы! Ты храбр сердцем, первый в сражении! Не тревожит тебя обилие стран, выступивших против тебя! Великим победителем предстаешь ты пред войском своим и всею страной! Говорим тебе это без лести — ты защитник Египта, покоритель стран чужеземных! Ты сломал хребет страны хеттов навеки![38]

Далее летописец *без лести* сообщает, что царь хеттов через гонцов запросил фараона о перемирии, моля дать ему «дыхание жизни». И что Рамсес, посоветовавшись со своими вельможами, ушел от Кадеша, даже не попытавшись захватить эту сильную крепость.

Таким образом, Рамсес II не добился поставленной цели — не взял Кадеш и лишь чудом остался жив, понеся огромные потери. Но и хетты не достигли того успеха, какого могли бы достичь, если бы не увлеклись грабежом и не оставили свою конницу без поддержки пехоты. Если вести счет «по очкам», эту битву выиграл все же Муваталлис — Кадеш так и не достался Египту.

Правда, несмотря на неудачу в битве при Кадеше, Рамсес II добивался успеха в большинстве своих внешнеполитических начинаний и в конце концов завоевал огромную территорию — от Сирии до Ливии. Многолетние конфликты с хеттами завершились договором о «вечном мире»,

заключенном уже с Хаттусилисом III. По этому договору за хеттами признавалась власть над Северной Сирией, а за Египтом — право на большую часть Финикии, Палестину и часть Южной Сирии; оговаривалась военная взаимопомощь в случае агрессии и выдача политических преступников. Договор был начертан на серебряных досках и отдан под покровительство тысячи египетских и хеттских богов. С египетской стороны договор удостоверил бог Сет — на одной из табличек он показан обнимающим хеттского царя. Должно быть, наведя справки о характере этого коварного бога, Хаттусилис в качестве дополнительных гарантий решил выдать замуж за Рамсеса свою дочь, царевну Матнефрур... Удивительно, но «вечный мир» и впрямь оказался таковым — во всяком случае, он продержался вплоть до самой гибели Хеттской державы.

Рамсес II заботился не только о военной и внешнеполитической мощи своей страны. Этот фараон построил больше храмов и городов, чем какой-либо другой египетский правитель до или после него; он даже проложил канал по трассе современного Суэцкого канала, впоследствии, правда, заброшенный и ставший непригодным для судоходства. О Рамсесе II еще при жизни ходило много легенд, а в количестве его детей, наверное, никогда не удастся разобраться — по одним сведениям, у фараона от нескольких жен было 45 сыновей и 40 дочерей, по другим, он имел 111 сыновей и 67 дочерей.

Могущество египетского владыки увековечили грандиозные постройки: заупокойный комплекс Рамессеум с четырьмя гигантскими колоссами при входе, храм Абу-Симбел в честь фараона и его любимой жены Нефертари, храм Осириса в Абидосе, множество обелисков и огромных статуй...

Рамсес II скончался в возрасте 87 лет, на 66 году царствования, и его смерть была прелюдией к постепенной утрате Египтом своего величия.

Не только Египет, но и весь древний мир вскоре содрогнулся под натиском нахлынувших с севера варварских

народов. Многие государства, казавшиеся несокрушимыми, в конце XII века до н.э. прекратили свое существование. С огромным трудом фараону Мернептаху удалось отразить наступление «народов моря» и спасти свою страну от участи Трои и державы хеттов. Рамсес III, последний значительный египетский фараон, полностью разгромил захватчиков в морском сражении, но его преемники уже не смогли вернуть Египту былое могущество. Изменился весь тогдашний мир, изменилась вместе с ним и страна Та-Кемет.

Вереницами проходят перед нами многочисленные Рамсесы XX династии, последний из которых вынужден был смириться с тем, что верховный жрец Амона начал писать свое имя в царском картуше. После того как XX династия прервалась, началась долгая неразбериха, получившая название Третьего переходного периода, и в начале VIII века до н.э. власть в ослабевшем Египте захватил нубийский царь Пианаха, а его преемник Шабака основал династию, названную греками «эфиопской». Но это было только прологом к дальнейшим несчастиям: в 670 году до н.э. началось ассирийское завоевание, и царь Ассархадон опустошил и уничтожил Мемфис, а его сын Ашшурбанипал взял Стовратные Фивы...

Потом внутренние неурядицы в Ассирии позволили основателю XXVI, саисской, династии Псамметиху I вернуть Египту былую независимость, и период правления этой династии часто называют «саисским ренессансом». Саисская династия процарствовала 140 лет, подарив нам много шедевров живописи и литературы.

А вслед за тем началось персидское завоевание, сначала первое, а после недолгого периода независимости — второе... Короткое правление Александра Македонского, которого в Египте встречали как освободителя от власти ненавистных персов, стало вступлением к «греческой» и позднее — к «римской» истории Египта.

Эпоха Птолемеев, когда египетский город Александрия стал культурной столицей тогдашней Ойкумены, представляет огромный интерес, особенно для любителей

античной и эллинской культуры, но я не буду углубляться в те времена, обойдя молчанием даже печально знаменитую историю Антония и последней египетской царицы Клеопатры.

Давайте лучше вернемся назад и воздадим должное труду тех, кто сохранил для нас сказки, повести, легенды Древнего Египта — писцам, наследникам мудрости Тота и Имхотепа.

ВРЕМЯ ПИСЦОВ

Мудрые писцы
Времен преемников самих богов,
Предрекавшие будущее,
Их имена сохранятся навеки.
Они ушли, завершив свое время,
Позабыты все их близкие.

Они не строили себе пирамид из меди
И надгробий из бронзы.
Не оставили после себя наследников,
Детей, сохранивших их имена.
Но они оставили свое наследство в писаниях,
В поучениях, сделанных ими.

...Построены были двери и дома, но они разрушились,
Жрецы заупокойных служб исчезли,
Их памятники покрылись грязью,
Гробницы их забыты.
Но имена их произносят, читая эти книги,
Написанные, пока они жили,
И память о том, кто написал их,
Вечна.

Стань писцом, заключи это в своем сердце,
Чтобы имя твое стало таким же.

Книга лучше расписного надгробья
И прочной стены.
Написанное в книге возводит дома
и пирамиды в сердцах тех,
Кто повторяет имена писцов,
Чтобы на устах была истина.
Человек угасает, тело его становится прахом,
Все близкие его исчезают с лица земли,
Но писания заставляют вспоминать его
Устами тех, кто передает это в уста других.
Книга нужнее построенного дома,
Лучше гробниц на западе,
Лучше роскошного дворца,
Лучше памятника в храме.

Папирус эпохи Нового царства[39].

В Древнем Египте писали на самых разных материалах: на пластинках известняка, на кожаных свитках, на глиняных черепках-остраконах; но самым главным материалом для письма был папирус. Это растение, в изобилии покрывавшее прибрежные болота Евфрата и Нила, достигало нескольких метров в высоту и давало сырье для циновок, хижин, лодок, сандалий... И, конечно же, служило писчим материалом. Разрезанные на тонкие полосы кусочки стебля складывались слоями — каждый последующий слой поперек предыдущего — потом их накрывали тканью и деревянным молотком осторожно расплющивали волокна. Оставшиеся неровности заполировывали камнем. Клея не требовалось, так как само растение содержало клеящие вещества. Листы папируса соединялись в свитки, достигавшие порой более 40 метров в длину, и наматывались на палку — «пуп».

Писали на папирусе пером из стебля болотного растения каламус, очиненным и расщепленным, пользуясь очень стойкими черными и красными чернилами. Сам папирус тоже был куда более стойким материалом, чем

наша бумага, но сохраняться веками и тысячелетиями мог только в сухом климате. Именно египетскому климату мы обязаны тем, что самые древние из найденных папирусов относятся к III тысячелетию до н.э.

Искусство писца в Та-Кемет считалось очень почетным, наверное, потому, что было чрезвычайно трудным; до наших дней дошло несколько красноречивых наставлений нерадивым ученикам, в которых прославляются достоинства профессии писца по сравнению со всеми другими занятиями.

Жизнь воина полна опасностей, — наставляет своего ученика многоопытный писец, — в походах служителей меча подстерегают враги и дикие звери. Прачечнику тоже не позавидуешь: когда он стирает на берегу реки, в любой миг его может схватить крокодил. Хлебопек рискует жизнью, засовывая голову в отверстие печи — если он выскользнет из рук своего сына, который держит его за ноги, он упадет в огонь. Жизнь земледельца — вообще сплошная мука, полная тяжкой работы и зависимости от мытарей, отнимающих у бедняги плоды его труда. Только писец освобожден от повинностей, «удален от мотыги и кирки» и «охранен от всяких работ»! Стань писцом, и ты будешь жить достойно!

Так-то оно так, но чтобы удержать в памяти сотни слоговых, буквенных, смысловых и пояснительных знаков, требовались многие годы кропотливого ученья, за время которых ученики наверняка не раз завидовали привольной жизни воина или даже опасной жизни прачечника...

Зато люди, сумевшие все же овладеть «священным письмом», могли по праву считать себя приобщившимися к божественной премудрости.

Сам процесс письма в Древнем Египте являлся неким священнодействием. Перед работой писец обязательно наливал немного воды в чашечку для разведения краски, совершая таким образом возлияние в честь великого Имхотепа, склонялся над драгоценным папирусом, красными чернилами выводил заголовок — и начинал

покрывать желтый лист узором тщательно выписанных иероглифов...

Потерпевший кораблекрушение

Однажды фараон — да живет он, да здравствует и да благоденствует! — послал одного из своих номархов во главе отряда воинов в Нубию. Но номарху не удалось выполнить поручение владыки, и он с тяжелым сердцем возвратился домой, опасаясь гнева великого фараона.

Тогда его спутник, бывалый человек, обратился к нему с такими утешительными словами:

— Ободрись, предводитель, сейчас время радоваться, а не горевать! Все мы благополучно вернулись из трудного странствия; уже брошен на берег носовой канат и вколочен в землю кол, чтобы привязать его. Посмотри — вся наша команда вернулась здоровой и невредимой, люди радуются концу путешествия, обнимают друг друга и славословят богов! Мы дошли до границ Уауата и счастливо миновали пороги перед Сенмутом[40] — теперь самое время совершить омовение и без страха отправиться во дворец к фараону. Говори без запинки, умело веди свою речь, и тогда простится тебе твоя невольная вина — ведь спасенье провинившегося в ловкости его языка... А впрочем, поступай как знаешь, я не стану уговаривать тебя. Лучше послушай-ка, что за история однажды со мной приключилась.

Несколько лет назад я отправился к рудникам фараона на корабле длиной в сто двадцать локтей[41], а шириной в сорок. Со мной было сто двадцать лучших корабельщиков Та-Мери, прошедших огонь и воду, сердца их были отважней, чем у львов, они не боялись ни бури, ни грозы. И вот, когда мы плыли по Великому Зеленому морю[42], налетел неслыханный шторм, забушевали волны высотой больше восьми локтей, и мачта, обрушившись, пробила днище нашего судна. Корабль затонул, все мои товарищи погибли, а меня волны выбросили на неведомый остров.

Три дня я пролежал в одиночестве в тени деревьев, тоскуя о своих погибших спутниках, — и только сердце было мне товарищем и другом. На третий день голод погнал меня на поиски пищи, и я увидел, что остров, на который меня забросила судьба, изобилует виноградом, финиками, фигами и другими плодами, которые обычно выращивает себе в пищу человек. Я нарвал столько отборных плодов, что даже не смог все съесть; потом добыл огонь при помощи двух палочек и принес благодарственную жертву богам.

Но едва я завершил жертву всесожжения, как раздался шум, похожий на шум бури, затрещали и согнулись деревья, и земля подо мной затряслась. В страхе я закрыл лицо руками, а когда осмелился взглянуть, увидел, что ко мне приближается змей длиной в тридцать локтей, с бородою в два локтя. Его чешуя блестела чистым золотом, брови его были из чистого лазурита!

Извиваясь, змей приблизился ко мне, и я в ужасе упал на живот, когда надо мною нависла разверстая пасть.

— Как ты попал сюда, малыш? — вопросил змей. — Кто доставил тебя на мой остров? Отвечай без промедления, иначе я сотру тебя в порошок!

Но я не мог ответить ничего вразумительного, потому что уста мои сковал страх.

Тогда змей осторожно взял меня в пасть и понес к своему жилищу. Там он положил меня на землю и снова спросил:

— Как ты попал сюда, малыш? Как ты попал на мой остров, со всех сторон окруженный водами моря? Кто доставил тебя сюда?

И, распростершись ниц и воздевая руки, я честно ответил говорящему змею:

— Я плыл к рудникам фараона на корабле, в котором было сто двадцать локтей в длину, а в ширину сорок. Сто двадцать спутников было со мной, лучших корабельщиков Та-Мери, прошедших огонь и воду, сердца их были отважней, чем у львов, они не боялись ни бури, ни грозы. Но вдруг налетел чудовищный шторм и потопил наш

корабль. Все мои спутники погибли, только меня волны выбросили на твой остров. Вот я перед тобой, и делай со мной, что хочешь!

И ответил мне гигантский змей:

— Не бойся, малыш, я не трону тебя! Видно, бог решил тебя спасти, раз доставил на Остров Изобилия. Ты будешь жить здесь, ни в чем не нуждаясь, три месяца кряду, а на четвертый месяц сюда причалит корабль, на котором будут твои соотечественники, и они увезут тебя на родину. Ибо суждено тебе умереть не на чужбине, а на родной земле, и ты еще расскажешь близким о своих былых злоключениях, когда все беды останутся позади.

А теперь послушай о несчастье, которое приключилось со мной, — продолжал утешительные речи добрый змей, — может, тогда твои беды не покажутся тебе столь ужасными. Я жил на этом острове со своими родичами и детьми, и было нас здесь семьдесят пять змеев... Тяжелей всего мне вспоминать младшую дочку, последний дар всемогущего бога! Так слушай же — однажды, когда меня не было дома, с неба обрушилась звезда и испепелила их всех. Все мои родные погибли в пламени, ни один из них не спасся! И когда я вернулся и увидел их обугленные тела, то едва сам не умер от скорби.

Подумай же о том, что приключилось со мной — и укрепи свое сердце! Если ты найдешь в себе достаточно мужества, ты снова вернешься домой и расцелуешь детей и жену — есть ли на свете что-нибудь прекрасней? И будешь ты всю жизнь наслаждаться покоем и миром среди родных.

Коснувшись лбом земли, я так ответил мудрому змею:

— Я расскажу о твоем великодушии фараону, я поведаю ему о том, что случилось со мной на этом острове, и тебя восславят во всех городах моей страны. Тебе доставят в дар корицу, ладан, благовонные смолы, чей запах веселит сердца богов! Я заколю ради тебя быков и принесу тебе жертву всесожжения. А еще я пришлю тебе из Та-Мери корабли с драгоценными дарами, какие подобает подно-

сить бессмертным владыкам. Ведь ты, без сомнения, бог этой земли, пекущийся о смертных людях, хотя они и не ведают об этом!

Но змей расхохотался мне в лицо.

— У тебя есть ладан, но немного, — фыркнул он, — а мирры вовсе нет! Я же владею Пунтом, и вся мирра в нем моя, да и прочих благовоний на моем острове не счесть. К тому же, покинув этот остров, ты больше не найдешь его, он навечно скроется между морских волн.

Все произошло именно так, как предсказал змей.

Через три месяца к острову подошел корабль, и я, забравшись на верхушку высокого дерева, увидел на палубе соотечественников. Я поспешил к змею, чтобы рассказать ему об этом, но мой хозяин уже все знал и напутствовал меня такими словами:

— Прощай и будь здоров, малыш! Вскоре ты увидишь детей и жену. Расскажи обо мне людям своей страны — вот все, о чем я тебя прошу.

Я распростерся ниц, благодаря змея и вознося ему хвалу, и вот что услышал напоследок:

— Через два месяца ты вернешься домой, проживешь на родине долгую счастливую жизнь и будешь похоронен в своей гробнице.

Тут я взял благовония и специи, слоновую кость и драгоценности, обезьянок и охотничьих собак, которые позволил мне забрать с острова змей, и погрузил все это на корабль. Корабельщики вместе со мной возблагодарили щедрого и доброго владыку острова, и мы пустились в обратный путь. Спустя два месяца мы благополучно достигли Та-Мери, и я сложил перед фараоном дары, полученные мною на Острове Изобилия. И фараон — да будет он жив, здрав и невредим! — похвалил меня перед своими сановниками, и одарил меня рабами, и пожаловал в награду высокую должность.

Теперь ты видишь, что можно остаться живым даже после таких бед, какие выпали на мою долю, — так не отчаивайся же и ты перед лицом испытаний, которые послала тебе судьба!

Так сказал спутник номарха, пытаясь ободрить своего приунывшего предводителя.

Но тот со вздохом ответил:

— Хорош был твой рассказ, да только незачем тебе хитрить со мною. Негоже поить птицу, которую все равно поутру зарежут!

На этом кончается рассказ, записанный писцом с умелыми пальцами — Аменаа, сыном Амени, да будет он жив, здрав и невредим!

Ловкий вор

У фараона Рампсинита[43] было больше золота и драгоценностей, чем у всех предыдущих и последующих властителей Египта. Чтобы надежно спрятать свои сокровища, он велел построить специальное каменное помещение. Но зодчий, выполнявший поручение царя, оставил в хранилище лаз, который прикрыл незакрепленной каменной плитой.

Почувствовав приближение смерти, зодчий позвал к себе двух сыновей и рассказал им, как можно проникнуть в сокровищницу царя. (Должно быть, он сделал это, чтобы спасти свою семью от разорения, связанного с его погребением.)

Похоронив отца, два брата воспользовались потайным лазом. Глубокой ночью они вынули каменную плиту, забрались в царское хранилище и унесли оттуда много золота и драгоценностей. Но этого им показалось мало — и братья повадились ходить за богатствами в сокровищницу фараона, словно в собственные кладовые.

Через некоторое время Рампсинит начал замечать, что его сокровища убывают, хотя печати на двери оставались целы. Тогда царь велел изготовить хитроумные капканы и расставил их вокруг сосудов, где хранились его богатства.

Царский замысел удался: когда братья в очередной раз пришли в сокровищницу за поживой, один из них угодил

в капкан. Вор понял, что ему не вырваться, и попросил брата отрубить ему голову, чтобы его не опознали и не добрались таким образом до его семьи.

Второй вор так и сделал. Он отрубил брату голову, и, взяв ее с собой, выбрался из хранилища и опустил за собой каменную плиту.

Наутро фараон спустился в сокровищницу, с огромным изумлением обнаружил там обезглавленный труп, но не увидел никаких следов взлома. Поразмыслив, царь велел повесить труп на городской стене и приставить к нему стражу — если же при виде покойника кто-нибудь заплачет или по-другому выразит свою печаль, пусть воины немедленно схватят этого человека и приведут во дворец.

Мать двух братьев увидела труп своего сына на городской стене, но ничем не выказала скорби, пока не пришла домой. Там вне себя от горя она велела уцелевшему сыну любой ценой спасти тело брата от надругания — иначе она сама пойдет к фараону и скажет, кто был похитителем его сокровищ!

Находчивый вор придумал такую хитрость: он погрузил несколько мехов самого крепкого вина на двух ослов и погнал их к городской стене. Приблизившись к месту, где висело тело брата, он потянул за завязки мехов, так что вино потоком хлынуло на землю. Вор закричал и заметался, хватаясь за голову, якобы в отчаянии от понесенного убытка. А стражники, увидев хлещущее на землю вино, сбежались с сосудами в руках и принялись вволю пьянствовать на дармовщинку.

Сперва хозяин вина поносил и ругал воинов, но потом вступил с ними в разговор и — слово за слово — вскоре уже распивал вино вместе со стражниками, то и дело подливая им из уцелевших мехов.

К закату доблестная стража упилась так, что свалилась вповалку и захрапела, тогда вор снял со стены тело брата, погрузил на осла и привез домой. Но перед этим каждому из пьяниц-стражников он в насмешку отрезал правую половину бороды.

Узнав о случившемся, Рампсинит пришел в неистовый гнев. Мало того, что какой-то хитроумный негодяй ограбил его сокровищницу и похитил тело своего сообщника, так он еще и посмеялся над его воинами! Фараон решил любой ценой поймать наглеца. Он велел своей дочери поселиться в отдельном доме и принимать у себя всех мужчин, а вместо платы требовать, чтобы каждый из них рассказал о самом дерзком и самом хитроумном поступке в своей жизни.

— И если кто-нибудь расскажет тебе о воровстве сокровищ из моего хранилища, — наставлял принцессу заботливый отец, — хватай его покрепче и не отпускай!

Дочь фараона сделала все, как ей было велено. Надо думать, работы у нее было хоть отбавляй: от желающих задаром переспать с царской дочкой, да еще и похвалиться перед ней своей удалью наверняка не было отбоя! Жаль, что рассказы клиентов принцессы не записывал какой-нибудь придворный писец — из них получилась бы книга не хуже «Тысячи и одной ночи»... Народная тропа к покоям царевны не зарастала, вскоре чуть ли не каждый мужчина города посетил дочку фараона, но умный вор сразу понял, что эта ловушка расставлена именно для него. И все-таки он решил принять вызов: отрезал руку у свежего трупа и, спрятав ее под плащом, явился к гостеприимной принцессе.

Царская дочь приняла нового посетителя так же, как и всех остальных мужчин, и так же, как всем остальным, задала ему два обычных вопроса. Вор не стал плести небылицы, он откровенно поведал, что самым дерзким его поступком было ограбление царской сокровищницы, а самым ловким — спасение тела брата, повешенного на городской стене.

Услышав чистосердечное признание, девушка схватила вора и стала звать стражу, — но когда воины примчались на зов, они увидели, что дочь фараона держит мертвую руку, которую успел подсунуть ей ловкий вор.

После этого фараон Рампсинит признал свое поражение. Царь приказал объявить по всей стране, что хитрец

будет прощен, если явится к нему с повинной. Как ни странно, вор поверил обещанию и явился пред очи фараона, и — что еще того удивительней! — фараон действительно простил пройдоху. Мало того — он выдал дочь за расхитителя своей сокровищницы как за самого умного человека среди египтян.

Сказка о хитром воре дошла до нас в изложении Геродота, и в ней можно уловить параллель с сюжетом одного из эллинских мифов. Согласно этому мифу, сыновья орхоменского царя Эргина, братья Трофоний и Агамед, построив сокровищницу для царя Гириея, каждую ночь через оставленный в ней тайный лаз уносили золото и серебро. Точно так же, как фараон Рампсинит, Гирией поставил в сокровищнице капканы, и Агамед попался в один из них. Тогда Трофоний, испугавшись, как бы люди, опознав его брата, не добрались и до него, отрубил Агамеду голову и унес ее с собой. Но этим преступлением он переполнил чашу терпения богов — в роще близ города Лебадии земля расступилась и поглотила его.

Однако египетские боги, как будет ясно из следующей сказки, обладали совсем другим менталитетом, нежели эллинские. Зачастую они не только не карали преступников, но даже не могли разобраться, на чьей стороне истина — на стороне Правды или на стороне Кривды.

Правда и Кривда

Жили некогда два брата, старшего звали Правда, а младшего — Кривда. Правда был прекрасен душой и телом, поэтому Кривда завидовал ему и мечтал его погубить.

И вот отдал Кривда на хранение управляющему Правды много разного добра, в том числе — кинжал в красивых ножнах. Но когда управляющий Правды начал чистить

кинжал на берегу пруда, оружие, выскользнув у него из рук, кануло в воду. Сколько ни искали драгоценный кинжал — так и не смогли найти, и тогда Правда предложил брату взамен утерянной вещи все оружие, какое было в его доме.

Но Кривда ответил:

— Нет другого такого кинжала, каким был мой! Клинок его был величиной с гору Эль, рукоятка — как ствол дерева Коптоса[44], ножны его — как гробница бога, обвязка ножен — как все стада пастбищ Кара![45]

С этими словами он схватил брата и потащил его на суд Эннеады.

— Я отдал на сохранение Правде свой кинжал, — пожаловался Кривда девятке богов. — Клинок его был величиной с гору Эль, рукоятка — как ствол дерева Коптоса, ножны его — как гробница бога, обвязка ножен — как все стада пастбищ Кара! И вот он потерял мой кинжал — так пусть за это его ослепят и сделают привратником моего дома!

И Эннеада сделала все, что потребовал Кривда[46].

Только это не утолило злобной зависти младшего брата — ведь старший по-прежнему превосходил его во многом, хотя и был слеп. И сказал тогда Кривда рабам, принадлежавшим Правде:

— Отведите вашего господина в пустыню на пожрание львам, иначе я вас убью!

Рабы не посмели перечить, взяли Правду и повели его в пустыню. Но по дороге Правда взмолился:

— Пощадите меня! Скажите брату, что вы сделали все, что он велел, а сами оставьте меня здесь, дайте мне только немного хлеба, чтобы я не умер с голоду.

Рабы так и поступили; а Правда лег у подножья холма и пролежал там много дней.

Наконец его увидели служанки одной знатной египтянки и рассказали своей госпоже, что возле холма лежит юноша, прекрасней которого нет во всей Та-Мери.

Госпожа последовала за служанками, взглянула на незнакомца — и, увидев, как он прекрасен, загорелась к

нему вожделением. Она взяла юношу в дом, познала его, как женщина познает мужчину, и в ту же ночь зачала от него дитя.

Через положенное время госпожа родила сына, прекрасного, как сын бога. Он был высок, красив и умен, ему не было равных ни среди сверстников, ни среди старших мальчиков в школе. Все, что полагалось делать, он выполнял так умело и быстро, что другие дети начали завидовать ему.

— Чей ты сын? — то и дело кричали они сыну Правды. — Нет у тебя отца!

Так мальчишки дразнили и оскорбляли его, не давая ему прохода.

Тогда мальчик начал спрашивать мать:

— Скажи мне, кто мой отец, потому что товарищи дразнят меня. Они говорят, что у меня вовсе нету отца!

И мать ответила:

— Взгляни на слепого привратника, который сидит у наших дверей. Это и есть твой отец!

Услышав такой ответ, мальчик воскликнул:

— За то, что ты сотворила, следовало бы бросить тебя крокодилам на глазах у всей твоей родни!

Сын Правды привел привратника в дом и принял его, как подобало почтительному сыну принимать родного отца. А накормив и напоив слепого, спросил:

— Скажи мне, кто ослепил тебя, кому я должен за тебя отомстить?

— Мой младший брат ослепил меня, — ответил Правда и рассказал сыну, как все произошло.

Тогда мальчик взял быка невиданно прекрасной масти и много разного добра, явился к пастуху Кривды и отдал ему все добро за то, чтобы тот посторожил его быка. Через некоторое время Кривда увидел среди своего скота это дивное животное и сказал пастуху:

— Чей это бык? Отдай его мне, я хочу, чтобы он был моим!

— Я не могу его отдать, — ответил честный пастух, — меня просили только посторожить быка, но он не мой!

— Так отдай хозяину одну из моих коров, — отмахнулся Кривда. — Отдай ему хоть все стадо, но этого быка я забираю себе!

С этими словами он увел быка, а вскоре вернулся сын Правды и спросил:

— Где мой бык? Я не вижу его!

— Возьми взамен любую корову Кривды, — смущенно ответил пастух. — Возьми хоть все стадо — так велел передать тебе господин!

— Нет другого быка, подобного моему! — покачал головой сын Правды. — Когда он стоит на острове Амона, кисточка его хвоста достигает Зарослей Папируса; один рог его покоится на Западной горе, а другой — на Восточной; он едва умещается в Великой Реке, когда хочет искупаться, и шестьдесят телят рождается от него ежедневно!

— Таких огромных быков не бывает, — ошарашенно возразил пастух.

Но мальчик схватил его и потащил на суд Эннеады вместе с его хозяином Кривдой.

Выслушав показания сына Правды, Эннеада заявила:

— Быть того не может! Не существует быков таких размеров, как тот, о котором ты говоришь!

— А разве бывают кинжалы такой величины, как тот, из-за которого вы ослепили моего отца? — живо парировал мальчик.

На это Эннеаде нечего было возразить. Тогда слово взял Кривда и поклялся именем Владыки и вечностью Амона, что если его брата разыщут живым (чего быть не может, потому что беднягу давным-давно растерзали львы, когда он вышел погулять в нубийскую пустыню), пусть тогда его, Кривду, ослепят на оба глаза и сделают привратником в доме брата!

Но мальчик тоже поклялся именем Владыки и вечностью Амона, что его отец жив.

— И, как отмщение за несправедливо нанесенное зло, пусть нанесут Кривде сто палочных ударов и пять рваных ран и посадят привратником у ворот дома Правды! — потребовал он...

Далее текст папируса сильно поврежден, поэтому, чем кончилось данное судебное разбирательство, неизвестно.

Однако можно себе представить (вспомнив тяжбу Гора и Сета), что Эннеада долго переводила взгляд с ответчика на истца, не в силах разобраться, кто же из них прав, а кто виноват. И все-таки хочется верить, что истина в конце концов восторжествовала, Кривда получил по заслугам, а Правде было возвращено зрение, как когда-то оно было возвращено Гору.

Не меньшие, а то и большие страсти бушуют в другой древнеегипетской сказке о двух братьях, записанной на так называемом папирусе Орбинэ, хранящемся в Британском музее.

Два брата

Жили некогда два брата — старший, которого звали Анупу, и младший по имени Бата. У Анупу были дом и жена, а Бата жил с ними вместо сына, выполняя разную работу. Он пахал, жал, пас скотину и охотно выполнял все другие поручения старшего брата, потому что был силен, как молодой бог.

К тому же Бата умел понимать язык животных, и когда он выгонял скот пастись, коровы говорили ему:

— Вон там-то и там-то растет самая лучшая трава!

Бату вел их в указанное место, и скот тучнел с каждым днем, давая обильный приплод.

И вот однажды, когда наступило время пахать, старший брат сказал младшему:

— Приготовь упряжку быков, поле уже вышло из-под разлива, пора нам возделать его. Возьми зерно для посева, мы начнем пахоту завтра на рассвете.

Бата выполнил все, что сказал брат, и утром они начали пахать, радуясь своему труду. Так они работали много дней, пока все зерно для посева не вышло, и тогда Анупу послал брата домой за семенами.

Бата вошел в дом и увидел, что жена его брата сидит и расчесывает волосы.

— Дай мне семян! — попросил Бата. — Скорее, твой муж дожидается меня в поле!

— Ступай в амбар и сам возьми все, что тебе нужно, — капризно ответила женщина. — Не бросать же мне прическу недоделанной!

Бата пошел в амбар, взял побольше ячменя и пшеницы и поспешил прочь, как вдруг жена брата окликнула его:

— Сколько весит та ноша, что у тебя на плечах?

— Три хара пшеницы и два хара ячменя — вот какова моя ноша, — небрежно ответил Бата.

При виде столь божественной силы юноши воспылало сердце женщины любовью к молодому богатырю.

— Пойдем со мной, — обнимая Бату, попросила жена Анупу. — Пойдем, полежим вместе часок! А в награду за то, что ты меня ублажишь, я сошью тебе красивые одежды.

Услыхав такие речи, Бата в гневе швырнул мешки с зерном на землю.

— Как ты осмелилась сказать такое! — вскричал он. — Ведь ты мне вместо матери, а муж твой вырастил меня, как отец! Никогда больше не смей предлагать мне подобной мерзости — тогда, так и быть, я промолчу о твоих позорных словах!

Жена Анупу страшно перепугалась, увидев юношу в таком гневе. Бата же вновь взвалил мешки на плечи и отправился в поле, где оба брата прилежно трудились до вечера.

К закату старший вернулся домой, а младший задержался, чтобы собрать стадо и загнать его в хлев на ночлег.

Жена Анупу очень боялась, что ей не поздоровится из-за того, что она сказала Бате. Подумав, она взяла жир и натерлась им, как будто ее избили. Она не вышла навстречу мужу, она не полила ему на руки воды, как обычно, она не зажгла в доме огня — а лежала в темноте и притворялась, что ей плохо.

— Что случилось? — спросил ее муж. — Кто обидел тебя?

— Твой младший брат! — простонала коварная женщина. — Он пришел днем, когда я причесывалась, и стал уговаривать меня полежать с ним часок. Возмутившись, я ответила так: «Разве я не мать тебе, а мой муж — тебе не отец?» Тут он разъярился и избил меня, запретив рассказывать тебе о случившемся. Теперь, если ты не убьешь его, я сама умру, потому что не могу без ужаса думать о том, что Бата собирался со мной сотворить.

Услышав это, старший брат разъярился, как пантера, наточил нож и спрятался возле загона для скота, чтобы убить Бату, когда тот пригонит стадо.

Но корова, которая шла впереди, увидела притаившегося в засаде Анупу и промычала своему пастуху:

— Смотри, вон возле загона стоит в засаде твой брат с ножом в руке! Он хочет тебя убить!

Вторая корова повторила слова своей товарки — и Бата, заглянув под ворота загона, увидел ноги брата, поджидающего его в засаде.

Юноша стремглав бросился бежать, а Анупу гнался за ним с ножом в руке, желая во что бы то ни стало убить младшего брата.

Тогда Бата взмолился к Ра-Хорахти:

— Помоги мне, великий владыка! Ты ведь знаешь, что я не виноват!

Услышал мольбу Ра и, прежде чем причалить в своей ладье к Западным Воротам, сделал так, что между братьями разлилась водная гладь, в которой кишмя кишели крокодилы.

В ярости, что он не смог догнать и убить брата, Анупу дважды полоснул себя ножом по руке. А младший брат прокричал ему с того берега:

— Оставайся на месте до рассвета, тогда я призову в свидетели солнце, что я невиновен перед тобой! Но никогда больше я не стану с тобой жить, а уйду в Долину Кедра!

И вот долина озарилась рассветными лучами, опять появилась на небе ладья Ра, и оба брата посмотрели друг на друга через реку.

— Ты хотел предательски убить меня, даже не выслушав моих оправданий, — заговорил меньшой брат, — хотя ты всегда был мне за отца, а твоя жена была мне как мать! Так знай — вчера, когда я пришел домой за семенами, она сказала мне:

«Пойдем полежим часок!»

Тебе же она представила все по-другому.

И младший брат рассказал старшему, как все случилось на самом деле.

— И вот ты гонишься за мной с ножом и хочешь убить меня из-за этой шлюхи! — с горечью закончил он.

С этими словами он отсек себе член и бросил в воду, и сом тут же проглотил его.

Упал младший брат на землю, а старший рыдал и сокрушался на другом берегу, но не мог переправиться через реку, потому что она была полна крокодилов.

— Ты поверил всему дурному, что услышал про меня, ты не вспомнил ничего хорошего из того, что я для тебя сделал! — простонал младший брат. — Так отправляйся теперь домой и сам паси своих коров, а я буду жить в Долине Кедра. Я положу свое сердце на верхушку кедрового цветка; если же дерево срубят и сердце мое упадет на землю — я умру. Тогда найди мое сердце, даже если тебе придется потратить на поиски семь лет, положи его в сосуд с холодной водой, и я вновь оживу и отомщу всем, кто причинил мне зло. А о том, что со мной приключилась беда, ты узнаешь, когда пиво в твоем кувшине вдруг запенится и побежит через край. Если подобное случится — немедленно пускайся в путь!

И младший брат отправился в Долину Кедра, а старший в горе вернулся домой, посыпав голову пылью в знак скорби. Дома он убил вероломную жену и скормил ее тело собакам, но это не утолило его тоски о младшем брате.

Тем временем Бата жил один-одинешенек в Долине Кедра, охотясь на дичь пустыни, ночуя под деревом, на верхушке которого лежало его сердце.

Прошло много дней, Бата построил прекрасный дворец, где мог бы счастливо жить с семьей, но по-прежнему оставался один. И вот однажды он повстречал Эннеаду, следующую своими божественными путями через кедровую долину.

— Бата, могучий бык Эннеады! — обратились к юноше боги. — Мы знаем, что ты живешь здесь из-за коварной жены твоего старшего брата Анупу. Но утешься — твой брат убил свою жену, ты отомщен!

Так утешили боги Бату, но увидели, что их слова не принесли ему счастья. Тогда Ра-Хорахти обратился к Хнуму:

— О Хнум, сотвори для Баты жену, чтобы ему не пребывать в одиночестве в этой долине!

И Хнум вернул Бате утраченную мужскую силу и сотворил прекраснейшую из всех земных женщин, взяв для этого семя у всех богов.

Тотчас явились семь Хатхор, ведавших людскими судьбами, взглянули на жену Баты и изрекли:

— Эта женщина примет смерть от меча!

Несмотря на столь грозное пророчество, Бата счастливо жил во дворце со своей прекрасной женой; и вскоре он так полюбил эту женщину, что открыл ей, где спрятано его сердце.

Но вот однажды жена Баты пошла погулять у моря, и волны хлынули к ней, пораженные ее красотой. Женщина бросилась бежать, а море крикнуло росшему неподалеку кедру:

— Держи беглянку, не отпускай!

Жена Баты все-таки скрылась в доме, но прядь волос, за которую ухватил ее кедр, досталось морю. Прядь прибило к берегу Та-Мери, и так силен был аромат благовоний, пропитавших эти волосы, что живший за морем фараон воспылал любовью к женщине, чьи кудри имеют столь обольстительный запах.

— Это прядь волос дочери Ра-Хорахти, — объяснили влюбленному царю мудрецы. — Она самая прекрасная из женщин, ибо в ней заключено семя всех богов. Твои слуги смогут найти ее в Долине Кедра!

Фараон немедленно послал отряд в Долину Кедра, но лишь один из посланных воинов вернулся оттуда живым — всех остальных перебил могучий Бата, защищая свою жену.

Тогда фараон послал новый отряд, но на этот раз воинов сопровождала служанка, которая везла с собой великолепные женские украшения. Увидев бесценные сокровища, жена Баты не устояла перед искушением и добровольно согласилась отправиться к богатому щедрому царю.

Фараон без памяти влюбился в красавицу. Он сделал ее любимой наложницей, а жена Баты, довольная своим новым положением, открыла владыке, что сердце ее мужа лежит в кедровом цветке. Царь тотчас же послал в Долину Кедра верных слуг, и те срубили заветный кедр.

Сердце Баты упало на землю, и в тот же миг он рухнул бездыханным.

...И запенилось пиво в кувшине Анупу, и старший брат понял, что с младшим приключилась беда. Он немедленно взял оружие, крепкий посох, отправился в Долину Кедра и увидел там Бату, лежащего мертвым под срубленным деревом.

Анупу пустился на поиски сердца брата. Он искал три года и один день, пока не нашел иссохшее семя, похожее по форме на сердце. Бросив семя в сосуд со свежей водой, Анупу в ожидании уселся рядом. К ночи сердце Баты впитало в себя воду, и младший брат, открыв глаза, посмотрел на старшего. Тогда Анупу взял сосуд, в котором пребывало сердце, дал Бате выпить воду...

И сердце вновь забилось у Баты в груди, и стал он таким же, каким был прежде.

Братья обнялись и стали разговаривать друг с другом.

— Я должен отомстить жене за то, что она меня предала, — мрачно проговорил Бата. — Вот что мы сделаем, послушай! Я превращусь в огромного быка прекрасной

масти, а ты отведи меня к фараону — да будет он жив, здрав и невредим! Он вознаградит тебя золотом и серебром по моему весу за небывалое животное, которое ты к нему привел.

Так Анупу и сделал. Он сел на спину к брату-быку и явился к царю. Фараон не мог налюбоваться на прекрасное животное, он принес ему щедрые жертвы, а Анупу дал золота и серебра столько, сколько весил редкостный бык.

И вот через несколько дней бык вошел на царскую кухню, где была тогда любимая наложница царя, и заговорил с женщиной человеческим голосом:

— Я знаю, это ты попросила фараона срубить кедр, на вершине которого находилось мое сердце! Ты хотела погубить меня, но посмотри — я жив!

Жена Баты в ужасе бросилась бежать. В тот вечер она усердно ублажала фараона, то и дело подливая ему вина, пока наконец не добилась обещания, что царь исполнит любую ее просьбу. Заручившись словом владыки, женщина попросила зажарить для нее печень чудесного быка.

Опечалился фараон такой просьбе, но не мог не сдержать обещания.

Быка закололи, понесли мимо дворца, но когда его проносили мимо ворот, наземь упали две капли крови, из которых за ночь выросли два прекрасных фруктовых дерева.

Весь народ дивился подобному чуду, сам фараон вместе с любимой наложницей вышел из дворца, чтобы посмотреть на деревья. И тогда обратился дерево-Бата к своей жене:

— Ты снова пыталась меня убить, и снова у тебя ничего не вышло! Ты велела фараону заколоть меня, но посмотри — я жив!

Опять неверная жена в ужасе стала просить фараона, чтобы он выполнил любое ее желание. На этот раз желание ее было таково: она хотела, чтобы из фруктовых деревьев сделали для ее покоев красивую утварь.

Фараон немедленно послал слуг срубить деревья, и наложница вышла посмотреть, как они работают. И вдруг

одна из отлетевших щепок угодила женщине в рот, а та проглотила ее.

Когда пришел срок, наложница родила сына, и фараон ликовал, глядя на новорожденного. Он привязался к мальчику всем сердцем, назначил его правителем Нубии, а когда малыш подрос, провозгласил его своим наследником... Но никто не догадывался, что в образе сына фараона в царском дворце живет убитый Бата.

Потом фараон вознесся на небо, а Бата взошел на престол Та-Мери. Он тотчас собрал высших сановников и устроил суд над своей неверной женой. Все судьи, узнав, как было дело, вынесли наложнице обвинительный приговор. Так сбылось предсказание семи Хатхор — женщина, в которой было семя всех богов, умерла от меча.

Своего старшего брата Бата сделал наследником престола, и когда через тридцать лет фараон отошел к вечной жизни, страной начал править Анупу.

Так благополучно и мирно эта история доведена до конца для души писца Кагабу из сокровищницы фараона — да будет он жив, здрав и невредим! — а также для писца Гори и писца Меремопе. Записал же сие писец Иннана, — пусть бог Тот покарает каждого, кто оспорит истинность этого рассказа.

Обреченный царевич

Рассказывают, что у одного фараона долго не было сына, и тогда он взмолился к богам, прося, чтобы у него появился наследник. Боги услышали мольбу: через положенный срок жена фараона родила мальчика.

Тотчас пришли семь Хатхор, чтобы предсказать судьбу младенца. И вот что они сказали:

— Ему суждено умереть от крокодила, от змеи или от собаки.

Страшно опечалился фараон, услышав такие слова. Он приказал построить в пустыне прочный каменный дом и

велел, чтобы мальчик жил там под охраной верных слуг, никогда не выходя наружу.

Прошло время, царский сын подрос и однажды с крыши дома увидел, что по дороге идет человек, а рядом с ним трусит собака.

— Кто это бежит рядом с тем человеком? — удивленно спросил мальчик.

И его слуга ответил:

— Это собака.

— Я хочу такую же! — попросил маленький царевич.

Когда фараону доложили о желании сына, царь повелел:

— Пусть принесут ему маленького щенка, чтобы он не грустил.

И мальчику принесли щенка.

Прошло еще несколько лет, сын фараона вырос, сделался сильным красивым юношей, сидеть дальше взаперти стало ему невмоготу. Наконец царевич сказал отцу:

— Зачем мне безвыходно сидеть за каменными стенами? Все равно от судьбы не уйдешь. Уж лучше я буду поступать, как велит мне сердце, пока бог не распорядится мной, как он пожелает.

Фараону пришлось признать справедливость подобных слов. И хотя он тревожился о любимом сыне, он разрешил запрячь колесницу, дал царевичу оружие и слугу и переправил его на восточный берег Нила.

— Поступай теперь, как велит тебе сердце! — на прощанье сказал фараон царевичу.

И юноша в сопровождении слуги да собаки отправился на север, где долго странствовал, добывая себе пропитание охотой.

Наконец он достиг владений правителя страны Нахарины[47], у которого была единственная любимая дочь. Царь Нахарины построил для нее башню с окнами на высоте семидесяти локтей от земли и объявил:

— Только тот получит руку моей дочери, кто сумеет допрыгнуть до ее окна!

Собралось множество сыновей сирийских правителей, каждый из них пытался допрыгнуть до окна красавицы, но никому это не удавалось.

Сын фараона остановил возле башни свою колесницу, чтобы взглянуть на небывалое состязание. Сирийские юноши приветливо встретили его, накормили, умыли, перевязали его израненные ноги, а потом спросили:

— Откуда ты прибыл?

И ответил им царевич:

— Я сын офицера из страны Та-Кемет. Моя мать умерла, мой отец женился вторично, а мачеха возненавидела меня. Поэтому я бежал, спасаясь от притеснений. А вы кто такие и зачем пытаетесь допрыгнуть до окна этой башни?

Сыновья сирийских правителей объяснили ему, что хотят получить руку дочери правителя Нахарины. Царевич взглянул на красавицу в окне и воскликнул:

— Эх, если бы ноги мои не болели, я бы тоже пошел прыгать с вами!

Женихи возобновили свои бесплодные попытки, а сын фараона стоял в стороне и наблюдал. И вдруг девушка в окне, повернув голову, посмотрела на него...

Тотчас царевич направился к башне, тоже прыгнул — и с первого же раза допрыгнул до окна, а дочь правителя Нахарины страстно поцеловала его.

Немедленно помчались вестники к царю Нахарины:

— Один из юношей сумел допрыгнуть до окна твоей дочери!

— Какой страной правит отец этого удальца? — радостно спросил повелитель.

— Он не принц, он сын воина из страны Та-Кемет, — объяснили слуги. — Отец его, овдовев, снова женился, вот он и сбежал из дома от притеснений своей мачехи!

— Никогда я не отдам любимую дочь в жены безродному беглецу! — в гневе вскричал царь Нахарины. — Гоните его туда, откуда он пришел!

Слуги царя попытались выгнать юношу, но царская дочь обняла его и воскликнула:

— Клянусь вечностью Ра-Хорахти, если его отнимут у меня, я умру!

Когда правителю доложили об этом, он приказал убить чужака. Но девушка истово поклялась:

— Если вы убьете его, я не переживу сегодняшнего заката! Я не смогу жить без этого юноши, клянусь вечностью Ра-Хорахти!

И тогда правитель велел привести к нему чужеземца, полюбившегося его дочери. Молодой незнакомец сразу ему понравился, и владыка Нахарины, смирившись с судьбой, обнял юношу и поцеловал.

— Теперь ты будешь мне вместо сына, — сказал царь. — Так открой же мне, как отцу — кто ты такой и откуда?

— Я сын офицера из страны Та-Кемет, — услышал он все тот же ответ. — Моя мать умерла, мой отец женился вторично, а мачеха возненавидела меня. Вот я и бежал, спасаясь от ее притеснений!

— Хм, — с сомнением пробормотал правитель Нахарины (уж больно царственный вид был у чужеземца, назвавшегося сыном воина, пусть даже офицера). Но царь не стал больше приставать к юноше с расспросами, а отдал ему в жены свою дочь, подарил много скота, плодородные поля и прекрасный дом.

Много дней молодые жили в этом доме душа в душу, и наконец юноша признался жене:

— Три судьбы караулят меня: змея, крокодил и собака.

— Так прикажи убить свою собаку, что повсюду следует за тобой! — взмолилась испуганная жена.

— Нет, — твердо ответил юноша. — Я не дам убить собаку, которую вырастил из маленького щенка.

Женщина не стала настаивать, однако с тех пор берегла мужа, как зеницу ока, и никуда не давала выходить одному.

Молодые супруги не знали, что крокодил, одна из судеб царевича, преследовал его от самой страны Та-Кемет и наконец поселился в соседнем водоеме, карауля миг, когда он сможет наброситься на жертву. Но в том же водоеме

жил добрый водяной дух, который не давал крокодилу выйти на берег, сражаясь с ним каждый день от восхода и до заката солнца.

Прошло много дней, и вот однажды после веселого пира юноша заснул, а его жена наполнила чашу пивом и поставила рядом с мужем. Тогда выползла из норы змея, чтобы ужалить юношу; однако, учуяв пиво, напилась из чаши, опьянела и уснула. Тотчас жена царевича схватила топор и изрубила ее на куски.

После этого она разбудила мужа и показала ему на мертвую змею:

— Смотри! Одну из твоих судеб бог уже отдал нам в руки! Так же он спасет тебя и от других.

Юноша принес благодарственные жертвы Ра, славя солнечного владыку... Но две его другие судьбы тем временем не дремали.

Когда спустя несколько дней царевич вышел из дома в сопровождении собаки, та вдруг заговорила человеческим голосом:

— Я — вторая твоя судьба! — и бросилась на хозяина.

Юноша пустился бежать, спасаясь от собаки, прыгнул в водоем, но там его уже поджидал крокодил.

— Я — твоя судьба! — крикнул он, устремившись к царевичу. — Я преследовал тебя долгие месяцы и давно бы уже убил, если бы не водяной дух! Каждый день этот негодяй сражался со мной, не давая выйти на сушу. Так убей водяного духа, сразу моего врага, и я тебя отпущу!

— Как же я могу убить того, кто меня защищал? — возразил юноша.

— Если до заката ты не прикончишь водяного духа, ты сам встретишь смерть! — заявил крокодил.

А тем временем собака юноши побежала во дворец, где дочь правителя Нахарины сидела и плакала, потому что ее муж не вернулся домой. Схватив женщину за край одежды, собака потащила ее за собой, и та сразу поняла, что случилась большая беда. Схватив топор, которым она изрубила змею, женщина побежала за собакой к водоему — и увидела своего мужа в зубах крокодила.

Тогда она схватила топор, ударила крокодила по голове и убила, а водяной дух тут же увлек труп на дно.

— Смотри! — сказала мужу храбрая женщина. — Бог отдал нам в руки вторую из твоих судеб, точно так же он оградит тебя и от последней!

И вновь юноша принес благодарственные жертвы Ра и славословил его много дней.

...А тем временем в Нахарину вторглись сирийцы, которые не смогли простить, что дочь тамошнего царя досталась в жены беглецу из Та-Кемет, а не сыну одного из их правителей. Сирийцы разбили войско правителя Нихарины, опустошили всю страну, сожгли поля, угнали скот и взяли в плен самого царя — но ни дочери его, ни зятя так и не нашли.

— Где твоя дочь и тот, кому она досталась в жены? — спросили враги у пленного царя.

— Они оба ушли охотиться в пустыню, — ответил пленник, зная, что легче найти маленький камешек на дне реки, чем двух людей в огромной пустыне.

Но сирийцы ринулись в разные стороны, обыскивая все вокруг, и после многодневных поисков достигли наконец того места, где юноша охотился со своей женой. Однако водяной дух увидел врагов и поспешил, чтобы предупредить юношу.

— Спасайся! — крикнул он. — Погоня идет по твоим следам. Враги хотят убить тебя и забрать твою жену! Бегите же оба и прячьтесь, потому что я не смогу помочь вам — на земле у меня нет силы.

Царевич и его жена бежали в горы и нашли убежище в пещере.

Там они прятались два дня и две ночи, а на третий день враги начали рыскать неподалеку. Они прошли бы мимо, не заметив пещеры, если бы собака не вырвалась из рук юноши и не кинулись с лаем на одного из воинов.

Тут сирийцы хлынули в пещеру и метнули в юношу дротики и боевые топоры. Но жена успела заслонить собой мужа, и дротик вонзился в ее сердце. В ярости, что

они лишились самой ценной добычи, сирийцы бросились на юношу, а тот доблестно защищался мечом, и его собака сражалась рядом с ним. Много врагов пало от меча юноши и от зубов собаки, но наконец сирийцы пронзили копьями и собаку, и ее хозяина.

Они бросили тела юноши и его жены на растерзание хищным зверям и ушли, чтобы поделить между собой добро и землю правителя Нахарины.

Спустя некоторое время юноша открыл глаза и увидел, что рядом с ним лежит его мертвая жена.

— Свершилась моя судьба! — простонал он. — От крокодила и от змеи ты меня спасла, но собака меня погубила, как и предсказали когда-то семь Хатхор. Да будет так — ведь без моей жены я все равно не хочу жить! Пусть смилуются над нами великие боги, когда мы попадем на суд в царстве мертвых.

С этими словами юноша уронил голову и умер.

Но Эннеада услышала эти слова и возгласила:

— Вот и свершилась его судьба. Так дадим же им теперь новую жизнь, чтобы вознаградить обоих за верность!

По велению богов приблизились к мертвым семь Хатхор и вернули им дыхание жизни, даровав счастливую судьбу[48].

И открыли супруги глаза, и сели, и обнялись, и восславили великих богов. Тут юноша наконец-то признался жене, что он вовсе не несчастный беглец, а единственный и любимый сын фараона.

После этого юноша и его жена вернулись во дворец владыки Та-Кемет, и великий фараон возликовал всем сердцем, увидев сына живым и невредимым и узнав, что тому больше нечего опасаться трех судеб. Царь сделал сына своим соправителем, дал ему могучее войско, а юноша изгнал захватчиков из Нахарины, освободил тамошнего правителя и вернул ему все владения.

Потом сын фараона вернулся на родину, где прожил вместе со своей женой в любви и счастье до ста десяти лет. Когда же они скончались, их похоронили рядом в Долине царей.

Фараон Хуфу и чародей Джеди

Однажды фараон Хуфу услышал от своего сына, что в его царстве живет старый мудрец по имени Джеди. От роду старику было сто десять лет, но он пребывал в добром здравии и мог съесть за один присест пятьсот хлебов и полбыка, запив все это сотней кружек пива. Мудрец Джеди мог творить еще и не такие чудеса — по слухам, он умел даже оживлять мертвых.

Фараон приказал призвать к себе прославленного чародея, и Джеди явился в царские покои.

— Как такое случилось, мудрец, что я раньше никогда тебя не видел? — спросил Джеди владыка.

— Приходит лишь тот, до кого доносится твой зов, о повелитель, да будешь ты жив, здрав и невредим! — склонился перед фараоном мудрец. — Ты позвал меня — и вот я здесь!

— Правда ли, что ты столь силен в колдовстве, что можешь прирастить обратно отрезанную голову? — вопросил фараон.

— Да, это правда, повелитель, да будешь ты жив, здрав и невредим! — ответствовал чародей.

— Так пускай немедля приведут сюда какого-нибудь преступника, и ты покажешь на нем свое колдовское искусство! — распорядился фараон.

Но Джеди покачал головой:

— Я не могу проделывать подобных опытов над людьми, о повелитель, да будешь ты жив, здрав и невредим! Нам запрещено касаться священной паствы Ра.

Тогда фараон приказал доставить в покои гуся. Птицу немедленно принесли, один из слуг отрезал ей голову, а Джеди произнес магическое заклинание. И что же? Обезглавленное туловище поднялось, пошло туда, где слуга фараона бросил голову на пол, а голова подалась навстречу туловищу и приросла к шее; гусь встряхнулся и загоготал как ни в чем не бывало.

После то же самое Джеди проделал с быком: и вновь голова приросла к шее, а бык ожил.

— Да, я вижу, мне сказали правду! — воскликнул пораженный фараон. — Ты и впрямь великий чародей! Значит, ты должен знать число тайных покоев святилища Тота. Расскажи мне поскорей все об этих покоях, чтобы я мог воздвигнуть такие же в моей гробнице.

— Нет, я не знаю числа покоев святилища Тота, — ответствовал Джеди. — Но я знаю, где находятся планы этих покоев.

— Так принеси мне их! — нетерпеливым голосом велел фараон.

— Не могу. Судьбе угодно, чтобы эти планы принес твоему величеству — да будешь ты жив, здрав и невредим! — старший из трех детей, находящихся сейчас во чреве Раджедет, жены жреца великого Ра из города Гелиополя. Но дети, которых она носит, сыновья не мужа ее, а Ра. И по воле этого бога его детям суждено будет воцариться на троне Обеих Земель.

Потемнело лицо фараона, когда он услышал такие слова, но Джеди торопливо добавил:

— Не печалься из-за этих троих детей, о владыка, да будешь ты жив, здрав и невредим! После тебя будет править твой сын, после него — сын твоего сына, и лишь потом трон достанется одному из детей Раджедет.

— Когда она должна родить? — грозно вопросил фараон.

— На пятнадцатый день первого месяца зимы.

— Значит, я не смогу вовремя добраться до Раджедет, — еще больше помрачнел царь, — ведь в это время каналы пересыхают так, что обнажается дно.

— Не тревожься, владыка, да будешь ты жив, здрав и невредим! — успокоил его Джеди. — Если на то будет твоя воля, я сделаю так, что каналы наполнятся живительной водой.

И повелел тогда фараон проводить чародея в лучшие покои и позаботиться о том, чтобы Джеди ни в чем не знал недостатка.

А тем временем в Гелиополе после долгих и трудных родов Раджедет произвела на свет трех сыновей — Усеркафа, Сахуру и Кеку[49].

И вот фараон призвал к себе чародея Джеди и напомнил о его обещании наполнить водой пересохшие каналы. Джеди послушно взошел вместе с царем на корабль, чтобы плыть в Гелиополь, и когда царское судно добралось до высохшего канала, фараон велел чародею:

— Исполни же свое обещание!

Джеди прошептал заклинание, и сухое русло наполнилось водой. Гребцы налегли на весла, корабль устремился вперед, но ему не суждено было достичь Гелиополя. Бог Ра, бросив взгляд на царское судно, молвил другим богам:

— Фараон Хуфу не должен добраться до моих детей. Они все равно будут править Обеими Землями, нравится это Хуфу или нет! Живо, остановите фараона!

Тотчас же чаровница Исида пустила в ход свое могущество — и вода ушла из канала, оставив судно фараона лежать на песке.

— Где же твое хваленое искусство? — гневно закричал царь чародею. — Разве ты не клялся, что наполнишь канал водой?

— О повелитель, да будешь ты жив, здрав и невредим! — отвечал фараону чародей. — Я открыл тебе будущее, а ты попытался изменить его. Но никому не под силу изменить волю великих богов. Боги хотят, чтобы ты вернулся, не причиняя зла троим сыновьям Раджедет!

— Что ж, да свершится воля богов, — покорно склонил голову фараон.

Едва он произнес эти слова, как вода вновь заплескалась за бортом, и царский корабль благополучно вернулся в Мемфис.

А напоследок послушайте правдивую историю о взятии города Юпы во времена правления Тутмоса III —за три века *до* Троянской войны, а не *после* нее. Тем не менее

история взятия Юпы весьма напоминает историю о Троянском коне.

Взятие города Юпы

Однажды правитель Юпы восстал против владыки Та-Кемет, истребил царских воинов и уничтожил его колесницы.

Когда великий фараон узнал об этом, он в ярости созвал свои войска, поставил во главе их полководца Джехути и повелел ему привести к покорности взбунтовавшийся город.

Прибыв в Сирию, Джехути встал лагерем под стенами Юпы и велел изготовить двести огромных корзин. После чего полководец хитростью заманил предводителя восставших в свой лагерь — и тот пришел в сопровождении ста двадцати отборных воинов. Однако этот эскорт все равно не помог *врагу из Юпы*[50]: солдаты Джехути напоили сирийцев допьяна, а предводителя бунтовщиков полководец поразил палицей фараона.

Связав главаря восставших, Джехути велел своим воинам спрятаться в корзины и сказал возничему предводителя:

— Твой господин велел тебе без промедления отправиться к его жене и порадовать ее такими словами: «Ликуй! Бог Сутех помог мне захватить полководца Джехути с его людьми!» Так ты скажешь про эти двести корзин, в которых сидят люди.

И пошел возничий впереди отряда — пятьсот самых сильных воинов фараона несли корзины, а в них прятались еще двести человек с колодками, путами и цепями.

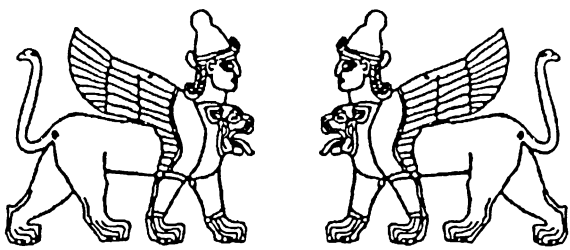
Распахнулись ворота перед воинами Джехути, и его отряд вступил в город. Тотчас выскочили из корзин прятавшиеся там воины и стали хватить всех людей без разбора, накладывая на них колодки, заковывая в цепи, связывая веревками.

Так был приведен к покорности город Юпа, и Джехути послал к фараону гонца, отписав своему владыке: «Да возрадуется сердце твое — благой Амон отдал в твои руки город Юпу со всеми его жителями. Вскоре богатая добыча наполнит дом отца твоего Амона-Ра, и рабы и рабыни склонятся к стопам твоим навеки».

Этот рассказ записал от начала и до конца искусный своими пальцами писец фараонова войска...

И нам пора закончить на этом рассказ о стране Та-Кемет, о ее военачальниках, писцах, богах, фараонах и чародеях. И да поведают другие о том, о чем не поведали мы. А кто будет хулить наше повествование — пусть обыграет того в сенет премудрый Тот!

МЕСОПОТАМИЯ



ПУТЬ К НАЧАЛУ НАЧАЛ. АРХЕОЛОГИЧЕСКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРЕЛЮДИЯ

Я думаю — ученые наврали, —
Прокол у них в теории, прорез:
Развитие идет не по спирали,
А вкривь и вкось, вразнос, наперерез!

В. Высоцкий

Открытие цивилизации, которую многие считают еще древнее египетской, началось с человека, стоявшего и у истоков исследования Древнего Египта, — с датчанина Карстена Нибура. Правда, до европейцев и раньше доходили сведения о клинописных надписях Востока (их копии впервые попали в Европу еще в XVII веке благодаря итальянскому путешественнику и купцу Пьетро делла Валле), но Фридрих I Датский был первым европейским монархом, организовавшим научную экспедицию в

Египет, Месопотамию[51] и Персию. Экспедиция эта проходила в нечеловечески трудных условиях; ее участники один за другим гибли от жары и тропических болезней, и в конце концов в живых остался один Нибур. Возможно, ему помог выжить тот жадный интерес, который он питал ко всем достопримечательностям, попадавшимся на его пути.

Возле Шираза Нибур исследовал развалины древнего здания, верно угадав в них руины дворца Персеполя — легендарной резиденции персидских царей. Когда-то здесь пировали Дарий и Ксеркс, и Диодор Сицилийский повествует о том, как сопровождавшая войска Александра Македонского афинская гетера Таис призвала уничтожить столицу ненавистных персидских царей в отместку за все зло, которое персы причинили Элладе. Схватив пылающий факел, гетера бросила его меж колонн пиршественного зала, а Александр и его воины присоединились к ней, в результате чего вспыхнул пожар, уничтоживший великолепный дворец.

По счастью, от дворца осталось достаточно, чтобы в его развалинах Нибур сумел скопировать клинописные надписи, опубликованные им по возвращении в Европу. Однако в те времена еще никто не мог прочесть эти загадочные письмена, которые ориенталист Гайд называл просто узорами на камне... То же самое в свое время говорили и про египетские иероглифы!

Но вот в 1802 году молодой помощник школьного учителя из немецкого города Гетингена, Георг Фридрих Гротефенд, большой любитель ребусов и шарад, побился об заклад со своими друзьями, что расшифрует персепольскую надпись. Под общий хохот пари было заключено, и... Гротефенд выиграл его, расшифровав первые 9 букв персепольской надписи. Поистине, неисповедимы пути лингвистики и археологии!

Таким оригинальным образом — с трактирного пари — был сделан первый шаг на пути открытия цивилизации, о существовании которой никто раньше даже не подозревал.

Труд Гротефенда продолжили француз Эжен Бюрнуф и норвежец Кристиан Лассен, чьи работы (независимо друг от друга) вышли в свет в 1936 году. А потом пришла пора выступить на сцену археологам.

Еще в 1820 году молодой адвокат Ост-Индской компании Клавдий Джеймс Рич был заворожен видом холмов, возвышавшихся на восточном берегу Тигра. Полагаясь лишь на интуицию и вдохновляясь надеждой, он начал копать на одном из холмов в поисках знаменитой Ниневии, о которой не раз (причем в весьма нелестных выражениях) упоминается в Библии. Рич успел обнаружить несколько десятков глиняных табличек и некоторые другие предметы, но внезапно вспыхнувшая эпидемия холеры оборвала жизнь молодого ученого вскоре после того, как он приступил к раскопкам.

Прошло двадцать лет — и Поль Эмиль Ботта, врач и коллекционер насекомых, новоиспеченный французский консул в Мосуле, тоже заинтересовался загадочными холмами. Так же, как Рич, наугад, на авось он начал раскопки на холме близ деревушки Куюнджик. Четыре месяца нанятые французом арабы работали на облюбованном им холме, однако находки были столь незначительны, что о них даже не стоило сообщать во Францию. А ведь именно под этим холмом скрывался дворец царя Ашшурбанипала!

И вдруг некий араб из местечка Хорсабад рассказал «франку», питающему непонятный интерес к грязным глиняным обломкам, что таких, покрытых непонятными значками, кирпичей в его деревне полным-полно. Их там так много, что из них складывают амбары и печки! Зная склонность местных жителей к цветистым преувеличениям, Ботта не очень-то поверил арабу, но все же послал в Хорсабад своих людей — чем черт не шутит? И черт пошутил со всей основательностью, на какую только способен рогатый лукавец. Спустя неделю один из людей Ботта вернулся с поразительной вестью: они раскопали стены с рисунками, с рельефами, с изображениями диковинных зверей! Немедленно бросив все работы в Куюнджике, Ботта устремился в Хорсабад...

Результаты его трудов оказались такими ошеломляющими, что вскоре он дал телеграмму во Францию, сообщая, что нашел Ниневию, сердце «логовища львов»! Однако это была не Ниневия, а всего лишь ее дальний пригород Дур-Шаррукин, резиденция царя Саргона II. А настоящая Ниневия осталась под холмом у Куюнджика, где Ботта так поспешно свернул раскопки...

И все же открытие первого ассирийского дворца потрясло весь тогдашний ученый мир. Ботта работал в Хорсабаде с 1843 года по 1846-й, преодолевая ожесточенное противодействие местного паши, и его усилия то и дело вознаграждались удивительными находками. Из песка вставали рельефы и скульптуры, появлялись необыкновенные по своей реалистичности рисунки. Охота, война, угон пленных, подсчет отрубленных вражеских голов, пытки, взимание дани, снова охота и вновь война... Суровая и жестокая жизнь самого могущественного народа Древней Месопотамии оживала перед глазами французского исследователя.

Однако вскоре выяснилось, что древний алебастр не выдерживает горячего ветра пустыни. Рисунки на глазах блекли, статуи рассыпались в пыль... Тогда из Парижа на место раскопок срочно откомандировали художника Эжена Наполеона Фландена, который должен был сохранить для человечества то, что Ботта извлекал из-под земли. Бесценность работы Фландена, запечатлевавшего все найденные в Хорсабаде сокровища, вскоре доказало одно печальное событие: первый груз археологических находок, погруженный на плоты, затонул в бурном течении Тигра. Только следующий транспорт, отправленный со всеми мерами предосторожности, благополучно достиг цели, и древности ассирийской земли впервые предстали перед жителями Европы, заняв почетное место в Лувре.

По возвращении на родину Ботта издал пятитомное исследование «Памятники Ниневии, открытые и описанные Ботта, измеренные и зарисованные Фланденом». Из пяти томов два полностью посвящались ассирийским надписям.

Но хотя француз тщательно копировал клинописные тексты, расшифровать их он еще не мог. И тут опять пришла пора подхватить эстафету лингвистам.

Вы заметили, что зачастую важнейшие открытия в области лингвистики совершаются неспециалистами? Шампольон был профессором истории, Гротефенд — школьным учителем, Джордж Смит, о котором речь пойдет впереди, — гравером. А Генри Кросвик Раулинсон, внесший неоценимый вклад в дешифровку клинописи, был майором английской армии и политическим агентом в Кандахаре. Этот удивительный человек, ничего не зная о работах Гротефенда и его последователей, самостоятельно расшифровал имена трех персидских царей и пошел еще дальше: прочитал несколько слов, в правильности расшифровки которых, впрочем, сомневался... Кто-то может заявить: «Подумаешь, достижение! Всего-навсего несколько слов, да к тому же, возможно, неправильно прочитанных!» Этому скептику можно посоветовать взять книгу, написанную на китайском языке, и попытаться прочесть в ней хотя бы десяток слов, не пользуясь словарями и не консультируясь с преподавателями кафедры восточных языков... Когда же бедняге наскучит водить пальцем по непонятным значкам, пускай он для разминки попробует повторить то, что Раулинсон проделал на двуглавой скале в районе Бехистуна.

Для продолжения работы по дешифровке английскому майору отчаянно требовались новые надписи — и он начал копировать надпись на скале близ дороги из Керманшаха в Багдад. На этой естественной стеле царь Дарий когда-то приказал высечь надписи и рельефы, прославляющие его победы. Каменные фигуры изображали великого правителя, правой ногой попирающего мятежного мага Гаумату, там же красовались связанные веревкой девять царей-самозванцев, а по сторонам этого рельефа и под ним разместились четырнадцать колонок текста на трех языках. Вися на веревке над 56-метровой пропастью, Раулинсон тщательно скопировал староперсидский текст. А несколь-

кими годами позже, дополнив экипировку гигантскими лестницами и альпинистскими «кошками», бесстрашный майор срисовал и вавилонскую часть надписи.

В результате своих альпинистских и лингвистических подвигов Раулинсон в 1846 году представил Лондонскому Королевскому Азиатскому Обществу копию староперсидской надписи с переводом.

Исследование цивилизаций Месопотамии начало продвигаться вперед семимильными шагами: в 1845 году Остин Генри Лайярд, бывший клерк, с детства бредивший Востоком, бросил скучную службу в конторе и отправился навстречу своей мечте. Располагая всего 60 фунтами, которые подарил ему английский посол в Константинополе, он начал раскопки в Нимруде. И неважно, что в стране, где очутился Лайярд, полыхало восстание, — вырвавшегося на волю романтика не могли смутить подобные пустяки. Каким-то чудом заручившись помощью воинственных бедуинов, Лайярд на следующий же день после начала работ наткнулся на ассирийский дворец! Вскоре — на второй; и его находки превзошли все найденное Ботта в Хорсабаде.

С невольным трепетом новоиспеченный археолог заглянул в глаза колоссальным статуям крылатых человеко-львов и человеко-быков, которые охраняли дворец Ашшурнасирапала II в IX веке до н.э. — в ту пору, когда мир не знал еще ни Гомера, ни Сократа, а Троянская война не успела полностью погрузиться в зыбучие пески древней истории... Под лопатами рабочих Лайярда крылатые боги и дворец могущественного ассирийского царя впервые за два с лишним тысячелетия снова увидели свет.

Подобный успех давал возможность почить на лаврах, не искушая капризную судьбу, но Лайярд вновь бросил ей вызов: в 1849 году он начал работать в Куюнджике, там, где раньше копали Рич и Ботта. Казалось бы, что можно было найти в таком бесперспективном месте? Везучий и упорный англичанин нашел то, что оказалось ценнее даже обнаруженных им ранее ассирийских двор-

цов в Нимруде. Наконец-то поднялись из-под земли развалины легендарной Ниневии, проклинаемого в Библии «города крови»!

Но самое главное — в пристройке ко дворцу Ашшурбанипала Лайярд обнаружил тысячи глиняных табличек, среди которых оказались и учебники языка с расшифровкой клинописных знаков. Такие таблички служили пособием для школьников в те времена, когда старая силлабистическая письменность и письмо-рисунок начали заменяться простым алфавитным письмом, — по сути дела, это были самые настоящие древние словари! Значение подобной находки просто невозможно переоценить. Она сразу разрешила многие трудности, стоявшие перед учеными на пути дешифровки клинописных текстов, — но в то же время задала миру новую загадку.

Дело в том, что помимо надписей на вавилонском и ассирийском в библиотеке Ашшурбанипала оказалось множество табличек с надписями на языке, разительно отличавшемся от семитских и иранских. То был язык шумеров — загадочного народа, создавшего первую великую цивилизацию Междуречья.

Надо сказать, что Лайярд и его преемник Ормузд Рассам не сразу поняли уникальность своей находки. И все же, как и полагается добросовестным археологам, они отправили в Англию не только эффектные барельефы и статуи, но и ящики, наполненные битыми глиняными табличками... В Британском музее за этот глиняный бой взялись «кабинетные ученые», кропотливо восстанавливая из разрозненных обломков удивительное прошлое Месопотамии; там и сделал свое знаменитое открытие Джордж Смит, рабочий-гравер и талантливый лингвист-ассиролог.

С его открытием мы еще познакомимся, а пока окинем беглым взглядом самые существенные археологические находки в Месопотамии.

Спустя 40 лет после открытий Ботта помощник французского консула Эрнест де Сарзек начал раскопки в шумерском городе Лагаше, обнаружив там культуру столь

древнюю, что Ассирия времен Ашшурбанипала в сравнении с ней кажется чуть ли не современностью. Конечно, это преувеличение, но при попытке заглянуть на 45 веков в прошлое вполне может закружиться голова... Находки Сарзека заставили замолчать тех скептиков, которые упорно отказывались верить в существование шумерского народа. Кстати, сам термин «шумеры» ввели в обиход не историки, а французский лингвист Жюль Опперт: в 1869 году на заседании Французского общества нумизматики и археологии он порядком огорошил почтеннейшую публику, заявив, что непонятный язык многих клинописных табличек Месопотамии — шумерский. А раз существует шумерский язык, значит, когда-то должен был существовать и шумерский народ!

Слова Опперта встретили яростный отпор многих историков и археологов. В частности, Жозеф Галеви обозвал так называемый «шумерский» язык фантасмагорией. Какой еще там шумерский? Это просто вавилонские жрецы прибегали к шифрованным записям, дабы непосвященные не совали нос в их религиозные таинства!

И вот Сарзек обнаружил в Лагаше множество записей на этом «фантасмагорическом» языке — в том числе списки продуктов, купчие и другие деловые документы, которые не стал бы засекречивать даже писец, страдающий манией преследования в тяжелой форме. Впридачу Сарзек нашел статуи правителей, живших одновременно с самыми древними египетскими фараонами; откопал «Стелу коршунов», призванную увековечить победу Лагаша над другим шумерским городом — Уммой около 2470 г. до н.э.; открыл надписи правителя Уруинимгины — полного благих намерений, но печально кончившего реформатора XXIV века до н.э.

Вслед за этим последовали сенсационные открытия немца Роберта Кольдевея, нашедшего древний Вавилон в 90 км от нынешнего Багдада: в ходе восемнадцатилетних работ удалось извлечь на свет божий грандиозные крепостные стены, дворец Навуходоносора II, храм Мардука,

Ворота Иштар, Дорогу Процессий и знаменитую Вавилонскую башню.

Двадцатый век, переболев Первой мировой войной, ознаменовался открытием древнего города Мари — соперника-союзника Вавилона (его откопали французские археологи под руководством А. Парро) и поразительно интересными находками англичанина Леонарда Вулли, сделанными в Уре, на родине библейского Авраама.

Помните достославного фараона Менеса, объединителя Египта? Вот и жители Ура хорошо его помнили. Не то чтобы они были знакомы с ним лично, но наверняка обитатели этого древнего города (к тому времени насчитывавшего уже немало лет) оживленно обсуждали последние новости, привезенные купцами из страны, кормящейся дарами Хапи. Да, хорошенькую трепку задал молодой Менес своим противникам из нижних номов! Говорят, фараон начал строить новую столицу, которая будет называться «Весы Обеих Земель»[52] — да пошлют боги удачу и процветание этому городу! И все-таки Мемфису никогда не сравниться в великолепии и славе с великим Уром... Интересно, подешевеет ли теперь привозное средство от змей — знаменитая талапия нильская?

Так судачили люди на рыночной площади и в трактире, отрытых английскими археологами через 24 века после того, как великий Ур прекратил свое существование и был занесен землей...

Пожалуй, на этом стоит прервать беглый рассказ об археологических открытиях в Месопотамии (удержавшись даже от искушения подробно описать так называемый «штандарт из Ура» или знаменитую «даму из Урука». Кто хочет знать, как они выглядели, пусть посмотрит на иллюстрации). Пришла пора нырнуть в то время, когда предки Менеса-Нармера еще и не думали о том, чтобы покинуть гостеприимную зеленую Сахару и сунуться в кишащее змеями и крокодилами болото — в будущую страну Та-Мери...

Шумеры — выходцы из Эдема

Это происходило так давно, что никто ровным счетом ничего об этом не помнит.

Валерий Никитенко,
«Исторический рассказик»

Загадочные «черноголовые»

Давным-давно, в период палеолита, равнина между реками Тигром и Евфратом представляла собой унылое зрелище: куда ни глянь, простиралась испаряющая миазмы топь с гудящими над ней тучами москитов и комаров. Никто никогда не узнает, какие беды загнали в это неласковое место первых людей — может, внутриплеменные распри, может, нападение врагов, а может быть, голод? Так или иначе, в Месопотамии появились первые поселенцы, среди которых были представители так называемой Эль-Обейдской культуры[53], получившей свое название по холмам Эль-Обейд — месту древнейших поселений Междуречья.

В конце V и начале IV тысячелетия до н.э. в Эль-Обейде жили земледельцы и скотоводы, знавшие гончарное дело и ткачество, изготовлявшие медные и каменные орудия труда. Они строили дома из тростника, обмазанного глиной, или из высушенных на солнце глиняных кирпичей. Другой строительный материал в бедном древесиной и камнем Междуречье раздобыть было нелегко, поэтому тамошние обитатели быстро научились обходиться малым: раскопки в Абу-Шахрайне (Эреду) позволили обнаружить не только тростниковые дома-мазанки, но и развалины небольшого храма из кирпича-сырца — одного из самых древних святилищ на Земле...

О дошумерском населении этой равнины известно очень немного, а еще меньше известно о том, откуда и почему в Месопотамии появились шумеры, или, как они называли себя, «черноголовые».

Черноголовые, круглолицые, большеухие (большие уши считались у шумеров признаком ума), пережившие Великий потоп изобретатели колеса, письменности, десятиричной и шестидесятиричной системы счета — откуда они пришли? Это по сей день остается загадкой. До сих пор ученым не удается выявить родство шумерского языка с каким-либо из древних или ныне существующих языков. Филологическая «палочка-выручалочка», не раз помогавшая определить происхождение других народов, в данном случае оказалась бессильной. Попытки же найти прародину шумеров, используя их собственные предания и исследуя их культуру, швыряют исследователей туда-сюда: где только не искали корни таинственного народа — от Индии до Персидского залива!

Именно в Персидском заливе большинство ученых помещает легендарный Дильмун[54] — своеобразный земной рай, предтечу библейского Эдема, где звери не ели зверей, где людям не нужно было тяжко трудиться и где всегда имелось вдоволь пищи и чистой воды... Согласно шумерским легендам, именно с этого благословенного острова их предки явились в страну, лежащую между Тигром и Евфратом. Но ни одно из дошедших до нас преданий не объясняет, что же заставило шумеров променять блаженный Дильмун на суровую к людям землю Междуречья.

В Месопотамии цивилизация развивалась не *благодаря* природным условиям, а *вопреки* им, и черноголовые «духом окрепли в борьбе», отточив свой интеллект в поисках замены самых необходимых в быту предметов. Нет камня для строительства домов, почти нет древесины? Что ж, люди научились возводить дома из глины и из тростника; тростник шел и на строительство лодок, и на изготовление домашней утвари. Нет руд для выплавки металлов? Обитатели Месопотамии наладили торговлю, выменивая

недостающий металл на местное зерно. Торговые караваны из Междуречья двигались через Сирию и Малую Азию, шумерские высоконосые корабли из длинных тростниковых стволов, промазанных естественным асфальтом, с парусом из циновок на мачте из толстого тростника доходили даже до портов Мелахи близ устья реки Инд. Своенравные реки Тигр и Евфрат то и дело грозят наводнениями, а дожди, наоборот, крайне редки и скупы? Укрощая капризную стихию, шумеры упорным многолетним трудом создали мощную ирригационную систему, просуществовавшую почти без изменений с IV тысячелетия до середины II тысячелетия до н.э. От главных русел Тигра и Евфрата они отвели каналы, построили плотины и многочисленные водохранилища, чтобы использовать воду разлившихся рек для осенней обработки земли.

Ирригационные работы позволили получать рекордный по тем временам урожай зерновых, но они имели и еще один, не менее важный, результат. Совместный труд по укрощению капризной природы сплачивал людей и способствовал быстрому развитию цивилизации. Впитывая культуру местного населения, обогащая ее своей, шумеры продвигались с юга Двуречья на север (мирным ли путем, с помощью ли оружия — кто знает?), и повсюду на месте прежних небольших поселков вырастали мощные стены городов, возводились храмы на высоких кирпичных террасах, расцветали ремесла.

Своим первым городом шумеры считали Эриду, а их древнейшим культурным центром был город Ниппур с общешумерским храмом бога Энлиля. Помимо этих городов в Междуречье существовало еще много других, независимых друг от друга городов-государств: к востоку от поселения в Эль-Обейде находился Ур, к северу от него лежала Ларса, к востоку от Ларсы, на берегу Тигра, постоянно враждовали друг с другом Лагаш и Умма, а на другой стороне долины, на берегу Евфрата, возвышались стены Урука, родины знаменитого Гильгамеша.

Первоначально во всех государствах делами заправляли жрецы, да это и неудивительно. Многочисленные

боги шумеров требовали не только почитания, но и богатых подношений; через своих посредников-жрецов они владели обширными землями, множеством рабов; на священных полях трудились сотни зависимых от храма людей. Городские храмы были сосредоточием деловой и культурной жизни, из них рассылались в другие края торговые агенты-тамкары, при храмах работали мастерские и создавались школы. Сперва веское слово в городской жизни принадлежало также общине, но малопомалу военные вожди, именуемые лугалями (что значит «большой человек»), набрали силу в завоевательных походах, впридачу к военным трофеям захватили солидную часть храмовой земли — и сделались могущественными царями, полновластными властителями городов-государств.

Менее значительными личностями считались верховные жрецы-энси, вынужденные терпеть указания совета старейшин. В случае необходимости энси возглавляли дружину, состоявшую из храмовых людей (что, несомненно, служило им некоторым утешением), однако не могли равняться в богатстве и силе с лугалями. Некоторые исследователи считают, что взаимоотношения лугалей и энси можно сравнить с взаимоотношениями сюзеренов и вассалов в средневековой Европе.

В древнем Уруке верховный жрец назывался не энси, а эн; таким жрецом как раз и был легендарный Гильгамеш, пятый правитель I династии города Урука, дерзко осмелившийся не подчиниться грозному лугалю города Киша...

Но прежде чем прогуляться по улицам Урука, стоит познакомиться с некоторыми из многочисленных богов Шумера, которым суждено шествовать по страницам этой книги бок о бок с людьми. Ведь божества Древней Месопотамии никогда не были так отстраненно-далеки от человека, как божества Египта; да и здешние люди порой осмеливались враждовать с бессмертными, любить или отвергать любовь великих богинь.

Впрочем, судите сами!

Сотворение мира

Вначале — многие тысячи лет — существовал лишь Мировой океан, в недрах которого скрывалась дочь океана, великая Намму. Неизвестно, от кого забеременела Намму, но, так или иначе, из ее чрева вдруг вышла гора с подножием из мягкой глины и вершиной из твердого олова. На вершине этой горы обитал древнейший бог Ан (Небо), а внизу на плоском диске, плавающем в океане, томно возлежала богиня Ки (Земля). Заботливая праматерь Намму подождала, пока ее дети подрастут, и соединила их узами брака.

От Ана и Ки родился блистательный бог Энлиль, поднимающий дыханием буйный ветер, сотрясающий могучей поступью всемирную гору.

Вслед за тем супруги произвели на свет еще семь богов, которые стали править миром вместе со своим старшим братом Энлилем, верша судьбы нынешнего и грядущего.

Все было бы хорошо, но восьми детей Ану и Ки показалось мало. Войдя во вкус отцовства и материнства, они породили еще множество Ануннаков, самых младших богов, сексуальным темпераментом явно пошедших в отца. Да и старшие боги не собирались успокаиваться на достигнутом — у них рождались все новые дети, вслед за чем появлялись внуки, правнуки и праправнуки... Причем все они обладали божественным бессмертием!

Что ж, дело кончилось тем, чем и должно было кончиться: наступила демографическая катастрофа. На мировой горе просто стало некуда ступить от потомков Ана и Ки!

Видя, что вскоре его вконец затолкают теснящиеся повсюду родственники, Энлиль отважился на смелый шаг.

«Суровые времена требуют суровых решений!» — изрек он и, вооружившись медным ножом, аккуратно подрезал края небосвода.

Ан с громким стоном оторвался от Ки и взмыл высоко в воздух, где повис в виде огромного оловянного полушария. Маленькие кусочки олова, кое-где отколовшиеся от

него, упали вниз в виде прощального привета любимой супруге; люди до сих пор находят здесь и там частицы небесного металла.

Боги с ликующими воплями забегали по сделавшейся просторной и широкой земле, а Энлиль, удовлетворенно кивнув, спрятал нож в ножны. Его смелый эксперимент полностью удался, и боги единогласно избрали мудрого первенца Ана своим владыкой.

Сам Ан так и остался вверху, наблюдая оттуда за своими многочисленными отпрысками; Энлиль же наполнил обширную землю дыханием жизни и поместил в ее центре город Ниппур. Ниппур — запомните, а вовсе не Мемфис, не Фивы и не Гелиополь, пусть египтяне не обольщаются на этот счет! В Ниппуре находился великолепный храм Энлиля — Энкур, куда все боги приходили поклониться своему владыке, ибо

То, что из уст его, — ненарушимо,
что присудил он — дано навечно.
Он взоры вздымает — колеблет горы!
Он свет излучает — пронзает горы!
Отец Энлиль восседает державно
в священном капище, в могучем капище!
Он — Нунамнир![55]
Совершенно его правление, его княжение!
Боги Земли перед ним склоняются,
Ануннаки-боги к нему стекаются,
С верою в мудрость его стекаются!
Исполин! Владыка! Он велик во вселенной!
Он мудрец, в законах всеведущ![56]

Женитьба Энлиля

В ту пору в мире еще не было людей, в Ниппуре жили лишь боги да богини, среди которых выделялась предприимчивостью дочь Ана Нунбаршегуну.

Увидев, как возвысился Энлиль, Нунбаршегуну задумала выдать за него свою дочь — юную прелестную Нинлиль.

— В чистом потоке, женщина, в чистом потоке омойся, —

наставляла дочку заботливая мать, —

Ступай, Нинлиль, вдоль берега потока Нунбираду,
Ясноглазый властелин, ясноглазый,
«Великая Гора», отец Энлиль ясноглазый увидит тебя
И тут же обнимет тебя, поцелует тебя[57].

Наивная Нинлиль сделала все, что ей велели, и замысел Нунбаршегуну удался — правда, только отчасти. При виде красавицы Энлиль и впрямь загорелся неистовой страстью и пожелал немедленно овладеть девушкой. Не тратя времени на вздохи и серенады, бог предложил Нинлиль возлечь с ним, но та ответила испуганным отказом:

— Мое лоно мало, оно не знает соитья,
Мои уста малы, они не умеют целовать!

Энлиль слегка опешил от такого бесхитростного и прямого ответа, но не пожелал примириться с поражением. Потеряв голову от любви, он обратился к своему доверенному слуге Нуску, спрашивая, что ему делать?

Нуску очень возгордился, что сам властелин богов пришел к нему за советом, хотя и не понял, что так смущает Энлиля? Все очень просто — если уговоры не помогли, господин должен взять девушку силой! Это проще простого, он, Нуску, сам много раз поступал так в подобных случаях! Услужливый прохиндей даже дал хозяину ладью, чтобы верховному богу не пришлось валяться с Нинлиль на пыльной траве среди скорпионов и змей.

И на следующий день Энлиль, почитавшийся в Ниппуре светочем правосудия, поступил согласно совету своего неразборчивого в средствах слуги: он подстерег Нинлиль

в зарослях прибрежного камыша, затащил юную прекрасную богиню в лодку и изнасиловал ее.

При вести об этом злодеянии всеобщее возмущение охватило Ниппур. Семь старших богов — вершителей судеб мира и пятьдесят младших богов и богинь собрались, чтобы судить своего преступного властелина. Приговор судей был единогласным: насильнику нет прощения! Отныне Энлиль им больше не владыка, он должен навсегда покинуть Ниппур и удалиться в подземный мир!

Так постановили боги, и охваченный раскаянием преступник ни слова не возразил против их решения.

— Энлиль, нечестивец, уходи из города!
Нунамнир, нечестивец, уходи из города!

И ушел бывший верховный бог в Кур — в печальную страну, откуда нет возврата.

Но Нинлиль уже носила во чреве ребенка Энлиля — будущего бога Луны Нанну. Молодая женщина долго горевала и плакала, не зная, как ей теперь поступить. Ненавидит она того, кто дал ей этого ребенка, жалеет его или любит? И как ее малютка будет расти без отца?

Наконец богиня осушила слезы, укрепила сердце и отважилась последовать за изгнанником в недра земли.

Узнав об этом, Энлиль еще сильнее почувствовал вину: неужели его первенец и прекрасная Нинлиль обречены вечно пребывать в таком безрадостном месте? Из подземного царства никто никогда не возвращался, даже Энлиль не мог изменить непреложные законы, правящие Куром! Но бог призвал на помощь весь свой ум, всю свою энергию и составил хитроумный план.

Он занял место привратника, сторожащего вход в подземную страну, принял его образ и встретил приблизившуюся к воротам Нинлиль такими словами:

— Энлиль, мой господин, не велел тебе говорить, где он. Энлиль, мой господин, не велел тебя впускать!

— Раз Энлиль — твой господин, значит, я — твоя госпожа, — дрожащим голосом отвечала юная женщина. —

Во мне зреет семя владыки богов, пожалуйста, пропусти меня!

— Дай коснуться тебя — тогда, так и быть, я тебя пропущу! — нахально потребовал лже-привратник.

Как ни умоляла Нинлиль, страж стоял на своем. Наконец бедняжке стало ясно: ворота не распахнутся, пока она не выполнит все требования наглого шантажиста.

И возлегли рядом богиня и ее неузнанный муж, и обнял Энлиль супругу, приговаривая магические слова: «Семя моего господина пусть вернется к небу, семя мое — пусть под землю сойдет!»

Потому что владыка богов хорошо знал жестокие законы подземного мира: тот, кто хочет вернуться отсюда на землю, должен оставить вместо себя другого — голову за голову, душу за душу!

Так Нинлиль зачала от супруга дитя, которому предназначено было остаться под землей вместо их первенца Нанны.

Пройдя через ворота, богиня отправилась дальше, а Энлиль вновь опередил ее и встретил на берегу подземной реки под видом стража потока. «Страж» потребовал от Нинлиль той же услуги, что и привратник, — и опять, обнимая женщину, произнес волшебное заклинание: «Семя моего господина пусть вернется к небу, семя мое — пусть под землю сойдет!»

Ребенок, зачатый на сей раз, должен был заменить в стране вечного мрака юную Нинлиль.

Не подозревая о жестоком замысле мужа, богиня побрела вдоль берега реки, где вскоре увидела перевозчика Ур-Шанаби... Конечно, это был все тот же Энлиль, принявший еще один облик. И снова богу удалось обмануть самоотверженную супругу, выманив у нее ласки взамен обещания переправить на ту сторону страшного потока.

Магические слова: «Семя моего господина пусть вернется к небу, семя мое — пусть под землю сойдет!» сделали третье дитя, зачатое Нинлиль в подземном мире, выкупом за самого Энлиля.

Так три младших ребенка божественной четы помогли Энлилю, Нинлиль и их первенцу Нанне вернуться на землю вопреки судьбе и приговору богов. Младшие братья Нанны сделались подземными божествами, а Энлиль вновь воцарился в Ниппуре под ошарашенное молчание остальных богов: шутка ли, никому прежде не удавалось вырваться из Страны без Возврата!

Возмужав, старший сын Энлиля Нанна начал, подобно египетскому Ра, путешествовать в небесной ладье по небосводу, однако, в отличие от Ра, выбирал для своих прогулок исключительно ночное время суток. Утром Бог Луны опускался на отдых в воды Мирового океана, и тогда над миром взмывал его блистательный сын, Бог Солнца Уту, который мчался в огненной колеснице с востока на запад, затмевая ослепительным сиянием звезды и планеты.

Кроме сына у Нанны была еще дочь — энергичная, ветреная и взбалмошная Инанна. Эта красотка не придерживалась столь размеренного образа жизни, как ее брат, а разнообразие интересов сделало ее самой популярной богиней Шумера. Инанна считалась хозяйкой войны, любви и плодородия; в будущем эта своенравная красавица еще не раз покажет свой характер. А пока...

Бог Энки — мудрец и демиург

...А пока за обустраивание молодого мира взялся брат Энлиля Энки, неутомимый труженик и добряк. Энки запустил в воду рыб, запретил морям заливать землю, наполнил земные недра рудами металлов и насадил тенистые леса по берегам рек и по склонам гор. Бог-демиург внимательно следил за тем, чтобы дожди вовремя орошали землю — и все вокруг цвело и зеленело, и птицы оглашали звонким щебетом молодые леса.

Время от времени, устав от трудов, брат Энлиля удалялся на отдых в свой великолепный храм-дворец Абзу,

лежащий на дне океана. Именно там его пробудили однажды от крепкого сна возмущенные крики праматери Намму:

— Ты все полеживаешь и дремлешь, лентяй! Всплывика лучше и посмотри, что делается на земле! Ануннаки, страдая от голода, едят траву и коренья; страдая от холода, они прикрываются лишь листьями да циновками из тростника! Встань, помоги младшим братьям, наведи порядок!

— Пожалуй, я и впрямь чего-то недоглядел, — самокритично вздохнул Энки, слезая с ложа.

Да, младшее поколение богов только и знало, что размножаться, зато работать никто из ануннаков не желал — неудивительно, что им не хватало пищи.

Энки понял, что если он не примет решительных мер, все его усилия по озеленению земли пойдут прахом: оголодавшие ануннаки начисто съедят траву и общиплют листья с деревьев. Этого никак нельзя было допустить! И хозяин Абзу, посоветовавшись с Ану и Энлилем, создал божественного юношу — Лахара (Овцу) и божественную девушку Ашнан (Зерно).

Лахар спустил с небес на землю стада овец и коз, которые стали быстро размножаться на зеленых лугах, давая молоко, мясо и мягкую шерсть. Аншан тоже не теряла времени зря: она возделала первое поле и засеяла его зернами ячменя.

Боги отведали ячменного пива, приготовленного Аншан, и хором восславили мудрого Энки. Да, отличное дело он совершил! Но было ясно, что двух маркитантов не хватит для целой армии прожорливых богов. Как Лахар и Аншан ни смекалисты и ни трудолюбивы, вдвоем им не под силу обеспечить всех бессмертных едой, одеждой и питьем!

— Сотворю-ка я им на подмогу работящих и разумных людей! — промолвил порядком захмелевший Энки.

А надо сказать, что он сел за стол, не ополоснув даже руки после тяжких трудов, и теперь его забывчивость обернулась во благо. Выковыряв из-под ногтей полпуда

грязи, Энки хотел уже приступить к лепке задуманных созданий, как вдруг его жена, богиня Нинмах[58], тоже хлебнувшая на пиру лишнего, перехватила у мужа инициативу.

Она отобрала у Энки кусок глины и сама начала лепить первого человека, приговаривая такие слова:

— Человеческое созданье — хорошо ли оно,
дурно ли оно —
Как мне сердце подскажет, такую судьбу ему присужу —
или добрую, или злую!
— Судьбу, что ты присудить пожелала, —
благую ли, злую ли — я назначу![59] —

живо возразил Энки, не желая уступать славу создателя людей жене.

Однако вскоре он горько пожалел о своих словах. Пришлось же ему потрудиться, назначая судьбу и подыскивая посильную работу для слепленных Нинмах беспомощных уродцев!

Зато потом Энки от души повеселился, сделав еще более нелепых уродов и заставив Нинмах придумывать для них судьбы. Дело чуть не дошло до размолвки между супругами, но наконец Энки решил: поразвлекались — и будет! — и взялся за работу всерьез.

Он сотворил крепких, сильных, наделенных душою и разумом людей — мужчин и женщин, образом во многом схожих с богами. Женщин Энки научил прясть и ткать, попросив присматривать за ними богиню ткачества Утту. Мужчин под покровительством бога-пастуха Думмузи он обучил скотоводству: пусть несут в храмы побольше сливок и молока!

Люди долго жили в мире друг с другом, но потом так размножились, что у них начались споры из-за земли. Тогда бог-демиург размежевал их земельные наделы и провел границы между владениями городов.

С приходом в мир человека жизнь на земле стала гораздо шумнее и суетливее. От людей было куда больше бес-

покойства, чем от всех прочих созданий Энки, и Энлиль, чей характр стал еще тяжелее после путешествия верховного бога в подземное царство, просто зеленел от злости, слушая людские песни, болтовню и вопли.

Великий потоп

Единственный экземпляр таблички в шесть столбцов донес до нас древнейшее из известных сказаний о гибели всего человечества. Теперь уже доказано, что рассказ о Великом потопе — не триллер, не вымысел древних фантастов, а отголосок воспоминаний о реальных событиях.

При раскопках в Уре Леонард Вулли обнаружил следы грандиозного наводнения, около середины IV тысячелетия до н.э. прервавшего на время ход развития тамошней цивилизации. «Грандиозного», конечно, по меркам Месопотамии, плоской равнины, зажатой между Тигром и Евфратом: для шумеров это пространство и заключало в себе целый мир. В Междуречье потопы случались нередко, но один из них, видимо, был самым ужасающим и остался в памяти уцелевших людей как некая вселенская катастрофа, как кара разъяренных богов.

Богом, который задумал уничтожить суетливый человеческий род, был, конечно, неистовый Энлиль. Каким-то образом ему удалось склонить на свою сторону всех бессмертных, кроме творца людей Энки. Хозяин Абзу не желал гибели своим созданиям, но не мог предупредить смертных о надвигающемся потопе: Энлиль заранее заручился клятвой богов не открывать людям решение небесного совета. (Этих подробностей в сохранившихся отрывках шумерского текста нет, однако из позднейших вавилонских версий мифа следует, что дело было именно так.)

Энки не мог нарушить клятву, и все же попытался что-то сделать для спасения обреченного человечества. Он

шепнул страшную весть стене ниппурского храма, в котором молился праведник Зиусудра:

— Край стенки слева, ну-ка, послушай!
Край стенки, скажу тебе слово, прими мое слово!
Будь внимателен к моим наставленьям!
Потоп пронесется надо всем миром,
Дабы семя человечества уничтожить.
Окончательно решение, слово божьего собрания...[60]

Все тем же конспиративным шепотом, через стенку, Энки научил своего любимца, как спасти хотя бы немногих людей.

Зиусудра поступил по совету мудрого бога. Он спешно соорудил большую ладью, посадил на нее семью и столько жителей Ниппура, сколько смогло вместить судно. (О том, что в ладье нашел спасение не только сам Зиусудра, тоже приходится судить по позднейшим сказаниям.)

И вот на землю обрушился Ужас:

— Все злобные бури, все ураганы,
все они собрались вместе.
Потоп свирепствует надо всем миром.
Семь дней. Семь ночей.
Когда потоп отбушевал над Страною,
Злобный ветер высокой волною
отшвырял огромное судно,
Солнце взошло, осветило небо и землю,
Зиусудра в огромном своем корабле
отверстие сделал,
И солнечный луч проник в огромное судно.

Первым делом шумерский Ной пал ниц перед Богом Солнца Уту и принес ему богатую жертву.

Когда утихла буря, вместе с ней утих и гнев бессмертных; вместо того чтобы прикончить Зиусудру, завершив тем самым задуманный геноцид, боги ласково заговорили с пережившим потоп человеком. В приступе щедрости

Энлиль и Ан присудили праведнику вечную жизнь и поселили его в блаженной стране Дильмун — «там, где солнце-Уту восходит».

От Зиусудры и его спутников возродилось новое человечество, которое оказалось ничуть не лучше прежнего и так же досаждало богам своей неуемной возней.

Инанна выманивает у Энки Сути

Богиня Инанна была не менее энергичной и беспокойной, чем любая из дочерей человеческих.

Едва после потопа жизнь на земле вошла в свою колею, взбалмошной дочке Нанны показалось, что ее обошли при раздаче божественных почестей и привилегий.

— Почему мои сестры получили в долю и одно, и другое, и третье, а мне достались лишь отблески их славы? — капризно топнула ногой красавица. — Уту властвует над всеми рукодельницами мира, Эрешкигаль повелевает подземным царством, Нинкаси[61] воздают хвалу на каждой пирушке, а что осталось мне — всего-навсего власть над жалким городишкой Уруком? Ну ничего, мы еще увидим, кто будет главней — я или Эрешкигаль!

Инанна задумала доставить в Урук Сути, «ме», дабы возвысить свой город над всеми прочими городами и самой возвыситься над остальными богинями.

Надо сказать, что «ме» — штука довольно загадочная. Это нечто вроде понятий, установлений, дающих их владельцу власть над предметами, которые определяются данными «ме». Если вы помните, у каждого египетского бога имелось тайное имя, заключавшее в себе мощь этого божества. А шумерские «ме», по всей видимости, являлись тайными именами явлений и вещей — поэтому тот, кто завладевал Сутями, завладевал и самими явлениями и вещами.

Испокон веков Сути принадлежали Энки, но Инанна вбила себе в голову, что от этих «ме» зависит все ее будущее.

Итак, принарядившись и накрасившись, красавица отправилась в подводный дворец Абзу. Обрадованный Энки закатил в честь гостьи роскошный пир, а богиня, зная, что ее родственник падок до выпивки, все подливала и подливала ему вина.

Чаша за чашей, бутыль за бутылью — и вот уже захмелевший Энки именует свою сотрапезницу «дочкой» и обещает подарить ей все, что та ни попросит!

Богиня не заставила упрашивать себя дважды и тут же попросила подарить ей Сути — самое ценное имущество в Абзу.

— О чем ты говоришь, дочурка?! — вскричал хлебосольный хозяин. — Конечно, я отдам тебе все... Отдам тебе те... Отдам тебе все, что ты ни... Эй, Исимуд, еще вина!

Приняв чашу из рук слуги, Энки слегка заплетающимся языком принялся перечислять, что именно он подарит гостье:

— Светлой Инанне, дочери моей, да отдам я ей:
Доблесть, Могучесть, Неправедность, Праведность,
Градов ограбление, Плачей устроение,
Сердечную радость.
Светлая Инанна в обладанье получит
Именем моей силы, именем моего Абзу!
Светлой Инанне, дочери моей, да отдам я ей:
Лживость, Земель мятежность, Мирность,
Бегство поспешное, Жилье надежное.
Светлая Инанна в обладанье получит
Именем моей силы, именем моего Абзу!
Светлой Инанне, дочери моей, да отдам я ей:
Плотничество, Медничество, Ремесло грамотейное,
Кузнечное дело, Шорничество, Стирку-мытье,
Построение домов,
Тростниковых циновок плетение... [62]

Щедрый Энки еще долго перечислял Сути, которые он отдает Инанне (до сих пор удалось перевести названия

далеко не всех, упомянутых в легенде, «ме»), но язык его ворочался все с большим и большим трудом. И наконец, не закончив очередной фразы, пьяный бог уронил голову на стол и захрапел.

Инанна тотчас проворно погрузила подарки на ладью и пустилась в обратный путь к Уруку.

Через некоторое время Энки проснулся и, держась за гудящую голову, осмотрелся по сторонам. Вроде бы вокруг чего-то недоставало, хотя он никак не мог взять в толк, чего же не хватает в его дворце.

— Исимуд! — наконец жалобно позвал Энки.

— Слушаю, мой государь! — немедленно отозвался слуга.

— Первосвященство, Высокосвященство,
Божественность,
Венец святой могучий, Царственности престол —
где они?

— Мой господин все отдал своей дочери, — ответствовал Исимуд.

— «Какой еще дочери?» — хотел с негодованием воскликнуть Энки, но подробности вчерашнего пира малопомалу начали всплывать в его памяти.

— Скипетр могучий, Жезл и поводья,
Одеяния могучести,
Пастырство, Царственность — где они?! —

закричал он, вскакивая из-за пиршественного стола.

— Мой господин все отдал своей дочери, — отрапортовал слуга.

— Значки-эмблемы, Бури-потопы, Соитие, Целование,
Блудодейство священное, Беготня суетливая —
где они? —

озираясь, в отчаянии продолжал вопрошать Энки.

— Мой господин все отдал своей дочери, — почтительно, но со скрытой издевкой доложил Исимуд.

— Громкогласие, Злоязычие, Улещивание,
Любовнослужение, Ночлежища культовые — где они?

— Мой господин все отдал своей дочери, — трудолюбивым попугаем повторил Исимуд.

— Блудилища прихрамовые, Блудодейство жреческое небесное,
Струн громкогласие, Голосов благозвучие,
Старчество — где они?

— Мой господин все отдал своей дочери, — последовал прежний ответ — и до Энки наконец дошло, какую глупость он вчера сотворил!

Бог в ярости заметался по залу, круша столы, разбивая посуду, а когда немного опомнился, снарядил погоню за похитительницей.

Далеко-далеко от обитаемых мест Исимуд и несколько других верных служителей Энки настигли ладью Инанны и потребовали, чтобы богиня немедленно вернула Сути.

— С какой стати я должна возвращать то, что владыка Абзу отдал мне по доброй воле? — возразила хитрюга. — Прочь от моей ладьи!

Слуги Энки ничего не смогли поделать с богиней, владеющей могущественными Сутями, так ни с чем и вернулись к своему господину.

Но Энки не сдался! Он послал пятьдесят могучих Великанов, чтобы они отобрали у Инанны «ме». Однако даже Великаны оказались бессильны перед новой владелицей Сутей, упорно продолжавшей путь в любимый Урук. Что Великаны! — ни Лахаму, чудовища Бездны, ни подвластные Энки гигантские рыбы не сумели остановить упрямую богиню и отобрать у нее драгоценные «ме».

Стиснув зубы, Инанна вела ладью все дальше и дальше — и наконец, миновав канал Итурунгаль, где ее в по-

следний раз попытались задержать посланцы обобранного бога, путешественница прибыла в Урук.

Все горожане высыпали встречать богиню, которая доставила им бесценные Сути, сулившие городу счастье и процветание.

В честь возвращения ладьи небесной да будет
праздненство устроено!
Пусть царь быков убьет, пусть много овец заколет!
Пиво из кубков да изольет!
Барабанам пусть повелит греметь,
Звонкогласным литаврам согласно петь!
.....
Инанна, первосвященство ты привезла!
Высокосвященство ты привезла!
Божественность ты привезла!
Венец святой могучий ты привезла!
Царственности престол ты привезла!
Скипетр могучий ты привезла!
Жезл и поводья ты привезла!
Одеянья могучести ты привезла!
.....
В честь того, что ты привезла,
воистину пиво пусть изольют!

Так Урук благодаря своей изобретательной и энергичной покровительнице стал одним из самых великих городов Шумера.

Первые герои Урука — Энмеркар и Лугальбанда

А теперь пора познакомиться с царями и верховными жрецами Урука, первым из которых был, согласно «Царскому списку», сын Бога Солнца Уту Мескиаггашер. Вообще-то во времена Мескиаггашера на месте позднейшего Урука существовал лишь храм Эанна с небольшим посе-

лением вокруг; этим поселением и владел сын Уту — владел целых 324 года.

Амбиции его наследника Энмеркара не позволяли ему удовольствоваться властью над жалкой деревушкой. Энмеркар построил город Урук и процарствовал в нем ни много ни мало 420 лет.

Основатель Урука был о себе столь высокого мнения, что саму богиню Инанну запросто называл сестрой, бога Уту считал своим вторым отцом и по-приятельски навещал Энки в его подводном дворце Абзу. Обширные связи среди богов подвигнули Энмеркара посягнуть на богатства государства Аратта, что находилось в горах Луристана (Персии).

— О сестра моя Инанна!
Сделай так, чтобы жители Аратты
Искусно выделывали золото и серебро для Урука, —

доверительно обратился к богине правитель, —

Чтобы они приносили благородный лазурит,
извлеченный из скал,
Чтобы они приносили драгоценные камни
и благородный лазурит![63]

А в благодарность за помощь в экспроприации богатств Аратты щедрый царь пообещал богине украсить раздобытыми в Луристане сокровищами ее храм и дворец Абзу.

Инанне пришлись по вкусу благочестивые намерения «брата», однако правитель Аратты Энсухкешданна почему-то не пожелал добровольно отдать Уруку свое золото, серебро и лазурит. Больше того, этот наглец, заручившись помощью бога дождя и грозы Ишкура, сам потребовал от Энмеркара крупных поставок хлеба... Вслед за чем началась многолетняя распря между двумя государствами.

Через горы туда-сюда сновали посланники Энмеркара и Энсухкешданны; оба царя прибегали к угрозам, подку-

пу и колдовству, чтобы заставить противника подчиниться, или же принимались загадывать друг другу через послов загадки (условие — победитель получает все!). Этот древнейший «конкурс капитанов КВН» не привел к разрешению конфликта, зато дал очень неожиданный побочный эффект: очередная загадка Энмеркара оказалась настолько сложной, что царский гонец не смог дословно ее запомнить. И тогда премудрый правитель Урука изобрел письменность:[64]

> «Для посла слова были трудными и не мог он их повторить, тогда верховный жрец Кулаба прикоснулся к глине и слова на табличке написал. До этого дня не умели слова писать на глине, а теперь, о Уту, воистину стало так! Верховный жрец Кулаба слова на табличке написал, воистину это так!»[65]

И воистину — нет худа без добра!

Наконец в затянувшейся холодной войне верх все-таки одержал Энмеркар. После того, как урукская колдунья Сагбуру одолела в профессиональном поединке араттского чародея, народ Аратты сам принес требуемое золото, серебро и лазурит в Урук и покорно сложил дань во дворе храма Эанны...

На том и кончается шумерская часть мифа; а вот о чем говорится в сказании более поздних, старовавилонских и новоассирийских времен.

...Недолго длилась пламенная дружба народов Аратты и Урука, недолго горное царство платило дань надменному Энмеркару. Вскоре любимцу Инанны пришлось вести войско в горы Хуррума, чтобы раз и навсегда показать Энсухкешданне, кто из них сильнее.

Энмеркара сопровождали в походе восемь его сыновей от богини Ураш, самым младшим из которых был герой Лугальбанда. Войско едва прошло половину пути, как внезапная болезнь одолела Лугальбанду, и не смог он двигаться дальше. Братья и друзья юноши после тяжких раздумий решили оставить его в горах, снабдив всем необходимым: если будет на то воля Уту, больной выживет и

догонит войско, если же он умрет, войско заберет тело на обратном пути, чтобы похоронить в родном Уруке.

Рядом с героем положили еду, питье и оружие — и вскоре последний воин скрылся в глубине ущелья.

Тогда юноша поднял глаза к небу и взмолился:

— Уту, приветствую тебя, да не буду я больше болен!
Уту, с братьями в горы ты дал мне подняться!
В мрачном горном ущелье, в ужасающем месте,
да не буду я больше болен!
Там, где матери нету, где нету отца,
Где нет знакомых, где нету близких,
Там, где мать моя — «о, дитя мое!» — мне не скажет.
Братец мой — «О, мой брат!» — мне не скажет.
Соседка, что к матери в дом придет, обо мне не заплачет.
.....
Незнакомый пес — плохо,
человек незнакомый — ужасно,
На путях неизведанных, что по краю гор вьются.
О Уту, человек незнакомый — человек страшный!
В месте гиблом да не растекусь водою,
Землю горькую вместо зерна есть да не стану![66]

Услышал Уту мольбы своего внука, и преклонила слух к словам умирающего богиня Инанна. Они дали юноше поесть живой травы, поднесли ему живой воды, и герой вскочил на ноги еще здоровее и сильнее, чем был прежде. Первым делом Лугальбанда принес благодарственную жертву богам-спасителям, изловив горного быка и голыми руками вырвав ему внутренности, а совершив это благочестивое дело, бросился догонять отцовское войско.

Но дики и пустынны горы Хуррума — и Лугальбанда заблудился в лабиринте ущелий. Долго скитался он наугад по горным тропам, как вдруг увидел на скале огромное дерево, а на вершине его — гнездо Анзуда, волшебного орла с головою льва. Молва о гигантском орле, о чудовищной птице-буре не раз долетала до Урука. Старики рассказывали, что на заре времен Анзуд украл таблицы судеб у

самого Энлиля! Только богу войны Нинурте с огромным трудом удалось настичь крылатого вора и отобрать у него похищенное добро...[67]

Когда орел на рассвете расправляет крылья,
Когда Анзуд кричит при восходе солнца,
Земля в горах дрожит от крика...
Когти орла у него, зубы — акулы,
Дикий бык от него спасается в горы,
Горный козел несется в страхе!

Но Лугальбанда не испугался и не убежал, он сразу сообразил, как использовать подвернувшийся случай. Юноша забрался в гнездо Анзуда и увидел там орленка: милую птичку величиной с барана. Лугальбанда угостил птенца вкусным овечьим жиром и медом, подкрасил ему глаза сурьмой и возложил на голову священный венец Шугур из ветвей душистого можжевельника. Еще никто и никогда не оказывал орленку таких божественных почестей!

Тем временем Анзуд вместе с супругой охотился в горах. Закогтив упитанного быка, он подлетел с добычей к гнезду и громко окликнул сына. Раньше орленок всегда откликался на зов — но на сей раз никто не ответил на громовой клекот!

В страшной тревоге супруги устремились к гнезду и увидели: сидит их сын в венце из можжевельника, с подведенными сурьмой глазами, с перепачканным медом клювом — такой довольный, сытый и важный, что даже отзываться на родительский оклик не хочет.

Вздох облегчения Анзуда и его жены пронесся ветром по всем окрестным ущельям.

— Тот, кто гнездо мое изукрасил,
Если ты бог — одарю тебя Словом,
Другом моим навеки станешь! —

радостно прокричал орел. —

Если ты смертный — наделю Судьбою,
Да не встретишь в горах соперников,
Могучий герой, одаренный Анзудом!

На последнее предложение Лугальбанда не замедлил откликнуться; покинув свое убежище, он почтительно пожелал здоровья орлу и его дражайшей половине.

Исполненный благодарности Анзуд начал предлагать герою всевозможные дары, но юноша отвергал их один за другим. Его не привлекли ни чудесное оружие, ни богатство, ни победная мощь... Орел уже и не знал, чем соблазнить привередливого гостя!

— Что же ты, мой Лугальбанда!
Одари же меня заветным желаньем! —

утомленно промолвила наконец божественная птица.

И тогда герой попросил вот о чем: пусть будет он, Лугальбанда, силен и неутомим в беге.

— Да будут мои ноги без утомленья!
Да будут руки полны силой!
Раскину их в беге, и не ослабнут!
Как солнечный луч, как звезда восхода,
Как семь огненных бурь Ишкура,
Пламенем взметнусь, молнией спущусь!
Куда взоры смотрят, хочу отправиться,
К желанному краю стопы направить!
Добраться до мест, куда сердце влечет!
Развязать сандалии, где сердце велит!

Что было испрошено — было даровано; и вскоре Анзуд и его новый друг отправились в путь. Орел несся в небесах, высматривая сверху войско Урука, юноша так же быстро мчался по земле, следя за вздымаемой войском пылью. Вскоре герой нагнал соплеменников, и орел, убедившись, что его приятель в безопасности, вернулся обратно к гнезду. Однако перед тем, как расстаться с Лугальбандой, он

взял с него слово, что тот никому не расскажет о полученном в подарок чудесном свойстве.

Словно птица, спустившаяся с небес, возник Лугальбанда среди друзей и братьев, и те с криками радости окружили его, обнимая и засыпая вопросами.

— Откуда ты взялся, дружище? Мы уже оплакали тебя! Как тебе удалось выжить в этих диких горах?

Но герой твердо помнил о данном Анзуду слове и рассказал лишь о том, как благодаря богам он избавился от болезни.

Вдоволь наудивлявшись чудесному спасению Лугальбанды, войско двинулось дальше и вскоре встало лагерем в четырех часах пути от стен Аратты. Ближе воины Урука подойти не смогли: им помешали горные камнепады, высокие деревья стеной преградили им путь. День прошел, кончился месяц, вот уже и год пришел к повороту, но враждебное колдовство чужих гор не теряло силы.

Тогда Энмеркар решил послать гонца в родной Урук, чтобы испросить совета богини Инанны — как справиться с этой бедой?

Легко сказать — послать гонца, да трудно сделать! Измученные воины пали духом, никто из них не решался отправиться в долгий путь через дикие горы, даже жадные до награды наемники прятались за спины друг друга.

Только Лугальбанда откликнулся на отцовский зов. Не моргнув глазом, юноша пообещал, что в два счета доставит Инанне царское послание и так же быстро принесет Энмеркару ответ.

Как ни отговаривали героя друзья от этого опасного замысла, храбрец настоял на своем и в одиночку отправился через семь гор, не взяв ни еды, ни питья. К чему тащить лишний груз, если не позднее полуночи гонец надеялся достичь храма Инанны в Уруке?

Так и случилось: в полночь Лугальбанда уже входил в храм Эанну, где был ласково встречен божественной покровительницей Урука. Инанна сразу дала царскому сыну совет, как победить волшебством враждебное колдовство гор Хуррума, и...

...и, увы, чем завершилось дело, остается неизвестным: в сказании отсутствует концовка. Но, надо думать, что Лугальбанда в точности передал отцу наставления богини, благодаря чему войско Урука смогло одолеть Аратту и благополучно вернуться домой.

Светлый Лугальбанда! Хвалебная песнь — тебе!

Инанна и Думузи

Неутомимый бегун, друг-приятель орла Анзуда Лугальбанда правил Уруком 1200 лет — так говорится все в том же «Царском списке», составленном во времена третьей династии Ура. В этом любопытном источнике по мифологии и истории Шумера сказано также, что после Лугальбанды в Уруке воцарился божественный Думузи[68], возлюбленный муж прекрасной Инанны.

Пастух Думузи завоевал руку и сердце богини в борьбе с божественным земледельцем Энкимду. Позднее конфликт пастуха и земледельца повторится в библейской истории о Каине и Авеле, но в шумерском варианте он закончился мирно — бывшие соперники стали друзьями, едва Инанна сделала выбор в пользу Думузи.

Кстати, у шумеров существовал еще один миф о ссоре земледельца и пастуха: в этом мифе Аншар-Зерно и Лахар-Овца спорили, кто из них главнее. Каждый приводил в свою пользу аргументы один красноречивее другого, горячась все больше и больше, но до смертоубийства дело все-таки не дошло — вмешательство Энки примирило спорщиков. Если бы Ева в детстве познакомила Каина и Авеля с этими мифами, может, братьям и удалось бы разрешить свои проблемы полюбовно.

Но вернемся к Думузи с Инанной.

Прошло каких-то сто лет их совместной жизни, можно сказать, только-только кончился «медовый месяц», как семейную идиллию нарушил беспокойный характер богини. Вместо того, чтобы наслаждаться домашним счастьем

в почитавшем ее Уруке (и в шести других городах Шумера, где стояли ее храмы), Инанна задумала совершить прогулку в подземное царство. Раз Энлилю и Нинлиль удалось спуститься в Кур и вернуться оттуда, чем она хуже этих двоих?

И Инанна принялась готовиться к путешествию во владения своей страшной сестры Эрешкигаль. Приготовления ее вполне соответствовали легкомысленному характеру богини.

Красавица надела на голову венец Шугур, украсила лоб повязкой «Прелесть чела», прикрыла груди сеткой «Ко мне, мужчина, ко мне», обвила шею лазуритовым ожерельем, а запястья — золотыми браслетами, подвела глаза притираньем «Приди, приди» и прикрыла бедра роскошным передником, одеянием владычиц. В последний момент Инанна решила прихватить еще семь самых могущественных «ме», раздобытых когда-то у Энки, в надежде, что Сути будут ей защитой в подземном мире.

И вот богиня покинула семь своих храмов, распрощалась с землей, оставила небо. С золотым обручем, знаком царской власти, в одной руке, с семью «ме», зажатыми в другой, во всеоружии своей непобедимой прелести Инанна бодро отправилась в путь в сопровождении доверенного слуги Ниншубура.

Но когда вдали показался вход в подземное царство, страх закрался в сердце богини. Красавица невольно засомневалась, что богатые наряды, драгоценности и косметические ухищрения защитят ее во владениях безжалостной Эрешкигаль. Но повернуть назад — нет, никогда! Не бывать такому позору!

— Ниншубур, — просительно обратилась богиня к своему провожатому, — если через три дня я не вернусь на землю, заплачь обо мне, как о мертвой, и поспеши за помощью к Энлилю, Нанне и Энки. Пусть старшие боги не дадут мне пропасть в мире мертвых!

Верный слуга пообещал в точности выполнить это приказание, и Инанна, собрав всю свою смелость, вступила в

Кур и приблизилась к лазуритовому дворцу Ганзиру: он преграждал дорогу в темные недра земли.

— Открой ворота, привратник, слышишь? — громко позвала юная богиня (ой, почему так дрожит ее голос?). — Я хочу повидаться с Эрешкигаль!

— Кто ты такая? — донесся из-за двери хриплый бас.

— Я — звезда солнечного восхода![69]—

гордо ответила Инанна, изо всех сил стараясь не выказать страха.

— Если ты — звезда солнечного восхода,
Зачем пришла к «Стране без Возврата»? —

оглядывая ее в дверное окошечко, хмуро осведомился страж Ганзира.

— Говорят, что муж моей сестры, Гугальанна, умер, и я пришла оплакать умершего вместе со вдовой! — находчиво заявила богиня и даже припомнила имя привратника: — Открой немедленно, Нети, не заставляй меня ждать!

— Хм, — проворчал привратник. — Сперва я обязан доложить о тебе госпоже!

Эрешкигаль, которая и раньше отличалась скверным характером, став вдовой, ярилась еще больше. Она переменилась в лице, услышав, что ее спрашивает разряженная красотка, имевшая наглость заявить, будто пришла участвовать в погребальных обрядах по Гугальанне.

— Впустить ее! — взвизгнула Эрешкигаль. — Уж я найду, чем приветить младшую сестрицу!

— Входи! — обрадовал Инанну вернувшийся Нети. — Царица ждет тебя!

А Инанна-то уже начала надеяться, что ее не впустят! Но страж отодвинул семь скрипучих засовов, распахнул тяжелые ворота Ганзира, и едва богиня преступила через порог, сдернул с ее головы венец Шугур.

— Немедленно отдай! — возмутилась Инанна. — Как ты смеешь?!

— Таковы законы подземного мира, — невозмутимо ответил привратник. — Смирись, богиня! Молчи!

Ворота с грохотом захлопнулись, и испуганная красавица не посмела спорить — робко, послушно направилась дальше, к следующим воротам.

Суровый привратник снова распахнул перед ней створки — и за этим порогом сорвал с ее шеи лазуритовое ожерелье.

— Зачем ты забираешь мое ожерелье? — пролепетала вконец струхнувшая Инанна.

— Таковы законы подземного мира. Смирись, богиня, молчи! — вот и все, что она услышала в ответ.

Бежать бы ей теперь со всех ног — обратно, к солнечному свету, к свежему ветру! — но было уже поздно. Мрачный страж вел непрошеную гостью от одних ворот к другим, и за каждым порогом отнимал еще что-нибудь у несчастной Инанны. За третьим порогом богиня лишилась повязки «Прелесть чела», за четвертым — сетки для грудей «Ко мне, мужчина, ко мне», за пятым — витых золотых браслетов, за шестым — золотого обруча и всех семи «ме», на помощь которых она так надеялась!

Обобранная, беззащитная, дрожащая от страха, подошла Инанна к седьмым, последним, воротам. За ними безжалостный Нети сорвал с красотки последнее, что у нее оставалось — прикрывающий бедра передник.

Без украшений, без знаков власти, обнаженная и беспомощная предстала богиня любви перед своей злобной сестрой Эрешкигаль и перед семью ее помощниками-ануннаками.

Бедняжка не успела промолвить ни слова, как Эрешкигаль со злобным криком вскочила с трона и кинула проклятье, мгновенно обратившее Инанну в бездыханный труп.

— Значит, ты пришла оплакать моего Гугальанну? — захохотала владычица подземного мира. — Ха! Ха! Ха! Так пусть теперь кто-нибудь оплачет *тебя*!

Эрешкигаль собственноручно повесила холодный труп сестры на крюк и снова уселась на трон, очень довольная проделанной работой.

...На исходе трех дней Ниншубур, так и не дождавшись возвращения Инанны, понял, что с его хозяйкой стряслась беда. Громко заголосил слуга, заколотил в погребальный барабан, в кровь исцарапал лицо и, облачась в траурные одежды, побрел в храм великого Энлиля. Разве не ухитрился когда-то верховный бог вырваться из страшного царства Эрешкигаль? Разве не вывел он оттуда Нинлиль и своего старшего сына? Значит, он сможет вызволить и несчастную Инанну!

Но Энлиль не пожелал снизойти к мольбам Ниншубура, и бог Нанна тоже не захотел из-за своей взбалмошной дочурки ссориться с могущественной Эрешкигаль. С последней надеждой слуга устремился в подводный дворец Абзу... Если и Энки откажется помочь его госпоже — все пропало!

Но добрый Энки, услышав о беде Инанны, даже не вспомнил о ее давнишней проделке с «ме».

— Какой ужас! Ну конечно, я помогу малышке! — вскричал бог. — Жаль, что я только что почистил ногти... Ничего, думаю, что-нибудь мне все-таки удастся наскрести!

И хозяин Абзу наковырял из-под ногтей ровно столько грязи, что ее хватило на сотворение волшебных малюток кургара и галатура.

— Даже хорошо, что вы такие маленькие, — обратился к волшебным созданиям Энки. — Вы легко сможете прошмыгнуть мимо подземного стража Нети! А теперь быстрее возьмите живую траву и воду и не возвращайтесь, пока не выручите Инанну!

Кургар и галатур, подобно мухам, устремились в Кур, прошмыгнули между створок подземных ворот, влетели в чертоги Эрешкигаль...

И что же они там увидели? Всегда остававшаяся бесплодной, словно выжженное поле, Эрешкигаль теперь корчилась в родовых муках! С уходом Инанны плодоро-

дие покинуло подлунный мир и вслед за богиней любви спустилось в земные недра — и первой жертвой этой сложной ситуации стала сама владычица царства мертвых!

Царица Кура лежала на полу возле трона, вопя от боли, но никак не могла разродиться. Вокруг суетились растерянные ануннаки, которые не знали, как помочь своей госпоже, нежданно-негаданно угодившей в интересное положение.

— А-яй, какое несчастье! — в два голоса воскликнули кургар и галатур, кружась вокруг орущей роженицы.

— Это еще кто? — простонала Эрешкигаль. — А, все равно, кем бы вы ни были — помогите мне, умоляю! Если вы поможете мне разродиться, я отдам вам все, что пожелаете!

— Конечно, мы поможем, не сомневайся! — заверили посланцы Энки. — Только как насчет платы за родовспоможение?

— Я же сказала — берите все, что угодно! — завизжала царица.

— Хорошо! Тогда отдай нам свеженький труп, что висит на крюке — и мы в рассчете.

— Зачем он вам? — подозрительно осведомилась злыдня. — Уж не тело ли это вашей госпожи?

— Так и есть! — не стали отпираться малютки. — Ну, по рукам? Учти, плату мы берем вперед!

Яростно скрежеща зубами, Эрешкигаль кивнула. Тотчас кургар с галатуром сняли тело Инанны с крюка, коснулись его волшебной травой, окропили волшебной водой... И ожившая богиня опрометью бросилась из подземного мира, даже не поблагодарив своих избавителей.

Кургар же с галатуром, верные уговору, остались, чтобы оказать акушерскую помощь Эрешкигаль. К сожалению, легенда умалчивает о том, кем разродилась царица Кура.

А Инанна мчалась, как стрела, как вспугнутая газель, пока не выбежала наконец на яркий свет, на свежий воздух, на зеленую траву!

Верный слуга Ниншубур с радостным криком бросился ей навстречу, и богиня ответила ему таким же радостным воплем.

Но бедняжка слишком рано возликовала, решив, что все ужасы остались позади. Она забыла непреложный закон подземного мира: «Голову — за голову, душу — за душу!» И не успела Инанна перекинуться парой слов с Ниншубуром, как вслед за ней из Кура, подобно своре охотничьих собак, вырвались кошмарные демоны галла.

Тот, кто перед ней, — не гонец,
но жезл у него в руке.
Тот, кто за ней, — не боец, но оружье у него на боку.
Они, что за нею идут,
Они, что за Инанной идут,
Не ведают голода, не ведают жажды,
Муки просеянной не едят,
Воды проточной они не пьют,
Из объятий человека вырывают жену,
От груди кормилицы отрывают дитя, —

эти-то беспощадные посланцы Эрешкигаль и окружили со всех сторон Инанну, чтобы утащить беглянку обратно во мрак и холод смерти.

— Нет! Нет! Нет! Я не вернусь назад! — закрывая лицо руками, отчаянно завопила богиня. — Уходите, оставьте меня в покое!

— Тогда отдай нам вместо себя другого! — хором гаркнули демоны галла. — Эрешкигаль должна получить замену — голову за голову, душу за душу! Мы согласны взять твоего слугу Ниншубура. Пусть он заменит тебя в Стране без Возврата!

И демоны протянули жадные руки к Ниншубуру, а тот, задрожав, повалился к ногам богини. Инанна заколебалась, но собралась с духом и твердо ответила:

— Нет! Я не отдам того, кто бил по мне в погребальный барабан, кто в кровь расцарапал из-за меня лицо, кто

облачился по мне в траурные одежды, кто молил о моем спасении жестокосердных богов! Ниншубур вернул мне жизнь — я вам его не отдам!

— Ладно! Тогда пойдем в Умму и заберем в Кур тамошнего божка, твоего бывшего любовника — Шару, — нехотя предложили галла.

Инанна не посмела возразить и в окружении свирепых демонов отправилась в Умму. Но при виде Шары в траурных одеждах, горько оплакивающего ее гибель, снова дрогнуло доброе сердце богини. Рухнул Шара к ее ногам, и Инанна не смогла отправить в Кур того, кто когда-то был ей очень дорог.

— Песни пел мне мой Шара,
Стриг мне ногти, чесал кудри.
Оставьте его, не берите его! —

крикнула она кровожадным галла.

Скрежеща зубами от нетерпения, демоны потащили Инанну в Бадтибир, где правил другой ее бывший возлюбленный — Лулаль... Но и его не отдала на растерзание богиня, увидев, как облаченный в траур Лулаль радуется ее счастливому избавлению.

Этого ей было жаль, того жаль и другого тоже жаль! Галла выли, как голодные волки, все громче и злее. В любой миг они могли наброситься на саму Инанну и утащить ее обратно в царство мертвых!

Громко заплакав, богиня со всех ног помчалась в Урук, где остался ее возлюбленный муж Думузи. Кто, как не он, должен был защитить и спасти свою жену? Кто, как не Думузи, мог одолеть кровожадных галла?

По пятам преследуемая демонами, Инанна из последних сил добежала до Урука, влетела в свои палаты — и остановилась как вкопанная.

Думузи, вместо того чтобы горевать о погибшей жене, в светлой одежде восседал на троне! С радостным лицом он как ни в чем не бывало забавлялся игрой на флейте, а на голове у него красовалась корона Инанны!

— И это тот, кто клялся любить и защищать меня вечно! — горестно вскричала Инанна, и сердце ее оледенело.

Она выхватила флейту из рук Думузи и разломала ее на куски.

— Берите его, хватайте его! — гневно крикнула богиня, обращаясь к галла. — Вот кто заменит меня в подземном мире!

Позеленел от страха Думузи, бросился бежать — а за ним припустили злобные демоны Кура.

Думузи и Гештинанна

Нет спасения развенчанному царю от быстроногих врагов! Вот они уже почти настигли Думузи... И тогда несчастный взмолился к Уту: пусть солнечный бог превратит его в ящерицу, пусть хотя бы в этом обличье ему удастся скрыться от ужасных галла!

Уту сжалился над шурином и впрямь превратил его в юркую ящерку. Думузи проворно шмыгнул в канаву, побежал меж камней, затаился в траве...

Но демоны не собирались отказываться от преследования. Они обшаривали все вокруг, заглядывали под каждую травинку, приподнимали каждый камень... Нет, не укрыться от них беглецу!

В отчаянии Думузи бросился в дом своей сестры Гештинанны — «Лозы Небес». Неведомо как девушка узнала брата даже в обличье ящерицы; заплакала, запричитала над ним, в горе разрывая одежду...

А погоня шумела все ближе и ближе — и вот жуткие демоны ворвались в дом и со всех сторон окружили Гештинанну, спрашивая, где ее брат? Но Лоза Небес ничего не ответила демонам, хотя и знала, что Думузи прячется за домом в священном загоне для скота.

Донельзя разозленные галла перешли от вопросов к угрозам, а напоследок прибегли к пыткам. Но никакие муки не вырвали у Гештинанны признания.

Близится небо, уплывает земля, а она молчит!
Земля приблизилась.
Сорвали одежду, а она молчит!
Смолу на лоно ее излили, а она молчит!

Молчал и Думузи, пока галла терзали его сестру — зато пронзительно взвыл, когда демоны догадались обыскать окрестности дома и все-таки обнаружили его убежище. Содрав с Думузи шкуру ящерицы, разъяренные галла всей толпой набросились на него, повалили на землю, вспороли ножами живот и безжизненным трупом поволокли в подземное царство.

Но и тогда Гештинанна не покинула брата — она полетела за ним горестно кричащей птицей.

— О брат мой! На великие муки за тебя пойду!

Самоотверженная любовь Лозы Небес заставила Инанну сжалиться над бывшим мужем и его сестрой. Воспользовавшись тем, что Эрешкигаль еще не оправилась после первых в жизни родов, Инанна вырвала у нее разрешение поделить поровну между Думузи и Гештинанной пребывание в подземном мире.

С тех пор брат и сестра стали по очереди спускаться в царство мертвых: полгода там находилась Гештинанна, полгода — Думузи. А когда Думузи возвращался на землю, его встречало такое же ликование людей и природы, какое ежегодно встречало умирающего и воскресающего египетского бога Осириса.

Великий Гильгамеш

Вновь обратившись к бесценному «Царскому списку», мы узнаем, что пятым царем I династии Урука стал Гильгамеш — самый знаменитый изо всех легендарных царей Шумера.

За свое недолгое правление (а правил он всего-навсего 126 лет) Гильгамеш совершил великие подвиги, за которые вскоре после смерти его причислили к богам. А каких только невероятных слухов ни ходило о его рождении! Одни люди считали Гильгамеша сыном Лугальбанды и богини Нисун, потомком Бога Солнца Уту, другие же утверждали, что отец его — злой демон-лиллу. Так в Шумере назывались являющиеся женщинам по ночам сверхъестественные существа, от которых рождались оборотни и полудемоны. Вот от такого лиллу и был зачат Гильгамеш — уверяли некоторые сплетники, должно быть, те, кому досталось под горячую руку от вспыльчивого урукского царя.

Но другие жители Урука, не испытавшие на себе крутого нрава Гильгамеша, зато помнившие его подвиги во славу родного города, рассказывали совсем иные истории про рождение героя. Одна из таких сказок дошла до нас благодаря греческому писателю Элиану.

Царю Урука Зеухоросу (так Элиан называет шумерского Энмеркара) как-то раз предсказали, что сын его дочери отнимет у него царство. Испуганный пророчеством царь запер дочь в башню, но даже это кардинальное «противозачаточное» средство не помогло: принцесса все-таки родила мальчика. Наверняка от бессмертного бога — кто другой смог бы добраться до запертой на семь замков красотки?

Но божественное происхождение внука ничуть не смутило Энмеркара; зациклившийся на предсказании царь повелел сбросить младенца с башни. И опять неудача — малыша на лету подхватил орел (не Анзуд ли?). Орел унес ребенка в сад, где сына царевны усыновил и воспитал садовник. Приемный отец назвал мальчика Гильгамеш (по-гречески — Бильгамос), а когда герой возмужал, то исполнил предначертание судьбы: лишил своего жестокого деда царства.

Из тех незапамятных времен до нас дошло пять шумерских песен о подвигах Гильгамеша. Вот о чем рассказывается в некоторых из них.

После Великого потопа над всеми прочими городами Шумера возвысился Киш. Его правители добивались от своих соседей покорности и богатой дани, и все безропотно подчинялись требованиям тамошних лугалей. Последний из них, Агга, потребовал от Урука, чтобы его жители отбывали повинность на земле Киша, копая колодцы и прокладывая каналы. Как ни странно, он получил отказ — и тогда во главе большого войска подступил к стенам Урука. Испуганные старейшины города хотели покориться могущественному лугалю, но молодой строптивый эн Гильгамеш не внял благоразумным советам стариков. Вместо того, чтобы сдаться на милость грозного врага, он собрал воинов и вдохновил их на битву:

— О стоящие, о сидящие!
За военным вождем идущие!
Бока осла сжимающие!
Кто для защиты города дышит?
Перед Кишем главы не склоним,
Киш оружием сразим![70]

Народ провозгласил Гильгамеша военным вождем, и в кровопролитном бою урукцы наголову разбили вражескую армию, взяв высокомерного Аггу в плен. Впрочем, новоиспеченный лугаль Урука обошелся с побежденным великодушно и даже сделал его своим военачальником.

Править бы после этого Гильгамешу спокойно и мирно, наслаждаясь плодами победы, но царю не сиделось на месте, его сердце жаждало подвигов, душа стремилась к славе. Гильгамеш задумал отправиться в горы Ливана за драгоценными кедрами, которые сторожил свирепый великан, могучий Хубаба. Собрав неженатых молодцев Урука, позвав своего верного слугу Энкиду, Гильгамеш повел отряд через семь чужедальних гор.

Когда люди вступили в лес, где кроны вековых деревьев затемняли над головами солнце, многих охватил страх,

а Энкиду начал уговаривать предводителя вернуться, не бросать вызов хранителю кедров:

— Господин, ты мужа того не видел —
не трепетало сердце!
Я мужа того видел — трепетало сердце!
Богатырь! Его зубы — зубы дракона!
Его глотка — поток ревущий!
Его чело — жгучее пламя! Нет от него спасения!

Но Гильгамеш не пожелал повернуть назад и ободрил оробевшего Энкиду:

— Никто другой за меня не умрет!
Лодка с грузом в воде не тонет!
Нить тройную нож не режет!
Один двоих не осилит!
В тростниковой хижине огонь не гаснет.
Ты мне стань подмогой, я тебе стану подмогой,
что может нас погубить?

Отряд двинулся дальше, и в самой чаще кедрового леса люди увидели ужасного ликом великана Хубабу. Как буря, прокатился гневный крик исполина по заповедному лесу, и разъяренный страж кедров швырнул во вторгшихся в его владения наглецов смертоносный сверкающий луч. Семь таких магических лучей было у Хубабы, и все лучи — один за другим — обезвредил заклинаниями жрец и воин Гильгамеш. Лишив противника волшебного оружия, Гильгамеш вступил с ним в рукопашный бой, быстро одолел и связал, как пойманного быка.

Плененный великан уже не был страшен, он рыдал и молил о пощаде: нет-де у него ни отца, ни матери, он рос один-одинешенек в диких горах — где уж ему разбираться в тонкостях гостеприимства!

— И в самом деле — где? — задумчиво кивнул Гильгамеш. — Убивать пленного и безоружного — последнее

дело. Я отпустил напавшего на Урук правителя Киша, так почему бы мне не отпустить Хубабу?

Но Энкиду воспротивился решению господина.

— Если ты подаришь чудовищу жизнь, он отнимет жизнь у тебя! Страж кедров запутает наши дороги, не позволит вернуться в родной Урук!

Хубаба заскрежетал зубами и обозвал советчика Гильгамеша наймитом, продающим себя за похлебку. Этим он решил свою участь: Энкиду не стерпел колких слов и отсек обидчику голову.

По возвращении в Урук герои принесли голову Хубабы в храм Энлиля, но вместо того чтобы поблагодарить за экзотический подарок, бог почему-то воспылал гневом на Гильгамеша и Энкиду за убийство лесного исполина. Дарители уже давно покинули храм, а вспыльчивый бог все орал, топал ногами и изрыгал проклятья, размахивая головой Хубабы. Только чудом убийство стража кедров сошло Энкиду с рук...

Что, однако, не спасло слугу Гильгамеша от безвременного ухода в подземный мир.

В предвечные дни, в бесконечные дни,
В предвечные ночи, в бесконечные ночи,
В предвечные годы, в бесконечные годы,
В те времена былые, когда все насущное
в сиянии выявилось, вот когда,
В те времена былые,
когда все насущное нежно вымолвилось, вот когда,
Когда в домах Страны хлеб вкушать стали, вот когда,
Когда в печках Страны плавильные тигли делать стали, вот когда,
Когда небеса от земли отделились, вот когда,
Когда земля от небес отодвинулась, вот когда,
Когда имя человеков установилось, вот когда —

тогда посадила Инанна в своем саду прекрасное дерево, волшебное дерево, единственное на весь мир дерево хулуппу.

Много лет Инанна заботливо ухаживала за деревом, надеясь сделать из него роскошный престол и великолепное ложе; но когда хулуппу выросло, под его корнями угнездилась чудовищная змея, в его кроне свила гнездо птица-буря Анзуд, а в дупле поселилась белозубая дева Лилит, беззаботная хохотунья, не боящаяся богов.

Как подступиться к дереву, где обитают такие жильцы? Как сделать из него престол и ложе?

Горько плача, пожаловалась богиня на такую беду своему брату Уту, но солнечный бог только засмеялся с высоты.

— Неужели ради подобных пустяков я должен спускаться с небес? Мне бы твои заботы, глупенькая сестренка!

Богиня заплакала еще горше и обратилась за помощью к Гильгамешу: герой, не побоявшийся Хубабы, должен не испугаться и захвативших ее дерево супостатов!

Царь Урука с готовностью откликнулся на зов Инанны. Он взял боевой топор, весивший двадцать с лишним пудов, и убил змею, поселившуюся под корнями дерева хулуппу. Птица Анзуд, не дожидаясь, пока богатырь возьмется за нее, подхватила птенца и унеслась в горы, а Лилит — дева белозубая, сердце беззаботное, — бросила в дупле все свои пожитки и исчезла еще быстрее орла.

Потом Гильгамеш разрубил дерево, чтобы Инанна могла сделать из него престол и ложе, а богиня в благодарность позволила герою смастерить из магической древесины барабан с волшебными палочками.

Что это был за барабан! Под его стук без устали плясали и пели все юноши Урука, позабыв про домашние заботы, не откликаясь на зов матерей и сестер.

Однако их буйное веселье пришлось не по вкусу пожилым матронам, которые на чем свет стоит честили шумную молодежь.

«В прежние времена цари не устраивали в Уруке подобных бесчинств! Всю ночь мы глаз не могли сомкнуть из-за барабанного стука! Провались барабан Гильгамеша

в подземный мир, провались туда и его волшебные палочки!» Так бранились женщины Урука, а в ругани они были большие мастерицы! От их проклятий барабан вместе с палочками и в самом деле провалились в подземный мир, сгинули в Стране без Возврата.

Гильгамеш горевал по потерянным вещам, как ребенок по любимой игрушке. Видя безутешную скорбь господина, Энкиду решил спуститься в подземный мир, чтобы вернуть ему барабан и палочки. Спуститься-то он спустился, да вот обратно подняться не смог, напрасно Гильгамеш молил за него Энлиля и доброго бога Энки. Все, что смог сделать Энки, — это позволить тени Энкиду ненадолго явиться на землю, чтобы в последний раз побеседовать с Гильгамешем. Только уж лучше бы не было этой беседы, так ужасен оказался рассказ Энкиду о безрадостном существовании мертвых во владениях Эрешкигаль...

В прежние времена в Шумере наверняка ходило много легенд о пятом правителе Урука, но до нас, кроме песен об Агге, Хубабе и волшебном барабане, дошли в небольших отрывках всего две шумерские песни о Гильгамеше: одна — о битве героя с чудовищным быком, которого наслала на город богиня Инанна, а вторая — о нисхождении урукского царя в обитель мертвых, где он принес жертвы Эрешкигаль и другим подземным богам.

Но все остальные легенды об организаторе древнейшей в мире дискотеки — где они теперь? Не там ли, где волшебный барабан героя и его неугомонные палочки?

Остается лишь надеяться, что однажды кто-нибудь извлечет из Страны без Возврата новые таблички с рассказом о пятом царе первой династии Урука. Ведь пролежали почти три тысячелетия под развалинами библиотеки царя Ашшурбанипала осколки глиняных книг, повествующих о Гильгамеше и Энкиду уже не на шумерском, а на аккадском языке...

Аккадцы. Начало новой таблички истории Междуречья

Время всесильно: порой изменяют немногие годы
Имя и облик вещей, их естество и судьбу.

Платон

В Месопотамии прибывает черноголовых

Восточносемитские племена аккадцев издавна соседствовали с шумерами, населяя север Междуречья. Постепенно аккадцы продвигались все дальше на юг и к концу III тысячелетия до н.э. заселили уже всю Южную Месопотамию. Судя по всему, это не было завоевательным походом, а скорее, медленным проникновением. Будучи сперва просто кочевниками-пастухами, аккадцы быстро переняли высокую культуру шумеров и начали поклоняться шумерским богам, дав им семитские имена: Бога Солнца Уту они называли Шамашем, богиню любви и войны Инанну — Иштар, бога бури Адада — Ишкуром, лунного бога Нанну — Сином, бога-демиурга Энки — Эйей.

Похоже, разноплеменные обитатели Месопотамии неплохо ладили друг с другом. Все они именовали себя «черноголовыми», каждый на своем языке: аккадцы — «цальмат-каккади», шумеры — «санг-нгига».

Некоторое время в Междуречье бок о бок сосуществовали два языка, но мало-помалу аккадский вытеснил шумерский, и к началу II тысячелетия до н.э. речь Энмеркары и Гильгамеша сохранилась лишь в глухих болотах нижнего течения Тигра и Евфрата. Перестав быть разговорным, шумерский язык еще долго оставался универсальным средством общения образованных людей, языком дипломатии, религии и литературы — наподобие латыни в средневековой Европе. На нем вели переписку цари,

сочиняли молитвы и гимны, и в э-дуббе, «доме табличек», знаменитой шумерской школе, обязательно учили читать и писать как по-аккадски, так и по-шумерски. До наших дней дошли экзаменационные тексты, включавшие перевод с одного языка на другой и обратно; не только образованные, но и простые люди свободно владели обоими языками.

Начиная со II тысячелетия до н.э. шумерскую и аккадскую культуру можно оторвать друг от друга только с мясом и кровью. Аккадцы переработали и продолжили шумерскую мифологию, так же, как впоследствии поступили их наследники — вавилоняне.

Заимствуя сюжеты шумерских мифов, семитские авторы значительно усилили в них элемент «action» — их произведения более сжаты и динамичны, а аккадские герои не так статичны, как их шумерские прототипы. Впрочем, о некоторых из этих прототипов можно теперь лишь гадать: кое-какие мифы сохранились только в аккадском варианте. К их числу относится и сказание о шумерском царе Этане, совершившем беспримерный полет на орле по маршруту «земля — небо — земля».

Этана и орел

Богатырь и смельчак Этана был четвертым лугалем, правившим в Кише после потопа. Всем владел этот царь, что только может смертный испросить у богов, кроме одного: год за годом он оставался бездетным.

Правитель испробовал всевозможные средства, чтобы помочь своей беде — тщетно! Наконец в отчаянии Этана принес великую жертву Уту-Шамашу, заколов в честь солнечного бога шестьдесят отборных быков. (Шумеры и аккадцы имели шестидесятиричную систему счета, следовательно, число шестьдесят было у них круглым. Весьма удобно при жертвоприношениях! Для сравнения — эллинам, пользовавшимся десятиричной системой, приходи-

лось в сверхважных случаях приносить богам гекатомбу, закалывая сразу по сто животных.)

Щедрая взятка возымела действие: в ту же ночь Шамаш явился Этане во сне и научил, как излечиться от бесплодия:

— На самом верхнем небе растет чудодейственная трава. Если ты раздобудешь ее, тебе недолго останется ждать появления сына!

— Но как мне добраться до верхнего неба? — удивился Этана. — Разве есть у меня крылья, как у птицы?

— Спустись в глубокое ущелье, там ты найдешь искалеченного орла. Вылечи его — и он поднимет тебя на небо! — ответил бог и исчез прежде, чем царь успел спросить, в какое именно ущелье ему надлежит спуститься.

То ли божественное наитие, то ли горячее желание наконец-то заиметь наследника помогли царю найти нужную расщелину и сползти в нее, не переломав рук и ног. Шамаш не обманул: на дне пропасти Этана нашел ощипанного орла со сломанными крыльями, обессилевшего от голода и жажды.

— Бедняга! Как же с тобой такое приключилось? — воскликнул царь.

— Я сам виноват в постигшей меня беде, — горестно прохрипел орел. — Под корнями дерева, на котором я свил гнездо, обитала змея. Мы с ней были добрыми приятелями и пообещали друг другу вечно хранить мир. Но однажды, несколько дней подряд ничего не добыв на охоте, я решил накормить своих орлят маленькими змеенышами. Напрасно отговаривал меня от вероломного злодейства самый мудрый из моих птенцов! Дождавшись, пока змея покинет нору, я слетел вниз и растерзал ее детей. Змея вернулась, увидела опустевшую нору, догадалась, что произошло, и взмолилась к Шамашу, прося покарать убийцу.

И Шамаш откликнулся на зов: он повелел змее отыскать тушу павшего буйвола и спрятаться в его утробе. Почуяв запах гниющего мяса, я прилетел, уселся на тушу, стал пировать... Вот тут змея и схватила меня, обломала

крылья, выщипала перья и бросила в ущелье умирать медленной смертью от голода и жажды.

— Видно, срок твоего наказания кончился, раз Шамаш привел меня к тебе! — заметил Этана. — Не горюй, приятель, самое страшное уже позади!

Царь вытащил орла из ущелья, перевязал его крылья, напоил и накормил. Вскоре раны орла затянулись, и тогда Этана попросил птицу отнести его на верхнее небо, к престолу Ану, где растет трава, дарующая потомство.

— Ты помог мне, а я помогу тебе, — согласился орел. — Садись, прижмись к моей спине да покрепче ухватись за крылья!

Этана сел на орла, и могучая птица взмыла в небо.

Долго мчался орел, поднимаясь все выше и выше, вот уже земля внизу стала не больше холма, а обширное море превратилось в маленькую лужу. Но до конца путешествия было еще далеко!

Когда Этана снова осмелился взглянуть вниз, земля уподобилась жернову, а море поблескивало крошечным серебряным зеркальцем.

Когда же царь в третий раз бросил взгляд на землю, он едва смог ее разглядеть, а моря и вовсе не стало видно. Зато небо теперь было совсем уже близко...

И наконец усталый орел опустил Этану к престолу небесного бога.

Старый Ану удивленно воззрился на смертного, поднявшегося на небеса[71].

— Что тебе понадобилось в моих владениях, человек? — громовым голосом вопросил бог, и орел от страха спрятал голову под крыло.

— Шамаш открыл мне, что здесь, на верхнем небе, растет трава, дарующая потомство! — смело ответил Этана. — Я, царь Киша, много лет мечтаю о сыне. Прошу, владыка, разреши мне нарвать волшебной травы!

— Да, эта травка растет здесь в изобилии, — улыбнулся многодетный Ану. — Мы, боги, называем ее виагра. Что ж, сорви пару-другую травинок, человек, только не

слишком увлекайся, иначе твоим потомкам станет тесно внизу!

Этана воспользовался любезным разрешением бога — и через девять месяцев после его возвращения царица Киша подарила мужу долгожданного наследника.

Когда царевич Балих подрос и начал спрашивать родителей, откуда он взялся: нашли ли его в капусте на огороде или его принес аист? — отец гордо отвечал, что нет, не аист, а царственный орел; а мать с мечтательной улыбкой говорила:

— Тебя нашли на седьмом небе, сынок! На седьмом небе...

Этана был не единственным смертным, поднявшимся на небеса. Еще одному человеку довелось однажды там побывать; правда, в отличие от царя Киша, он явился к престолу Ану не добровольно, а по судебной повестке.

Рыбак Адапа и Южный ветер

В приморском городе Эриду жил искусный ловец рыбы Адапа, сын бога Эйи (не забывайте, что под этим аккадским именем скрывается наш старый знакомец Энки). Поскольку сам повелитель морских глубин приходился Адапе отцом, юноша никогда не мог пожаловаться на скудный улов и в изобилии снабжал рыбой своих соплеменников и храмы богов.

Но вот однажды, когда Адапа возвращался с удачного промысла, откуда ни возьмись на залив налетел буйный Южный ветер и перевернул его лодку. Рыбак с трудом выплыл, но его улов безвозвратно пропал.

— Ну, подожди, бездельник! — в гневе крикнул Южному ветру Адапа. — Сейчас я покажу тебе, как грабить людей!

Изловчившись, он схватил своего обидчика, со свистом и улюлюканьем проносившегося мимо, — и сломал ему крыло.

Причитая и охая, на честном слове и на одном крыле Южный ветер доковылял до своего дома на краю земли и семь дней отлеживался, залечивая раны.

Целую неделю на море царил мертвый штиль, и Ану, поглядывая вниз, никак не мог понять, отчего так долго не слыхать и не видать Южного ветра? Наконец бог кликнул вестника Илобрата и послал его разузнать, в чем дело.

Илобрат примчался назад, чуть дыша от волнения.

— Смертные вконец обнаглели, о владыка небес! Рыбак Адапа сломал Южному ветру крыло, да еще похваляется среди людей своим «подвигом»!

— Что-о?! — взревел Ану. — Тащите сюда этого уголовника! Я сам буду его судить!

Услышав угрозу небесного бога, Эйя понял, что его сын угодил в нешуточную беду. Хозяин Апсу[72] стремглав ринулся на землю и вытащил из постели отсыпающегося после трудового дня рыбака.

— Ну, ты доигрался, сынок! — горько проговорил Эйя. — Ану хочет судить тебя за злостное хулиганство с причинением тяжких телесных повреждений. Понимаешь, чем это тебе грозит?

— Но Южный ветер первым на меня напал, отец, — зевая, начал оправдываться юноша.

— Молчи, лоботряс! — топнул ногой Эйя. — Молчи и слушай меня. Сейчас ты отправишься на небо и будешь вести себя так, как я скажу, не то не сносить тебе головы!

— Хорошо, не волнуйся, папочка, — послушно кивнул Адапа.

Следуя заботливым отеческим наставлениям, он облачился в траурные одежды и с печальным видом отправился к небесным вратам.

— А, явился, голубчик! — злорадно приветствовали его тамошние стражи. — Подожди, а почему на тебе траур? В таком ли виде и с такой ли кислой миной следует представать перед небесным владыкой?

— Знаю, но ничего не могу с собой поделать! — всхлипывая, ответил Адапа. — Недавно внизу, на земле, исчез-

ли два бога — Думузи и Гишзида[73], и это рубище я ношу в знак безутешной скорби по ним.

Стражи (а ими были сами Думузи и Гишзида, получившие кратковременный отпуск из владений Эрешкигаль) переглянулись и тоже пригорюнились.

— Похвально, что ты так чтишь богов, дружок, — утирая кулаком глаза, пробормотал Думузи. — Входи, повелитель давно тебя ждет!

Миновав небесные врата, Адапа приблизился к восседающему на троне Ану.

— Так это ты напал на Южный ветер и сломал ему крыло?! — грянул с высоты старейший бог. — Как ты осмелился на такое, жалкий смертный червяк?!

— Потому что Южный ветер первым напал на меня и потопил мою лодку! — бесстрашно ответил рыбак. — Каждый вправе защищать свою жизнь и добро!

— Он говорит истинную правду! — в два голоса поддакнули Думузи и Гишзида, покинувшие пост у ворот. — Мы подтверждаем его слова! Этот юноша — само воплощение честности!

— Да? Тогда почему же он так покраснел? — подозрительно осведомился Ану.

— Потому что он и воплощение скромности к тому же! — нашелся Гишзида.

— Что ж... Показания свидетелей меняют дело, — смягчился Ану. — Будем считать, что подсудимый оправдан! Адапа, ты проделал немалый путь, чтобы явиться сюда и, должно быть, устал, — спускаясь с трона, промолвил бог. — Так приляг, отдохни, прежде чем отправиться обратно на землю!

— Благодарю, о величайший, я не устал, — ответил рыбак, помня наставления Эйи: ни в коем случае не ложиться, не садиться, не есть и не пить во владениях Ану.

— Тогда хотя бы присядь на дорожку, — добродушно предложил владыка небес.

— Не смею сидеть в присутствии богов! — вежливо отказался Адапа.

— А ты мудрец, — почесал затылок Ану. — Думаю, ты достоин отведать хлеба и испить воды со стола бессмертных!

— Нет, недостоин я божественной еды и божественного питья! — почтительно отозвался рыбак.

— Ха-ха-ха! — вдруг громко захохотал Ану. — Знай же — эти еда и питье сделали бы тебя бессмертным! Ты сам отверг вечную жизнь, глупец! Признайся — никто иной, как твой отец Эйя научил тебя не садиться, не есть и не пить в моих владениях?

— Да, — честно ответил Адапа. — И я сделал все согласно его наставлениям!

— Эйя боялся, что я тебя отравлю, но он никак не мог догадаться, что я решу наделить тебя бессмертием, — фыркнул Ану. — Так вот тебе урок на будущее, мой мальчик: не во всем нужно следовать советам отца, иногда полезно пораскинуть собственными мозгами!

Так Адапа, примерный сын, упустил шанс обрести божественное бессмертие.

Царь-реформатор Уруинимгина

А теперь самое время спуститься с небес на землю и посмотреть, что происходило в Месопотамии спустя двести лет после царствования Гильгамеша.

Как уже говорилось, человечество, возродившееся после потопа, оказалось таким же беспокойным, драчливым и амбициозным, каким было и прежнее, допотопное.

Век за веком владыки Лагаша, Уммы, Ура и Киша, стоя на громоздких колесницах, запряженных ослами (лошадь тогда еще не была одомашнена) во главе своих войск сходились в кровопролитных битвах. *Предлогом* для войн могло послужить все что угодно: желание украсить храмы богов чужим лазуритом, перепутанные при разграничении владений межи или хамская привычка оппонента разбивать вареное яйцо не с того конца, с какого требуют

правила приличия. *Причин* для военных столкновений, как правило, было две: доказать, что ты сильнее соседа, и присовокупить его добро и земли к своим.

И тогда, когда решающая роль в сражении перешла от колесниц к пешим воинам, бившимся длинными копьями под прикрытием больших прямоугольных щитов, причины для войн остались все теми же. Цари шумерских городов дрались из-за нескольких гектаров плодородной земли — в полной уверенности, что победы в подобных битвах прославят их имена до скончания веков.

Например, из года в год правители Лагаша воевали с правителями Уммы из-за спорной территории Гуэдены. Примирить враждующих не могли ни боги, ни пограничные стелы, ни межевые каналы. Перемирия нарушались, стелы опрокидывались, каналы засыпались — и войска опять бросались в бой под поощрительные вопли бога Нингирсу[74] — покровителя Лагаша и бога Шары — покровителя Уммы. Цари обоих городов сходили в подземное царство Эрешкигаль, завещая своим потомкам до последней капли крови биться за Гуэдену — исконную землю Уммы... Нет, Лагаша! Нет, Уммы! Нет, Лагаша!

Около 2400 года до н.э. лагашский царь Эанатум во главе тяжеловооруженных пехотинцев-копейщиков в очередной раз разгромил войска Уммы и воздвиг в честь своей победы эффектную «Стелу коршунов», на которой хищные птицы терзали тела его павших врагов. И что же? Правитель Уммы Ур-Лумма наплевал и на стелу, и на мирный договор (согласно коему побежденные обязаны были выплачивать победителям солидную дань) и снова начал войну с Эанатумом и его сыном Энметеной.

Так и тянулась старинная распря между двумя государствами, пока наконец преемники Эанатума не превзошли в своей ненасытной жадности самое прожорливое коршунье. Они обложили непосильными поборами весь лагашский народ, наводнив страну ордами жадных чиновников, которые грабили лагашитов почище вражеского войска. Потерявшие стыд правители захватывали даже земли богов, не говоря уж про общинные земли! Забавно:

одна из прежних стычек с Уммой произошла из-за того, что тамошний правитель вторгся на любимое поле бога Нингирсу — теперь же семья самого лагашского царя без зазрения совести поделила между собой вековечные владения бога. Повсюду бесчинствовали сборщики налогов, отнимая у людей последнее, даже за похороны взимая непомерную плату.

Такой произвол «царских людей» привел к тому, что в 2318 году до н.э. против правителя Лугальганды восстал чуть ли не весь Лагаш. Бог Нингирсу, ограбленный Лугальгандой точно так же, как многие простые лагашиты, даровал восставшим победу, и народное собрание вместо низложенного лугаля выбрало нового — сына сановника Уруинимгину. Его предвыборный лозунг гласил: «Пусть сильный не обижает вдов и сирот!» В таком лозунге нет ничего странного (кто из правителей не объявлял себя защитником вдовых и сирых, особенно в период избирательной компании), странным было то, что лугаль-реформатор действительно попытался воплотить свои предвыборные обязательства в жизнь.

Посоветовавшись с богом Нингирсу, Уруинимгина отменил многие налоги с ремесленников, аннулировал все долги, запретил брать младших братьев общинников на ирригационные работы, восстановил суды в сельских общинах и издал свод законов, заключавший, наверное, первую известную гарантию прав граждан. Эти законы были призваны защитить простых людей от произвола мытарей, убийств, грабежа и ростовщической кабалы; специальное постановление царя запрещало знатным людям захватывать чужие дома и скот, отбирать имущество у низших воинов и их вдов. В годы правления Уруинимгины число полноправных мужей его страны возросло в десять раз по сравнению с числом полноправных мужей при прежних правителях... Но вскоре царь-реформатор ввязался в очередную войну с Уммой, и распря закончилась для него весьма печально.

Тогдашний царь Уммы Лугальзагеси — энергичный, удачливый и честолюбивый воитель — захватил весь се-

вер Лагаша, разорив много селений и храмов. Сперва Уруинимгина заперся в городе Нгирсу, а потом перенес свою столицу в селение Э-Нинмар. Его дальнейшая судьба точно неизвестна; скорее всего, он остался жив, но страна его потерпела большой урон.

«Люди Уммы, разрушив Лагаш, свершили преступление против бога Нингирсу, —

писал один из переживших войну сторонников Уруинимгины. —

Мощь, которая пришла к ним, будет у них отнята. Вины Уруинимгины, царя Нгирсу, нет. Что же касается Лугальзагеси, то пусть богиня Нисаба[75] отметит на челе его это преступление».

Надо сказать, что Лугальзагеси был необычным завоевателем. Стремясь объединить под своей властью как можно больше городов-государств, побеждая их один за другим, он тем не менее оставлял во всех завоеванных городах прежних правителей. В результате он сделался главой некоей конфедерации, оказавшейся недостаточно сильной перед лицом нового могучего конквистадора.

Саргон Древний

— Я — Шаррумкен, царь могучий, царь Аккада![76]—

без ложной скромности возглашает с глиняной таблички этот человек, известный в истории под именем Саргон, или Шаррумкен (что означает «царь истинен», или «истинный царь»).

Настоящего имени объединителя Месопотамии не знает никто, его рождение и жизнь окутывает такой же

туман вымыслов, как и рождение и жизнь Гильгамеша. Саргон Древний (или Великий) пришел из легенды и остался легендой для многих последующих поколений; спустя сотни лет в Вавилоне и Хеттской державе продолжали рассказывать про этого царя истории, похожие на волшебные сказки.

Согласно одной из таких легенд, Саргон родился в Ацупирану — «Городке Крокусов». Мать его была жрицей, а об отце известно лишь то, что «брат его обитал в горах»... Может, то намек на какого-нибудь горного бога? Жрица положила тайно рожденного сына в тростниковую корзину и пустила по течению реки. Ребенка выловил водонос Акки, усыновил и сделал из него садовника... Похоже на историю про Моисея, не так ли? Правда, Саргона выудила из реки не дочка фараона, а простой водонос, но это не помешало его дальнейшей блистательной карьере.

До нас дошли отрывки еще одной легенды, в которой рассказывается о том, как лугаль Киша Урзабаба из тайных откровений узнал, что юному садовнику Шаррумкену суждено сменить его на троне Киша. Конечно, правитель вовсе не обрадовался такой перспективе — ему как-то не улыбалось заполучить в наследники садовника. Чтобы разделаться с Шаррумкеном, лугаль лицемерно приблизил его к себе, назначив царским чашеносцем, а сам начал строить юноше козни. Только благодаря покровительству возлюбившей его богини Иштар герой сумел избежать всех смертельных ловушек, которые расставлял ему Урзабаба.

А вот какие исторические факты можно выделить из хитросплетений мифов и легенд. Судя по своему тронному имени, Саргон был восточным семитом и, скорее всего, действительно служил у Урзабабы. После того как Киш потерпел поражение от Лугальзагеси, ловкий царедворец выкроил собственное царство, сделав своей столицей ничем дотоле не примечательный городок Аккаде на левом берегу Евфрата. Реорганизованная Саргоном армия, главную силу которой составляли лучники, вооруженные не-

виданными прежде трехслойными луками из дерева, рога и жил, стала могучей силой под началом этого талантливого полководца.

Вскоре Саргон, в чьем тронном имени слышался львиный рык, разбил у города Урука пятьдесят энси и лугалей Шумера и отправил плененного Лугальзагеси в клетке для собак к вратам храма бога Энлиля.

Вслед за Уруком воины Саргона положили к ногам своего владыки Ур, Э-Нинмар, Умму и все важнейшие города Нижней Месопотамии. Стены Урука, Уммы и Лагаша были разрушены; неизвестно, какая участь постигла Уруинимгину и других лугалей завоеванных городов. Пройдя через всю территорию Лагаша, войско Саргона совершило ритуальное омовение оружия в водах «Нижнего моря» (то есть в Персидском заливе). Теперь приемный сын водоноса владычествовал над самым обширным из когда-либо существовавших ранее государств, объединившим Шумер и Аккад.

...Пятьдесят четыре года на царстве был я.
Людьми черноголовыми я владел и правил.
Могучие горы топорами медными сравнял я,
Я поднимался на высокие горы,
Преодолевал я низкие горы,
Страну морскую трижды осаждал я![77] —

горделиво заявляет устами Саргона неизвестный писец.

Да, время междоусобиц задиристых лугалей и энси миновало, настала пора власти единого повелителя — того царя, «который истинен».

Судя по всему, Саргон был не только выдающимся полководцем, но и весьма разносторонним правителем, пекущимся о благополучии своей державы. При нем оросительная система впервые стала регулироваться в масштабах всей страны, он ввел единую систему мер и весов, заботился о морских и сухопутных путях, о процветании торговли. *Истинный* царь слыл также покровителем науки и литературы, хотя, конечно, не был чужд суеверий

своего времени: он повелел составить сборник магии и пособие по различным способам гадания...

Интересно, предсказал ли кто-нибудь из гадателей Саргону Великому печальную судьбу, ожидавшую его страну в не столь отдаленном будущем?

Проклятие Нарам-Суэна

Уже при детях Саргона державу Шумера и Аккада сотрясали большие восстания, с неслыханной жестокостью подавленные сыном Саргона Римушем. За страшную резню, учиненную в Уре, Лагаше, Умме и Казалле погромщик в конце концов поплатился: его приближенные, в числе которых, вероятно, были и знатные заложники из «замиренных» городов, убили царя, забросав его каменными печатями.

Брат Римуша Маништушу правил недолго и тоже умер насильственной смертью, после чего на престол вступил внук Саргона Нарам-Суэн. При этом царе государство достигло своего наивысшего могущества — и подступило к самому краю пропасти.

Отбросив ложную скромность, Нарам-Суэн мало того что начал именовать себя «царем четырех стран света» — он первым из правителей Месопотамии объявил себя живым богом. Энси теперь обязаны были делать на своих печатях следующую надпись: «Бог Нарам-Суэн, царь четырех сторон света, бог Аккада, я — такой-то, энси такого-то города, твой раб».

Поэтическая легенда говорит о том, что город Аккад при Нарам-Суэне стал любимым жилищем богов, особенно Инанны, частые праздненства наполняли улицы песнями и музыкой, корабли иноземных торговцев теснились у городских причалов, покоренные народы приносили в столицу богатые дары, у всех жителей было вволю еды и питья.

Но «бог» Нарам-Суэн совершил страшный грех, позволив своим воинам разграбить храм Энлиля в Ниппуре, и

разгневанный Энлиль обрушил на черноголовых ужасную кару. Оскорбленные обидой, нанесенной их главе, Инанна, Нинурта, Уту, Энки и другие божества покинули Аккад, лишив его своей защиты, а разъяренный Энлиль обратил взор на горные вершины и привел оттуда полулюдей-полуживотных — кутиев, кровожадных дикарей. Кутии спустились с Иранского нагорья и прошлись по аккадской державе, как новый потоп.

Энлиль, за гибель Экура любимого —
что ныне он погубит?
Он к стране Глубин направил взоры,
Он бескрайние горы обрыскал взглядом, —
Нелюдей, несметные орды,
Гутиев, что не знают запретов,
Поведением — люди, да разуменьем — собаки,
обликом — сущие обезьяны,
Их Энлиль из гор вывел!
Словно полчища саранчи покрыли землю.
Руки, словно сети-ловушки,
по приказу его над полями простерли.
Из-под руки их ничто не уходит.
Их руки никто не избегнет.
Гонцы по дорогам больше не ходят.
Перевозчики через реку не перевозят.
Коз прекрасных Энлилевых из загонов угнали,
Подпасков вместе с ними погнали.
Коров из хлевов они угнали,
Пастухов вместе с ними погнали.
Колодники ныне несут стражу,
Разбойники засели на дорогах[78].

Легенда о «проклятии Нарам-Суэна» была всего лишь легендой, но она пережила века и бытовала как в древнем Вавилоне, так и в Хеттской державе. В те дни, когда между Тигром и Евфратом царили хаос, смерть, разорение и голод, люди искали объяснение постигшей их катастрофе и находили его в гневе мстительного Энлиля. Кто еще мог

ввергнуть страну в такой кошмар, как не тот, кто однажды уже пытался истребить человечество, наслав на землю Всемирный потоп?

Теперь же глава богов вновь ополчился на людей — и небо поменялось местами с землей, а оставшиеся в живых позавидовали погибшим!

Картины всеобщей гибели, нарисованные в «Плаче о гибели Аккада», не менее страшны, чем картины Апокалипсиса:

На крыше лежавший — на крыше и умер.
В доме лежавший — землей не засыпан.
Люди себя разрывали от голода.
В Куре, великой священной ограде Энлиля,
Псы бездомные собрались в молчанье.
Двое входили — их всех вместе сжирали.
Трое входили — их всех вместе сжирали.
Лица раскрошены, головы расколоты.
Лица раскрошены, головы размолоты.
Праведник с неправедным перемешались.
Герой повалился на героя.
Кровь лжеца на кровь честного стекает!
...Берега его каналов, где лодки тащили бечевою,
травой зарастают,
Пути, что для колесниц предназначены были,
«травою плача» зарастают,
И еще раз так — на берегах, на бечевниках,
на отложениях ильных каналов
Дикие овцы да горные змеи никому не дают проходу.
В степи, где добрые травы росли,
«тростник слез» растет отныне.
Сладкая вода Аккада горькою потекла водою!

«Драконы гор» — кутии разорили и повергли в прах всю страну, за исключением немногих городов, в том числе Лагаша. Тамошний правитель Гудеа ухитрился откупиться от варваров и даже неплохо жил в годы владычества чужаков, но город Аккад и десятки других городов

были сметены с лица земли. До сих пор не удается найти хотя бы развалины Аккада, над которым (как еще несколько столетий спустя утверждали всезнающие жрецы) выкликали свои проклятья разъяренные боги:

— О, град! Твои головы да наполнят колодцы!
Пусть никто в том граде да не выберет друга!
Братья друг друга пусть не узнают!
Его девы в женском своем покое воистину
да будут зверски убиты!
Пусть старик рыдает в своем собственном доме
над убитой супругой!
Пусть, словно голуби, вопят в своих гнездах!
...Пусть твой скотобоец убьет супругу,
Тот, кто режет овец, пусть зарежет сына!
Пусть толпа ребенка, для святости избранного,
в реку бросит!
Пусть блудница твоя в воротах
постоялого дома повесится!
Пусть жрицы-матери от детей своих отвернутся!
...Пусть дитя лелеемое, к тонким яствам привыкшее,
на траве валяется!
Пусть благороднейший житель твой
Покрытие крыши пожирает!
Петлю ременную, что в доме отца его,
Пусть разгрызает своими зубами!
Во дворце, что на радость построен,
пусть поселится унынье!
Пусть вопит злой дух степей безмолвных!

Гудеа: хочешь жить — умей вертеться

Гудеа, сын жрицы Лагаша, женился на дочери лагашского энси, а после смерти тестя унаследовал его должность. И в дальнейшем этому проныре всегда и во всем везло.

В статуе Гудеа с молитвенно сложенными ладонями, с планом храма, лежащим на коленях, запечатлен тот образ, в каком эта личность хотела остаться в памяти потомков: судя по надписям лагашского царя (а их сохранилось предостаточно), больше всего он любил молиться и строить храмы.

Польский писатель Мариан Белицкий в своей книге «Шумеры. Забытый мир», ссылаясь на надписи Гудеа, называет его «добрым и справедливым пастырем», посвятившим себя воскрешению славы и мощи Шумера, трогательно заботящимся о том, чтобы все его подданные жили в достатке и мире. Действительно, многие надписи этого правителя изображают прямо-таки идиллические картины золотого века:

> «Мать не поднимала руки на ребенка. Ребенок не противился словам матери. Раба, совершившего дурной поступок, его господин не бил за это, рабыню, попавшую в злую неволю, ее госпожа не била по лицу...»

А также никто не судился, не собирал налогов, не давал денег в рост, не обижал вдов и сирот, не причитал и не плакал.

Но если внимательно вчитаться в глиняные строки, становится ясно, что речь здесь идет не о повседневной жизни Лагаша, а о культовых праздниках, посвященных завершению строительства храма Э-Нинну. Празднование длилось семь дней, по истечении которых жизнь вернулась на круги своя — рабов опять избивали почем зря, люди попадали в ростовщическую кабалу, мытари выколачивали из лагашитов налоги... К которым, кстати, при благочестивом Гудеа прибавились новые — в виде возросших обязательных жертвоприношений. Кроме того, «справедливый пастырь» регулярно посылал щедрые подарки кутийским царям, вряд ли разоряя ради этого только собственные кладовые.

В обмен на дань золотом, ремесленными изделиями, маслом и скотом кутии позволяли Гудеа свободно пользоваться торговыми путями. Монументальное храмовое

строительство требовало материалов, которых в Месопотамии никогда не было — поэтому для храма Э-Нинну в Лагаш везли по Евфрату из Туттула природный асфальт, из района Магда — лес, из гор Тавра и из Индостана — камень. С Эламом Гудеа не только торговал, но и воевал, многие тяжелые работы в его городе выполнялись пленными эламитами. Помимо пленных в храмовом хозяйстве, слитом при «справедливом пастыре» в одно огромное хозяйство бога Нингирсу, трудились разорившиеся общинники, фактически приравненные к рабам и получавшие за свой труд лишь скудный натуральный паек. Более того, вопреки всем шумерским традициям на строительные работы начали привлекать в некоторых случаях даже женщин...

Зато, надо отдать Гудеа должное, при нем в Лагаше впервые стали выращивать виноград — надо же было чем-то «обмывать» открытие храмов!

Легко можно себе представить, как царь наливает почетную чашу суккалю — представителю кутиев, постоянно находившемуся при его дворе. Некоторые исследователи даже называют Гудеа кутийским наместником в Шумере. (Тут надо пояснить, что кутии брали дань со всех покоренных городов через шумерских и аккадских чиновников; «драконы гор» так и не создали в разоренной ими стране собственного государства.)

Интересно, что именно во время правления Гудеа в Лагаше родилась легенда о битве бога Нингирсу с хозяином гор — свирепым Асагом. Может, в этом древнелагашском фантастическом боевике отражена мечта лагашитов об отмщении завоевателям? А поскольку людям в те времена такое было еще не под силу, в этом мифе горному супостату задает трепку самый воинственный из шумеро-аккадских богов.

Легенда об Асаге дошла до наших времен в вавилонском и ассирийском вариантах, записанных в городе Ниппуре, поэтому бог Нингирсу заменен в них на почитавшегося в Ниппуре Нинурту. Что ж, Нинурта — так Нинурта, главное, что враг получил-таки по заслугам!

Итак, детям лучше не читать следующую главу на ночь: мы начинаем рассказ о подвигах бога войны.

Подвиги Нинурты

Знакомьтесь:

Нинурта, вождь, кто в могучей силе
один проносится над горами,
Потоп ревущий, неустающий, кто низвергается
на вражьи страны,
Герой, кто отдается битве,
Повелитель, кто, крепко рукой зажав булаву боевую,
Дробит, подобно зерну, затылки людей непокорных[79], —

таков был сын Энлиля и Нинлиль, гроза и ужас всех, кто попадал ему под горячую руку.

Оружие Нинурты нуждается в отдельном представлении. Эта волшебная палица, увенчанная львиной головой, носила имя Шарур («Накрыватель множеств») и не только сопровождала хозяина в битвах, но и выполняла роль золотого петушка из сказки Пушкина, заблаговременно предупреждая Нинурту о появлении врагов.

Так и случилось в тот день, когда герой пировал с Энлилем, Ану и другими богами в храме Экуре. Пир был в самом разгаре, все сотрапезники весело болтали и наслаждались искусством музыкантов и танцовщиц, как вдруг Шарур издал такой вопль, что Энлиль от испуга расплескал пиво.

— В мир пришел страшный враг! — носясь под потолком храма, голосил «Накрыватель множеств». — О ужас, хозяин! О горе!

— Какое же это горе? — промолвил Нинурта, подливая себе вина. — Наоборот, удача — мне давно уже хотелось поразмяться! Ну, что там за враг? Откуда он взялся? Выкладывай, не трясись!

Шарур попытался встать по стойке смирно, но львиные челюсти на его рукоятке нервно клацали, когда он докладывал обстановку.

Обстановка и впрямь была напряженной.

О природе Асага до сих пор идут споры. Кто считает его огромным деревом, кто — камнем, кто — воплощением болезни (от аккадского асакку — «болезнь»), кто — драконом.

Из семени, пролитого небом на землю, возник кошмарный Асаг[80], «воитель с бесстыжим ликом», который забрался в самое сердце гор, в свою очередь расплескал там свое семя — и повсюду поднялась каменная поросль, его несокрушимое войско. Гранит, Базальт, Диорит, Гематит и другие каменные разбойники избрали Асага царем и хлынули с гор на равнину, круша, убивая, калеча. Они покорили уже многие земли, а теперь подступают к владеньям Нинурты!

— Асаг, его жуткие Сути кто уничтожит?
Его мощные брови кто ощиплет? —

горестно завершил свой доклад Шарур.

— Кто ощиплет?! — взревел Нинурта. — Конечно же, я!

Ухватив Шарур за рукоятку, он испустил страшный боевой вопль:

— Уа-а-а-а!!!

От этого клича содрогнулось небо, Энлиль в страхе бросился вон из Экура, ануннаки задрожали и кинулись врассыпную, а ближайшая гора раскололась от подножия до вершины.

Молотя направо и налево, Нинурта ринулся через захваченные Асагом земли.

Ураган свирепый на восьми ветрах,
он в непокорную страну несется!
Его руки копье сжимают,
Булава на Гору пасть раскрывает,
Дубинка вражьи затылки молотит.
...Тигр смешался, заволновался, воды его помутнели.
На ладье «Выступленье из пристани княжьей»
он устремляется в битву.

Люди не знают, куда бежать, стены защитные возводят.
Птицы, взлетая, вздымают головы,
но крылья их падают на землю.
Рыбы в глубинах от жара всплывают,
ртами раскрытыми воздух глотают.
Газели, дикие ослы от голода гибнут,
степь опустела, будто ее саранча пожрала.
Потоп, его вздыманье могучее рушит и рушит горы.
Герой Нинурта по стране мятежной идет походом!

Чудом уцелевшие после этого карательно-освободительного выступления люди робко высунули носы из воздвигнутых наспех укрытий и услышали, что Нинурта велит Шаруру лететь вперед и разведать, сколько врагов засело в ближних горах? Какова их сила?

И не только обитавшие в предгорьях люди, но даже боги, оставшиеся в Ниппуре, вздрогнули от испуганного вопля вернувшегося из разведки Шарура:

— Воинов у Асага столько, что скал не видно! Их мощь ломает вершины гор! Нам ни за что их не одолеть, бежим, хозяин, бежим!

— И это говорит мой Шарур, «Накрыватель множеств»?! — рявкнул Нинурта, ударив себя кулаком в грудь. — Что ж, беги, если хочешь! А я всегда бегу только навстречу врагам!

Тем временем боги в Экуре с тревогой ждали реляций с места военных действий. И дождались!

В храм сломя голову ворвался Шарур и истошно заверещал:

— На помощь! На помощь! Моего господина душат посланные Асагом пыльные вихри!

Все, даже премудрый Эйя, растерялись от такого поворота событий. Уж если Нинурта попал в беду, тогда всем им конец! Смятение овладело богами, как вдруг Энлилю (вероятно, с перепугу) пришла в голову дельная мысль:

— Но ведь пыль — это всего лишь пыль! Почему бы ее не смыть дождем, не смести потопом?

— Гениально, владыка! — взвизгнул Шарур и бросился обратно — туда, где густо засыпанный пылью Нинурта продолжал сражаться со смерчами Асага.

— Если мой папочка такой умный, почему он сам отсиживается в Экуре?! — чихая и кашляя, гаркнул воин, когда Шарур издалека прокричал ему совет Энлиля. — Он ведь у нас главный специалист по потопам!

— Да ведь сражаться с Асагом — совсем не то, что уничтожать беззащитных людей! — съязвил «Накрыватель множеств». — Врежь им как следует, хозяин, пусть знают, как пускать тебе пыль в глаза!

— Уа-а-а!!! — заорал герой и хлестнул по смерчам проливными дождями, накрыв их в придачу потопом.

Вихри тотчас же сникли, осели, растеклись по земле грязной жижей...

Но главная битва была впереди: шлепая лапами по грязи, на Нинурту ринулся сам ужасный Асаг. Промокший до нитки, перемазанный и злой, Нинурта рванулся навстречу врагу и после короткой ожесточенной схватки вонзил клинок ему в печень.

Жуткий вой издыхающего чудовища пронесся над всей страной, сорвал лавины с горных вершин и долетел до храма в Ниппуре, где все боги с трепетом вслушивались в далекий шум битвы.

— Слава Нинурте! Он победил! — хором грянули боги.

Так оно и было, да только смерть Асага породила новую беду: из окаменевшего тела горного исполина потоком хлынула соленая вода. Поток затопил равнины, вытеснил из рек и каналов пресную воду — и зелень исчезла с полей, лишь сорняки остались на пропитанной солью земле. Всему живому грозила голодная смерть!

Однако Нинурта и здесь оказался на высоте. Он взялся за дело со свойственным ему размахом и в первую очередь исправил наклон земной оси — на подобное мероприятие никогда не отваживался даже Эйя! Потом бог войны собрал каменное войско Асага и сложил из него стену, преградившую путь соленым водам. При этом особо рьяных каменных врагов Нинурта проклинал, а тех, что вовремя

перешли на его сторону, одарял благословеньем. Напоследок герой направил с гор пресноводные реки, осушил болота — и к стране вернулось былое изобилие.

Полям пестрый ячмень он дал.
Житницы до краев нагрузил.
Владыка в Стране причалы возвел.
Он утробы богов насытил.

Свои мирные подвиги Нинурта завершил тем, что воздвиг лесистую гору Хурсаг, отдав ее во владение своей матушке Нинмах — пусть старушка не обижается, что сын ее забросил!

Покончив с трудами, герой вернулся в Ниппур, и там его радостно восславили все боги и богини. Шарур тоже не был забыт — хозяин наградил его почетным прозвищем «Могучая битва, что Страну распрямила, от врагов, словно буря, освободила».

В честь военных и трудовых побед Нинурты в Экуре были выпиты озера пива и вина, и еще долго под сводами храма гремел ликующий хор:

— Государя великого Энлиля сын, Нинурта,
дитя могучее Экура,
Нинурта, пресветлый землепашец небесный,
управитель Утеса могучего,
Отца-родителя своего слава, сколь хвала тебе величава!

И богам фальшиво, но вдохновенно подтягивал упившийся в стельку Шарур.

Изгнание кутиев

Около ста лет кутии хозяйничали на заросших сорняками дорогах Шумера и Аккада, так и оставшись для Месопотамии ненавистными врагами, чудовищами в че-

ловеческом обличье. Но всему рано или поздно приходит конец — пришел конец и гневу Энлиля, обидевшегося на черноголовых. Владыка Экура решил избавить свой народ от «змеи, приползшей с гор», от «насильника против богов». Конечно, в отличие от Нинурты, он вовсе не собирался сам устремляться в битву, а стал искать человека, который смог бы исполнить его волю... И остановил свой взор на Утухенгале из Урука.

Говорят, что Утухенгаль родился в семье вялильщика рыбы. Если это действительно так, в чем-то этот герой повторил блистательную карьеру Саргона. Правда, в «надписи Утухенгаля» он называется правителем Урука, но то могло быть и позднейшей правкой, призванной возвеличить освободителя Шумера.

Итак, Энлиль повелел земляку Гильгамеша «стереть само имя кутиев с лица земли», и Утухенгаль с готовностью откликнулся на призыв. Он обратился с мольбой о поддержке к Инанне, и богиня пообещала помочь — у нее с кутиями были свои счеты. Не так давно она сразилась с кутийским богом Эбехом, властелином гор Загроса, но воинственный пыл Инанны не утолила одержанная ею победа. Дочь Нанны жаждала новой битвы с чужими богами и с теми, кто поклоняется им!

Итак, Утухенгаль совершил в Уруке торжественное жертвоприношение и во всеуслышание объявил, что отправляется сражаться с кутиями — ведь «Энлиль отдал мне в руки Кутиум, Инанна стала мне опорой, божественный Думузи определил мою судьбу, Гильгамеша, сына богини Нисун, сделал моим хранителем».

Кто мог одолеть человека, имевшего столь могущественных покровителей? И весь народ Урука с восторгом устремился за Утухенгалем, который шел во главе стремительно разрастающегося войска и по дороге приносил жертвы богам, призывая их даровать черноголовым победу.

В ту пору у кутиев как раз произошла традиционная смена вождей: собрание воинов избрало новым правителем Тирикана. Тирикан укрепил берега Тигра, перекрыл

и без того заросшие травой во время владычества его сородичей дороги, пытаясь задержать вражеское войско — тщетно! Армия черноголовых неудержимо приближалась и вскоре вступила в Муру. Здесь Утухенгаль снова вознес молитвы к Энлилю, а на рассвете обратился с мольбой о помощи к солнечному богу Уту.

После этого на поле боя сошлись те, что «поведением были — люди, да разуменьем — собаки, обликом — сущие обезьяны», и потомки богатырей, ходивших с Гильгамешем против горного великана Хубабы.

Кутии потерпели сокрушительное поражение. Тирикан бежал и вместе с женой и сыном попытался укрыться в Дубруме, но тамошние жители отказали ему в убежище и восторженно встретили Утухенгаля, любимца богов, освободителя Шумера и Аккада. Правитель кутиев вместе с семьей попал в плен — так гончарный круг истории в очередной раз повернулся, поменяв ролями победителей и побежденных.

«Драконы гор» навсегда были изгнаны из страны, а Утухенгаль стал именоваться «царем четырех стран света».

Но герой из Урука недолго правил освобожденной страной. Спустя семь лет, когда Утухенгаль осматривал строящийся канал, под ним обвалились глыба земли, и он утонул — так гласит позднейшая хроника. Для царя подобная смерть кажется довольно странной; а если учесть, кто пришел к власти после него, — еще и подозрительной.

Дело в том, что незадолго до этого Ур и Лагаш сцепились по поводу размежевания границ, и хотя Уром управлял соратник Утухенгаля Ур-Намму, царь все-таки разрешил спор в пользу Лагаша. Смертельно оскорбленный Ур-Намму порвал отношения с Утухенгалем (который, кстати, и сделал его наместником) и люто возненавидел лагашского энси Наммахани.

И вот после смерти «царя четырех стран света» власть перешла именно к самолюбивому и амбициозному наместнику Ура. Новый владыка немедленно свел счеты с

Наммахани: насколько свирепой была эта расправа, можно судить по тому, что победитель приказал стереть с памятников имена энси Лагаша и его родственников.

Ур-Намму сделал своей столицей Ур и стал родоначальником так называемой «третьей династии Ура», завершившей историю существования царства Шумера и Аккада.

Третья династия Ура

Ур-Намму и его сын Шульги создали поистине уникальное государство! То есть уникальное по тем временам, но весьма знакомое и узнаваемое теперь, четырьмя тысячелетиями позже. Много лет страдавшая от притеснений кутиев страна воистину попала из огня да в полымя.

«Учет, контроль и строгое подчинение центру!» — был девиз третьей династии Ура. Подчинение во всем, включая культы богов. Ни в чем не терпевший разболтанности и расхлябанности сын Ур-Намму покончил с анархией в религиозных делах, введя общую систему культов во главе с царем-богом Энлилем ниппурским. К тому же Шульги по примеру отца объявил себя самого, любимого, живым богом; вот тогда-то и появился «Царский список», неоднократно упоминавшийся ранее, а вместе с ним — учение о божественном происхождении «царственности», которая в стародавние времена, дескать, спустилась с небес прямо в руки предкам царя.

Но раз сам царь сделался богом, разве могла существовать разница между храмовой и государственной землей? И все храмовые и правительственные хозяйства слили воедино, разверстав страну по округам и поставив во главе округов чиновников-энси — бессильное орудие царской власти, жалкую пародию на блистательного эна Гильгамеша. Даже жрецы превратились в обычных государственных служащих, получающих за работу земельные

наделы и рабов; за ними, как и за всеми другими чиновниками, наблюдало всевидящее око из столицы.

Незавидная участь — всю жизнь сидеть под колпаком, и все же именно в чиновничьей орде и регулярной армии заключалась основная сила третьей династии Ура.

В стране, где над всем надзирал всемогущий царь-бог, где купля земли и частная инициатива были практически запрещены, где хирела и чахла торговля (слишком уж большую часть прибыли торговцам приходилось отдавать администрации), единственный шанс на относительное благополучие заключался в получении выгодной должности. Поэтому люди, расталкивая друг друга локтями, рвались наверх по лестнице чиновничьей и воинской карьеры.

Что ж, мест при государственной кормушке было хоть отбавляй! Государство третьей династии Ура представляло собой огромную бюрократическую машину. По сей день исследователи тонут в лавинах сохранившихся с той поры документов — из пятисот тысяч известных ныне шумерских памятников письменности треть относится именно к этой эпохе.

«Учет и контроль всего, всех и каждого!» В государстве Шумера и Аккада на исходе третьего тысячелетия до н.э. этот лозунг воплотился в жизнь на грани абсурда.

Каждое обрабатываемое поле делилось на продольные и поперечные полосы, причем один человек отвечал за контроль по продольным полосам, другой — по поперечным: таким образом, эти двое проверяли друг друга. Результаты проверок скрупулезно заносились в соответствующие документы; разовые отчеты сводились в годовые по отрядам, городам и так далее. Ничто не ускользало от зоркого ока правительственных чиновников — ни родившийся ягненок, ни разбитая рабом чашка. Даже для того, чтобы списать сдохшую овцу, требовалось разрешение, удостоверенное печатями лица, ответственного за данную операцию, и контролера. А теперь вспомните, что вся тогдашняя документация велась на глине — и пожалейте несчастных бюрократов третьей династии Ура! Сгибаясь под

тяжестью отчетов, планов, сводок и смет, они проводили всю жизнь в подсчитывании каждого зернышка, каждого финика, каждого мотка пряжи, поступающего в закрома родины...

Но тем, кто наполнял эти закрома, жилось гораздо тяжелее.

Гуруши («молодцы») и нгеме («рабыни»), сведенные в рабочие отряды, трудились круглый год от зари до зари. Только женщины запирались раз в месяц на время «нечистых дней», зато их стандартный паек был вдвое меньше, чем у мужчин — 0,75 л ячменя против положенных «молодцам» 1,5 л. Кроме ячменя работники и работницы получали чуть-чуть масла и шерсти. Что приходилось на долю детей, умалчивают даже тогдашние вездесущие документы, но по огромной детской смертности видно, что малыши питались теми крохами, которые отрывали их матери от своего скудного пайка. А ведь официально эти люди даже не считались рабами!

Квалифицированные рабочие питались немного лучше, однако в случае необходимости любой отряд могли перебросить в другой город на другую работу. Например, ткачих могли без всяких разговоров послать на разгрузку барж, медников — на бурлацкий труд. Да, если царь Шульги прикажет стать героем, у нас героем становится любой!

Такова была участь людей, лишенных своего хозяйства и низведенных до уровня рабов. Но в страдную пору даже немногие упрямцы, сохранившие собственные земельные наделы, направлялись на уборку государственного урожая. Что-то подсказывает мне, что битва за гибнущий урожай повторялась в царстве Шульги с регулярностью таковых битв в «стране победившего социализма». Кстати, несмотря на строжайший учет, контроль и перекрестную проверку, урожайность в годы правления Шульги снизилась по сравнению с урожайностью во времена Уруинимгины более чем вдвое![81]

К тому же в государстве Шумера и Аккада постоянно не хватало рабочей силы. Гуруши и нгеме не имели семьи,

а смертность среди них была очень высокой: отчет одного из надзирателей свидетельствует, что за год во вверенном ему отряде погибла почти треть женщин, а в другом отряде за месяц из 44 мужчин умерло 14. Убыль рабсилы возмещали за счет пленных, чему немало способствовали победоносные войны Шульги. Пленных сгоняли в специальные лагеря, где они подолгу жили в скученности и грязи — вероятно, в ожидании, пока чиновники заполнят на них многочисленные документы. Не дождавшись конца бюрократической волокиты, многие пленные гибли, что портило чиновникам отчетность и заставляло их переписывать таблички заново...

Словом, как констатирует Мариан Белицкий, после 48-летнего царствования Шульги «оставил после себя огромное, богатое, прекрасно организованное государство». Правда, писатель тут же мимоходом замечает, что империю Шульги то и дело сотрясали бунты и что (странная вещь!) товарообмен в те времена был несколько однообразен: все свозилось в Ниппур, но из Ниппура ничего не вывозилось. Причину такой аномалии угадать нетрудно: во-первых, Ниппур оставался религиозной столицей страны, а во-вторых, близ него находилась загородная резиденция царя, вернее, его ферма, где живой бог разводил для своего стола не только домашних, но и диких животных. Например, на царскую кухню регулярно поступало мясо молодых медведей, которых обожавший охоту царь убивал прямо на лужайке за своим домом.

Именно в Ниппуре — да еще в Уре, где Шульги возвел для себя и своего чиновничьего аппарата великолепный дворец Эхусарг, и находились тогдашние «закрома родины». Должно быть, все чиновники исступленно мечтали получить местечко в одной из двух столиц, а те, кому посчастливилось добиться такого места, всеми правдами и неправдами старались на нем удержаться. Думаю, как раз к этим счастливчикам и относятся растроганные слова Мариана Белицкого: «Шульги был окружен восторженным почитанием своего народа... Он открыл пути во все страны, принес народу богатство и благосостояние.

Энлиль, Инанна, весь огромный пантеон шумерских богов — далеко, Шульги же — рядом. И от этого создавалось ощущение уверенности в завтрашнем дне. Царь приносил своей стране реальное благо, был ее подлинным защитником и благодетелем».

Далее польский автор приводит полный текст гимна Шульги, который называет «замечательным литературным произведением». Я процитирую начало этого произведения (в переводе В. Афанасьевой):

Я — царь. С материнской утробы — герой. Вот кто я.
Я — Шульги. От рожденья могучий муж. Вот кто я.
Свиреполикий я лев, кто драконом рожден. Вот кто я.
Всех четырех стран света я царь. Вот кто я.
Пастух, черноголовых пастырь. Вот кто я.
Всех земель осиянный славою бог. Вот кто я.
Рожденное Нинсун-богиней дитя. Вот кто я.
Светлого сердца Ана избранник. Вот кто я.
Кого судьбою Энлиль наградил. Вот кто я.
О ком Нинту ласково молвит. Вот кто я.
Кого разумом Энки одарил. Вот кто я.
Бога Нанны правитель могучий. Вот кто я.
Солнца Уту ревущий яростно лев. Вот кто я.
Шульги, Инанны желания страстного избранник.
Вот кто я.
Осел отборный, для трудной дороги годный.
Вот кто я...

Вы уже утомились? А жаль! Потому что впереди еще восемьдесят пять строк текста, в котором Шульги сравнивает себя с конем, жеребцом, голубем, Анзудом, львом, соколом, львенком и опять с ослом — сперва степным, а потом и диким. Суть данного исторического документа — прославление подвига царя, который за один день пробежал из Ура в Ниппур и обратно. Некоторые скептики утверждают, что проделать такое физически невозможно (если, конечно, царь не пользовался для этого самым быстроногим конем или мотоциклом).

Стиснув зубы, удержусь от искушения привести очень сходную с вышеизложенным гимном цитату из книги «Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография». Но вы легко можете себе представить, какая трогательная (и верная) картина предстанет перед грядущими исследователями, если они примут за святую истину все написанное в этом «замечательном литературном произведении», выпущенном Издательством политической литературы в 1952 году.

Интересно, научится ли когда-нибудь человечество извлекать уроки из своего прошлого? Или с упорством «отборного осла» (безразлично, дикого или степного) всегда будет наступать на одни и те же грабли?

Падение третьей династии Ура

В год, названный «годом, когда были разрушены Харши и Хуммурти» (страны, посмевшие бунтовать против «божественного» Шульги), отец народов навсегда упокоился в усыпальнице из обожженного кирпича, увенчанной надземным мавзолеем.

А спустя 20 лет наступил конец его царству, казавшемуся несокрушимым, как само небо. Этой несокрушимости хватило всего лишь на сотню лет, и остается только удивляться, как это государство третьей династии Ура смогло продержаться так долго.

Еще при жизни Шульги семитские племена амореев то и дело тревожили западные границы Шумера. Ветхий Завет называет амореев потомками Ханаана, сына нечестивого отпрыска Ноя Хама; согласно Библии, они отличались воинственностью, силой и гигантским ростом. Для защиты от них в правление Шу-Суэна царские работники воздвигли стену вдоль края «гипсовой» пустыни, тянущейся от Евфрата до Тигра.

Кроме того, Шу-Суэн набирал аморейских наемников для защиты от набегов их же собратьев и не препятство-

вал небольшим группам кочевников оседать в шумерских поселениях. Сохранилась даже легенда о том, как шумерский бог Нумушда решил отдать свою дочь замуж за аморейского бога Марту... Но все вышеперечисленные меры не помогли предотвратить неизбежное.

Развязка наступила быстро и неожиданно.

В правление Ибби-Суэна, когда царь отправился воевать с Эламом, амореи переправились через Евфрат. Даже не пытаясь прорваться через заградительную стену, они пересекли всю Верхнюю Месопотамию с востока на запад. Кочевники гнали свой скот на хлебные поля, и работавшие на них отряды гурушей повсюду разбегались, грабя казенное добро вместе с амореями. Степняки, как правило, и не пытались штурмовать города; просто чиновники-энси вдруг увидели, что за городскими стенами повсюду горят пастушеские костры. Давным-давно отвыкшие хозяйничать самостоятельно, энси воззвали о помощи к столице... И, не получая оттуда подмоги, один за другим стали отлагаться от Ура.

Представляете себе удивление Ибби-Суэна, когда, вернувшись после победоносной войны с Эламом, он вдруг обнаружил, что его собственная страна находится во власти обнаглевших потомков Хама!

Царь прорвался к Уру и заперся в нем, но что было делать дальше? Дороги перерезаны, поставки хлеба прекращены, вся отлаженная система государственного хозяйства дезорганизована, вместо привычного порядка повсюду царили анархия и хаос! К тому же окруженному амореями Уру грозил голод...

Тогда Ибби-Суэн отправил одного из своих чиновников, Ишби-Эрру, в западные районы для закупки хлеба у еще недобитых частных собственников. Ишби-Эрра выполнил царское приказание: весь хлеб, какой ему удалось раздобыть, он свез в селение Иссин близ Ниппура. Теперь предстояло переправить драгоценное зерно в столицу. Но на дорогах хозяйничали амореи, поэтому глава продотряда послал гонца в Ур, прося у царя ладьи для перевозки зерна по Евфрату.

И что же вы думаете? Нужного количества ладей у царя не оказалось! Гигантский бюрократический механизм, отлаженный, казалось, до последнего винтика, дал сбой именно тогда, когда от его четкой работы действительно зависела жизнь или смерть! Тонны отчетностей и смет, в которых учитывалось каждое зернышко ячменя, не спасли голодающих, запертых в Уре.

Тут поневоле вспомнишь эллинскую легенду о медном гиганте Талосе, охранявшем остров Крит. Гиганта никто не мог одолеть, пока за дело не взялась волшебница Медея. Она вытащила гвоздь, замыкавший единственную жилу Талоса, и исполинский страж в считанные мгновения истек кровью. Нечто подобное случилось и с государством, управляемым третьей династией Ура...

А теперь угадайте, как поступил чиновник Ишби-Эрра, оказавшись посреди разоренной страны на мешках с бесценным зерном и не имея возможности доставить хлеб в столицу? Думаю, вы угадали! Правильно оценив ситуацию, Ишби-Эрра провозгласил себя царем, и уцелевшие энси признали его властителем Шумера и Аккада.

Надо отдать должное царю Ибби-Суэну — он до последнего держался в окруженном Уре, напрасно посылая просьбы о помощи к перешедшим на сторону Ишби-Эрры наместникам. Но потом амореи пропустили через занятую ими страну войска эламитов; правитель Элама взял приступом Ур и в цепях увел Ибби-Суэна в Анчан.

Последнюю табличку истории единого государства Шумера и Аккада разбили вдребезги не амореи, а эламиты. Насколько страшен был этот финал, можно понять по знаменитому «Плачу о разрушении Ура». Да, страна под властью третьей династии Ура отнюдь не была райским островом Дильмун, но в ней тоже рождались дети, справлялись свадьбы, люди любили друг друга и мечтали о счастье. И вот всему этому пришел конец.

Черноголовые! Ветры по ним гуляют. Рыдает народ.
Шумер в охотничьей ловушке. Рыдает народ.
Могучие стены Страна возводит — буря их пожирает.

Бурю ночную не умолить слезами.
Буря, что все сокрушает, Страну потрясает.
Буря город, словно потоп, разрушает.
Буря, что Страну погубила,
легла на город тяжким безмолвием.
Буря, что все загубила, пришла, беременная злобой.
Буря, что огнила, принесла народу голод.

Наверное, тот, кто писал «Песнь о разрушении Ура», сам пережил падение столицы, такое смятение и страх бьются в его словах. Попытайтесь увидеть то, что видел этот человек, и почувствовать то, что чувствовал он! Хотя с тех пор прошло четыре тысячи лет, это на самом деле было — так попытайтесь представить то, о чем вспоминает безымянный писец:

Когда день озарил город, этот город лежал в руинах.
Отец Нанна, этот город в руинах. Рыдает народ.
Когда день озарил стены — рыдает народ, —
Его люди — не черепки битые — вокруг лежат.
Его стены насквозь пробиты — рыдает народ.
В главных воротах, где прежде ходили, лежат трупы.
На его площадях, где праздники были, навалены люди.

В переулках и улицах, где раньше гуляли, лежат трупы.
В местах, где праздники прежде справляли,
людей навалены груды.
Кровь страны, словно медь и свинец
в плавильные печи текущие, льется.
Ее мертвецы, словно жир овечий, на солнце тают.
Мужи, что сражены топором,
шлемы свои надеть не успели.
Словно олени, ловушкою пойманные,
земли наглотались своими ртами.
Мужи, что были копьем пробиты, перевязи надеть
не успели.
Вот гляди, как будто там, где мать их рожала,
лежат, своею залитые кровью.

Те, что дубинками сражены были,
их руки перевязь повязать не успели.
Без опьяняющего питья пьяны, головы набок они склонили.
С оружием стоявший, оружьем сражен. Рыдает народ.
От оружья бежавший, бурей сметен. Рыдает народ.
Бедняков и богачей Ура — всех их охватил голод.
Старики и старухи, что из дома не вышли,
в пламени они погибли.
Малышей, что на материнских коленях лежали,
словно рыбок, унесло водою...
Казалось, это и впрямь конец.
Пало безмолвие на страну, доныне неведомое людям[82], —

гласит последняя строчка «Плача...».

Да, державе Шумера и Аккада уже не суждено было возродиться, долгое время на ее территории существовали лишь небольшие разрозненные государства. Однако шумеро-аккадская культура не погибла, а осталась жить в отстроившихся заново древних городах и нашла свое продолжение в культуре самого молодого города Междуречья — Вавилона. А начиная с XVIII века до н.э. центр всех месопотамских событий переместился именно в Вавилон...

Поэтому пора войти в Ворота Иштар[63], уповая на то, что тамошние стражи не сдерут с нас последнюю тряпку, подобно подземному привратнику Нети.

Вавилон. История Месопотамии продолжается

Учительница:

— Назови мне имя законодателя из Древней Месопотамии, начинающееся на «х», а кончающееся на «и».

Ученик (не задумываясь):

— Хачапури!

История из жизни

Ворота Бога

После падения третьей династии Ура территория Междуречья вновь запестрила множеством враждующих друг с другом мелких государств, правители которых старались заручиться в междусобных войнах поддержкой аморейских наемников. Это привело к весьма неожиданным результатам. Сперва аморейские вожди поступали на службу к царям, а потом свергали своих нанимателей и провозглашали царями самих себя. В итоге лет через сто после падения Ура почти во всех городах Междуречья правили аморейские династии.

Один из таких энергичных вождей, Суму-Абум, в 1894 году до н.э. укрепился в небольшом городке на севере Исина. Раньше здесь стоял шумерский город Кадингирр — «врата бога», что по-аккадски звучало как «баб-илу», откуда в дальнейшем произошло греческое название города — Вавилон. Суму-Абум основал в захолустном городишке династию, которой суждено было превратить Вавилон в столицу огромной могущественной державы. Но произошло это только через сотню лет, когда к власти пришел царь Хаммурапи.

Хаммурапи в совершенстве овладел искусством разделять и властвовать. Ловкий политик и дипломат, удачливый полководец, он ни перед чем не останавливался ради достижения поставленной цели. Достаточно вспомнить печальную судьбу Зимлирима, правителя государства Мари: из верного союзника Вавилона он превратился во врага, едва отпала необходимость в союзе с ним. Хаммурапи опустошил Мари, превратил дворец Зимлирима в руины и казнил того, кого еще недавно проникновенно называл своим «братом». Так же решительно вавилонский царь расправился с Ашшуром, Эшнуной, Эламом и Ларсой.

В результате политических интриг и удачных военных походов Хаммурапи стал владыкой государства, в период своего наивысшего могущества занимавшего территорию нескольких современных стран: южной Турции, Сирии, Ливана, Израиля, Иордании, Аравии, Ирака и Кувейта.

Своей огромной державой царь управлял через многочисленных чиновников, дотошно вникая во все вопросы войны и мира. Как и во времена третьей династии Ура, жрецы и торговые агенты-тамкары превратились в обычных государственных служащих, а общинные органы самоуправления остались не у дел: новый объединитель Месопотамии не желал ни с кем делиться властью. Даже странно, что Хаммурапи не объявил себя живым богом, как это сделали Ур-Намму и Шульги! Он ограничился тем, что свел близкое знакомство с Ану, Энлилем и Шамашем.

О тесной дружбе царя с богами свидетельствовала стела из черного базальта, воздвигнутая в центре Вавилона. Наверху стелы бог Шамаш (лично) вручал Хаммурапи знаки власти, а надпись ниже горделиво возвещала о том, что...

> «Когда великий бог, царь ануннаков, Энлиль, владыка небес и земли, судящий судьбы страны, вручил Мардуку, первому сыну Эа, господство над всеми людьми и возвеличил его среди игигов, назвал Вавилон его великим именем, сделал его могущественнейшим среди стран света и утвердил в нем вечное царство, чье основание прочно, подобно небесам и земле, — тогда меня, Хаммурапи, славного, богобоязненного князя, для того, чтобы дать сиять справедливости в стране, чтобы погубить беззаконных и злых, чтобы сильному не притеснять слабого, чтобы я, как Шамаш, восходил над черноголовыми и освещал страну, — призвали Ану и Энлиль для благоденствия людей»[84].

Далее, после перечисления всех благодеяний, оказанных царем своей стране, следуют 282 статьи законов Хаммурапи — любопытнейший памятник тогдашней юридической мысли.

Но и сама вступительная надпись чрезвычайно интересна! Итак, центр мироздания переместился в Вавилон, и хорошо известные нам боги вручили главенство какому-то Мардуку. Кто он такой и откуда взялся? Ответ на этот

вопрос дает вавилонская поэма «Энума элиш» — «Когда вверху», где рассказывается о рождении и блистательной карьере Мардука, а также о том, как, по представлениям вавилонян, возникло все сущее на земле.

Происходило же это так...

«Когда вверху»

Когда вверху не названо небо,
А суша внизу была безымянна,
Апсу первородный, всесотворитель,
Праматерь Тиамат, что все породила,
Воды свои воедино мешали[85].

Да, тогда еще не существовало ни земли, ни деревьев, ни животных, но в глубине первородного океана уже зрели семена жизни. И вот из пучины появились боги Лахму и Лахаму, а вслед за тем — Аншар и Кишар. Последняя парочка вскоре произвела на свет Ану, который (неизвестно от кого) породил бога Эйя.

Вся эта божественная компания отличалась крайне непоседливым характером: Лахму и Лахаму, Аншар и Кишар, не говоря уж про Ану с Эйя, сновали туда-сюда, вспенивая спокойные дотоле воды, галдели, хохотали и не давали ни минутки отдыха Апсу и Тиамат.

И если матушка Тиамат еще кое-как сносила выходки своих отпрысков, то Апсу вконец озверел от бессонницы и решил положить конец шуму, бултыханью и плаванью брассом и кролем.

Апсу уста свои открыл,
Кричит раздраженно, обратясь к Тиамат:
«Мне отвратительны их повадки!
Мне днем нет отдыха, покоя — ночью!
Их погублю я, дела их разрушу!
Да утихнут звуки, во сне да пребудем!»

— Да ты никак задумал детоубийство?! — возмущенно отозвалась Тиамат. — Имей терпение, варвар! Скоро дети подрастут, остепенятся, и тогда ты снова сможешь дрыхнуть не просыпаясь!

— Я не доживу до того времени, когда они остепенятся! — возразил Апсу. — Тебе-то что — ты умудряешься спать даже под их несносный гомон! А я уже целую вечность не смыкал глаз!

— И я тоже, отец, — встрял в разговор старших Мумму — единственный сыночек Апсу и Тиамат, который всегда вел себя тихо и скромно.

— Вот-вот, послушай-ка Мумму! — обрадовался Апсу. — А скажи, сынок, что бы ты сделал на моем месте?

— Уничтожь, отец мой, их злые повадки!
Будут дни твои мирны, будут ночи спокойны! —

пропищал тихоня Мумму как раз то, что желал услышать от него родитель.

— Ну, что скажешь, Тиамат? — воскликнул Апсу, лаская подлизу. — Устами младенца глаголет истина!

Тиамат открыла было рот, чтобы возразить мужу, но с длинным зевком погрузилась в привычную дремоту.

Итак, руки у Апсу были развязаны! И он немедленно собрал всех детей и без долгих вступлений объявил: родительское терпение лопнуло, их песенка спета! Всех богов (кроме Мумму, конечно), он, Апсу, самолично утопит в своей самой глубокой бездне.

— Я вас породил, я вас и убью! — закончил речь любящий папаша.

Услышали боги о том, заметались.
После затихли, безмолвно сидели.

— А ведь и вправду убьет! — испуганно промолвил Эйя. — О-ей! Надо что-то делать!

— Сделай что-нибудь, сделай! — взмолились другие боги. — Ты ведь у нас самый умный!

Апсу уже протянул к детям свои водяные руки-водовороты... Но тут Эйя начал читать усыпляющее заклинание, которым он раньше пользовался для игры в прятки. Вскоре грозный прародитель и его любимчик Мумму громко захрапели, и Эйя не стал дожидаться их пробуждения. Кто знает, сколько времени могло продлиться действие заклинания? Эйя перевел дыхание, собрался с силами — и прикончил своего грозного прадеда.

Над телом Апсу он воздвиг подводные чертоги[86], а гаденыша Мумму надежно запер в самых дальних покоях.

Вслед за тем Эйя отпраздновал одновременно и новоселье, и свадьбу, взяв в жены красавицу Дамкину... Тиамат не успела перевернуться во сне на другой бок, как у супругов уже родился сын Мардук, мудростью явно пошедший в отца. А уж каким красавцем был этот чудо-ребенок!

Немыслимо облик его совершенен —
Трудно понять, невозможно представить.
Четыре глаза, четыре уха!
Он рот раскроет — изо рта его пламя!

Неудивительно, что такое очаровательное создание сделалось всеобщим любимцем. Боги наперебой одаривали маленького Мардука игрушками, но самым лучшим оказался подарок Ану — заботливый дедушка преподнес внучку четыре урагана и вихря.

Легко представить, что началось в молодом, еще не окрепшем мире, когда малыш принялся играть с дедушкиным подарком! Везде поднялся такой тарарам, что стихии начали отделяться друг от друга, а Тиамат наконец-то очнулась от дремы.

Праматерь не сразу поняла, что творится вокруг. Где она, что с ней и что здесь происходит? Тиамат долго протирала глаза и задавала вопросы, а разобравшись наконец, что случилось, яростно взревела.

Как! Ее супруг Апсу злодейски убит, Мумму заточен в темницу, а благодаря играм малолетнего Мардука земля

вот-вот распрощается с сушей, а огонь разъединится с водой!

Тиамат думала медленно, зато действовала быстро. Она создала одиннадцать кошмарных чудовищ: змей, драконов, псов, демонов бури, полулюдей-полускорпионов, в жилах которых вместо крови тек смертельный яд. Все это воинство возглавлял беспощадный Кингу — новый муж овдовевшей Тиамат. Теперь боги ответят за убийство Апсу и за пленение Мумму!

Услышав о военных приготовлениях Тиамат, Эйя поспешил во дворец своего деда Аншара.

— Чего же ты ждешь? — в ужасе закричал Аншар. — Ты одолел Апсу, так уничтожь и воинство Тиамат!

— Легко говорить — «уничтожь»! — возразил Эйя. — Ты бы посмотрел на этих чудовищ! Я никогда не решусь подойти к ним близко, чтобы усыпить их моим заклинанием. Нет, пусть лучше мой отец Ану отправится к Тиамат и попробует уладить дело миром.

Как ни пытался Ану отказаться от почетной должности парламентера, отвертеться ему не удалось. Нога за ногу он поплелся во вражеский лагерь... Да только никаких переговоров не получилось: стоило парламентеру взглянуть на чудовищ, окружающих ставку Тиамат, как он сломя голову кинулся обратно — туда, где в чертогах Аншара его нетерпеливо поджидали остальные боги.

— Нам никогда не одолеть Кингу и его войско! — с трудом отдышавшись, простонал Ану. — И зачем я только подарил Мардуку вихри и ветры!

Вдруг он замер, пораженный внезапной мыслью.

— Да, если бы не Мардук, Тиамат бы до сих пор мирно спала! Все случилось по вине нашего вундеркинда... Так пускай он и расправится с воинством своей прапрабабки!

— Что?! Ты хочешь, чтобы ребенок сразился с ужасными чудищами, против которых не решается выступить никто из нас?! — возмутился Эйя.

— Такому ребенку, как твой Мардук, это вполне по силам! — решительно кивнул Ану. — Слуги, эй, кто там! Привести сюда сына Дамкины!

Нехотя оторвавшись от игрушек, Мардук явился в собрание богов.

— Расколошматить страшилищ, созданных прабабушкой Тиамат? — переспросил чудо-ребенок. — Это я запросто! Только что вы мне взамен дадите?

Если я мстителем за вас стану,
Чтоб Тиамат осилить и спасти ваши жизни, —
Соберите Совет, возвысьте мой жребий! —

потребовал многообещающий мальчуган.

Что оставалось делать богам? Они подумали, выпили с горя и вручили Мардуку верховную власть.

— Отныне ты — наш владыка, только одолей Тиамат, Кингу и тех кошмарных чудовищ, которых наплодила праматерь! — умоляли старшие боги сына Эйи.

— Одолею, не сомневайтесь! — заверил вундеркинд.

Юный герой вооружился сетью и луком, взял потоп — грозное оружие Владыки, запряг в колесницу четырех коней с ядовитыми, как у змей, зубами, прихватил свои любимые ураганы и вихри, да еще сотворил несколько новых —

...Разрушающий Ветер, Ураган и Песчаную Бурю,
Четыреждымощный ветер,
Семишквальный,
Мятежный, Непостоянный Ветер.

Окутавшись Ужасом, словно плащом, Мардук устремился на бой с разбушевавшейся прапрабабкой.

Но старушка тоже оказалась не из робкого десятка — с грозными проклятьями она рванулась навстречу праправнучку и раскрыла пасть, чтобы проглотить противника. Однако Мардук не растерялся: проворно набросил на Тиамат сеть, вогнал ей в глотку Вихрь, а потом пронзил ее чрево стрелой. Победитель вырезал праматери богов сердце и торжествующе наступил ногой на распростертое безжизненное тело.

Когда Кингу и другие чудовища увидели, что их предводительнице пришел конец, они тут же кинулись врассыпную, даже не помышляя о сражении. Однако сбежать никому не удалось: всех до единого страшилищ переловил и заковал в кандалы победоносный Мардук.

После этого он вернулся к телу убитой Тиамат и рассек его пополам. Одной половиной, словно тентом, Мардук покрыл небо, защитив землю от небесных вод, а из второй половины создал круглую плоскую землю, плавающую в Мировом океане. Потом герой украсил небо планетами и звездами, поставил с двух сторон небосвода ворота, поделил сутки между Солнцем-Шамашем и Луной-Сином, создал тучи, облака и дожди, заставил течь реки Тигр и Евфрат...

— Ты, я вижу, совсем заигрался, сынок! — раздался вдруг за его спиной голос Эйи. — Хватит возиться с телом прапрабабушки, пойдем скорей во дворец Аншара: все боги уже собрались, чтоб отпраздновать твою победу!

— Хорошо, я иду, папа, — послушно откликнулся Мардук. — Но можно мне будет сегодня попозже лечь? Я хочу сотворить еще леса, траву, зверей и птиц!

Целый день боги веселились, славословя своего спасителя, и вино текло рекой в чертогах Аншара, а из подземелья доносился вой плененных чудовищ.

Глядя на то, как ануннаки сбиваются с ног, поднося ему то одно, то другое кушанье, юный Мардук замыслил еще одно великое дело. Он решил сотворить людей: пусть смертные трудятся, освободив от работы богов!

Создать человека было куда трудней, чем зверей или птиц. Для этого требовалась божественная кровь, поэтому Мардук предложил пирующим выбрать, кого из пленных убить, чтобы на его крови замесить глину для сотворения человека.

— Кингу — предводитель воинства Тиамат и ее полюбовник. Из его крови и сотвори задуманных тобой созданий! — единогласно решили боги.

Тотчас в пиршественный зал притащили связанного Кингу, объявили ему приговор и прикончили. На его

крови Владыка замесил глину и слепил людей, наделенных божественным разумением, но краткой человеческой жизнью. Отныне человеку надлежало трудиться вместо богов — такова была воля Мардука.

В благодарность Владыке, освободившему их от трудов, ануннаки заложили город Вавилон и воздвигли там храм Мардука Эсагилу. Потом ануннаки построили в Вавилоне храмы для Ану, Энлиля и Эйя, а напоследок почтили и самих себя небольшими, но изящными молельнями.

В честь окончания строительства боги закатили новый пышный пир, наперебой славя Мардука — создателя земли, неба и людей, своего верховного властелина!

Мардук и все-все-все

Итак, Мардук, в прежнем незаметный божок шумерского пантеона, в Старовавилонский период сделался главным богом, создателем всего и вся. Причина столь головокружительной карьеры ясна: покровитель Вавилона должен был стать главным божеством всей вавилонской державы.

«Господин стран, могучий в битвах, внушающий великое уважение, великолепный, постоянно обновляющийся, совершенный, всемогущий, выдающийся, благородный, чье слово неизменно, способный, наимудрейший, сверкающий, превознесенный» — вот далеко не полный перечень эпитетов, коими величали Мардука в Вавилоне.

Именно в честь него была выстроена знаменитая Вавилонская башня — причина смешения языков. Помните, что говорится об этом в Библии?

> «И сказали они: построим себе город и башню, высотою до небес; и сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли. И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие. И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать,

и не отстанут они от того, что задумали делать. Сойдем же, и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город. Посему дано ему имя: Вавилон; ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле». (Бытие, гл.11)

Вавилонская башня, которая произвела огромное впечатление на древних евреев (и на их бога), в действительности являлась зиккуратом Э-темененки, увенчанным храмом Мардука. Самый древний из вавилонских зиккуратов разрушился еще до правления Хаммурапи, однако на смену ему последующие владыки всякий раз возводили новые. Последнюю из «Вавилонских башен» заложил Набопаласар, а достраивал уже Навуходоносор II в конце VII века до н.э.; этот грандиозный зиккурат осматривал впоследствии вездесущий Геродот, поражаясь его размерам.

Э-темененка — «Храм краеугольного камня неба и земли» — представляла собой семь последовательно уменьшающихся поставленных друг на друга башен, на вершине последней из которых сверкал золотом и глазурованным голубым кирпичом храм Мардука. Все сооружение имело девяносто метров в высоту и стояло в центре застроенного культовыми зданиями священного округа, куда во время религиозных праздников стекались тысячи верующих, чтобы присутствовать на торжественном жертвоприношении в «Нижнем храме» перед золотой статуей Мардука. В «Верхний храм», само святилище, простым смертным доступ был закрыт, туда могли входить только жрецы, да еще специально избранная женщина проводила там ночь за ночью на тот случай, если Владыка вдруг пожелает разделить с ней ложе...

Но почему храм Мардука нужно было ставить именно на вершине башни?

Есть версия, что древние шумеры пришли в Месопотамию из какой-то горной страны, где они молились богам с высоких вершин. Поэтому на своей новой родине,

плоской, как стол, они начали возводить искусственные культовые горы, считая, видимо, что иначе их молитвы не достигнут слуха богов. Самое древнее из подобных сооружений — зиккурат Энлиля в Уре — относится к XXII веку до н.э.; так что вавилоняне просто переняли шумерский обычай. «Вавилонская башня», таким образом, была не результатом непомерной гордыни человека, а наоборот — символом его почтения к богам.

Кроме Мардука в Вавилоне весьма чтили богиню Иштар, хотя вообще-то (в отличие от Шумера) женские божества не пользовались здесь большим почетом. Женщины в Вавилоне считались сперва собственностью отца, потом — мужа; законы Хаммурапи чаще всего рассматривают женщину только как чью-либо дочь или жену[87].

И богини разделили участь смертных женщин: да, здесь чтили богиню Царпаниту[88], но скорее как супругу Мардука, чем как богиню деторождения; Айе же доставалась часть уважения, причитавшегося ее супругу Шамашу...

Но своенравная Иштар не позволила загнать себя на женскую половину! Богиня любви, плодородия и войны осталась сама себе хозяйкой даже в патриархальном Вавилоне. Ее роскошный храм стоял напротив царского дворца; именем Иштар назывались городские ворота; ей посвящались многие вдохновенные гимны.

> «Будь воспета, Иштар, особо почитаемая среди богинь! Будь прославлена, госпожа жен, величайшая из Игигов! Она преисполнена силы, очарования, плодовитости, соблазнительной прелести, пышной красоты. Сладки, как мед, ее губы, уста ее — жизнь, облик ее рождает радость!»

Кроме Иштар и Мардука, в вавилонской державе поклонялись нашим старым знакомым — Эйе (Энки), Эллилю (Энлилю) и Ану, составлявшим первую триаду великих богов и владевшим, соответственно, водой, землей и небом. Характер этих богов за последнюю тысячу лет

ничуть не изменился, поэтому нет необходимости представлять их заново.

Вторую триаду составляли Бог Луны Син (Нанна), Бог Солнца Шамаш (Уту) и, конечно же, сестренка Шамаша Иштар.

Вавилонский Шамаш был не очень похож на шумерского Уту. Если в Шумере Бог Солнца считался божеством капризным и порой жестоким, то в Вавилоне его чтили как хранителя справедливости, судью всех живущих на земле; к его помощи прибегали заклинатели, прорицатели и больные. Шамаш видел и судил дела людей, покровительствовал торговцам, морякам и охотникам, его призывали жрецы во время священных обрядов.

На одно из первых мест в вавилонском пантеоне выдвинулся также Адад — повелитель бури, дождя, молнии и града. В Северной Месопотамии и в Сирии, где в отличие от Шумера плодородие полей во многом зависело от дождя, его уважительно называли «небесным управителем плотин». К Ададу, так же, как к Шамашу, обращались с молитвами во время заклинаний.

Кроме того, вавилоняне чтили бога чумы Эрру, сына Мардука Набу — покровителя писцов, мудрости и наук, бога войны Нинурту, бога огня Гирру... А еще — воскресающего бога Таммуза, история взаимоотношений которого с вавилонской Иштар сильно отличалась от истории взаимоотношений шумерских богов Думузи и Инанны.

Вот как рассказывали в Вавилоне о сошествии Иштар в подземный мир.

Сошествие Иштар в Иркаллу[89]

Иштар любила своего мужа так, как могла любить только эта неистовая богиня, но счастье молодых супругов длилось недолго: юный Таммуз внезапно умер, ушел в печальную Страну без Возврата.

День и ночь оплакивала его Иштар, ее горестный стон не давал покоя ни Шамашу, ни Сину.

Горе, витязь Владычицы чар,
Горе, жених мой, супруг мой,
Горе, дитя Нингиззиды!

Горе, строитель сетей,
Горе, жалостный дружка невестин,
Горе, праведник, лик опустивший!

Горе, оплаканный мой,
Горе, чадо Небесного Змея,
Горе, брат Гештинанны родимый!

Милый, в тонущем челне лежит он,
Зрелый, в колосе никнет, лежит он,
В непогоде, в буре лежит он![90]

День проходил за днем, но горе Иштар не утихало, и наконец богиня отважилась на неслыханное дело: она отправится в подземный мир и заставит злобную богиню Эрешкигаль вернуть ей ненаглядного друга!

И вот сошла Иштар в преисподнюю, яростно стукнула кулаком в ворота:

— Сторож, сторож, открой ворота,
Открой ворота, дай мне войти!
Если ты не откроешь ворота, не дашь мне войти,
Разломаю я дверь, замок разобью,
Разломаю косяк, побросаю я створки.
Подниму я усопших, едящих живых,
Станет больше живых тогда, чем усопших!

Так грозилась богиня, и ее яростный крик тревожил мертвых в дотоле безмолвном царстве Эрешкигаль. Никогда еще столь буйные посетители не спускались в подземный мир!

Растерянный сторож побежал к царице Иркаллы и доложил, что ее сестра Иштар грозится в щепки разнести ворота Ганзира! Услышав такое, Эрешкигаль почернела лицом: что замышляет против нее эта наглая девчонка?

— Ступай, о сторож, открой врата ей,
Поступи с ней согласно древним законам! —

велела привратнику царица.

Страж послушно открыл ворота, и, едва Иштар ступила за порог, сорвал с ее головы тиару.

— Зачем ты забрал мою тиару? — возмутилась богиня любви, стараясь не показывать страха.

— У нашей царицы такие законы, — раздался бесстрастный ответ.

Кусая губы, Иштар упрямо двинулась дальше — и за следующей дверью из ушей ее вынули подвески.

— У нашей царицы такие законы, — вновь объяснил слуга Эрешкигаль.

За третьей дверью у красавицы отобрали ожерелье, за четвертой сняли щитки с ее грудей, за пятой сорвали набедренную повязку, за шестой сняли браслеты со щиколоток и с запястий, а за седьмой сдернули «платочек стыда» с ее тела — последнее, что у нее оставалось.

Но это не поколебало решимости богини вырвать своего любимого из подземного мира. С гордо поднятой головой Иштар вступила в покои Эрешкигаль, и та взъярилась еще больше при виде обнаженной красавицы-сестры, бестрепетно приблизившейся к трону.

— Намтар, сюда! — взвизгнула царица.

Тотчас на зов явился демон смерти.

— Схватить эту бесстыдницу! — заорала Эрешкигаль, показывая на Иштар. —

Ступай, Намтар, во дворце затвори ее,
Наведи шестьдесят болезней на сестру, на Иштар:
Болезнь очей на очи ее,
Болезнь ушей на уши ее,

Болезнь рук на руки ее,
Болезнь ног на ноги ее,
Болезнь сердца на сердце ее,
Болезнь главы на главу ее,
На всю на нее, на все ее тело!

Так прокричала Эрешкигаль, и Намтар немедленно выполнил приказание госпожи.

С уходом богини любви прекратилось на земле деторождение, животные больше не приносили детенышей, в домах людей не слышалось плача новорожденных. Даже боги почувствовали себя неуютно, когда у них начисто пропало желание любовных утех...

Поэтому стоило слуге Иштар прибежать к Эйе и рассказать, в какую переделку попала его госпожа, повелитель вод не раздумывая сотворил евнуха Аснамира и послал его на выручку бедняжке.

Аснамир спустился в преисподнюю, предстал перед Эрешкигаль и передал ей повеление своего хозяина: Иштар должна немедленно вернуться на землю! Страшные беды ждут мир, если она не вернется!

Как ни бранилась, как ни ругалась владычица Иркаллы, все же она не решилась ослушаться приказания Эйи. Кликнув Намтара, Эрешкигаль велела ему окропить Иштар живой водой — пусть грубиянка убирается восвояси!

Повелительница мертвых думала, что ее сестра сразу кинется прочь из Иркаллы, но она жестоко ошиблась. Богиня любви наотрез отказалась вернуться на землю без Таммуза, и пришлось заносчивой царице пойти на новые уступки:

— Ладно, так и быть, я отпущу твоего мужа на землю — но только на полгода! Пускай половину года он проводит с тобой, а другую половину — здесь, в моих владениях. Это мое последнее слово!

С тех пор шесть месяцев Таммуз тосковал в печальном царстве Эрешкигаль, а следующие шесть проводил наверху со своей женой. И в те дни, когда юный бог возвращался

на землю, вся природа радовалась вместе с Иштар, а люди справляли веселые праздники.

В дни Таммуза играйте на лазоревой флейте,
На порфирном тимпане с ним мне играйте,
С ним мне играйте, певцы и певицы,
Мертвецы да восходят, да вдыхают куренья!

Эрешкигаль и Нергал

Как вы помните, у Эрешкигаль когда-то был муж Гугальанна — «Великий бык небес», в поминках по которому рвалась принять участие шумерская Инанна. Должно быть, Гугальанна предпочел умереть *совсем*, лишь бы не пребывать в мрачной Иркалле рядом со свирепой ведьмой Эрешкигаль.

Никто из богов не спешил посвататься к черной вдове, и хозяйка Страны без Возврата ярилась все больше и больше, понимая, что ей суждено пребывать под землей в вечном одиночестве. Эрешкигаль так злобствовала, что боги совсем перестали приглашать ее на свои веселые пирушки вскладчину — присутствие этой злыдни могло испортить любую вечеринку!

Но вот однажды во время пира в чертогах Ану в чью-то хмельную голову пришла проказливая мысль.

— Отправим-ка слугу к Эрешкигаль, пускай он передаст ей: «Раз ты не хочешь участвовать в общих пирах, царица — пришли хотя бы угощение для нашего праздничного стола!»

Слуга послушно отправился вниз, и вскоре шутники забыли о своей озорной проделке... Как вдруг до небесного дворца долетел такой злобный вопль, что все сотрапезники умолкли и побледнели.

— Кажется, мы доигрались! — испуганно прошептал кто-то из богов. — Не надо было дразнить Эрешкигаль...

Увы, теперь поздно было сожалеть о неуместной шутке: за дверью уже раздавались размеренные гулкие шаги. Вскоре тяжелый кулак грянул в створки ворот, двери в пиршественный зал распахнулись, и перед гуляками предстал посланец владычицы Иркаллы — зловещий демон смерти Намтар. Под мышкой он держал полную еды корзину и по очереди обводил взглядом онемевших от страха богов.

Разом протрезвевшие боги вскочили, спеша приветствовать слугу ужасной Эрешкигаль, только сын Энлиля Нергал[91], бог войны и чумы, продолжал как ни в чем не бывало сидеть на месте. Напрасно Энлиль подмигивал ему, призывая подняться — нахал демонстративно положил ногу на ногу и преспокойно потягивал из чаши вино.

— Ты! — прогремел Намтар, ткнув пальцем в Нергала. — Ты отправишься в подземный мир! Госпожа велела, чтобы бог, который не окажет почтения ее посланнику, явился к ней!

Демон смерти швырнул на стол корзину и вышел, даже не оглянувшись, чтобы проверить, следует ли за ним Нергал. Посланец Эрешкигаль не сомневался, что ни один из богов не посмеет ослушаться приказа царицы.

Шаги Намтара затихли вдали, и все взволнованно загомонили, жалея молодца, из-за своей безрассудной лихости угодившего в ужасную переделку.

— Отчего же ты пред ним не склонился? —

укоризненно промолвил Энлиль. -

Глаза мои не тебе ли мигали?
А ты отвернулся, как бы не зная,
На меня не взглянул, уставился в землю![92]

— Чтобы я склонялся перед посланцем какой-то бабы? — грохнув чашей о стол, рявкнул Нергал. — Хорошо, я явлюсь к Эрешкигаль, раз она того захотела!

Но, клянусь всеми Сибитти[93], ведьма первая пожалеет об этом!

— Не хорохорься, малыш, а лучше послушай моего совета, — покачал головой Эйя. —

Когда принесут тебе престол, чтобы сел на него ты,
Не гляди и не садись на престол тот,
Принесет тебе пекарь хлеб — не гляди
и не ешь того хлеба!
Принесет мясник тебе мясо — не гляди
и не ешь того мяса!
Принесет пивовар тебе пиво — не гляди
и не пей того пива!
Воду для омовения ног подадут — не гляди,
не омывай свои ноги!
А когда она войдет в купальню,
Одеждою ночи она одета,
Как муж жены,
да не возжелаешь ее сердцем!

Поступай в Иркалле так, как я сказал, иначе тебе никогда не вернуться из царства мертвых!

— Хха! Двум смертям не бывать, а одной не миновать! — хохотнул Нергал. — Но все равно, спасибо тебе за советы!

Бог войны залпом выпил кувшин вина, грохнул его об пол, на счастье, и отправился вниз

К дому мрака, жилищу Иркаллы,
К дому, откуда не выйдет вошедший,
К пути, чьи дороги ведут без возврата,
К дому, где жаждут живущие света,
Где пища их — прах, где еда их — глина.
Света не видят, живут во мраке,
Где каждый угол полон вздохов...

Только сошел туда Нергал не один, а в сопровождении своих лучших воинов.

— Открывай, привратник! — гаркнул бог войны, саданув кулаком в ворота. — Я, Эрра, явился к твоей госпоже! Она мечтала меня видеть? Вот он я!

— Как смеешь ты шуметь в стране безмолвия, в царстве великой Эрешкигаль? — возмутился сторож, выглядывая в дверное окошко. — Сейчас я позову ужасного Намтара, и он...

— Зови кого хочешь, только побыстрей! — нетерпеливо прорычал Нергал-Эрра. — Не то ты живо узнаешь, что такое настоящий ужас!

Намтар примчался на зов, увидел, кто буянит за воротами, и побежал доложить госпоже о приходе грозного гостя.

— Веди его сюда! — зловеще велела Эрешкигаль. — Я сумею усмирить любого буяна!

Намтар поспешил назад, отворил ворота, протянул руку, чтобы взять положенную за вход мзду... Но вместо мзды вдруг получил удар могучего кулака — первый удар, когда-либо полученный демоном смерти!

А потом Намтар трусцой бежал впереди Эрры, распахивая одни ворота за другими, а бог чумы шагал следом, то и дело поторапливая демона тычками кулака в затылок. По пути Эрра вдребезги разбивал запоры всех дверей и возле каждого порога расставлял своих страшных воинов: Вихрь неистовый, Преследование, Вихрь-Ветер, Падучую, Судороги, Припадок, Жар, Лихорадку...

Тем временем Эрешкигаль радостно потирала руки, предвкушая, как она сейчас расправится с наглецом! Она нашлет на него вдвое больше болезней, чем когда-то наслала на Иштар, она подвесит мерзавца за ребро на крюк, она...

Широко шагая, Эрра вошел в царские покои; но не успела повелительница мертвых привстать и кинуть в гостя проклятье, как воинственный бог очутился рядом с троном, ухватил царицу за волосы, стащил с трона и обнажил меч, чтобы отрубить ей голову.

— Не убивай меня, пощади! — в ужасе завизжала Эрешкигаль. — Я отдам тебе все мое царство, вручу тебе таблицы судеб!

— На что мне эти таблицы? — захохотал бог чумы. — Лучше я положу их в твой гроб, красотка!

— Я стану твоей покорной рабой, — зарыдала царица, обнимая ноги страшного гостя, — только оставь мне жизнь!

Эрра в сомнении посмотрел на распростертую у его ног женщину, поколебался и вложил меч в ножны.

— Ладно, так и быть, я тебя пощажу, — буркнул он. — Но не забывай, кто отныне здесь главный!

— Не забуду, — пролепетала полумертвая от ужаса Эрешкигаль.

Эрре принесли престол, но, помня наставления Эйи, он не пожелал занять почетное место. Присмиревшая царица принялась потчевать воина хлебом, мясом и пивом, но Эрра отказался и от богатого угощения, и от воды для омовения ног — он вовсе не собирался навсегда оставаться в царстве мертвых.

Наконец Эрешкигаль повела своего гостя в купальню, сбросила все свои одежды... И бог чумы, до сих пор старательно следовавший советам Эйи, невольно залюбовался ее наготой.

— Вот уж никогда бы не подумал, что ты такая красавица! — воскликнул Эрра.

Эрешкигаль вспыхнула, робко взглянула на своего грозного повелителя и снова опустила глаза.

— Да, теперь, когда ты перестала корчить злобные рожи, ты стала прекрасней Иштар! — решительно заявил бог войны. — Клянусь всеми Сибитти!

Царица медленно подняла длинные ресницы — и страстный взгляд ее огромных черных глаз зажег любовь в сердце неистового Эрры.

— Вообще-то Эйя не советовал мне крутить романы с подземной владычицей... А, что там, была не была! — крикнул бог войны и схватил Эрешкигаль в объятья.

Шесть долгих дней подряд содрогались своды Иркаллы от бурных любовных игр Эрры и Эрешкигаль, и все подземные боги дрожали, попрятавшись в укромные уголки.

По наступлении дня седьмого
Нергал, обессиленный, поднялся.

— Да, хорошо мне было с тобой, красотка, но теперь пора взглянуть, что делается наверху! — промолвил он, натягивая одежду. — Я соскучился по земле, войне и веселым пирушкам!

Задохнулась Эрешкигаль от горя, почернела лицом, в отчаянии заломила руки.

— Не печалься — к тебе возвращусь я.
Пусть уйду — но вернусь в Страну без Возврата, —

утешил бог чумы, нацепил меч и на прощанье смачно поцеловал Эрешкигаль в губы.

Царица мертвых тихо заплакала, но не осмелилась задержать Эрру, который, насвистывая, направился прочь из мрачной Иркаллы.

До той поры никто не мог уйти из подземного мира, не оставив себе замены, но бог войны легко обошел этот закон: ведь он явился сюда, как Эрра, а на выходе представился демонам галла уже как Нергал! Таким образом удалец легко миновал все ворота, созвав по дороге охранявших их воинов, и во главе шумной компании поднялся по лестнице в небеса.

Нергал ввалился в чертоги Ану как раз тогда, когда боги справляли по нему поминки.

— А вот и я! — весело гаркнул он. — Что новенького на земле и на небе? А ну-ка, налейте мне вина да положите большой кусок мяса, я зверски оголодал за эти шесть дней!

Пока Нергал на небесах пировал и веселился, глубоко под землей Эрешкигаль каталась по полу перед троном и голосила:

— О Эрра, сладостный супруг мой!
Я не насытилась его лаской — ушел он!
О Эрра!

Вконец обессилев от плача, царица кликнула верного Намтара и отправила на небо с наказом во что бы то ни стало привести назад ее любовника. Мешая жалобы с угрозами, Эрешкигаль несколько раз повторила демону смерти, что он должен передать Энлилю...

И вот в самый разгар веселья за дверью пиршественного чертога Ану вновь раздались знакомые шаги.

— Тише! — крикнул Эйя, хотя все и без того сразу замолчали. — Слышите? Это демон смерти идет за нашим Нергалом!

— Ой, как я перепугался! — с полным ртом промычал Нергал.

— Не бойся, сейчас окроплю я тебя волшебной водой, и ты станешь косоглазым, хромым и плешивым, — утешил добряк Эйя. — Клянусь, я замаскирую тебя так, что никакой демон смерти тебя не узнает!

— Да только попробуй... — начал было бог чумы — но хозяин Апсу уже привел свой замысел в исполнение.

Косоглазый, хромой и плешивый Нергал показал Эйе кулак и, сдерживая смех, вместе с другими богами поднялся, чтобы приветствовать посланника подземной царицы.

Демон смерти не ответил на почтительные приветствия. Приблизившись к Энлилю, он слово в слово передал ему послание Эрешкигаль:

«Ни в младенчестве, ни в девичестве
Девичьих забав я не знавала,
Детских потех я не видала.
Этот бог, что ты послал ко мне, он мной овладел,
со мной да возляжет!
Этого бога пошли мне в супруги,
со мною да проводит ночи!
Я не чиста, осквернена,
суд великих богов не могу судить я!
Великих богов, что живут в Иркалле!
Если же ты бога того мне не вышлешь,
По законам Иркаллы и Земли Великой,

Я выпущу мертвых, что живых поедают,
Мертвецы умножатся над живыми!»

— Конечно, ты можешь взять отсюда, кого захочешь, — поспешно ответил демону смерти Энлиль. — Забирай в Иркаллу любого из богов!

Намтар внимательно осмотрел пирующих, но не узнал Эрру в облике косоглазого, кривоногого плешивца.

Так ни с чем слуга и вернулся к Эрешкигаль — а та, выслушав его отчет, сразу разгадала хитрость Эйи.

— Почему ты не привел ко мне того плешивца?! — завизжала царица. —

Ступай и бога того схвати, ко мне приведи его!
Это отец его Эйя окропил его чистой водою!
Косого, плешивого и хромого,
что в совете богов восседает!

Нергал громко захохотал, когда демон смерти снова явился в чертоги Ану.

— Смотри-ка, Эрешкигаль раскусила твою уловку, Эйя! Ха-ха, она не только красивее самой Иштар, но и умней самого хозяина Апсу! Пожалуй, мне пора ее навестить!

Стряхнув обманное обличье, Нергал отправился в Иркаллу — на этот раз один и без оружия. Мало того — за каждыми воротами он послушно оставлял привратнику какой-нибудь сувенир, как того требовали законы подземного мира.

— Милая, я дома! — крикнул Эрра, входя в покои Эрешкигаль. — Соскучилась, киска?

Вступил он во двор ее просторный.
К ней подошел и засмеялся.
Он схватил ее за косы.
Он стащил ее с престола,
Он схватил ее за длинные кудри,
Ибо любовь была в его сердце.

И вновь шесть дней дрожали своды Иркаллы от любовных утех Эрешкигаль и Нергала.

На седьмой же день бог Ану первым прислал поздравления счастливым новобрачным — богу чумы и богине мертвых, прекраснейшей в мире паре!

Хождение по мукам вавилонского Мардука

Какой бы могущественной ни была держава, вслед за расцветом ее непременно ожидает упадок. Государство Хаммурапи эта участь постигла уже при ближайших преемниках великого царя. Страну ослабляли непрерывные войны и внутренние распри; все чаще на окраины державы совершали набеги воинственные горные племена касситов. До поры до времени горцев удавалось сдерживать на северо-восточных границах, но в самой Вавилонии тоже было очень неспокойно.

В правление сына Хаммурапи Самсуилуны против владычества Вавилона восстал весь юг Междуречья. Ларса, Урук, Ур, Ниппур и Иссин взялись за оружие, и Самсуилуна двинулся против них карательным походом. В 1740 году до н.э. он разрушил стены Ура и Урука, пройдя по земле Гильгамеша и Зиусудры так, как не прошелся бы по ней и сам Нергал.

Этот год считается годом гибели э-дуббы — знаменитой шумерской писцовой школы. Пережившая нашествие кутиев и вторжение амореев, оправившаяся после изуверских погромов Римуша, э-дубба теперь была начисто уничтожена воинами Самсуилуны: больше в «доме табличек» никогда не соберутся учителя и «старшие» и «младшие братья», как называли себя ученики. Отныне грамотности станут обучать лишь знахари да жрецы, и образованность сделается достоянием узких кланов потомственных писцов, а не всех желающих учиться, в том числе и девочек, как это было до сих пор.

Самсуилуна истреблял жителей юга в лучших традициях кутиев, оставляя вместо городов груды развалин, и все-таки очаги сопротивления в южном Междуречье полыхали еще три года. Только после 1738 года до н.э. с гибелью вождя восставших Рим-сина там затихли бои; впрочем, жизнь затихла тоже.

И что бы вы думали? Через неполные десять лет на юге вновь разгорелась война, и некий Илумаилу, объявивший себя потомком царского дома Иссина, вырвал-таки у сына Хаммурапи южные земли Месопотамии, основав там Приморское царство.

А тем временем в центре Малой Азии поднялось новое грозное государство — Хеттское. В 1595 году до н.э. хеттский царь Мурсилис I, не потратив на это слишком много сил, взял Вавилон и увез из Эсагилы золотую статую Мардука.

Страшнее этого с городом ничего не могло случиться! В те времена люди свято верили, что боги живут в своих статуях, поэтому потеря золотого Мардука означала потерю Вавилоном верховного божественного покровителя. Вавилоняне даже не очень удивились, когда вслед за хеттами в их осиротевший город явились касситы и воцарились там на четыреста с лишним лет.

Вообще-то касситское владычество не было для Вавилона чересчур тяжелым; эта династия грабила народ ничуть не больше предыдущей. Правда, прежняя единая держава раздробилась при ней на отдельные области, которыми управляли главы касситских племен, зато лихие конники-касситы облагодетельствовали страну, широко внедрив повсюду применение лошадиной силы. В войске появились легкие боевые колесницы, в сельском хозяйстве начали пахать на лошадях. Даже хетты, сами знавшие толк в конях, выписывали племенных жеребцов из Вавилонии, взамен присылая золото для убранства храмов. Еще Вавилон в ту пору имел торговые и политические связи с Египтом... Но самое главное — касситские цари вернули в город драгоценную статую Мардука!

Однако не успел Мардук заново обжиться в Эсагиле, как ему снова пришлось «паковать вещи»: сперва на страну совершил опустошительный набег царь Элама[94], а вслед за тем явился ассирийский царь Тукульти-Нинурта и подверг Вавилон сокрушительному разгрому. Ассирийцы разграбили все, что не разграбили до этого эламиты, и увезли статую Мардука в Ашшур!

Судя по всему, золотому Владыке не очень-то понравилось в Ашшуре. Иначе как объяснить то, что вскоре после его прибытия в столице Ассирии начались смуты, закончившиеся свержением царя? Святотатец Тукульти-Нинурта был объявлен сумасшедшим, низложен и вскоре убит, а Вавилон, воспользовавшись этим, вновь обрел независимость. Новый касситский царь Адад-шум-уцур даже посадил в Ашшуре своего ставленника, однако самого важного так и не сделал — не вернул в город драгоценную статую Мардука!

Скрепя сердце пришлось вавилонянам изготовить новую статую, хотя они прекрасно понимали, что этот эрзац не заменит им *прежнего* золотого бога.

И вскоре дурные предчувствия полностью подтвердились: в страну опять вторглись враги — сперва ассирийцы, потом эламиты, причем последнее нашествие было самым страшным из всех пережитых вавилонянами ранее. Эламиты опустошили многие города, перебив множество людей и унеся из храмов даже статуи богов. Правда, вавилонский Мардук каким-то чудом сумел избежать новой депортации, зато враги утащили стелу с законами Хаммурапи и водрузили ее в своей столице — Сузах! Не процарствовав и года, царь Забаба-шумиддин был низложен — таков был конец касситской династии.

То, что Мардук все-таки остался в городе, вскоре вдохновило вавилонян на восстание против эламитов. Ожесточенное сопротивление захватчикам длилось три года, но потом новый царь Элама Кутер-Наххунте «*смел жителей Аккада, как потопом, превратил Вавилон и его славные святилища в развалины*» и увез в Элам вождя сопротивления Эллильнадинахи... а также новую статую верхов-

ного божества, оказавшуюся бессильной помочь своим восставшим почитателям.

Но — да славится великий Мардук! — в Сузах Владыке понравилось еще меньше, чем в Ашшуре.

Не иначе, как тот Мардук, что оставался в Ассирии, сговорился с тем, что оказался в Эламе, и оба воплощения бога стравили два ненавистных государства друг с другом. А пока эламиты дрались с ассирийцами так, что только клочья летели, новый предводитель вавилонян с благочестивым именем Мардук-кабит-аххешу воцарился в... Нет, не в разрушенном Вавилоне, а в Иссине.

В Ассирии же после долгой смуты пришел к власти Нинурта-тукульти-Ашшур; он процарствовал всего один год, но за это короткое время успел сделать самое главное: заключил с вавилонянами мир и вернул им того, первого золотого Мардука, увезенного когда-то в Ашшур Тукульти-Нинуртой!

Ну кто после этого усомнится в могуществе господина Эсагилы?

Вавилон сомнений, суеверий и науки

Вы не поверите, но подобные скептики все-таки находились.

В бурных волнах вражеских вторжений, то и дело прокатывавшихся через Вавилон, люди задавали вопросы, на которые никак не могли найти ответов. Напрасно вавилоняне писали письма илу — своему личному богу, умоляя, чтобы тот передал их просьбы великому Мардуку, — верховное божество не отвечало, и беды настигали равно как нечестивых, так и благочестивых людей.

Неудивительно, что перед концом касситской династии в Вавилонии стала пользоваться такой популярностью «Поэма о невинном страдальце». Ее герой, Шубши-мешре-Шаккан, бывший богатый придворный, разом потерял все — состояние, благоволение царя, уважение окружа-

ющих, здоровье — хотя и вел всегда самую праведную жизнь. Бедняга горько сетует на жестокую судьбу, не в силах понять, в чем он провинился перед богами:

— Только жить я начал — прошло мое время!
Куда ни гляну, — злое да злое!
Растут невзгоды, а истины нету!
Воззвал я к богу — лик отвернул он,
Взмолился богине — главы не склонила,
Жрец-прорицатель не сказал о грядущем.
Вещун волхователь не выяснил правды,
Ясновидца спросил — и он не понял.
Обряд заклинателя не отвел моей кары.

В растерянности перечисляя свои заслуги перед богами и царем, «невинный страдалец» задается вопросом: а могут ли люди понять непостижимые мысли бога?

Я славил царя, равнял его богу,
Почтенье к творцу внушал я черни.
Воистину, думал, богам это любо!
Но что мило тебе, угодно ли богу?
Не любезно ли богу, что тебя отвращает?
Кто же волю богов в небесах постигнет?
Мира подземного кто угадает законы?
Бога пути познает ли смертный?[95]

Для бедолаги из этой поэмы все закончилось хорошо: посланец Мардука пообещал ему избавление от бед и исцеление от многочисленных недугов. Но другие, менее удачливые страдальцы — что было делать им?

Мир вавилонян даже в спокойное время оставался тревожным и опасным, полным злых духов и враждебного колдовства.

Вокруг кишели демоны, одни из которых считались низшими божествами, другие — беспокойными душами мертвецов, и почти все они норовили причинить вред человеку. Самыми опасными среди них числились так на-

зываемые Семеро Злых — Семерка, Сибитти. Хотя в эту «великолепную Семерку», видимо, входило гораздо больше демонов:

> Семеро их, семеро их, дважды семеро их. На горе Запада они родились, на горе Востока выросли. В расселинах сидят они повсюду, в пустыне встают. Среди мудрых богов неизвестны они, имя их не существует ни на небе, ни на земле.

Большинство демонов имели узкую специализацию: один поражал человека в шею, другой — в голову, третий, проникнув ночью в дом, беспокойной возней лишал его обитателей сна. Однако существовали и более широкие специалисты, вроде демона бури Пазузу, красавчика с человеческим телом, с лапами хищной птицы, с рогатой львиной головой и крыльями за спиной. Он обрушивал на людей плохую погоду, а еще насылал головную боль и тошноту.

Очень боялись вавилоняне и демоницы Ламашту: хотя эта жуткая старуха была «прописана» в Иркалле, она часто выбиралась на землю и приносила с собой болезни, набрасывалась на матерей, похищала детей. По примеру Пазузу Ламашту щеголяла костлявыми птичьими лапами и гримасничающей головой льва, вот только крыльев у нее не было, поэтому ей приходилось передвигаться верхом на осле. На ходу ведьма умудрялась кормить грудью нечистых зверей — свинью и собаку; такой ее и изображали глиняные статуэтки-обереги, ставившиеся для защиты в домах.

Вообще вавилонянам приходилось тратить много времени и средств, чтобы защититься от враждебного колдовства. Лучшим спасителем от злых чар считался мудрый Эйя: он научил Мардука всевозможным заклинаниям, а Владыка передал эти знания своим жрецам. В Эсагиле хранилась огромная библиотека заклинаний, аккуратно распределенных по начальным строкам или же в соответствии со своим назначением. С помощью каталога жрецы могли быстренько отыскать любой нужный текст — хоть для укачивания младенца, хоть для родовспоможения,

хоть для избавления от порчи, хоть для обуздания вредоносных ведьм.

Редкая ведьма могла устоять против таких вдохновенных слов:

> «Кто ты такая, ядовитая ведьма, в сердце которой сокрыто название моего несчастья, на языке которой появилось мое околдование, на устах которой возникла моя отрава, по следам которой идет смерть? Ты ведьма, я схвачу твой рот, схвачу язык твой, схвачу твои сверкающие очи, схвачу твои быстрые ноги, схвачу твои размахивающие руки и свяжу их тебе за спиной!»[96].

Конечно, помощь жрецов обходилась недешево, поэтому простой люд часто прибегал к услугам менее квалифицированных специалистов, а то и вовсе пытался бороться со злом своими силами.

Для защиты от духов вавилоняне покупали дешевые фигурки «семи мудрецов», представляющие собой человечков с птичьими головами и крыльями — их зарывали у входа в дом, в четырех углах главного помещения, а также в комнате хозяина под его стулом. При болезнях старались задобрить демоницу Ламашту, кладя ее куклу рядом с больным и вкладывая ей в рот сердце поросенка. Прикормленную таким образом демоницу на третий день разбивали мечом и закапывали у стены, обмазывая место захоронения мучной кашей. Существовали и более сложные обряды с использованием асфальта, гипса, краски, кедрового жезла, факела, курильницы — их, конечно, проводили уже профессионалы.

Точно так же дело обстояло с гаданиями: для гадания по печени, требующего глубоких специальных познаний, всегда приглашали гадальщиков-бару, и никакое важное дело — будь то битва с врагом или погром мятежных городов — не начиналось без предварительной иероскопии[97].

Однако более простые способы гадания были доступны любому дилетанту. Вавилоняне гадали по струйке дыма из кадильницы, по вылитому в воду маслу или просто «слу-

шая улицу»: человек поднимался на крышу, вслушивался в уличный шум и первые донесшиеся до него слова истолковывал как предзнаменование. Заговорили о хорошем — значит, ждет удача, заговорили о плохом — быть беде!

Некоторые магические шумеро-аккадские ритуалы, пройдя сквозь тысячелетия и пережив уничтожение Вавилона, упадок Греции и падение Римской империи, прочно обосновались в христианской Европе. Скажем, столь любимый средневековыми оккультистами ритуал насылания порчи на врага через изображающую этого врага куклу берет свое начало в древней Месопотамии.

Да что там средневековье! Чтобы ощутить себя жителем древнего Вавилона, достаточно раскрыть почти любую нынешнюю газету и просмотреть объявления. Взгляните: на одной-единственной странице вам обещают составление гороскопа, стопроцентное снятие порчи и мощный приворот; безгрешный возврат мужей и любимых на всю жизнь (всего за один сеанс); снятие сглаза, проклятий, венца безбрачия; приворотные действия с одновременным устранением соперницы (соперника); отворот (любовную остуду с нейтрализацией эротической зависимости); заговор на расположение нужной вам особы, на сексуальное обольщение, на удачу в бизнесе, на похудание и даже на защиту от суда!

Если бы в древневавилонские времена выпускались газеты, в них наверняка публиковались бы похожие объявления. Кроме разве что последнего пункта насчет суда — он бы очень не понравился царю Хаммурапи, уж слишком старик гордился своими законами и своей судебной реформой!

Конечно, древневавилонские жрецы еще не знали таких терминов, как «нейтрализация эротической зависимости», но можно поспорить, что их профессиональный жаргон не уступал по количеству звучных загадочных слов жаргону нынешних членов Европейской ассоциации профессиональных парапсихологов. Недаром шумерский язык некоторые ученые приняли сперва за тайный культовый язык вавилонских жрецов. Термина «психотерапия»

тогда тоже еще не знали, что не мешало жрецам-знахарям добиваться весьма неплохих результатов в исцелении как физических, так и психических недугов.

Это вовсе не означает, что вся древневавилонская медицина сводилась только к заклинаниям и магическим обрядам. Нет, наряду со жрецами-знахарями — ашипу тогда существовали и врачи-практики — асу, пускавшие в ход довольно широкий спектр хирургических и терапевтических средств. И нетрудно себе представить, что вавилонские ашипу свысока именовали своих конкурентов-асу «представителями нетрадиционной медицины».

Если бы асу, делавшие упор на хирургию и фармацевтику, и ашипу, делавшие упор на магические обряды, заключили друг с другом союз, это пошло бы на пользу как им самим, так и их больным. Но две эти школы издавна вели борьбу, в которой в конце концов победили ашипу. Ушли в прошлое сложные операции, в том числе на глазах, забылись достижения практической терапии, и асу заняли место деревенских «костоправов», которых зовут, когда больше никого не дозовешься. Как ни странно, здесь сыграло роль широкое распространение в Вавилоне писанных медицинских канонов: врачи-асу, механически зазубривавшие диагнозы и рецепты, утратили индивидуальный, «творческий» подход к больным — тогда как жрецам-знахарям такого подхода было не занимать.

Многие заклинания представляли собой настоящие поэтические шедевры, как, например, это любовное заклинание-заговор:

Благородная дева стоит на улице,
Дева-блудница, дочерь Инанны,
Дева, дочерь Инанны, стоит у ночлежища.
Масло и сладкие сливки она,
Телица могучей Инанны она,
Кладовая богатая Энки она.
О, дева! Сядет — яблонею цветет.

Ляжет — радость взорам дает,
Кедров прохладой тенистой влечет!
К ней прикован мой лик — лик влюбленный,
Мои руки прикованы — руки влюбленные,
Мои очи прикованы — очи влюбленные,
Мои ноги прикованы — ноги влюбленные.
Ах, серебром пороги перед ней,
лазуритом ступеньки под ней,
Когда по лестнице она спускается!
Когда милая остановилась,
Когда милая брови сдвинула —
Милая с небес ветром повеяла,
В грудь юноши стрелой ударила...[98]

Впрочем, если речь не шла о профессиональной конкуренции, «традиционные» знания в Вавилоне вполне уживались с «нетрадиционными».

Например, учение вавилонских жрецов о том, что пересеченная Тигром и Евфратом Земля, маленькая и плоская, как блин, плавает в Мировом океане, а сверху ее накрывают колпаки семи (или трех) небесных сфер, ничуть не мешало вавилонским купцам достигать Испании, Афганистана и Индии.

Астрология в древнем Вавилоне существовала бок о бок с астрономией: наряду с гороскопами тогдашние ученые составляли планетные эфемериды, умели предсказывать лунные затмения и владели способами предвычисления движения Луны и планет. Вавилонские математики знали теорему Пифагора за 1000 лет до рождения самого Пифагора, а шумеро-вавилонской шестидесятиричной системой мер мы пользуемся и сейчас, деля минуты на шестьдесят секунд, а час — на шестьдесят минут.

Не менее актуальными остаются в наше время и многие произведения аккадской литературы. Вот, например, знаменитый «Разговор господина и раба» — в нем звучит прямо-таки гамлетовское «Быть иль не быть?»

Разговор господина и раба

Позвал господин раба и сказал:

— Повинуйся!

— Да, мой господин! — с готовностью откликнулся раб.

— Запряги колесницу, я решил поехать во дворец!

— Хорошее дело! — одобрил раб. — Кто находится рядом с царем — добивается его расположения, явившегося во дворец ожидают милости владыки.

— Нет, пожалуй, я никуда не поеду! — махнул рукой господин, и раб тотчас согласился:

— И правильно — умный держится от дворца подальше. Явишься к царю — он пошлет тебя в поход, из которого ты можешь и не вернуться!

Вновь позвал господин:

— Раб, повинуйся!

— Да, мой господин!

— Подай воду для омовения рук, я сяду обедать!

— Отличная мысль! — закивал головой раб. — Кто часто ест — благодушен нравом, кто обедает — разделяет пищу с богами, вымытые руки любит целитель-Шамаш.

— Нет, что-то расхотелось мне обедать! — поморщился господин.

— И то верно, — поддакнул раб. — Что толку в еде, если голод и жажду не утолишь навеки?

Снова кликнул господин:

— Раб, повинуйся!

— Да, мой господин!

— Запряги колесницу — я поеду кататься за городские ворота!

— Отлично придумано! — воскликнул раб. — Кто сидит дома — не раздобудет поживы. Недаром говорит пословица: волка кормят ноги!

— Нет, подожди запрягать! Я, пожалуй, останусь дома.

— Конечно, так будет гораздо разумней! Лишь сумасшедшие шляются по степи, да еще бездомные бродяги. Того и гляди, нападут на тебя разбойники, или, пока ты колесишь незнамо где, твой дом обворуют. Недаром говорит пословица — дома всегда лучше!

— Раб, где ты там? — раздраженно закричал господин. — Вечно тебя не дозовешься!

— Я здесь, мой господин! Что прикажешь?

— Вот что я надумал: пора мне создать семью, завести детишек...

— Давно пора! — с жаром поддержал раб. — Что за жизнь у бездетного человека, что за смерть? Его и оплакать-то некому! Бессемейный без погребальных жертв уходит в Иркаллу, ест там прах и пьет тухлую воду!

— А может, не стоит мне жениться? — засомневался господин.

— Конечно, не стоит! — убежденно ответил раб. — Многих ли ты знаешь счастливых в браке? Да и дети, посмотри-ка на соседских: один кривой, другой золотушный!

— Так все-таки — жениться мне или не жениться? — топнул ногой господин.

— Не женись, не то вырастут дети — и промотают твое богатство!

— Раб, знаешь, что мне захотелось сделать? — зевнул господин. — Пойду-ка я в разбойники от скуки!

— Мудро придумано! — отозвался раб. — Как легче всего раздобыть еду и одежду, если не грабежом? Только став разбойником, быстро разбогатеешь!

— Нет, пожалуй, не стану я грабить на дорогах...

— И правильно — жизнь разбойника трудна и опасна, у купцов тоже есть мечи и дубинки! А если не убьют тебя в драке, так схватят и живьем сдерут кожу, или ослепят, или бросят в темницу!

— Раб, поди сюда! — закричал вельможа.

— Слушаю, мой господин!

— Полюблю-ка я прекрасную женщину!

— Правильно, господин мой, разве можно жить без любви? — убежденно согласился раб. — Только в любви забываются все печали и скорби!

— Нет, не хочу я ни в кого влюбляться!

— И правильно, на что тебе эта морока? Любовь женщины — западня для мужчины, женская красота — острый нож, направленный мужчине в сердце!

— Раб, где ты там? Ты мне нужен!

— Я здесь, мой господин! — откликнулся раб.

— Приготовь все для жертвоприношения, я хочу принести богам богатую жертву!

— Бегу, господин, лечу! Вот уж вправду благое дело! Кто приносит жертвы, облегчает свое сердце, кто дает богу — тому воздастся сторицей!

— Подожди! А может, не совершать мне жертвоприношения?

— Конечно, не совершай! Что за толк в богатых жертвах? Разве добьешься ты прока от бога, который требует от тебя то жертв, то обрядов, то еще чего-то? Недаром мудрецы говорят: религия — конопля для народа!

— Раб, меня только что осенила отличная мысль!

— Слушаю, мой господин! — отозвался раб.

— Стану-ка я ростовщиком, приумножу свои богатства!

— И вправду — мудрая мысль! — восхитился раб. — У ростовщиков всегда полным-полны кладовые. Недаром говорят: деньги должны делать деньги!

— А быть может, не надо мне становиться ростовщиком?

— Конечно, не становись! Сколько таких халявщиков уже прогорело! Давать людям в долг — ненадежное дело, поди-ка потом взыщи с должников проценты! Недаром говорят: только честный труд доставляет радость!

— Раб, поди сюда! Возвести всем людям: сегодня я совершу доброе дело для моей страны!

— Соверши, господин, соверши! — радостно закивал раб. — Кто делает добро своей стране, имя того не забудут вовеки!

— Нет, не совершу я доброго дела для страны! С какой стати?

— И правильно, господин мой, не совершай. Пройдись-ка по развалинам древних городов и посмотри на черепа людей, живших давно и недавно: можешь ли ты сказать, кто из них был злым, а кто — добрым?

— Но если так — что же тогда благо?! — в отчаянии возопил господин.

— Утопиться бы нам с тобой — вот что благо! — утомленно отвечал раб. — Все равно никому не достать до неба! Все равно никому не объять всю землю!

— Коли так, я убью тебя, раб! Первым отправлю в Иркаллу!

— А ты, мой господин, надолго меня переживешь ли?

Зато герой другого вавилонского произведения предпочитает бесплодному размышлению активное действие. Остается только удивляться, как при таких энергии и изобретательности он не сумел выбиться из нищеты? А еще удивительнее то, что сказку об умном бедняке, перехитрившем жадного градоправителя, изучали и переписывали тогдашние школьники, которых, казалось бы, должны были воспитывать в почтении к высокому начальству.

Сказка о ниппурском бедняке

Жил в Ниппуре человек по имени Гимиль-Нинурта — бедняк из бедняков, голь перекатная. Не имел он ни сикля[99] серебра, ни крупинки золота, а из одежды — только

ту, что была на нем. Когда у бедняги совсем подвело живот, снял он свою единственную одежду и сменял ее на козу-трехлетку.

Шел Гимиль-Нинурта домой полуголым и думал:

— Ну, зарежу я козу, да все равно ведь не попирую вволю, раз нет у меня ни вина, ни пива! К тому же соседи и родичи обозлятся, если не получат приглашения на обед, а пригласи всю ораву — самому достанутся рожки да ножки! Нет, лучше преподнесу-ка я козу в подарок градоправителю — может, он уделит мне что-нибудь от своих щедрот.

Сказано — сделано: бедняк пришел к воротам правителя Ниппура и рассказал привратнику Тукульти-Эллилю, что за дело его сюда привело.

Привратник отправился доложить вельможе:

— Господин! Там явился какой-то босяк и говорит, что он привел козу тебе в подарок!

— Видать, за ним числится грешок, раз он решил ко мне подольститься! — нахмурился градоправитель. — А ну, тащи пройдоху сюда!

Бедняк вошел в покои, держа левой рукой за рог козу[100], и почтительно склонился перед правителем:

— Да благословят тебя Эллиль и Ниппур! Пусть дарują тебе процветание Адад и Нуску!

— Что ты натворил, негодяй? За что пытаешься всучить мне взятку?! — рявкнул градоправитель.

Гимиль-Нинурта рассказал все, как есть, но богач не поверил чистосердечным объяснениям. Он велел швырнуть дарителю жалкие объедки, дать кувшин разбавленного пива и вытолкать взашей из дома.

— Вот что скажи своему господину, — выходя за ворота, бросил привратнику Гимиль-Нинурта, — он нанес мне одну обиду, я же отплачу ему тремя!

Услыхав об этой угрозе, градоправитель до вечера смеялся: ну что может сделать ему какой-то жалкий оборванец?

Однако бедняк не шутил! Он отправился в Вавилон, явился во дворец государя и попросил взаймы колесницу

и богатую одежду. За день проката Гимиль-Нинурта пообещал уплатить в казну целую мину золота![101]

Царь пожаловал просителю все, что тот пожелал, а впридачу — роскошный ларец, в который Гимиль-Нинурта посадил двух пойманных по дороге птиц. Бедняк запечатал ларец царской печатью и вернулся в Ниппур.

Увидев вельможу в роскошной одежде, подкатившего к дому на великолепной колеснице, градоправитель сам вышел ему навстречу:

— Кто ты такой? Куда держишь путь?

— Я — царский посланец, — важно ответил бедняк. — Везу дар государя в Экур, храм Эллиля. В этом ларце — две мины чистого золота!

В честь столичного гостя правитель зарезал жирного барана и до отвала накормил Гимиль-Нинурту.

Ночью же, когда все заснули, бедняк открыл ларец, и птицы упорхнули в окошко. Теперь «царский дар» весил на две мины меньше, чем тогда, когда его принимал градоправитель.

Поутру богач встал и в ужасе схватился за голову: ларец пуст, золото пропало!

— Так-то ты следишь за порядком в своем городе! — воскликнул «посланец царя», в притворном гневе разрывая на себе одежды. — Государь найдет, как покарать градоправителя, который даже в собственном доме не смог уберечь царское золото от воров! А может, ты сам его и украл? Признавайся!

И бедняк, налетев на своего врага, избил его с головы до пяток.

— Не губи! — зарыдал вельможа. — Возмещу я тебе пропавшее золото!

Он вручил Гимиль-Нинурте две полновесных мины золота, а взамен разорванной одежды подарил новую, еще богаче. Потом правитель с поклонами проводил грозного гостя до колесницы, радуясь, что так дешево отделался. А бедняк, хлестнув коней бичом, крикнул:

— Эй, господин! Один раз я тебе уже отплатил, осталось еще два раза!

Поняв, что его провели, градоправитель, хоть и был крепко избит, долго смеялся над хитростью пройдохи. Ну, теперь-то уж он не попадется на удочку!

А Гимиль-Нинурта пошел к брадобрею, изменил до неузнаваемости внешность и явился к правителю под видом искусного лекаря, уроженца Иссина.

«Лекарь» безошибочно указал, где именно у страждущего болит (ему ли не помнить, куда он метил кулаками?) — и градоправитель воскликнул:

— Да ты и впрямь искусный лекарь!

— Искусней не найдешь в самом Вавилоне! — скромно согласился бедняк. — Но я всегда занимаюсь врачеванием только в темном уединенном месте. Как говорил мой наставник-ашипсу: «Для познания тайны темна дорога!»

Правитель последовал за Гимиль-Нинуртой в такое место — и там бедняк второй раз основательно поколотил своего обидчика.

— Два раза я тебе отплатил — еще один раз остался! — напомнил он на прощанье.

— Ну уж нет! — простонал избитый вельможа. — Больше ты не выманишь меня из дома!

Гимиль-Нинурта только засмеялся, а потом на остатки из вырученного золота нанял человека, научив его, что нужно делать.

Правитель тем временем лежал в постели, охая и грозя самыми страшными карами негодяю с козой. Ну, попадись этот мерзавец ему в руки!..

— А я здесь! — раздался вдруг с улицы громкий крик. — Вот он я — тот, что приходил к тебе с козою! Мэ-э-э!

Все домочадцы и слуги градоправителя дружно ринулись на улицу и рассыпались по переулкам в поисках супостата. Даже хозяин дома не утерпел — тоже выскочил и устремился на крики.

И тут из-под моста на него прыгнул Гимиль-Нинурта, в третий раз избил с головы до пяток:

— Все, приятель, теперь мы квиты!

Градоправитель еле живым вернулся домой, а бедняк вышел за городские ворота и, довольный и веселый, отправился в вольную степь.

Вавилон: падения и взлеты

Не иначе как Гимиль-Нинурта решил примкнуть к хапиру. Это многонациональное сборище бедняков и беглых рабов, укрывавшихся от притеснений местных владык и погромов войск египетских фараонов, обосновалось в лесистых горах Ливана — вотчине великана Хубабы. Община хапиру чем-то напоминала вольницу запорожских казаков и долго оставалась головной болью для многих средиземноморских правителей. При фараоне Эхнатоне, который не интересовался ничем, кроме своей религиозной реформы, хапиру (к этому времени объединившиеся в государство Амурру) до того обнаглели, что вторглись в Палестину и захватили несколько финикийских городов. Царьки многих мелких государств жаловались, что их рабы убивают своих господ и бегут к хапиру; пару веков Амурру было для фараонов и их ставленников костью в горле, пока не превратилось в обычное небольшое царство, просуществовавшее приблизительно до 1100 года до н.э.

Но вернемся к нашим вавилонянам!

Примерно в это же время — около 1110 года до н.э. — царь Навуходоносор I из II династии Иссина взял реванш за все беды, которые Вавилон претерпел из-за эламитов. Он разбил войска Элама у крепости Дер и так основательно потрепал эту страну, что лет на триста вывел ее из политической игры. Навуходоносор I одерживал победы и над ассирийцами, однако вскоре удача вновь повернулась к Вавилонии спиной. Сперва последовали два победоносных похода ассирийского царя Тиглатпаласара I, потом — вторжение южно-арамейских племен халдеев (или сутиев)... И если с халдеями вавилоняне в конце концов

сумели сжиться, то с ассирийцами дело обстояло куда сложней.

К тому времени Ассирия превратилась в самую могучую и агрессивную державу Востока, и на протяжении VIII и IX веков до н.э. Вавилон то освобождался от ее власти, то подчинялся ей вновь. Наконец в 689 году до н.э. это противостояние разрешилось страшной катастрофой. Ассирийский царь Синаххериб Бесноватый, выведенный из себя непокорностью Вавилона, в очередной раз взял город и приказал навсегда стереть его с лица земли. Сокровища вавилонских царей и статую Мардука вывезли в столицу Ассирии Ниневию, немногих уцелевших после резни жителей продали в рабство, после чего город был подожжен. Несколько дней огонь пожирал вавилонские дома, дворцы и храмы, а когда отбушевали пожары, ассирийцы засыпали канал Арахту, разрушили дамбы, и на пепелище хлынули воды Евфрата.

«Дабы в грядущие времена никто не мог найти даже место этого города, я залил его водой! — с чувством выполненного долга возвестил Синаххериб в своих анналах. — Город и дома в нем, с основания до верхних покоев, я срыл, разрушил, сжег огнем!»

Но Бесноватому оказалось мало физически уничтожить великий город, он решил впридачу уничтожить его символически: по приказу царя вавилонскую землю погрузили на корабли, отвезли в Дильмун и там развеяли по ветру...

Такой катастрофы Вавилон еще никогда не переживал; казалось, для города и впрямь все было кончено!

Но спустя несколько лет Бесноватого убили в храме двое его сыновей, а третий сын Синаххериба, Асархаддон, придя к власти, решил заново отстроить самый большой торговый центр Востока. Чтобы обелить память отца, он объявил разрушение Вавилона гневом Мардука, чьей воле, дескать, послушно следовал Синаххериб. Этим тонким дипломатическим ходом ассирийский царь убивал

сразу двух зайцев: давал понять вавилонянам, что их бедствия — кара верховного божества за строптивость, а кроме того, обеспечивал себе их благодарность за возрождение Вавилона. «Своими мятежами против Ассирии вы провинились перед небесной властью, — недвусмысленно намекал Асархаддон, — но теперь гнев бога иссяк, и я буду столь великодушен, что верну вашему городу былую славу и великолепие».

И Вавилон воскрес из грязной топи.

Десятки тысяч военнопленных трудились на этой «стройке века», осушая заболоченную почву, восстанавливая канал, соединяющий Евфрат с Тигром, поднимая из развалин дома, храмы, дворцы и башни. Ассирийский зодчий Арадаххешу вновь возвел зиккурат Э-таменанки, в город начали возвращаться жители... И, чтобы еще раз подтвердить свое расположение к Вавилону, Асархаддон женился на тамошней уроженке.

Кто после этого может сказать, что жизнь была однообразной? Вот уж кто не мог пожаловаться на скуку! От разорения и гибели к блистательному взлету, а от него, глядишь, к новому падению! Средства в вавилонскую недвижимость могли вкладывать только люди с железными нервами.

Потому-то в те беспокойные времена пользовалась такой огромной популярностью поэма о боге войны и чумы Эрре. Сложенная в Месопотамии еще в конце II тысячелетия до н.э. во время нашествия кутиев, она много раз переписывалась в Вавилонии во время многочисленных вторжений, прокатывавшихся через эту страну.

Поэма о боге чумы

Это случилось еще в ту пору, когда Эрра был холостяком и день-деньской полеживал в своем храме, отдыхая от ратных дел. Рядом с ним нетерпеливо ерзали семь Сибитти — злобных демонов, сыновей Ану.

Сразу после рождения Ану нарек каждому из сыновей свирепый жребий: первого он сделал неукротимым в буйстве; второму велел жечь огнем, полыхать пожаром; третьего уподобил свирепому льву-людоеду; четвертого наделил могучей силой, сокрушающей горы; пятому велел пройтись по земле ураганным ветром; шестого послал разить людей направо и налево; седьмого одарил змеиным ядом — пусть развлекается, истребляя смертных!

Снабдив детишек отеческими наставлениями, Ану послал их к Эрре на производственную практику, и вскоре Сибитти стали незаменимыми помощниками бога войны и чумы.

Вот и сейчас им не терпелось приняться за дело. Устав в конце концов ждать, когда их патрон раскачается, они осыпали Эрру непочтительными насмешками:

— Что сидишь ты дома, как слабый ребенок!
Как не знающим воли, нам ли есть пищу женщин?
Нам ли в страхе дрожать, как не сведущим в битве?
Уйти на волю — для мужчины праздник.
Даже князю во граде не снискать пропитанья,
Забранят его люди, он посмешищем станет,
Как он руку протянет уходящим на волю?
Пусть даже крепок сидящий во граде,
Над ходящим на волю как верх возьмет он?
Хлеб пусть в граде обилен,
не сравнится он с зольной лепешкой,
Сладкое цеженое пиво с водой бурдюка не сравнится,
Пышный дворец не сравнится с походной палаткой! [102]

Пора в поход, на волю, в сражение! — голосили неседливые Сибитти. — Расколошматим кого-нибудь в пух и прах — все равно, кого и за что — и наше имя вознесут игиги и ануннаки, а все прочие боги почтительно склонятся перед тобою, Эрра! Сколько можно сидеть без дела?

Мы, знатоки перевалов горных, о походах забыли,
На доспехи наши легла паутина,

Верный лук изменил нам, стал нам не под силу,
У острой стрелы наконечник погнулся,
Наш кинжал без убийства заржавел!

Хотим на войну! Хотим в поход! Хотим устроить кровавую сечу!

— Что ж, в поход так в поход, — зевая, согласился Эрра. — Только, боюсь, Мардук опять испортит нам всю забаву! Если мы хотим как следует поразмяться, нужно сперва услать старика подальше... За мной, братва, вперед, к Эсагиле!

С радостным гомоном Сибитти вслед за Эррой повалили из храма, как ни пытался их остановить миролюбивый Ишум, бог огня.

Буйная компания приблизилась к храму Мардука, и на шум в дверях показался заспанный хозяин Эсагилы в грязной одежде и нечищенной тиаре.

— Ну и вид у тебя, о великий Владыка! — насмешливо крикнул Эрра. — Неужели ты тоже когда-то держал в руках палицу, лук и стрелы? А теперь, гляжу, тебе не под силу даже почистить свою тиару! Да и храм твой совсем обветшал, того и гляди завалится набок!

— Я не хуже тебя умею устраивать драки, Эрра! — приосанившись, уязвленно ответил Мардук. — Видел бы ты, какие я учинял в молодости потопы, как лихо срывал с мест звезды и целые созвездья! От моих молодецких игр, бывало, пересыхали пашни, мелели реки, тысячами дохли земные твари! Потому и затмилась моя тиара, потому и храм покосился — я сгоряча отправил в бездну семь великих мудрецов, нет больше ни Нинильду, ни Гушкинбанды, ни Нингаля, ни других искусных мастеров, следивших раньше за убранством Эсагилы!

— А разыскать других мастеров взамен ушедших в Иркаллу ты, бедняга, не можешь? — хитро прищурился Эрра.

— Я, победитель Тиамат, все могу! — крикнул Мардук, выходя из храма. — Я отправляюсь за мастерами и материалами для починки Эсагилы, а ты пока присмотри

здесь за порядком. Боюсь, много бедствий ожидает страну, если я оставлю без присмотра священный город!

— Конечно. Можешь на меня положиться! — серьезно заверил бог чумы.

Вывесив на дверях храма табличку: «Закрыто на реставрацию», Мардук отбыл в неизвестном направлении... И его дурные предчувствия немедленно оправдались: стоило ему покинуть Эсагилу, как по всей стране прошли потопы и ураганы, средь бела дня кромешная тьма покрыла землю, злобные демоны вырвались на волю и погасили звезды — а Эрра в темноте торжествующе гаркнул:

— Ахха-ха! Ну, теперь весь мир увидит, на что я способен!

Сокрушу я страну, обращу в руины,
Города разрушу, превращу в пустыню,
Горы снесу, зверей уничтожу,
Моря всколыхну, истреблю их богатства,
Искореню болотные заросли, спалю их, как Гирру,
Ниспровергну людей, погублю все живое,
Никого не оставлю даже на семя!
...Подниму я общины друг против друга,
Сын отца возненавидит, не даст ему покоя,
Мать, улыбаясь, будет строить дочери козни!

Вдохновенной песне бога войны подтягивал оглушительный хор Сибитти:

— Шум людей прекращу, отниму у них радость,
Как костер, вражда запылает на месте дружбы!..

— Стойте! Стойте! Зачем вы замыслили принести стране гибель?! — кричал Ишум, но его никто не слушал.

Эрра и его воины так рьяно взялись за любимое дело, истребляя, буйствуя, сея повсюду раздор, что Ишум в отчаянии схватился за голову.

— Что ты наделал, неистовый Эрра?! Зачем ты привел врагов на вавилонскую землю?

Да, в Вавилон вступило чужеземное войско, и даже жрецы Эсагилы взялись за оружие. Трупы убитых завалили улицы, кровь священнослужителей потекла в Евфрат...

И как раз в это время из своей отлучки вернулся Мардук — в чистой одежде, в сияющей тиаре, с большой охапкой стройматериалов. При виде того, что творится в его священном граде, верховный бог охнул и в ужасе выпустил все из рук.

— Увы! — воскликнул он, подбирая полы одежды, чтобы не испачкаться кровью. — Никогда я не стану пить осквернённую воду! Никогда не войду в свое запятнанное кровью жилище!

Увы, Вавилон, чью вершину уподобил я пышной пальме, — растерзал ее ветер!

Увы, Вавилон, что, словно кедровую шишку, зерном я наполнил, — не насытиться мне им!

Увы, Вавилон, что, словно печать из янтаря, я повесил на шею Ану!

Увы, Вавилон, что, словно Таблицы судеб, в руках держал я, никому не вверяя!

Так причитал Мардук над разоренной столицей, и ему вторили гневные вопли других богов и богинь.

Иштар кричала о судьбе своего города Урука: Эрра привел туда сутиев, и их жестокий правитель изгнал из храма Эанны певцов и танцоров! Где веселье, всегда царившее в городе Иштар, — пристанище иеродул[103], блудниц и девок? Где пышные праздники с песнями и лихими танцами?

На вопли богини эхом отзывался Иштаран — божественный покровитель города Даксы: по вине Эрры этот город совсем обезлюдел, его храм Эугаль[104] разрушен врагами!

А Сиппар, который не уничтожили даже волны великого потопа? Теперь его древние стены начисто снесены — и в этом тоже повинна шайка Сибитти вместе со своим кровожадным главарем!

— Мы давно привыкли к твоим выходкам, бог войны, но на сей раз ты перешел все границы!

Воитель Эрра! Правого предал ты смерти
И неправого предал ты смерти,
Кто пред тобой повинен, предал ты смерти,
Кто пред тобой не повинен, предал ты смерти!

Никого ты не пощадил — ни жрецов, ни царских слуг, ни маленьких девочек, ни воинов, ни полководцев! Посмотри — вся страна по твоей вине превратилась в безжизненную пустыню!

— Никогда я не слышу похвал за мои самоотверженные труды! — оскорбленно вскричал Эрра (Сибитти за его спиной скромно молчали.) — Вечно мне приходится страдать из-за моего неиссякаемого человеколюбия! Да, Мардук, я старался только для блага твоих любимых вавилонян, для блага наших дорогих аккадцев! Когда приморец убьет приморца, субарей — субарея, ассириец — ассирийца, эламит — эламита, кассит — кассита, сутий — сутия, кутий — кутия, — угадайте, что тогда произойдет?

Все боги в смятении переглянулись, и Эйя печально произнес:

— Тогда придется заново создавать людской род...

— Неправильный ответ! — проревел Эрра. — Тогда над всеми возвысятся аккадцы! Ну что, замечательно я придумал? Эй, вон ползет еще несколько недобитых субареев!

И Эрра с новыми силами бросился в бой, снося горы и выкорчевывая леса, разрушая города и истребляя богатства моря, уничтожая стада скота и вновь обращая животных в глину, из которой они когда-то были созданы.

И когда забрызганный кровью с ног до головы воитель вернулся в Эмеслам[105], все остальные боги в трепете поднялись перед ним и долго не решались произнести ни слова. Наконец Ишум осторожно осведомился:

— Насытился ли ты битвами, о великий Эрра? Или ты решил истребить смертных до последнего человека?

— Опять попреки?! — прорычал бог чумы. — Опять кому-то не по вкусу мои деянья?!

— Что ты, мы все в восторге от того, что ты совершил! — поспешно заверил Ишум. — Кто может сравниться с тобой в мощи, о непобедимый? Мы все — твои покорные слуги, великий хозяин Эмеслама!

— Так-то лучше! — расплылся в улыбке польщенный Эрра. И, оглядев дымящиеся развалины Вавилона, самокритично заметил: — Н-да, пожалуй, я немного погорячился...

Как неопытный садовник, слишком много я срезал,
Как вторгшийся враг, злого и доброго истреблял
без разбора.

Но ничего, насколько я знаю вавилонян, они быстро размножатся снова! Ступай, Ишум, разыщи уцелевших смертных и скажи, что больше я не буду их истреблять, они могут покинуть свои убежища!

Пусть люд малочисленный размножится снова,
Пусть все невозбранно ходят по дорогам,
Слабый аккадец могучего сутия да повергнет,
Один семерых, как овец, да погонит!
...С полей, разоренных мною, соберите вновь урожаи.
Все градоправители знатную дань да принесут
в Шуанну[106],
У храмов, что я разрушил, да вознесутся вершины,
как восходящее солнце,
Тигр и Евфрат да приносят обильные воды,
Попечителю Эсагилы и Вавилона все градоправители
да принесут, что должно!

Так спаслись малые остатки людей от гнева ужасного Эрры.

Кабтилани-Мардук, сын Дабибу, увидел это во сне, вдохновленный богами, и поутру записал, ничего не добавив и не убавив.

Сам Эрра прочитал его труд и весьма одобрил, поэма сия удостоилась положительных отзывов Ишума, а также других богов.

Послесловие Эрры к первому и последующим изданиям

У бога, что почтит эту песнь, — изобилие храм наполнит,
Кто ею пренебрежет — обонять благовоний не будет!
...Певец, поющий ее, не умрет злою смертью,
Государю и царю его слово будет угодно!
Писец, что ее заучил, вражьей земли избежит,
а в своей почитаем будет.
...К дому, хранящему эту табличку, —
пусть Эрра гневен, пусть грозны Сибитти, —
Не приблизится гибельный меч, благополучен он будет!
Эта песнь да пребудет всегда, да утвердится навечно,
Да услышат ее все страны, да почтут мою доблесть,
Да узнает ее весь мир, да вознесет мою славу!

Вышеприведенная рецензия бога чумы способствовала неслыханной популярности бестселлера Кабтилани-Мардука. Учитесь, господа издатели, как нужно поднимать тиражи!

Прощальный взгляд на «Врата Бога»

Несмотря на то, что поэма о боге чумы хранилась чуть ли не в каждом вавилонском доме, жизнь в городе почему-то не становилась спокойнее. В 647 году до н.э. Вавилон вновь взяли ассирийцы... Но в это время звезда Ассирии уже клонилась к закату.

В конце VII века до н.э. ассирийский наместник Вавилона халдей Набопаласар провозгласил независимость

своей вотчины от Ассирии, а в 612 г. до н.э. в союзе с мидийцами взял и уничтожил Ниневию. Ассирийской империи, много веков державшей в подчинении всю Месопотамию, пришел конец, что резко изменило политическую ситуацию в Междуречье.

При сыне Набопаласара Навуходоносоре II Вавилон пережил такой подъем, какого не знал, пожалуй, даже во времена Хаммурапи.

Навуходоносор унаследовал полководческие таланты отца: он разбил египтян в битве при Каркемише, овладел Сирией, Финикией и Палестиной, в том числе Иудеей. После восстания в Иерусалиме царь вторично взял этот город и угнал много иудеев в так называемое «вавилонское пленение», откуда они вынесли массу незабываемых впечатлений.

Иерусалимские, финикийские, сирийские пленники с разинутыми ртами взирали на поднебесный зиккурат Этаменанки и оглушенно вслушивались в многоязычный говор на улицах огромного города. И то и другое послужило толчком к созданию библейской легенды о вавилонском столпотворении.

И впрямь, где еще можно было встретить такое многоязычье, как в Вавилоне? В ту пору, если даже не брать во внимание говор иностранных купцов, там были в ходу сразу несколько языков и диалектов. Первоначально вавилоняне разговаривали на одном из диалектов аккадского, но ко времени правления Навуходоносора их разговорным языком сделался арамейский, хотя в литературе и религии продолжал господствовать аккадский. Кроме того, до сих пор создавались произведения на шумерском (в большинстве случаев с аккадским подстрочником). Вот уж поистине вавилонское смешение языков!

В этом многолюдном, сияющем варварским великолепием городе пророк Даниил познал милость и немилость царя и, брошенный жрецами Мардука на пожрание дракону, отправил бедного реликта на тот свет коврижкой из жира, смолы и волос. Неудивительно, что дракон

издох — подобной убийственной смеси ингредиентов не выдержал бы даже луженый желудок верблюда!

Помимо историй о приключениях Даниила и нравоучительной сказки о смешении языков иудеи вынесли из Вавилона также легенду о Всемирном потопе, вставив ее в книгу Бытия без ссылки на аккадский первоисточник. Этим вавилонским мифом я и хочу завершить рассказ о «Вратах Бога»...

Но сперва давайте бросим прощальный взгляд на великий город, находящийся на самом пике своего последнего взлета.

Стараниями Навуходоносора Вавилон был превращен в могучую крепость: его окружала такая широкая стена, что на ней могли свободно разъехаться две колесницы, его главные ворота украшали изображения быков — священных животных Адада — и сказочного дракона Сирруша, священного зверя Мардука. После экспериментов пророка Даниила со смоляной коврижкой «вавилонские драконы» остались только здесь, на городских воротах, — в виде золотистых рельефов на голубом фоне.

Через Ворота Иштар проходила роскошно вымощенная Дорога Процессий, по которой во время религиозных праздников пестрые толпы двигались к храму Мардука. И, как символ величия Вавилона, рядом с Эсагилой вздымалась семицветная башня Э-таменанки: ее начал возводить еще Набопаласар, а закончил уже его сын Навуходоносор.

Самый великий царь халдейской династии гордился своими строительными достижениями не меньше, чем военными победами; на каждом кирпиче, которыми была вымощена Дорога Процессий, красовалась надпись: «Я — Навуходоносор, царь Вавилона, сын Набопаласара, царя Вавилона. Вавилонскую улицу замостил я для процессии великого господина Мардука каменными плитами из Шаду. Мардук, господин, даруй нам вечную жизнь».

При Навуходоносоре Вавилон украсился многими храмами и дворцами, но ни один из них не шел ни в какое

сравнение с царской резиденцией — комплексом дворцов, ослепляющих приезжих яркой, пышной, вызывающей роскошью. А еще чужеземцы обязательно хотели посмотреть на знаменитые висячие сады, которые вавилонский владыка подарил своей любимой жене, мидийской царевне. Мощные колонны поддерживали четыре яруса террас с настланной на них землей, причем колонны были так высоки, что верхние террасы не затемняли нижние. Для орошения растущих в удивительных поднебесных садах деревьев рабы непрестанно вращали водочерпальное колесо, установленное на берегу Евфрата. Это рукотворное чудо — одно из семи чудес света — вошло в историю под названием садов Семирамиды, хотя жившая за два века до Навуходоносора полулегендарная ассирийская царица никакого отношения к висячим садам не имела...

История вообще штука парадоксальная, капризная и зачастую несправедливая. Она похожа на изобилующую крутыми поворотами реку. Вот мы стоим на площади между храмом Иштар и дворцом великого Навуходоносора, царя могущественной страны, которая властвует сейчас над многими сопредельными народами. Но если мы обернемся и бросим взгляд на два века в прошлое — мы увидим, как в этом городе бесцеремонно, словно на своем приусадебном участке, хозяйничает ассирийская царица Семирамида. А стоит приподняться на цыпочки и заглянуть за следующий поворот реки...

Пронеслось каких-нибудь два-три кратких века — и что осталось от великолепия «Врат Бога»?

Сверхмощные укрепления, которыми Навуходоносор окружил свою столицу, не защитили Вавилон от персов, и царь Ксеркс превратил Э-таменанки в груду развалин. Висячие сады обрушились, когда за ними перестали ухаживать, пришли в запустение шумные улицы, и к началу нашей эры на месте блистательного Вавилона остались лишь безжизненные руины. А потом люди забыли даже место, где стоял великий и злосчастный город...

...пока в XIX веке здесь не начал раскопки Кольдевей и пока покрытые клинописью глиняные таблички

не открыли для нас мир вавилонян — удивительный и тревожный, в котором боги когда-то были подобны людям...

«Когда боги, подобно людям...»

После того, как земля отделилась от суши, каждому богу достался свой жребий: Ану получил во владение небо, Энлиль — землю, Эйя-Энки воцарился в океане, семь великих богов ануннаков воссели рядом с престолом Ану — на долю же многочисленных небесных богов Игигов остался лишь тяжкий труд под присмотром свирепого бога войны Нинурты.

Игиги выкапывали каналы, прокладывали русла великих рек, строили подводный дворец Апсу. Две с половиной тысячи лет трудились они и днем и ночью, пока их терпение не иссякло.

Измученные работяги побросали свои орудия и устроили первую в мире забастовку.

Они кричали, наполняясь злобой,
Они шумели в своих котлованах:
— Хотим управляющего увидеть!
Пусть он отменит труд наш тяжелый!
Он, советник богов, воитель!
Пойдем, разыщем его жилище! [107]

Так кричали игиги, требуя справедливости, но их вожак не удовольствовался одними экономическими требованиями. Этот отчаянный малый (чье имя, к сожалению, осталось безвестным) призвал забастовщиков пойти войной на Энлиля, сбросить верховного бога и выбрать вместо него другого:

— Неправедно был назначен Энлиль!
Его заменим, другого назначим!

Он, советник богов, воитель!
Пойдем, разыщем его жилище!

Игиги послушались предводителя; они сожгли ненавистные лопаты и корзины, взялись за руки и дружно двинулись к Экуру, храму Энлиля.

А верховный бог в это время крепко спал и даже не услышал, как окружают его жилище; только привратник выглянул на шум и увидел столпившихся у храма Игигов. Со всех ног он бросился будить Нуску — небезызвестного нам слугу и прихлебателя Энлиля, — а тот поспешил растолкать господина и обрушил на него ужасную весть:

— Господин мой, твой храм оцеплен,
Подошла битва к твоим воротам!

Энлиля как ветром сдуло с роскошного ложа. Трясясь от страха, он велел запереть храм на все засовы и поскорей послал за Ану и ануннаками.

И вот боги собрались на совет в осажденном храме. Первым делом они приказали Нуску выйти к восставшим и спросить, чего желают игиги? Кто подстрекнул их к бунту, кто побудил пойти войной на Энлиля?

— Все, как один, войну объявили! —

заревели игиги в ответ на робкий вопрос слуги. —

В котлованах нам
Положили трудиться!
Непосильное бремя нас убивает,
Тяжек труд, велики невзгоды.
Ныне мы, боги, все, как один,
Идем к Энлилю, несем наше слово!

Услышав столь дерзкие речи, верховный бог со слезами в голосе воззвал к Ану:

— Да как они смеют, отец?! Как смеют эти бесстыдные бунтовщики поднимать против меня голос?! Ты должен немедленно покарать окаянных злодеев!

— Но ведь игиги — тоже боги, и речи их вполне справедливы, — рассудительно возразил Ану. — Они трудились две с половиной тысячи лет и заслужили отдых!

— Подумаешь, поработали одну тысчонку лет! — капризно заявил Энлиль. — И что с того, что они тоже боги? Да, трудно быть богом, зато как почетно! А неблагодарные лентяи-игиги вместо того, чтобы гордиться своим почетным правом на труд, осмеливаются требовать еще и права на отдых! Но если они уйдут на покой, кто же тогда будет работать? Уж не думаешь ли ты, отец, что я сам возьму в руки кирку или лопату?

— Пусть прародительница Нинту сотворит человека, который сможет взять на себя работу Игигов, — вмешался в спор премудрый Эйя и почтительно обратился к божественной повитухе:

— О праматерь, творец человеков!
Сотвори человека, да несет он бремя!
Да примет труды, что Энлиль назначил!
Корзины богов — носить человеку!

— Что ж, я создам человека, если ты, Эйя, мне поможешь, — откликнулась Нинту.

Да, непростое это было дело, кровавое и трудное, — сотворение человека. Богам пришлось по жребию выбрать одного из Игигов, убить его и на божественной крови замесить глину, которая стала человеческой плотью.

Из его тела, на его крови
Намесила богиня Нинту глины.
Чтоб вечно слышали стуки сердца,
Разум живет во плоти бога,
Знает живущий знак своей жизни,
Не забывал бы, что имеет разум.
Когда она замесила глину,

Позвала Ануннаков, богов великих.
А Игиги, великие боги,
Слюною своею смочили глину...

Так общими усилиями были созданы первые люди, и Нинту проговорила, любуясь своим творением:

— Теперь вы свободны, игиги! Идите и отдыхайте! А ваши корзины, ваши лопаты отныне достанутся человеку.

Так и случилось — смертные создания Нинту и Эйи трудолюбиво взялись за работу, которую прежде выполняли игиги.

Все шло прекрасно, пока через двенадцать веков люди не расплодились настолько, что вечно всем недовольный Энлиль начал жаловаться на шум и гомон за стенами Экура. Недолго думая, верховный бог наслал на человечество чуму и моровую язву, и смертные гибли от мора до тех пор, пока на помощь им не пришел Эйя.

По совету хозяина Апсу люди ублажили свирепого посланца Эрешкигаль Намтара — и моровое поветрие тут же прекратилось.

Приободрившиеся люди опять неосмотрительно начали нарушать тишину возле храма Энлиля, и божественный мизантроп обрушил на них новые бедствия — засуху и неурожай. На этот раз Эйя не сразу решился вмешаться: Энлиль и без того злился на него за постоянные поблажки смертным! Стиснув зубы, Эйя долго притворялся глухим, как ни молил его о помощи мудрейший из жителей Ниппура, Атрахасис.

Он заклинал Энки в молитвах,
Искал знамения в сновиденьях.
Он приходил к храму бога,
Пред храмом бога сидел и плакал.
Пред алтарем ему жертвы ставил...

И наконец добрый бог не выдержал, украдкой проскользнул в сновидение Атрахасиса и дал своему любимцу долгожданный совет.

Следуя этому совету, люди принесли богатые жертвы повелителю дождя и бури Ададу, и подкупленный бог ниспослал на поля долгожданную влагу. Вновь налились зерном колосья, голод уступил место изобилию, смертные перестали тысячами уходить в Иркаллу...

А Энлиль сразу догадался, кто опять сорвал его планы, и взбеленился, как Эрешкигаль во время критических дней!

Вне себя от гнева он созвал собрание богов и перед всеми яростно обличил Эйю в саботаже:

— Всюду, куда б ни ступил ты,
Ты облегчаешь бремя, даешь послабленье.
Ты допустил процветанье людское,
Дал им дышать на земле под солнцем!

Но смотри, если ты еще хоть раз помешаешь моим замыслам — ты горько об этом пожалеешь! — бешено проорал Энлиль. — Больше я не потерплю вмешательства в мои планы, слышишь?! А планы эти таковы...

Выслушав верховного владыку, все боги в смятении переглянулись. Ибо теперь Энлиль задумал воистину ужасное дело: он решил обрушить на землю потоп, чтобы разом уничтожить все людское племя. Мало того — он потребовал, чтобы остальные боги одобрили подобное решение и поклялись не разглашать его среди смертных!

Эйя вскочил и возмущенно стукнул кулаком по столу:

— Зачем вы хотите связать меня клятвой?
Положу ли руку на моих человеков?
Потоп, что вы мне повелели, —
Что такое? Мне неизвестно!
Мне ли давать рожденье потопу?
Воистину, это дело Энлиля! —

с этими словами Эйя выбежал из зала собраний, что было сил грохнув дверью. Прыгая по небесной лестнице через три ступеньки, он устремился на землю и (помните шу-

мерского Энки?) шепотом, через стену сообщил Атрахасису страшную весть:

— Внемли, о стена!
Хижина, слушай!
Разрушь свой дом, корабль выстрой!
Презри богатство, спасай душу!
Корабль, который ты построишь,
Шириною длине да будет равен!
...Назови его именем «Спасающий жизни»!
Покрой его крышей, подобно Апсу!
Так, чтобы солнце внутрь не проникло.
Да будет закрыт он и сверху и снизу!
Его снаряженье должно быть прочным.
Пусть густая смола укрепит его крепость.
Я же нашлю на вас ливень.
Изобилие птиц, обилие рыбы.
Следи за сроком, что сообщу я.
В корабль войди, закрой все двери,
Возьми зерна и добра, что имеешь,
Жену, семью, родню, рабочих.
Тварей степных, травоядных и диких
Я пошлю к тебе, к твоим воротам!

Итак, добрый Эйя решил спасти не только людей, но и ни в чем не повинных животных, которых в своем слепом гневе обрек на уничтожение Энлиль.

Атрахасис немедля сообщил старейшинам города откровение бога, и тотчас же началась лихорадочная работа:

Со своим топором приходит плотник,
Камень свой несет строитель.
Даже малыш смолу таскает.
Даже бедняк несет, что может.

Таким образом, шанс на спасение получили все, кто принял участие в строительстве корабля Атрахасиса.

Как похож и в то же время непохож этот рассказ на библейское предание о Ное! Вот как бесстрастно и сухо повествует о Всемирном потопе Библия:

> И сказал Господь Ною: войди ты и все семейство твое в ковчег; ибо тебя увидел Я праведным предо Мною в роде сем. И всякого скота чистого возьми по семи, мужеского пола и женского, а из скота нечистого по два, мужеского пола и женского. Также и из птиц небесных по семи, мужеского пола и женского, чтобы сохранить племя для всей земли. (Библия, Бытие, гл.7)

Похоже, этот Бог забыл о своем недавнем заявлении:

> ...и гадов и птиц небесных истреблю; ибо Я раскаялся, что создал их. (Библия, Бытие, гл.6)

Дело в том, что в иудейском Элохиме объединились черты двух божеств — истребителя-Энлиля и спасителя-Энки, отсюда и такая его непоследовательность.

Точно так же, как библейский Ной, Атрахасис в назначенный день взошел на борт ковчега, только в отличие от библейского праведника ниппурский мудрец вовсе не был безмятежно спокоен.

> Он созвал людей своих
> На пир прощальный.
> Родню и семью на борт он поднял.
> Они ели яства, они пили напитки.
> Он же спускался и поднимался.
> Сесть не мог, и лечь не мог он.
> Разрывалось сердце, желчью рвало!

Конец света меж тем надвигался; раскаты грома возвещали о его приближении. И вскоре после того, как Атрахасис со своими людьми (и присланными Энки животными) затворился внутри огромного судна, началось нечто невообразимое:

Вздымается ветер, несет бурю;
Адад на ветрах, своих мулах, мчится —
Восточном,
Западном, Северном,
Южном.
Ураганы и бури завыли пред ним.
Злобный вихрь взметнулся ветрам навстречу,
К нему вздымается Южный ветер,
Западный ветер трубит рядом.
...Колесницей богов ураган несется,
Мчится вперед, убивает, молотит.
Идет Нинурта, открывает плотины,
Эррагаль якоря и столбы вырывает.
Анзуд когтями разрывает небо.
Разум страны, как горшок, расколот.
Поднялись воды, и потоп вышел.
Его мощь прошла по людям, как битва.
Один не может увидеть другого,
Узнать друг друга в уничтоженье!

Что там люди — даже боги задрожали в страхе перед вырвавшейся на волю беспощадной стихией! Энки стонал, видя гибель своих созданий, и рыдала в голос повитуха богов, праматерь Нинту:

— Да померкнет день тот,
Во мрак да вернется!
Как могла я вместе со всеми богами
В совете решиться на гибель мира?
Насытился Энлиль постыдным приказом?
Подобно Тируру, он поднял мерзость!
И я ныне по собственной воле
Над собою слышу их вопли!
Надо мной словно мухи, рожденные мною!
Я же ныне как в доме плача!
В пустоте раздаются мои вопли!
Мне ли карабкаться на небо,
Мне, что жила в доме сокровищ?

Так причитала Нинту над разоренной, затопленной землей, и все боги вместе с ней оплакивали погубленный их неразумным решением мир.

Безымянный автор поэмы не решился вложить речи, обличающие жестокость богов, в уста смертного, зато вложил их в уста божественной повитухи... И этим вавилонское сказание опять-таки разительно отличается от библейского, где описание потопа сводится к бесстрастной констатации того факта, что

> «усилилась вода на земле чрезвычайно, так что покрылись все высокие горы, какие есть под всем небом» и что «все, что имело дыхание духа жизни в ноздрях своих на суше, умерло».

Нет, не имели еще вавилоняне той нравственной «закалки», которая нужна, чтобы одобрить *любое* решение всесильного бога, даже если это решение — истребить все живое на земле.

Ковчег библейского Ноя носило по волнам сорок дней; судно «Спасающий жизни» дрейфовало семь дней и семь ночей. А когда к исходу седьмых суток иссякли ливни и схлынули воды, Атрахасис вышел из судна и принес бессмертным обильную жертву. Изголодавшиеся боги устремились на соблазнительный запах, и Нинту язвительно бросила им:

— Где был Ану и его разум?
Как? И Энлиль приблизился к жертве?
Потоп устроили, не подумав,
Приговорили людей к истреблению!
Вы решились на гибель мира!
Их ясные лики потемнели ныне!

Нинту в гневе сорвала с шеи Ану лазуритовый амулет-муху и поклялась вечно носить его в память о потопе.

Единственным из богов, который ничуть не раскаялся в содеянном, был главный виновник беды — насильник и

убийца Энлиль. Нимало не смущенный насмешками Нинту, он набросился на Эйю, упрекая его в спасении треклятых людей!

Эйя, не раздумывая, гордо взял вину на себя:

— Воистину, дело мое перед вами.
За спасение жизни я в ответе.
Где же, боги, был ваш рассудок,
Что, не подумав, на потоп решились?

Казалось, дело вот-вот дойдет до драки между двумя богами, как вдруг Энлиль пошел на попятную: он терпеть не мог связываться с теми, от кого можно было получить сдачи. Скрежеща зубами, Энлиль согласился пощадить уцелевших людей, но взамен вырвал у Эйи пару уступок. Отныне, чтобы люди не размножались так быстро, на земле должен был поселиться злобный демон Пашиту, истреблявший младенцев, а некоторым жрицам запрещено было рожать.

Так благодаря Эйе человечество возродилось вновь...

Ну а что происходило в Месопотамии после потопа и до воцарения Навуходоносора II, вы уже знаете.

«Все течет, все движется», — говаривал старина Гераклит. Увлекаемые бурным потоком вавилонской истории, мы лишь мельком взглянули на страну, которой все сопредельные народы когда-то боялись больше, чем самого Энлиля. И теперь (ничего не поделаешь) придется выгребать против течения — ко временам расцвета государств Шумера и Аккада, к тем годам, когда «черноголовыми» правил Саргон Великий.

Ассирия

Чем столетье лучше для историка,
Тем для современников печальней.
Н. Глазков

В начале «славных дел»

В те стародавние времена шумерские коммерсанты-тамкары основали на важнейших торговых путях ряд колоний, в число которых входил Ашшур, лежащий на правом берегу Тигра. Через этот город шли караваны в Сирию и Восточную Малую Азию, везя из Месопотамии ткани и хлеб, а обратно — медь, серебро, свинец и лес. Ашшур процветал и богател за счет торговли, и будь у него герб, на нем стоило бы изобразить торгашеские весы и гири.

Только при царе Шамшиададе I (кстати, первом правителе Ашшура, принявшем царский титул и даже скромно именовавшим себя «царем вселенной») была предпринята более-менее серьезная попытка пройтись по окрестностям не только с весами, но и с мечом. Шамшиададу, аморейцу из верхнемесопотамской глубинки, явно не давали покоя лавры Саргона Великого: сначала он завоевал Ашшур, сделав его своей резиденцией, а потом захватил всю Верхнюю Месопотамию и обложил данью побежденных царей Загроса.

Однако честолюбивый Хаммурапи вскоре свел на нет все территориальные достижения «царя вселенной», а вслед за этим был нанесен сильнейший удар по торговле Ашшура. Вавилон, хетты, Египет и Митанни позаботились о том, чтобы торговые пути переместились на запад; отныне египетские, микенские, хеттские и митаннийские товары пошли через финикийские города, на долю же ашшурцев остался лишь «утешительный приз» — торговля с Вавилоном.

С XVIII по XV век до н.э. Ашшуру приходилось довольствоваться ролью мальчика для битья, покорно сно-

ся пинки и зуботычины от Вавилонии и от сильного и задиристого хурритского государства Митанни. Около 1500 года до н.э. вконец распоясавшийся митаннийский царь Сауссадаттар предвосхитил хулиганский поступок героя «Двенадцати стульев» Виктора Полесова. Если вы помните, «кустарь-одиночка с мотором» утащил чугунные ворота дома № 5 по Перелешинскому переулку города Старгорода, а Сауссадаттар, явившись в Ашшур с далеко не дружественным визитом, помимо прочей добычи уволок оттуда городские ворота, роскошно украшенные золотом и серебром, и нахально водрузил их в собственном дворце!

Вот какие унижения приходилось претерпевать несчастным ассирийцам (которые, впрочем, тогда еще не назывались ассирийцами) вплоть до конца XV века до н.э. И лишь в конце XV — начале XIV веков до н.э. расстановка сил в Передней Азии круто изменилась в их пользу. Вавилон утратил былое влияние, Митанни сцепилась с хеттами (и получила от них хорошую трепку), сами хетты увязли в затяжной борьбе с Египтом... Всей этой политическо-военной катавасией удачно воспользовался тогдашний царь Ассирии (теперь уже именно Ассирии) Ашшурубаллит I.

Этот проныра интриговал, воевал, слал гонцов и подарки, совался везде и всюду — и в результате установил дипломатические отношения с Египтом и заключил союз с Вавилоном, выдав замуж за тамошнего царя свою дочурку с изящным почти французским именем Мубаллитат-Шеруа. Но самое главное, Ашшурубаллит расположил к себе Шуттарну — узурпатора, захватившего митаннийский престол — и тот вернул в Ашшур ворота, сто лет назад увезенные Сауссадаттаром!

Если бы Шуттарна знал, к каким трагическим последствиям приведет его опрометчивый поступок, он бы сотню раз подумал, прежде чем возвращать жителям Ашшура их собственность.

А последствия были самыми ужасными.

Водрузив ворота на место, смазав петли и заказав запасные ключи, ассирийцы настолько воспряли духом,

что перешли в неудержимое наступление. Теперь им уже не нужно было караулить свой открытый всем вражеским вторжениям город, поэтому они сами могли вторгаться куда угодно — и с каждым годом становились все агрессивнее.

Чем дальше, тем страшнее

Вскоре настал черед Митанни лить слезы.

Очередной правитель Ассирии, Ададнерари I, присвоивший себе титул «царя множеств», совершил два похода против этого давнишнего врага ассирийцев и в конечном итоге завоевал все митаннийские земли, от самых южных пограничных камней до самых северных. А когда митаннийцы, опираясь на поддержку хеттов и арамейских племен, попытались вернуть себе независимость, отцовское дело блистательно завершил Салмансар I, разбив союзные войска и (как он похвалялся в победной надписи) ослепив 14 400 пленных воинов.

После этого некогда могучее хурритское государство навсегда исчезло с лица земли, и началась длинная эпоха победоносных ассирийских походов, сопровождавшихся такими небывалыми зверствами, что им дивились даже привычные ко всему люди того жестокого времени.

Отныне по воле бога Ашшура ассирийцы будут ежегодно отправляться на войну так, как другие народы выходили на пахоту или на сев; они будут разрушать и грабить, ослеплять и угонять в плен, переселять на новые места целые племена и захватывать торговые пути уже не ради самой торговли, а ради сиюминутного грабежа, ради обогащения царя и военной знати. Покоренные Ассирией города и страны станут полагать себя счастливыми, если им удастся отделаться всего лишь тяжелой данью, — а сколько городов и селений ассирийцы начисто сотрут с лица земли, посыпав это место солью, чтобы сделать его бесплодным!

Жившие рядом с Ашшуром степные кочевники и горцы вскоре привыкли к ежегодным набегам своих соседей, насколько к этому вообще можно было привыкнуть. Каждое лето они собирали пожитки и заблаговременно угоняли скот и уводили семьи в степные пустоши или в горы, чтобы переждать там очередную опустошительную вылазку ашшурцев. Должно быть, эти люди относились к военным походам ассирийцев с тем же фатализмом, с каким египтяне относились к ежегодным разливам Нила. Однако между этими двумя регулярными событиями была существенная разница: разлившийся Нил оставлял после себя плодородную землю, а то, что оставляли за собой ассирийцы, могло заинтересовать лишь стервятников да гробовщиков.

Военные успехи Ададнерари и Салмансара I только разожгли аппетиты их потомков.

Сын Салмансара Тукульти-Нинурта I ознаменовал первый год своего царствования тем, что разбил 40 царей (и цариц) стран Наири, «кровью их наполнив ущелья и обрывы гор». Это было всего лишь легкой разминкой: вслед за тем царь прошел с огнем и мечом по Эламу, Мари и Северной Сирии, где захватил в плен 28 800 человек — и, конечно, обложил захваченные страны тяжелой данью. Апофеозом его воинских побед стал захват Вавилона, откуда, как вы помните, Тукульти-Нинурта увез золотую статую Мардука. Об этом походе придворные писцы сложили подобострастный эпос в духе «Гимна Шульги».

Вообще Тукульти-Нинурта во многом подражал знаменитому шумеро-аккадскому деспоту. Правда, повышенная скромность не позволила ему по примеру Шульги объявить себя живым богом, зато в новом городе Кар-Тукульти-Нинурта он построил себе роскошный дворец, где специальное святилище предназначалось для визитов к нему бога Ашшура. Надо сказать, что еще начиная с Ададнерари I Ашшур взял за правило каждый год по-дружески навещать ассирийских владык, и Тукульти-Нинурта тоже числился среди его любимцев. Конечно, приемы такого важного гостя требовали огромных средств, да и сам

царь привык жить на широкую ногу — оттого военной добычи ему вечно не хватало и его войско почти не сходило с марша.

Другие завоеватели попытались бы наладить регулярную эксплуатацию покоренных земель, но ассирийцы предпочитали попросту перехватывать сырье на важнейших торговых путях. Разбойникам всего мира издавна известно, что, засев с кистенем у дороги, можно обогатиться куда быстрее, чем вспахивая землю и дожидаясь, пока на ней что-нибудь созреет.

Что ж, вначале разбойничий способ неплохо себя оправдывал, но только до поры до времени — скоро Ассирия превратилась в эдакого огромного международного рэкетира, почти полностью парализовавшего месопотамско-переднеазиатские торговые пути.

Наконец обиженная самодержавными замашками Тукульти-Нинурты ашшурская знать составила против него заговор, и царю не помогло даже близкое знакомство с верховным богом: правитель был объявлен сумасшедшим, низложен и вскоре после этого убит.

Вслед за чем, как с горечью отмечают историки, для Ассирии началась полоса упадка. Применительно к данной стране это означает, что ее цари долгое время не совершали походов, в результате которых смогли бы «наполнить кровью врагов ущелья гор».

Зато вся остальная Месопотамия встретила упадок Ассирии глубоким вздохом облегчения — и дышала более-менее свободно до тех пор, пока на ассирийский престол не взошел Тукульти-апал-Эшшара I, известный также под именем Тиглатпаласар I.

Между двумя упадками

«Чтоб ты жил в эпоху перемен!» — гласит старинное китайское проклятье. Как раз на такую эпоху и пришлось царствование Тиглатпаласара I (1115 — 1077 гг. до н.э.).

Незадолго до этого нашествие «народов моря» смело с лица земли хеттское государство; по микенской Греции прошлись разрушительными волнами племена дорийцев; Египет в борьбе с «народами моря» истощил предпоследние силы; Вавилония пострадала от сокрушительного вторжения эламитов, — и теперь на руинах старого мира с трудом пытались выжить его чудом уцелевшие осколки, а также новые небольшие царства...

И вот на гребне этой кровавой неразберихи вознесся очередной «великий» ассирийский царь Тиглатпаласар I.

Его изображение с властно простертой рукой, указующей путь победоносному войску, осталось на гладко обтесанной скале западнее озера Ван как память об одном из его походов. Надо сказать, что именно с Тиглатпаласара I у царей Востока вошло в моду украшать своими изображениями и победными надписями скалы в разоренных ими странах. Помните скалу с изображением Дария, текст с которой копировал майор Раулинсон? Так вот, совсем так же, как наши с вами современники оставляют везде и всюду «шедевры», вроде «Здесь был Вася» или «Мика и Ося здесь были», ассирийские владыки (а впоследствии и перенявшие эту моду персидские цари) считали особым шиком испортить какое-нибудь возвышенное место в чужой стране своим профилем вместе с соответственной надписью. Дурные примеры заразительны — со временем с сильных мира сего начали брать пример простые смертные... Таким образом, Тиглатпаласар I стал родоначальником одной из самых живучих и вредоносных человеческих привычек.

Но в остальном этот царь строго следовал традициям своих предшественников: не воевал только тогда, когда охотился, и не охотился только тогда, когда воевал.

Тиглатпаласар I разбил 20-тысячную армию мушков, разгромил 60 царей страны Наири и их союзников, после чего (если верить его надписям) собственноручно гнал побежденных до самого Черного моря! В другом походе он завоевал Сирию, прошелся по финикийскому побережью, захватив там города Библ, Сидон, Арвад, и завершил свой

завоевательно-туристический поход круизом по Средиземному морю, где охотился на дельфинов. На обратном же пути, чтобы не расслабляться, совершил набег на Мелитену.

В таких вот приятных и полезных занятиях и проходила жизнь ассирийских царей... До тех пор, пока Ассирия из охотника сама не превратилась в добычу хлынувших на ее земли арамейских племен. Как ни странно, непрерывные войны не укрепили могущество страны, а наоборот, подорвали его, и на пару столетий вновь наступил благословенный упадок ассирийской державы.

Воспользовавшись им, можно посмотреть, кому молились и во что верили ассирийцы.

Да, кстати, еще о Тиглатпаласаре I! Помимо истребления людей и животных этот ассирийский царь с большим энтузиазмом занимался жертвоприношениями, молитвами и обустройством храмов — точно так же, как все его предшественники и последователи.

Ашшур — бог с голубиным хвостом

Сначала он считался всего лишь покровителем города Ашшура, но потом с этим богом произошло то же самое, что когда-то с вавилонским Мардуком: из городского патрона он превратился в главное божество ассирийской державы. Все ассирийцы называли себя его сыновьями, ему адресовались молитвы и гимны, он вышагивал впереди победоносных царей и принимал их письма-реляции, адресованные «Ашшуру в собственные руки».

А кем же были остальные ассирийские боги?

Вы их отлично знаете, вот они стоят поодаль, скромно потупив глаза: Энлиль, Ану, Адад, Эйя, Иштар и Нинурта... Верные своим привычкам, ассирийцы не только уволокли из Вавилона золотую статую Мардука, но и позаимствовали заодно весь тамошний пантеон, водрузив на его вершине своего любимого Ашшура.

Чем больше силы набирала ассирийская держава, тем нахальнее становился ее верховный бог: вскоре он бесцеремонно присвоил эпитеты Энлиля и его жену Нинлиль, отобрал у Ана почетную должность вершителя судеб, позаимствовал судейские функции Уту-Шамаша и оттеснил на задний план бога войны Нинурту. С куда большей натугой ему удавалось играть роль мудреца, взятую напрокат у Эйи; что же касается Мардука, тот пострадал больше всех. Поленившись придумать биографию своему верховному богу, ассирийские жрецы ничтоже сумняшеся просто взяли и переписали вавилонскую поэму «Энума элиш», механически заменив в ней (да и то, по небрежности, не везде) Мардука на Ашшура. Таким образом, сия многогранная личность оказалась еще и победителем Тиамат, создателем людей и всего мира.

Как же выглядел этот божественный гений-универсал? Чаще всего он изображался в виде воина с луком или в виде человека, ниже бюста которого красовался голубиный хвост, заключенный в колесо. Встречаются также стилизованные рисунки Ашшура в виде колеса с голубиными крыльями или в виде круга с голубиным хвостом.

Надо сказать, что голубь издавна почитался в Ассирии священной птицей. И в этом нет ничего удивительного, если вспомнить мнение австрийского этнолога Конрада Лоренца, который считал голубей одними из самых жестоких представителей животного мира. Свое мнение Лоренц проиллюстрировал довольно жутким примером: однажды он запер в одной клетке горлиц двух разных видов, надеясь, что птицы составят любящую пару. Когда же через некоторое время он заглянул в клетку, его глазам предстало страшное зрелище: кроткая горлинка восседала на растерзанном теле своего неудавшегося супруга, с остервенением долбя его клювом всякий раз, стоило тому сделать слабую попытку пошевелиться...

Примерно так же обращались со своими поверженными врагами и почитатели Ашшура — бога из семейства голубиных.

Кроме него ассирийцы молились Ану, Нергалу, Иштар (причем последняя считалась у них то дочерью, то женой Ашшура, раздвоившись к тому же на Иштар Ниневийскую и Иштар Арбельскую), а еще Ададу. Плох был ассирийский царь, который не сравнивал свои деяния с разрушительными деяниями бога грозы! Шумерская традиция изображала Адада с кинжалом-молнией в руке, хеттская — с двойной секирой; впечатлительные ассирийцы переняли обе традиции.

Впечатлительность заставила их также перенять многие суеверия вавилонян. В ассирийских домах, как и в вавилонских, было полным-полно амулетов и фигурок богов для защиты от злых духов: над дверями и на террасах обычно вывешивалось изображение демона юго-восточного ветра, под порогом зарывалась статуэтка Нергала, у двери ставились на страже фигурки Эйи и Мардука. В уплату за охрану дважды в день богам выставляли в угол еду и чаши с напитками.

Не реже, чем вавилоняне, ассирийцы прибегали к гаданиям. Гадали по любому поводу и самыми разными способами: по полету птиц, по колебанию пламени светильника, по печени овцы; составляли астрологические гороскопы. Зато практическая медицина в Ассирии со временем совсем сошла на нет, даже при царском дворе болезни лечили только жрецы-заклинатели, используя шумерские тексты, восходящие едва ли не к допотопным временам.

Заимствованная религия, украденная космогония, списанная с шумеро-аккадско-вавилонских образцов литература, изготовленные в подражание финикийцам ремесленные изделия, заимствованная у хеттов архитектура — да было ли у ассирийцев что-нибудь свое?!

Еще как было! Кое в чем почитатели голубиного бога Ашшура воистину не знали себе равных, а именно — в военном деле.

Наука побеждать

Если верить официальным данным, в IX веке до н.э. численность ассирийской армии достигла немыслимой по тем временам цифры в 120 000 человек. Но даже если это, приводящее в оторопь число сильно завышено, нет сомнения, что Ассирия и впрямь располагала огромными людскими воинскими ресурсами, ведь в случае опасности в ополчение могли быть призваны все мужчины, способные держать копье. Однако секрет непобедимости сынов Ашшура заключался отнюдь не только в численности ратников. Нет, за три тысячелетия до рождения Суворова им уже хорошо была знакома наука побеждать, воюя не числом, а уменьем.

На всех, имевших несчастье лицезреть ассирийское войско вблизи, производила огромное впечатление его небывалая по тем временам организация: тяжелая пехота, превосходно обученная и столь же превосходно вооруженная, сражалась в тесном взаимодействии с легкой пехотой и конницей. Наряду с боевыми колесницами в IX веке до н.э. впервые стали применяться отряды кавалеристов, сидящих на неоседланных лошадях (седло и стремя появились позже). Специальные саперно-инженерные части умело наводили переправы, обеспечивая молниеносное продвижение войска вперед; при необходимости воины переправлялись через реки на надутых бурдюках. Ассирийцы отлично умели как строить собственные крепости, так и разрушать укрепления противника, и нигде так широко, как в армии Ассирии, не применялось железное оружие. Дисциплина в войсках тоже была железной.

И эта отлично отрегулированная военная машина попала в хорошие руки, когда в 883 году до н.э. на престол вступил Ашшурнасирапал II.

За 25 лет своего царствования Ашшурнасирапал II совершил девять походов и уже в первых из них показал, на что он способен. Его армия прошлась по цветущим землям

Месопотамии и Сирии, как саранча, неся с собой запустение и смерть. Над побежденными ассирийцы учиняли самые дикие расправы: сжигали людей живьем, сдирали с них кожу, выкалывали глаза, сажали на кол, громоздили пирамиды из связанных пленников, обрекая их тем самым на медленную мучительную смерть.

Где бы ни появлялся Ашшурнасирапал II, повсюду он наводил такой террор, что в его последнем, девятом походе все царьки северного сирийского союза поспешили сдаться ему без боя, купив себе жизнь богатыми дарами. Тир, Сидон, Библ, Арвад, Каркемиш пали ниц перед свирепым ассирийским владыкой, или, как тогда говорили, «расплющили перед ним нос».

Следуя старой фамильной традиции, Ашшурнасирапал повелел высечь свое изображение у реки Субнат рядом с изображениями Тиглатпаласара I и Тукульти-нинурты II, а по окончании последнего похода почтил себя, любимого, стелой у реки Нахр-эль-Кельб рядом с рельефами египетского фараона. На стеле красовалась хвастливая надпись с длинным перечнем награбленного царем добра: серебра, золота, меди, свинца, древесины — и с перечислением покорившихся ему городов: Тира, Сидона, Библа, Махаллата, Маиса, Амурри, Кайца, Арада...

Однако Дамаск в надписи не упоминается. Этот сильный и независимый город не «расплющил нос» перед завоевателями, больше того, он посмел организовать сопротивление ассирийской агрессии и попортил немало крови Салмансару III — достойному наследнику своего кровожадного отца.

Дамасские перипетии Салмансара III

За 34 года царствования Салмансар III совершил 34 военных похода. Он был бы и рад совершить больше, но ассирийцы традиционно отправлялись на войну только раз

в году — чтобы успеть вернуться домой перед открытием нового военного сезона.

Салмансар III успешно сражался, грабил, пытал и казнил по всей Сирии, но почему-то его самоотверженные усилия по наведению террора не дали ожидаемых результатов. Наоборот: чем сильнее лютовали ассирийцы, тем сильнее их ненавидели покоренные народы. Вместо того, чтобы раз и навсегда покорно лечь под ноги непобедимым завоевателям, люди вновь и вновь осмеливались бунтовать, и ассирийским владыкам то и дело приходилось отвлекаться от захвата новых территорий, чтобы удерживать в повиновении старые. Конечно, восставших ждали самые зверские пытки и казни, но это почему-то не удерживало других от мятежей. Больше того! Перед лицом ассирийской угрозы бывшие соперники становились союзниками, старинные враги забывали все прежние распри и объединялись для борьбы с общим страшным врагом.

Сопротивление возглавил Дамаск; кроме него в южный сирийский союз вошли десять государств Сирии, Палестины, Финикии и Киликии; их поддержали арабы и даже египтяне, понимавшие, что рано или поздно жадные руки ассирийцев дотянутся и до них.

В 853 г до н.э. в битве у Каркара сошлись войска Салмансара III и объединенные силы разномастных союзников. Что там произошло — есть тайна, покрытая мраком. В надписи на монолите в Тушхане на верхнем Тигре ассирийский владыка безудержно хвастает своей великой победой:

> «С помощью высокой силы, данной Ашшуром, и могучего оружия, дарованного Нергалом, моим предводителем, я с ними сразился, нанес им поражение от Каркары до Гильзау, поверг оружием 14 000 их бойцов, излил над ними свой ливень, подобно Ададу, разбросал их трупы, многочисленным воинством их наполнил пространство пустыни, оружием пролил их кровь... Прежде чем вернуться, я достиг реки Оронта; в этом бою я отнял у них колесницы, конников, упряжных коней»[108].

Однако, судя по тому, как поспешно убрались завоеватели из Сирии, победа Салмансара III была сродни мнимой «победе» Рамсеса II в битве при Кадеше.

Целых восемь лет после этого ассирийский царь разряжал энергию в других краях, но в 845 году до н.э. рискнул совершить новый поход против южносирийского союза — и опять потерпел неудачу. И только на третий раз, воспользовавшись раздорами среди союзников, Салмансар III сумел разбить дамасские войска, хотя сам Дамаск так и не взял. Зато царь отвел душу, разрушив, спалив и изничтожив все и вся вокруг непокорного города и захватив бессчетную добычу.

Сокровищницы царских дворцов в Ашшуре стали тесны для награбленного добра еще при Ашшурнасирапале II, поэтому в городе Кальхе был им выстроен новый просторный дворец. Туда же возвращался из своих походов и Салмансар III, чтобы помолиться, понаблюдать за строительством зиккурата, начатым еще при его отце, принести жертвы богам и пополнить и без того набитые доверху сокровищницы.

По ассирийским законам вся военная добыча, до последней крупинки золота, принадлежала лично царю, а тот уже распределял награды среди своих воинов в соответствии с боевыми заслугами каждого. Заслуги определялись очень просто — по числу отрубленных вражеских голов.

Как город Ашшур в свое время богател за счет транзитной торговли, так Кальха процветала за счет сбыта военных трофеев. В этот город со всего света текли награбленные богатства и съезжались купцы, которые уже тогда твердо знали: деньги не пахнут. Война для многих была прибыльным делом, и даже те ассирийцы, что зарабатывали себе на жизнь копьем, отнюдь не утратили инстинкта торговцев. Некоторые из них предпочитали пускать трофеи в оборот, другие обменивали их на звонкий металл и клали золото и серебро на хранение в крупные банкирские дома — в общем, деловая жизнь в Кальхе била ключом. Там процветали посредники и ростовщики, кишмя

кишели иноземные торговцы, которые скупали слегка попорченное кровью платье, серьги и кольца, сорванные с убитых женщин... Такого добра здесь всегда было вдоволь и по дешевке!

Быть может, вернувшись домой с большим барышом, эти купцы застанут свой собственный город во власти ассирийских войск и вся их прибыль уйдет обратно в Кальху как часть военной добычи... Но пока этого не произошло, к чему волноваться?

Как ни странно, в самой Ассирии находились люди, недовольные подобным положением дел, — в основном, представители жречества и зажиточные горожане. Они почему-то считали, что гораздо больше выгод им принесла бы спокойная жизнь без постоянных, истощающих страну войн, и того же мнения придерживались многие земледельцы.

Когда в конце правления Салмансара III его старший сын, Ашшурданинаплу, поднял восстание, мятежного принца поддержали двадцать семь городов царства — практически вся «старая Ассирия» за исключением Кальхи. Неизвестно, как пошла бы мировая история дальше, если бы восстание увенчалось успехом, но после двухлетних смут власть в стране захватил другой сын царя, Шамшиадад V, — ярый сторонник партии войны.

Этот государь старательно продолжал отцовское дело, воюя с каждым встречным и поперечным, но вошел в историю не столько благодаря своим победам, сколько благодаря легенде, связанной с именем его жены — Шаммурамат, или Семирамиды.

Семирамида и другие женщины Ассирии

Легенду о Семирамиде сочинили мидийцы, а впоследствии подхватили и всячески изукрасили греки — лучшие мастера по части исторической фэнтези. Поэтому в истории об ассирийской царице выдумка громоздится на

выдумку; что же касается самих ассирийцев, у них гораздо лучше получалось громоздить пирамиды из отрезанных голов.

Вот один из вариантов легенды.

В каменистой бесплодной пустоши близ Асколона сирийская богиня плодородия Деркето родила и бросила дочь. Малютку заботливо вскормили голуби, а потом подобрали пастухи и назвали Семирамидой, что означает (по утверждению александрийского филолога Гесихия) «горная голубка». Дочь богини выросла девушкой такой неслыханной красоты, что в юную пастушку без памяти влюбился сирийский царь Оанис и женился на ней. Но вскоре грозный ассирийский владыка Нин, строитель Ниневии, властитель множества покоренных им стран, послал своего данника Оаниса на войну. Семирамида переоделась воином и последовала за мужем. На войне она выказала такие чудеса храбрости, что Нин тут же отобрал ее у законного супруга, который с горя покончил с собой. Ассирийский царь не только женился на Семирамиде, он назначил ее своей преемницей.

Овдовев, царица не ударила лицом в грязь. Она покорила Египет, Эфиопию, Ливию, выстроила Вавилон с его удивительными висячими садами, проложила сквозь горы дорогу в Мидию, построила мидийскую столицу Экбатану...

Потом Семирамида отправилась завоевывать Индию, но потерпела поражение от индийской армии и вернулась ни с чем. По возвращении царица узнала, что ее сын Ниний составил против нее заговор — тогда она добровольно передала сыну власть, а сама превратилась в голубку и улетела со стаей голубей.

Именно после этого (полагали мидийцы и греки) голуби и стали считаться у ассирийцев священными птицами, а саму Семирамиду ее соотечественники почитали как богиню.

Есть и другой вариант легенды.

Когда молва о красоте дочери Деркето дошла до ассирийского царя, тот пригласил Семирамиду к своему дво-

ру. Гостья явилась, вконец очаровала правителя и охотно разделила с ним ложе, но в награду попросила позволить ей поцарствовать всего три дня. Разрешение было дано, и, как только новоявленная властительница села на трон, она немедленно приказала казнить бывшего владыку и стала править сама. Семирамида домогалась любви многих царей, а тех из них, кто ее отвергал, разбивала в кровопролитных сражениях. Но и мужчины, уступавшие ее домогательствам, кончали печально: пыл царицы быстро угасал, и она предавала бывших любовников казни. Должно быть, Семирамида слишком долго держала в руках бразды правления, оттого сын задумал ее убить; но царица превратилась в голубку и упорхнула из дворца — прямиком в бессмертие.

Одно время считалось, что все истории об ассирийской правительнице — выдумки чистейшей воды. Однако теперь большинство исследователей склонны видеть в легенде о Семирамиде воспоминания о жене Шамшиадада V Шаммурамат, которая правила после смерти мужа в годы малолетства его наследника Ададнерари III.

Эта женщина, конечно, не питалась в младенчестве птичьим молоком, не ходила завоевывать Индию и не имела никакого отношения к висячим садам Вавилона. И все же она была уникумом в многовековой истории Ассирии. Единовластно править в стране, где с женщинами зачастую обращались хуже, чем со скотом, — такое не удавалось ни одной царице ни до, ни после Шаммурамат.

Женщины Ассирии, даже жены и наложницы царей, всегда считались собственностью мужчин, к тому же собственностью не из самых ценных. Ни в патриархальном Вавилоне, ни в хеттской державе, ни в хурритских государствах — ни в одной из стран Древнего Востока не существовало столь беспредельно свирепых законов, направленных против женщин, какие существовали в Ассирии. Читая среднеассирийский судебник, прослезился бы от радости любой средневековый инквизитор, одержимый навязчивой идеей, что женщина — сосуд греха и зла.

Согласно законам, запечатленным на глиняных табличках во II тыс. до н.э., муж имел право по любому поводу (и без оного) бить и увечить свою жену; за самые незначительные проступки провинившейся отрезали нос и уши, обливали ее смолой, до полусмерти избивали палками. Ни до, ни после замужества женщина не имела своего имущества и ни под каким видом не могла требовать от мужа развода. Кстати, в Вавилоне законы Хаммурапи предусматривали развод по желанию жены, причем, уходя к отцу, она забирала с собой приданое. Но в Ассирии женщину от мужа освобождала только смерть; если же супруга убегала из дома (что, по-видимому, случалось довольно часто), беглянке полагалось отрезать уши; кроме того отрезали уши жене того, кто осмелился ее укрыть... Жене, но не самому укрывателю!

Вне дома так называемые «свободные» женщины обязаны были закрывать лицо. Но ни храмовые блудницы, ни проститутки, ни рабыни не имели на это права; если же кто-либо видел на улице рабыню под покрывалом и не доносил о подобном безобразии, ему давали 50 ударов палкой, просверливали уши, продергивали в них веревку и завязывали сзади. Исправному же доносчику доставалась одежда нарушительницы, после чего ей... Вы правильно догадались — ей отрезали уши.

Ассирийские законы предусматривали лютые кары чуть ли не за все «половые преступления» женщин, причем преступления эти обозначались такими смачными словами, какие хетты считали возможным употреблять только по отношению к рабыням, а вавилоняне не употребляли вообще. Но в то же время изнасилование незамужней девушки, каравшееся смертью по законам Хаммурапи, в Ассирии наказывалось всего лишь уплатой тройного брачного выкупа отцу пострадавшей, после чего насильник обязан был в принудительном порядке жениться на своей жертве. Если он, к несчастью, оказывался уже женат, отец пострадавшей отдавал на поругание его жену, после чего забирал ее к себе в дом в качестве рабыни. Что ж, этому закону не откажешь в логике и справедливости

(в *ассирийских* логике и справедливости!): порча одной собственности возмещалась приобретением другой.

Изощряясь в выдумывании всевозможных наказаний для женщин, посвятив этому 58 параграфов, ревностный составитель среднеассирийских законов все же боялся — не упустил ли он чего-нибудь? Поэтому последний, пятьдесят девятый параграф на всякий случай содержит оговорку:

> «Кроме наказаний (жене человека, написанных) на (этой) таблетке, человек может свою жену (бить), выщипывать ей (волосы), бить по у(шам) и ко(лотить), вины его (в том) нет»[109].

Жаль, очень жаль, что таблички со среднеассирийскими законами были обнаружены сравнительно недавно. Каким неоценимым подспорьем они могли бы послужить для авторов средневекового бестселлера «Молот ведьм»! Например, трюк с продергиванием веревки сквозь просверленные уши не пришел в голову даже Шпренгеру и Инститорису — а ведь он наверняка был бы оценен по достоинству этими составителями наипопулярнейшего пособия по пыточному делу!

Тиглатпаласар III и его реформы

На промежуток между царствованиями Шаммурамат и Тиглатпаласара III пришелся очередной упадок Ассирии. Вновь и вновь державу сотрясали восстания, тогда как внутри «старой страны» не прекращалась борьба между сторонниками мира и теми, кто по-прежнему не мыслил своего обогащения без войны.

Пришедший к власти в 744 году до н.э. Тиглатпаласар III решительно покончил со всеми этими глупостями.

Он реорганизовал армию, сделав ее регулярной, и напомнил разболтавшимся за последние сто лет народам,

что лучше наступить на ногу богу войны, чем попасться ему на глаза! Тиглатпаласар III разгромил горное царство Урарту, подчинил множество сирийских и финикийских городов, покорил Израильское царство и — увы! — все-таки взял Дамаск, по старой памяти попытавшийся было создать антиассирийскую коалицию...

В 729 году до н.э. ассирийский царь захватил Вавилон; однако огромный международный авторитет знаменитого города уберег его от печальной участи других завоеванных стран. Вавилонянам оставили их законы (надо думать, к огромному облегчению тамошних женщин!) и их управленческую структуру. Только через три года, после смерти вавилонского царя Набонасара, Тиглатпаласар III объявил себя царем Вавилона, короновавшись под скромным «сценическим» псевдонимом Пулу.

В результате всех этих победоносных походов Тиглатпаласар-Пулу вернул Ассирии потерянные его предшественниками земли, отдав их под управление областеначальников[110], которых назначал из числа евнухов. Таким оригинальным образом царь обезопасил себя от конкуренции: теперь он мог не опасаться, что кто-нибудь из местных правителей захочет основать новую династию.

Но Тиглатпаласару III предстояло решить и куда более трудную проблему, извечную парадоксальную проблему Ассирии: с одной стороны, войны вели к обогащению победителей, но, с другой стороны, приводили к обнищанию всей страны в целом. Стало ясно, что если могучая ассирийская армия и дальше будет оставлять за собой опустошенные, обезлюдевшие земли, никаких награбленных богатств не хватит, чтобы прокормить население страны. Если же в порядке смелого эксперимента не сажать пленников на кол, а заставлять трудиться на полях — сколько тогда надзирателей-ассирийцев понадобится, чтобы присматривать за такой ордой? Эдак некому станет и воевать!

Тиглатпаласар III решил головоломную задачу гениально просто, почти так же, как впоследствии библей-

ский бог решил проблему с вавилонской башней. Чтобы обуздать заносчивых смертных, задумавших взобраться на небеса, Саваоф перемешал их языки — ассирийский же царь начал перемешивать разноязычные народы, чтобы уменьшить возможность бунта. Ассирийцы и раньше угоняли пленников из покоренных стран, но в основном это были искусные ремесленники — теперь же людей начали уводить с родных земель десятками, порой сотнями тысяч! Всех угнанных селили в чужих краях маленькими группами, иногда даже отдельными семьями, стараясь перемешать на одной территории как можно больше разноязычных племен. Тем самым получалось неплохое подобие вавилонского столпотворения и уменьшалась опасность сговора и восстания. На освободившиеся же после массовой депортации земли пригоняли бедолаг из других краев...

Такие переселенцы назывались «людьми Ассирии», но, по сути дела, были бесправными рабами — государственными или частными. И все же они трудились старательнее обычных рабов, ведь все, что они производили сверх положенного, шло на прокормление их семей.

Замечательно придумано, не правда ли? Сразу столько проблем с плеч долой!

Да, Тиглатпаласар III был, несомненно, талантливым администратором и политиком, но его сын Салмансар V не обладал политическим чутьем отца.

Он тоже воевал, переселял, урезал в правах местных чиновников и, следуя папиному примеру, воцарился в Вавилоне под кокетливым псевдонимом Улулай; однако у него отсутствовало отцовское чувство меры. Салмансар V задумал лишить традицинных налоговых и воинских привилегий старинные города Ашшур, Ниппур, Вавилон, Сиппар — и тем самым перегнул палку.

Результат не замедлил сказаться: беднягу обвинили в головокружении от успехов, свергли и заменили сводным братом, который, придя к власти благодаря дворцовому перевороту, немедленно принял имя «Шаррукен» (Саргон)[111].

«Истинный царь» номер два

Саргон II считается одним из самых блестящих царей Ассирии, но, несмотря на это — вернее, как раз поэтому — я хочу ограничиться только беглым обзором его многочисленных успехов.

Итак, Саргон начал свое царствование с того, что взял Самарию, разгромил Израиль и переселил оттуда 27 280 человек в Мидию, Месопотамию и Ассирию. Чтобы Израиль не пустовал, «истинный царь» заселил его жителями Нижней Месопотамии.

Затем он слегка поразмялся, завоевывая одно за другим небольшие сирийские царства — и наконец всей мощью своего войска обрушился на недобитое его отцом горное царство Урарту[112].

Разгромив и разграбив все города, до которых позволила добраться альпинистская сноровка ассирийских воинов, Саргон II утащил оттуда помимо прочей добычи даже статуи богов.

Царь Урарту Руса покончил жизнь самоубийством, а его победитель радостно отрапортовал о своих подвигах Ашшуру:

> «Ашшуру, отцу богов, великому владыке, обитающему в Эхурсаггалькуркурре, его великом храме, большой, большой привет! <...>У Саргона, светлого жреца, раба, почитающего твою великую божественность, и в его лагере (все обстоит) очень и очень благополучно. <...>Добром дворца Урзаны и Халди и многочисленным его богатством, которое я награбил в Мусасире, я навьючил свои многочисленные войска во всем их обилии и заставил тащить в Ассирию. <...>По всей стране Урарту, целиком, я распространил горесть; на веки веков я разлил плач над Наири. <...>По Урарту, Зикиртэ, Маннае, Наири и Мусасиру я победно прошел, точно оскаленный пес, распространяющий ужас, и не видел покоя. <...>Я целиком покорил 430 поселений 7 областей Русы Урартского и опустошил его страну.[113]»

Отдохнув в легкой карательной прогулке по землям мидийцев, Саргон II обратил задумчивый взор на Вавилон. Дело в том, что, воспользовавшись свержением Салмансара V, власть там захватил халдей Мардук-апал-иддин. Пора было кончать с этим безобразием! И ассирийский владыка решительно с ним покончил, разбив войска халдея и вынудив его спасаться бегством. То, что Мардук-апал-иддину все же удалось удрать, потом дорого обошлось преемнику Саргона II — Синаххерибу...

А пока что Саргон II перешел от политики кнута к политике пряника: он вернул старым городам отобранные его братом льготы и даже даровал таковые девяти другим городам Вавилонии.

Еще со времен правления Ададнерари V, сына Семирамиды, в Ассирии стала быстро распространяться вавилонская культура; «истинный царь» всячески подчеркивал свое уважение к вавилонским богам (и жрецам) и привлек последних на свою сторону приумножением их привилегий. Поэтому при вступлении в Вавилон ему была оказана (его сторонниками, разумеется) пышная встреча как «освободителю».

Саргон II расширил ассирийскую державу до гор Загроса на востоке, Персидского залива на юге и почти до границ Египта на севере (крошечным буфером между Ассирией и Египтом оставалось Иудейское царство) и под конец жизни столкнулся с той же проблемой, что и Ашшурнасирапал II: прежний дворец в Кальхе стал тесноват для его богатств.

Поэтому царь построил себе роскошный дворец в новом городе Дур-Шаррукине — в том самом, который впоследствии раскопал Ботта, — однако успел прожить там совсем немного. Вскоре Саргон II погиб во время похода на Табал, а его сын Синаххериб перенес столицу в Ниневию. При нем Ниневия и стала тем городом, каким она упоминается в Библии — проклятым логовищем львов.

Мардук-апал-иддин против Синаххериба

Вы, конечно, не забыли Синаххериба Бесноватого — вдохновенного уничтожителя Вавилона; эта личность относится к числу незабываемых исторических фигур.

Хотя в свое время Саргон II женил своего сына на знатной вавилонянке, отношения с вавилонянами не заладились у Синаххериба с самого начала. Он всегда являлся ярым приверженцем партии войны и не собирался цацкаться с Вавилоном так, как цацкались его отец и дядя. Объявлять себя тамошним царем? Вот еще, слишком много чести!

И Синаххериб медлил со своей коронацией в Вавилоне до тех пор, пока его не опередил Мардук-апал-иддин. Этот неугомонный халдей, заручившись поддержкой Элама, вновь воцарился в желанном Вавилоне, откуда его изгнал было Саргон II, и процарствовал там целых полгода. Тут до Синаххериба наконец-то дошло, что происходит. Да, он вовсе не собирался становиться вавилонским царем... Но позволить сделать это кому-то другому?!

Оскорбленный в лучших чувствах ассирийский владыка обрушился на Мардук-апал-иддина и его эламского союзника, наголову разбил их войска и вывез из Вавилона (а также из разграбленных заодно городов Халдеи) огромную добычу. Однако в числе 208 тысяч пленников не оказалось самого главного — бесстыжего вавилонского царя! Мардук-апал-иддин сумел бежать в свои родовые земли на берегу Персидского залива, откуда начал подбивать всех и каждого на восстание против Ассирии.

Думаете, Синаххериб учел прошлые ошибки и поспешил занять освободившийся вавилонский трон? Ничуть не бывало! Вместо себя он предпочел короновать некоего Белибни — знатного вавилонянина, выращенного в питомнике для марионеток при ассирийском дворе.

Царь только-только успел отдохнуть после карательного рейда по Халдее, как из искры, старательно раздуваемой Мардук-апал-иддином, возгорелось пламя: восстали финикийские, филистимлянские и палестинские города; их

поддержали Египет и арабские бедуины. Синаххерибу пришлось сломя голову носиться туда-сюда, заново покоряя непокорных, воюя с египтянами, осаждая Тир и Иерусалим... А пока он этим занимался, опять заволновался Вавилон.

Скрежеща зубами от ярости, Синаххериб снова захватил проклятый город и на этот раз возвел на тамошний престол своего старшего сына Ашшурнадиншума.

Теперь пора было навсегда покончить со смутьяном Мардук-апал-иддином! И царь повел войска в Приморье, изничтожая все и вся на своем пути. Казалось, песенка зловредного халдея спета, однако не тут-то было: Мардук-апал-иддин не стал дожидаться прибытия ассирийского владыки, чтобы лично его поприветствовать; он погрузил отряд воинов и даже статуи богов на корабли и отбыл к побережью Элама. Там беглеца приветил его союзник, эламский царь, и пожаловал ему город Нагиту, лежащий на островке посреди Персидского залива, а Синаххерибу пришлось довольствоваться пленением оставшихся на берегу халдеев. Какое жалкое утешение!

Целых шесть лет после этого Синаххериб Бесноватый пытался успокоить нервы, усмиряя постоянно возникавшие здесь и там беспорядки... Но мысль о том, что проклятый халдей злорадно хихикает, считая себя в безопасности на дарованном ему островке, заставляла ассирийского царя беснoваться все больше и больше. И наконец он решил во что бы то ни стало добраться до Мардук-апал-иддина.

— Кто сказал, что это невозможно — сажать таких маловеров на кол! Ах, у Ассирии нет флота? Значит, у нее будет флот!

И вот по приказу царя финикийские пленники начали строить суда сразу в двух корабельных мастерских: на Евфрате и на Тигре. Во главе большой эскадры, с экипажем из финикийцев и греков-киприотов, Синаххериб дерзновенно вышел в море — первым из ассирийских царей (если не считать легкого круиза Тиглатпаласара I четыреста с лишним лет назад).

А теперь представьте себе все разочарование и всю ярость царственного яхтсмена, когда после таких колос-

сальных трудов и затрат, после передряг на берегу Персидского залива, где прилив затопил его лагерь, после осады и взятия Нагиты обнаружилось, что проклятый Мардук-апал-иддин вновь от него ускользнул! Дальнейшие следы неуловимого мстителя теряются в неведомом — одни говорят, что он назло Синаххерибу умер еще до прибытия ассирийской эскадры, другие считают, что он опять ухитрился сбежать и окончил свои дни где-то в изгнании...

Как бы там ни было, халдей не попал в руки злейшего врага, и бедняга Синаххериб после этого окончательно потерял способность мыслить здраво. К тому же все вокруг как будто сговорились лишить его последних остатков терпения!

В Вавилонию вторглись эламиты, и — неслыханное дело! — проклятые вавилоняне встретили своих старинных врагов чуть ли не с распростертыми объятьями. Наверняка они поступили так назло ему, великому ассирийскому владыке! Сын Синаххериба попал в эламский плен, а вместо него на вавилонский трон забрался еще один халдей, имя которого даже чем-то напоминало имя его мерзопакостного соотечественника — Мушезиб-Мардук. Нет, это было просто какое-то наваждение!

Решив раз и навсегда доказать мятежным вавилонянам, кто в их городе главный, Синаххериб двинул туда свои войска, и в 691 году до н.э. около устья Диялы сошлись в кровопролитной битве две огромные армии: ассирийская и союзная вавилоно-халдейско-эламская...

...А теперь самое время отвлечься от подвигов ассирийского царя и, стоя на заваленном трупами поле близ Халулы, поговорить о культуре Ассирии.

Культура Ассирии

Приходится с прискорбием признать: большинство культурных достижений ассирийцев были заимствованы ими (чтобы не сказать награблены) у других народов. Пожалуй, сынам Ашшура удалось создать лишь один

самобытный жанр, а именно — царские анналы. Пусть репортажи о подвигах царей писались на вавилонском языке, только с незначительными местными диалектизмами, зато в них авторам удавалось достичь подлинных высот красноречия. Эти литературные подвиги тем более достойны восхищения, что герой подобных произведений всегда был один и тот же — *Великий Царь*, свершения которого зачастую напоминали свершения разбойника с большой дороги.

Но вернемся к сражению войск Синаххериба с войсками строптивого Вавилона. После битвы при Халуле, как это частенько бывает, каждая из сторон приписала победу себе; и вот как рисует бой (от имени Синаххериба) ассирийский летописец:

«Подобно тому, как налетает саранча, они спешили мне навстречу — сразиться со мною. Пыль от ног их поднималась передо мной: так могучая буря застилает широкий лик небес чреватыми дождем тучами. Близ города Халула, на берегу Тигра, они выстроились в боевом порядке и сделали перекличку своим войскам. Я же молился богам Ашшуру, Сину, Шамашу, Бэлу, Набу и Нергалу, Иштар Ниневийской и Иштар Арбельской, моим небесным хранителям, да даруют они мне победу над сильным врагом. В добрый час они вняли моим мольбам и пришли мне на помощь. Подобный разъяренному льву, я облекся в броню, шлемом — боевым украшением — я покрыл свою голову. На мою высокую колесницу, сметающую с пути моего врагов, я поспешно вскочил в пылу гнева сердца моего. Могучий лук схватил я, данный мне Ашшуром, и палицу мою грозную, всесокрушающую. Я устремился против всех бунтовщиков словно буйный лев; я гремел, подобно Ададу. По велению Ашшура, великого владыки, господа моего, я носился против врага из конца в конец поля, подобно шумному грозовому ливню. Оружием, данным мне Ашшуром, господом моим, и страшным моим напором я вселил ужас в сердце врагов и нагнал на них страх великий. Палицей моей и стрелами я редил их строй, и трупы их, словно снопы, ложились передо мной по земле.

Хумбанундаша, воеводу царя эламского ... мужа высокого звания и редкого разума, вместе со многими знатными вождями — у всех за поясом золотые кинжалы, а на руках запястья из чистого золота, — я увел, как связанных дюжих быков, и пресек их жизнь: перерезал им горло, как ягнятам ... подобно свирепой буре, я раскидал по полю их стяги и шатры, изорванными в лоскутья. Благородные кони, запряженные в мою колесницу, шагали по лужам крови ... дышло и колеса моей боевой колесницы были забрызганы кровью, и перед нею сторонились и исчезали всякие преграды. Равнина вместо травы покрылась трупами врагов. В виде победных доспехов я отрезал у них руки и снимал с них запястья из блестящего золота и серебра; палицей я разбивал их вооружение; золотые и серебряные кинжалы я вырывал из-за поясов их. Остальные вельможи ... были захвачены живыми среди битвы моей собственной рукой. Много колесниц я забрал на поле боя; сражавшиеся с них воины попадали с них; возницы тоже исчезли, и кони мчались наудачу. Я снарядил погоню и приказал резать беглецов на протяжении двух казабу. Самого Умман-Менана, царя эламского, вместе с царем вавилонским и его союзниками из земли Калду яростный напор моих войск разбил вконец. Они покинули свои шатры и, спасая жизнь, бежали; они топтали трупы собственных воинов, метались боязливо и быстро, как молодые ласточки, спугнутые с гнезда ... Я гнался за ними в колеснице, за мною скакала конница. Беглецов же, которые разбрелись во все стороны, закалывали копьями, где бы ни настигали их...»[114]

Помимо анналов самыми впечатляющими произведениями ассирийцев были барельефы и росписи, украшавшие царские дворцы[115]; правда, и тут сказалось их весьма своеобразное представление о прекрасном.

Прихвастнуть своей воинской и охотничьей доблестью, богатой данью и покорностью соседних стран любили все древние (да и позднейшие) правители. Но никто, кроме ассирийских царей, не приказывал испещрять стены своих покоев такими натуралистически-красочными изображениями мучительных пыток и казней.

Царский дворец на Крите украшали рисунки прекрасных женщин и игр с быками; амарнские залы были расписаны под живую природу; даже фрески в мегаронах воинственных ахейских владык запечатлели не только охоту и войну, но и изящных девушек, пейзажи, играющих на лирах музыкантов...

Но ассирийских царей по возвращении домой из военных походов окружали все те же привычные, милые сердцу картины: сдирание кожи с пленных, отрубание рук и ног, выдавливание глаз, осада крепостей — и вереницы униженных, запуганных данников, спешащих к победителю с богатыми дарами... А потом снова — сажание на кол, сожжение живьем, угон в плен, четвертование... Иногда на стенах дворцовых залов изображались и бытовые сценки, однако куда чаще и ярче живописалась охота, причем со всеми подробностями мучительной агонии зверя. Кровь, потоками хлещущая из пасти смертельно раненного льва, волочащая парализованные задние ноги львица, утыканные стрелами газели, бьющиеся в предсмертных судорогах онагры — вот что доставляло удовольствие царственным заказчикам тех, несомненно, талантливых художников, которые трудились над украшением ассирийских дворцов.

К образцам ассирийской культуры принято причислять еще знаменитый «Роман об Ахикаре»: в нем сановник Ахикар засыпает своего непутевого приемного сына десятками занудных поучений и советов, завершая длинную лекцию по морали и этике известной поговоркой: «Кто роет другому яму, сам в нее попадет».

Именно это в конце концов и произошло с Ассирией: она сама угодила в яму, которую так долго и трудолюбиво рыла для других народов.

Начало конца

На следующий год после битвы при Халуле Синаххериб решил раз и навсегда расправиться с городом, где прожи-

вала его теща, и, как вы уже знаете, вложил в разрушение Вавилона всю душу. Вы также знаете, что сын Бесноватого от вавилонянки, Асархаддон, погубил отцовское дело, заново отстроив Вавилон.

Асархаддон одержал ряд впечатляющих побед, покорил мятежный Сидон, обложил данью Египет и объявил себя «царем Нижнего и Верхнего Египта и Эфиопии».

Но закат ассирийской державы приближался.

После смерти Асархаддона царем стал его младший сын Ашшурбанипал, которого принято считать самым образованным из ассирийских владык. Сам он рисует себя чуть ли не голубем-миротворцем с оливковой ветвью в клюве. В известном смысле он и был голубем — таким, какими эти птицы описаны у Конрада Лоренца. Правда, из-за слабого здоровья Ашшурбанипал редко участвовал в военных походах, зато с превеликим удовольствием самолично пытал и казнил пленных и беспощадно расправлялся со своими врагами.

Однако вошел он в историю не благодаря этим качествам (обычным для ассирийских царей), не благодаря длительной осаде Вавилона[116], доведшей вавилонян до людоедства (мало кто из его предшественников не осаждал Вавилон) и не благодаря расправе над Эламом, после которой эта страна навеки прекратила свое существование. Даже то, что во время похода на Сузы Ашшурбанипал не только утащил оттуда статуи богов, но и вышвырнул из гробниц прах эламских царей, не делало его исключительным и неповторимым. Таковым он стал благодаря диковинному для ассирийского царя хобби: Ашшурбанипал был страстным библиофилом.

В своем дворце в Ниневии он собрал библиотеку, которая содержала тридцать тысяч глиняных клинописных табличек на всевозможные темы. Со всех концов ассирийской державы по царскому приказу в Ниневию присылали копии самых разных произведений; в результате Ашшурбанипал стал обладателем наиобширнейшей кладовой знаний того времени. Чего только не было в его библиотеке: философские, астрономические и математи-

ческие трактаты, сонники, сборники заклинаний, руководства по гаданию и астрологии (несмотря на образованность, царь отличался большим суеверием), исторические заметки, медицинские пособия, религиозные гимны, художественные произведения... И, кроме того, словари — те самые, что спустя три тысячи лет помогли прочесть шумерскую и аккадскую клинопись.

Царская библиотека содержалась в большом порядке; образцовый каталог позволял быстро найти нужный текст, а следующая грозная приписка служила предостережением для возможных воров:

> «Того, кто посмеет унести эти таблички, пускай покарает своим гневом Ашшур и Беллит, а имя его и его наследников будет предано забвению в этой стране».

Сейчас уже невозможно установить, как обстояло дело с библиотечными несунами при Ашшурбанипале. Собранная им библиотека просуществовала около пятидесяти лет и была уничтожена врагами куда пострашнее недобросовестных читателей.

Конец Ассирии — или продолжение следует

Конец наступил через два десятка лет после смерти Ашшурбанипала[117].

Пока его сыновья грызлись за власть, держава медленно агонизировала, с трудом отбиваясь от наседающих отовсюду врагов. К востоку от Ассирии образовалось грозное Мидийское царство, на окраины державы все чаще нападали киммерийцы и скифы, а Вавилон вконец отбился от рук: там провозгласил себя царем бывший ассирийский полководец Набопаласар.

Чтобы бороться со всеми противниками сразу, у страны не хватало сил. Ассирия всегда отлично умела наживать врагов — но не умела приобретать верных союзников. Вот

как выразил это пророк Наум, воочию наблюдавший гибель Ниневии:

> Все, услышавшие весть о тебе, будут рукоплескать о тебе; ибо на кого не простиралась беспрестанно злоба твоя? (Библия, Наум, гл.3).

Правда, перед самой гибелью Ассирия сумела заключить договор с Египтом и даже с царством Мана, которое раньше вовсе не считала за самостоятельную страну, — но то был уже вопль отчаяния, неспособный что-либо изменить.

И вот в 614 году до н.э. наступил час расплаты.

К Ашшуру двинулись войска мидийцев и скифов, и Набопаласар поспешил к ним на помощь, однако опоздал — город пал еще до его похода. На дымящихся развалинах древней ассирийской столицы мидийцы и вавилоняне заключили боевой союз, подкрепленный браком Навуходоносора, сына Набопаласара, и Амитис, дочери мидийского царя Киаксара II... И это был приговор ассирийской державе.

В 612 году до н.э. союзные войска осадили Ниневию.

Город, окруженный стеной под названием «Та, которая своим ужасным сиянием отбрасывает врагов», отчаянно оборонялся три месяца. Когда на столицу двинулись враги, ассирийский царь Сарак объявил войскам и всем жителям города стодневный пост, призванный спасти государство[118].

Несмотря на истощение, ниневийцы оборонялись с мужеством обреченных, понимая, какая участь ждет их в случае поражения: они сами не раз творили такое в чужеземных городах. Ниневия считалась неприступной, но осаждавшие разрушили плотину на протекавшей по городу реке, поток пробил брешь в стене, и в пробоину хлынули мидийские и вавилонские войска.

Вот как описывает пророк Наум гибель Ниневии:

> Горе городу кровей! Весь он полон обмана и убийства; не прекращается в нем грабительство. Слышны хлопание бича

и стук крутящихся колес, ржание коня и грохот скачущей колесницы. Несется конница, сверкает меч и блестят копья; убитых множество и груды трупов; нет конца трупам, спотыкаются о трупы их... Разорена Ниневия! Кто пожалеет о ней? (Библия, Наум, гл.3)

Улицы, по которым надменные ассирийские владыки разъезжали в колесницах, запряженных, вместо коней, царями покоренных стран, превратились в бойни, царь Сарак бросился в пламя своего горящего дворца, и рухнувшие перекрытия погребли под собой таблички библиотеки Ашшурбанипала.

Ниневия пала и была разрушена до основания, но дядя Сарака Ашшурбалит сумел увести часть войск и населения сначала в город Харран, а потом в крепость Каркемиш.

Несколько лет держава медленно агонизировала. Ее города сдавались один за другим, и в 605 году до н.э. наступила развязка: Навуходоносор разбил у Каркемиша остатки ассирийской армии и их союзников — египтян. По пятам преследуя бегущих, он готов был на их плечах ворваться в Египет, однако известие о внезапной кончине отца заставило его прекратить погоню и вернуться в Вавилон.

Ассирийской державе пришел бесповоротный конец.

Державе, но не ассирийскому народу! Геноцид отнюдь не входил в задачи победителей, и еще спустя много лет после падения Ниневии вокруг ее развалин продолжали жить потомки уцелевших ниневийцев, придерживаясь прежних ассирийских обычаев и традиций.

Не странная ли это штука — история? Пожалуй, Клио — самая капризная из всех муз.

Скажите, где сейчас шумеры, выходцы из Эдема? Где властвовавшие над Малой Азией грозные хетты? Где ахейцы — разрушители Трои? Где мидийцы и вавилоняне, сокрушившие «логовище львов»? Где лихие конники — митаннийцы? Где надменные воинственные элamиты? Где скифы и их соседи киммерийцы? Все они исчезли в бурных водоворотах истории, оставив лишь несколько пригоршней из золотых россыпей своего языка и культу-

ры в наследство другим народам. Но ассирийцы каким-то образом устояли под натиском веков!

Кто только не покорял и не завоевывал этот народ после того, как рухнули башни Ниневии: вавилоняне, Ахемениды, Александр Македонский и диадохи, парфянская династия Аршакидов и свирепый Тимур... По эту сторону межевого барьера эр ассирийцы приняли христианство и в XV веке раскололись на сторонников патриарха и сторонников римской католической церкви. Причем ассирийские патриархи не нашли ничего лучшего, чем обосноваться на территории Османской империи. Результат такого опрометчивого решения нетрудно угадать: ассирийцы были вынуждены спасаться от гнета турок даже в Советском Союзе, где их сразу объединили в колхозы и назвали «айсорами»...

В настоящее время потомки сынов Ашшура живут на территории Ирака, Ирана, Латинской Америки, США и СНГ. В их языке[119] сохранилось много ассиро-вавилонских слов, но когда вы познакомитесь с одной из новоассирийских сказок, вы поймете, что времена Ашшурнасирапала II и Синаххериба безвозвратно ушли в прошлое.

Отважный воин

Один никчемный человек очень хотел, чтобы жена боялась и уважала его. Каждый вечер он опоясывался мечом, выходил в поле и начинал рубить колючки. Вернувшись домой после своих «подвигов», он с гордостью показывал супруге затупившийся меч и похвалялся:

— Сегодня я срубил головы еще двум десяткам врагов!

Так повторялось изо дня в день, причем число «убитых врагов» неуклонно росло.

«Если так пойдет и дальше, — подумала жена, — эдак скоро на земле совсем не останется людей! Нет, здесь что-то не так!»

Она решила подсмотреть, с какими же врагами то и дело сражается ее муж, и однажды вечером тайком последовала за ним.

— Так вот, значит, какой ты у меня храбрец! — прошептала женщина, увидев, как ее супруг принялся яростно рубить колючки. — Ну подожди, я тебя проучу, хвастун!

Назавтра она переоделась юношей, опоясалась мечом и подкараулила мужа на краю поля.

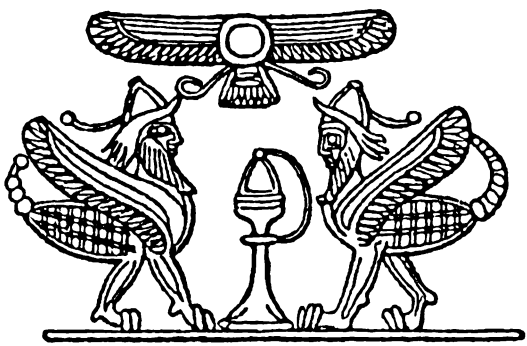
Только вояка вытащил оружие и хотел приступить к привычной рубке колючек — как вдруг из зарослей на него прыгнул юноша с обнаженным мечом в руке. Отбросив меч, мужчина с отчаянным воплем кинулся наутек и бежал без останавки до самого дома. Там он повалился на кровать и лежал, дрожа от страха, пока не пришла жена и не стала расспрашивать, что с ним такое случилось?

— Ох, я еле остался жив! — простонал бедняга. — Сегодня я, как всегда, сражался с врагами и успел изрубить на куски целую сотню — но тут на меня бросился юноша, владеющий мечом, как сам архангел Гавриил. Воспользовавшись моей усталостью, он чуть меня не убил, сам не знаю, каким чудом я спасся! Эй, женщина, почему ты смеешься? Как ты смеешь хихикать, когда твой муж едва не расстался с жизнью?!

— Потому что твоим противником была я! — весело ответила супруга. — Это я переоделась в юношу и напугала тебя так, что ты бежал без передышки до самого дома. И теперь я знаю, что ты отважный воин, только если сражаешься против колючек!

С тех пор «вояка» стал тише воды и ниже травы и во всем подчинялся своей жене, которая, чуть что, насмешливо называла его победителем колючек.

ВСЕ ТОТ ЖЕ БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ГИЛЬГАМЕШ



И СНОВА — ВПЕРЕД К ПРОШЛОМУ

Пала Ниневия, и уже античные авторы считали ее городом, навсегда погрузившимся в небытие. Но в XIX веке н.э. на холм Куюнджика явился Генри Лайярд, вслед за ним — его многочисленные последователи, и время повернулось вспять.

Лайярд и Рассам подняли из земли развалины дворца ассирийских царей и отправили в Англию сотни разбитых, обожженных пожаром глиняных табличек библиотеки Ашшурбанипала, после чего (сколько раз уже такое случалось при исследовании истории Месопотамии!) пришло время появиться в нужном месте нужному человеку.

Он носил наиобычнейшее имя Джордж Смит и не был историком, филологом или лингвистом — он был грave-

ром. Однако главное увлечение его жизни имело мало общего с профессией, при помощи которой он с четырнадцати лет зарабатывал на хлеб. Все свободное время Смит посвящал изучению ассирийского языка и клинописи, в конце концов добившись в этом деле таких успехов, что его статьи привлекли внимание видных ученых. Когда Британскому музею понадобился гравер для копирования ассирийских табличек, на эту должность пригласили Джорджа Смита, а через пару лет он уже стал ассистентом египетско-ассирийского отделения музея и признанным авторитетом в расшифровке клинописных текстов.

Каких только табличек ни проходило через его руки! Вам известен широкий круг интересов царя-библиофила Ашшурбанипала: Смит копировал и расшифровывал сборники заклинаний, скучные финансовые отчеты, царские летописи... Но вот в 1972 году он взялся за расшифровку произведения, сразу захватившего его так, как не захватывали раньше никакие другие тексты.

Это была написанная на вавилонском диалекте аккадского языка поэма «О все видавшем». Собирая мозаику из осколков разбитых табличек, Смит читал о бесшабашном царе Урука Гильгамеше, о его дружбе с диким человеком Энкиду, о их подвигах, о смерти побратима царя и о мучительных поисках Гильгамешем бессмертия. Долгие странствия привели героя к единственному человеку, которому боги даровали вечную жизнь, — к уроженцу Шуруппака Утнапишти. Утнапишти Дальний поведал Гильгамешу, каким образом ему удалось получить бессмертие: как однажды разгневанные боги задумали погубить весь человеческий род, как они послали на землю ужасный потоп и как...

И, как положено по «закону подлости», история обрывалась на самом интересном месте — таблички с концом рассказа о Всемирном потопе отсутствовали.

Но и того, что было на табличках, прочитанных Джорджем Смитом, оказалось достаточно, чтобы вся Англия пришла в небывалое волнение. Еще бы — аккадский текст поразительно походил на библейское сказание о потопе!

Газета «Дейли телеграф» пообещала профинансировать любого, кто возьмется отыскать недостающие таблички. Подобные поиски Керам сравнивает с поисками иголки в стоге сена, и все-таки Смит принял вызов.

Жизнь без чудес была бы очень скучна! Казалось, Смит не имел никаких шансов на удачу, и все-таки он привез из Куюнджика 384 таблички, в том числе содержащие отсутствующую часть поэмы об Утнапишти!

Так мир впервые познакомился с эпосом о Гильгамеше — «О все видавшем», якобы записанным со слов урукского заклинателя Син-леке-уннинни. На самом деле Син-леке-уннинни, вероятно, отредактирвал эпос, созданный каким-то безвестным гением за четыреста — пятьсот лет до него. Поэма «О все видавшем» пользовалась в древности огромной популярностью: ее переписывали и заучивали не только в Ассирии и Вавилонии, но и в Палестине, и в Малой Азии; помимо обнаруженной Смитом так называемой «ниневийской версии» впоследствии были найдены другие фрагменты эпоса — в Ашшуре, в Уруке, в ассирийском городке Хузиринне, в Мегиддо в Палестине, в столице хеттского царства Хаттусе... Есть надежда, что дальнейшие находки позволят заполнить пробелы, которыми до сих пор пестрит текст аккадской поэмы о Гильгамеше.

В России поэму «О все видавшем» впервые перевел по французскому подстрочнику Николай Гумилев, а профессиональный перевод, с использованием ниневийской, старовавилонской и периферийной версий поэмы выполнил И. М. Дьяконов. Что касается различных прозаических пересказов эпоса, то их просто нет смысла перечислять.

Думаю, безымянный автор поэмы «О все видавшем», больше четырех тысяч лет назад ушедший в Страну без Возврата, вытерпит появление еще одного пересказа.

О ВСЕ ВИДАВШЕМ

I

О все видавшем до края Вселенной, о постигшем тайны гор и морей, о превзошедшем мудрость людскую, о заглянувшем за край земли — слушайте рассказ о строителе стен Урука, о божественном царе Гильгамеше, сыне жрицы Нисун!

Он прекрасный, сильный, он мудрый,
Божество он двумя третями,
человек лишь одною,
Его тело светло, как звезда большая,
Но не знает он равных в искусстве мученья
Тех людей, что его доверены власти.
Гильгамеш, не оставит он матери сына,
Не оставит он жениху невесты,
Дочери герою, супруги мужу,
Днем и ночью он пирует с ними,
Он, кому доверен Урук блаженный,
Он, их пастырь, он, их хранитель,
Он, прекрасный, сильный, он, мудрый[120].

Гильгамеш так измучил своих подданных бесчинствами и буйством, так изнурил непосильной работой, что урукцы каждый день взывали к богам, моля защитить их от произвола. И боги, услышав молитвы, сочли, что просьба людей вполне справедлива. Они велели мудрой Аруру создать такого героя, чтобы мощью он был равен могучему Гильгамешу. Пусть царь найдет выход немереной силе в схватке с равным противником, а тем временем измученный люд Урука сможет хоть немного отдохнуть.

Аруру не заставила просить себя дважды: она зачерпнула глины и слепила Энкиду — дикого человека, дитя бескрайней степи.

Энкиду был так непохож на обычных смертных! Он не носил одежды, не знал вкуса хлеба, ни разу в жизни не ночевал под кровлей, его золотые волосы не ведали гребня. Он жил бок о бок с волками, бегал наперегонки с антилопами, шутя боролся с могучими львами, вместе с газелями приходил к водопою, и все лесные, степные и речные твари считали его братом. И он тоже считал зверей своей семьей и не раз спасал их из ловчих сетей и ловушек.

День за днем Энкиду лишал охотников добычи, и вскоре по степи прошел слух о могучем человеке, что живет среди диких животных. Многие издали видели богатыря, но никто не решался к нему приблизиться, не говоря уж о том, чтобы вступить с ним в схватку...

Но вот однажды один молодой охотник случайно увидел Энкиду совсем близко, когда тот вместе с газелями примчался к водопою, — и сердце человека затрепетало от страха. Ловчий в панике кинулся к дому и рассказал отцу о странном создании, которое только что его до смерти перепугало:

— Мой отец, человек, что с горы спустился, —
Во всей стране велика его сила,
Велика его сила, как воинство Ану —
По нашим владеньям свободно бродит.
Всегда он на пастбище средь газелей,
Всегда его ноги у водопоя,
Я брожу и не смею к нему приближаться.
Я вырыл ловушки, он их засыпал,
Я сети поставил, он их вырвал,
Угнал от меня он зверей пустыни,
Он не дает мне трудиться в пустыне!

— Перестань ныть! — сурово оборвал старик жалобы своего отпрыска. — Отправляйся лучше в Урук к Гильгамешу — уж он-то сумеет найти управу на силача, которо-

го ты так боишься, будь то горный человек, степной или даже снежный!

Охотник послушался отцовского совета и пришел в город, содрогающийся от стенаний простого люда и от разудалой музыки, доносящейся из царского дворца.

Обнимая одной рукой блудницу, в другой сжимая кубок вина, Гильгамеш с удивлением выслушал рассказ о диком человеке из степи, который спасает зверей из сетей и ловушек. Но замешательство царя длилось недолго.

— Возвратись, мой охотник, и возьми с собою блудницу,
И когда человек тот придет к водопою,
Пусть она снимет одежды, а он возьмет ее зрелость.
Он приблизится к ней, едва он ее увидит,
И оставит зверей, что росли средь его пустыни! —

так велел ловчему Гильгамеш, и тот поспешил выполнить царское приказанье.

Вместе с блудницей Шамхат, служительницей богини Иштар, охотник вернулся в степь и укрылся в высокой траве близ реки, где он недавно видел дикого человека. День, и другой длилось их ожидание, и наконец земля задрожала от громкого топота: это мчалось к реке стадо газелей; вместе с животными к воде сбежал прекрасный Энкиду.

Охотник взволнованно подтолкнул Шамхат локтем:

— Это он, блудница, открой свои груди,
Открой свое лоно, пусть он возьмет твою зрелость.
Дай ему наслажденье, дело женщин.
Едва он увидит тебя, он к тебе устремится
И оставит зверей, что росли средь его пустыни!

Блудница вовсе не нуждалась в наставлениях дилетанта: она до тонкостей знала свое ремесло.

Газели в страхе бросились прочь, когда из прибрежной травы вдруг поднялась женщина, но Энкиду оказался не из пугливых. А Шамхат повела плечами, сбросила тон-

кую ткань одежды, протянула к дикому человеку руки... И дальше все получилось так, как рассчитывал царь Гильгамеш.

Шесть дней, семь ночей Энкиду с блудницей предавались необузданной страсти, но на рассвете седьмого дня богатырь заскучал по родным просторам, по пропахшим полынью степным ветрам, по братьям-животным, по вольной жизни.

Оставив женщину, он побежал обратно по знакомым тропам, да только эти тропы оказались для него закрыты! Звери больше не желали признавать Энкиду за собрата: волки встретили его злобным рычаньем, антилопы в панике кинулись в бегство, шакалы с поджатыми хвостами нырнули в травы, даже могучие львы избегали того, чье тело пахло человеком. Бросился Энкиду за зверями вдогонку, но почувствовал, что нет у него прежней силы, что теперь он вряд ли сможет догнать даже маленького олененка!

Но зато ощутил он в себе небывалый доселе разум — и возвратился к блуднице. Сел Энкиду у ног женщины и, внимательно глядя ей в лицо, жадно слушал звук человеческой речи.

И вот что сказала ему жрица богини Иштар:

— Энкиду, ты прекрасен, как подобие бога! Нет, тебе не место в дикой пустыне. Хочешь, я отведу тебя в город Урук к царю Гильгамешу? Он могуч, он весел и необуздан, мне кажется, ты придешься ему по сердцу!

— Может, царь ваш и слывет силачом там, откуда ты родом, да только со мной ему не тягаться! — запальчиво отозвался Энкиду. — Пойдем в Урук — и я покажу Гильгамешу, что ему не сравниться в силе с тем, кто пил молоко зверей и боролся со львами!

— Ой, дружок, не хвались! — покачала головой Шамхат. — Даже думать забудь о том, чтобы бросить вызов царю Гильгамешу. Ты не знаешь жизни, мой Энкиду, — что ты видел, кроме своей бескрайней степи? Но поверь мне, в городе правят совсем другие законы: там люди кичатся богатой одеждой, там знать пирует под звон тимпанов, там блудницы Иштар расточают ласки и поцелуи...

И как здесь, в степи, ты превыше всех животных, так в Уруке превыше всех смертных царь Гильгамеш, любимец Ану, Шамаша, Эллиля и Эйи! Сколько ни буйствует он, как ни бесстыдны его забавы, никто и никогда не осмеливался встать у него на дороге!

...А тем временем Гильгамеш, повалившийся спать после шумного пира, вдруг проснулся, растревоженный странным сном. Что это было — похмельный бред, шутка богов или предзнаменование? Вскочив с ложа, царь поспешил в храм Эгальмах к своей матери, жрице Нинсун: никто лучше нее не умел истолковывать смысл ночных видений.

— Мама, мне приснилось, что на небе ярко вспыхнули звезды и кто-то огромный вдруг упал на меня, словно камень! Я хотел сбросить его — но он был слишком тяжелым, я ударил его, да он не поддался! Тут мы схватились в яростной драке, и весь народ Урука на нашу битву дивился. Отовсюду сбежались простые люди, целовали моему противнику руки и край одежды, называя его своим защитником и спасителем! Наконец я понял: нам не одолеть друг друга, и тогда взялись мы с незнакомцем за руки, как родные братья. Полюбил я этого человека всем сердцем и привел к тебе, в этот храм, мама — ты же назвала его младшим сыном!

Вот как истолковала мудрая жрица Нинсун сон Гильгамеша:

— Тот, кто явился тебе во сне, скоро придет в Урук, и тогда ваши судьбы пересекутся. Станет он тебе дороже родного брата, вместе суждено вам сражаться и веселиться. И тебе, и всей нашей стране он будет надежной защитой, а мне — утешением в печалях!

II

Раним утром Шамхат разбудила крепко спавшего Энкиду:

— Вставай, милый! Проснись! Пора в путь, город Урук неблизко.

Энкиду вскочил на ноги, отряхнулся по-звериному, разбрызгав росу с золотых кудрей, — и хотел уже зашагать по тропинке, но блудница с улыбкой преградила ему дорогу. Сбросив с плеч накидку, Шамхат разорвала ее пополам и из одной части сделала одежду для друга, а в другую облачилась сама. Взяв Энкиду за руку, как ребенка, женщина повела его туда, куда он никогда раньше не бегал, — к пропахшим дымом пастушьим хижинам, к овечьим загонам.

Пастухи глядели на них и удивленно шептались:

— Посмотрите, как похож этот путник на Гильгамеша! Правда, ростом чуть ниже, зато в плечах пошире. Наверное, это тот самый дикарь, молва о котором бежит по степи, — тот, что уводит из сетей охотников добычу!

Пастухи поставили перед Энкиду свежий хлеб, налили ему кружку сикеры — но тот смущенно смотрел на незнакомые яства, не решаясь к ним прикоснуться.

— Ешь хлеб, Энкиду, пей сикеру! — подбодрила блудница. — Привыкай к тому, что любезно людям!

Отведал Энкиду хлеба — он пришелся ему по вкусу, выпил сикеру — и сердцем развеселился. До самой ночи пировал он с хлебосольными пастухами, а когда опустилась темнота, ушел сторожить стада, отгонять волков, бороться со львами... Всю ночь герой охранял загоны, пастухи же спокойно спали.

— Знаешь, Шамхат, мне понравилось быть человеком! — заявил поутру Энкиду блуднице. — Только скажи, почему тот путник бредет с таким мрачным видом? Неужели не все люди довольны жизнью?

И впрямь — мимо пастушьего стана тащился человек с таким угрюмым лицом, как будто дорога вела его прямиком в Иркаллу...

Вот что ответил незнакомец на расспросы Шамхат и Энкиду:

— Жизнь хороша только для тех, кто родился в царских палатах! А такие, как я, приходят в свет для тяж-

кого труда, обид и мучений. Много лет я копил выкуп за невесту, уже и брачный чертог был для нас построен, и свадебный пир приготовлен — да между мной и суженой встал Гильгамеш, отпрыск Нинсун, будь он проклят! Отнял у меня царь и невесту, и счастье, и я ушел куда глаза глядят из Урука. Лучше умереть в степи, стать добычей волков и шакалов, чем оставаться в городе потехой для Гильгамеша! Видно, боги так присудили, чтобы высшие наслаждались счастьем, а низшим остались в удел только покорность, смирение и молитвы!..

Гневно закричал Энкиду и со всех ног устремился в город, на поиски жестокого Гильгамеша.

А в это время царь, устав от пира, потехи ради перебил всю посуду и пошел к красавице Ишхаре, сладострастной, как сама богиня Иштар...

Шел, да не дошел! Перед самым порогом кто-то вдруг преградил ему путь, со страшной силой оттолкнул прочь от двери. Его, царя Урука, отшвырнули прочь, как простого бродягу!

С яростным ревом Гильгамеш бросился на дерзкого незнакомца — и они схватились в дверях, как лев и дикий бык, как два степных урагана! Косяки разлетелись в щепы, служанки Ишхары испуганно визжали, стены качались и трещали... Остались бы от дома одни развалины, если бы противники вместе с дверями не вывалились наружу. Драка продолжалась уже на улице, и на невиданный бой, затаив дыхание, глазели сбежавшиеся отовсюду люди. Впервые кто-то осмелился дать отпор Гильгамешу! Впервые нашелся человек, не уступающий царю в силе!

И вот Гильгамеш получил такой удар, что покачнулся и упал на одно колено.

— Слава тебе, наш спаситель! — завопили урукцы и кинулись целовать Энкиду руки и край одежды. — Слава смельчаку, посланному в Урук самими богами!

— Да, теперь я вижу — ты тот, кто явился мне недавно во сне, — пробормотал Гильгамеш. — Мать сказала — тебе суждено стать моим защитником, другом и братом,

но если бы ты ударил немного сильнее, тебе некого было бы защищать, слышишь, братец?

— Ты тоже неслабо бьешь, — отозвался Энкиду, подавая упавшему руку. — Что, угомонился или продолжим?

— Лучше сойдемся на ничьей, — предложил Гильгамеш. — Как, согласен?

Герои посмотрели друг на друга, засмеялись и, взявшись за руки, пошли в храм Эгальмах, к жрице Нинсун.

— Мама, посмотри! Вот человек, который недавно привиделся мне во сне, — Энкиду, дитя бескрайней степи. Он осмелился бросить мне вызов и чуть не одолел меня в драке, он горько упрекал меня за бесстыдные буйства! Помнишь, ты обещала принять его как младшего сына? Так вот он, мой брат, одари его материнским словом!

— Наконец-то нашелся человек, образумивший моего бедового неслуха! — воскликнула жрица, ласково касаясь золотых кудрей Энкиду. — Богатой жертвой я почту богов за то, что они послали Гильгамешу такого друга, а мне — младшего сына, отраду моего сердца!

С того дня Энкиду зажил бок о бок с Гильгамешем, вместе с царем верша дела во дворце, одеваясь в роскошные наряды, угощаясь изысканными яствами и тонкими винами... Но никак не мог привыкнуть к пестрой, шумной и суетливой жизни Урука.

День ото дня побратим Гильгамеша становился все печальнее и мрачнее, и наконец царь не выдержал и напрямую спросил, что его тревожит?

— Почему тебе даже праздник не в радость? Почему ты то молчишь, то ноешь, то злишься? У тебя есть все, о чем мечтает любой смертный, так скажи — что еще твоей душе угодно?

— Если это все, о чем мечтают люди, — значит, я не создан для того, чтобы быть человеком! — проворчал Энкиду. Посмотрел на товарища и с тоской воскликнул: — Гильгамеш, моя сила утекает, как вода сквозь пальцы! Не могу я больше сидеть без дела. В этом городе я чувствую себя, как зверь в ловушке: здесь повсюду стены, крыши

и снова стены! В кривых закоулках Урука даже ветер не дует: похоже ему, словно птице, обломали крылья...

Энкиду понурил голову, и Гильгамеш долго не знал, что ответить другу.

— Энкиду, ты когда-нибудь слышал о великане Хумбабе, что охраняет кедры в лесах Ливана? — наконец прервал молчание царь.

— Конечно, слышал! — удивленно ответил тот. — Думаешь, если я жил со зверями, я безмозглый темный неуч? Нет, даже по степи идет молва про ливанского великана, про его кровожадность, до которой далеко самому свирепому льву-людоеду!

— Верно! Ну, что ты на это скажешь? Если мы убьем Хумбабу и нарубим кедра в его заповедных лесах — это будет дело, достойное славы!

— Гильгамеш, ты серьезно?! Но послушай: самая глупая птица, только что вылетевшая из гнезда, — и та знает, что нельзя приближаться к лесам Хумбабы! Его дыхание несет смерть, его рев валит вековые деревья! Ты стремишься к славе — отлично, но зачем тебе посмертная слава?

— И ты только что упрекал меня за безделье! — насмешливо воскликнул царь. — А теперь, когда я предлагаю настоящее дело, пытаешься меня отговорить? Ладно, если хочешь, оставайся в Уруке, я один отправлюсь в гости к Хумбабе!

Приняв решение, Гильгамеш всегда действовал очень быстро.

В тот же день лучшие мастера Урука получили приказ изготовить боевые топоры в три таланта[101] весом и кинжалы весом в два таланта каждый. Во всех мастерских не хватило на это оружие бронзы, и Гильгамеш недолго думая велел снять запоры с городских ворот...

Увидев, что с ворот начали снимать семь массивных засовов, урукцы поняли, что их неугомонный царь задумал какое-то неслыханное дело. Перед царским дворцом столпились встревоженные женщины, мужчины, дети; шум стоял до небес, но все стихло, когда Гильгамеш вышел и обратился к народу с речью. Услыхав, что их повелитель

собирается сразиться с великаном Хумбабой, все люди заплакали и заголосили. Ох, хоть и крут частенько бывал их царь, но как же остаться вовсе без властелина? Что будет со стадом без пастуха, с войском — без командира?

— Умоляем тебя, не кидайся в бой, как безрассудный мальчишка! — склонились перед Гильгамешем седобородые старцы. — Ни одному смертному не одолеть Хумбабу! Его дыханье несет смерть, его голос гнет вершины кедров, даже птицы облетают его владения стороной!

— А я тебе что говорил? — буркнул Энкиду.

Но Гильгамеш, смеясь, оглянулся на друга:

— Вы меня до смерти испугали! И теперь я обязательно должен убить Хумбабу, ведь пока он жив, я не смогу спать от страха!

— Что ж, да хранит тебя богиня Иштар, — печально промолвили старцы. — Пусть осветит твой путь лучезарный Шамаш!

Люди заплакали еще громче, а Гильгамеш поднял к небу ладонь и торжественно поклялся:

— Если Шамаш поможет мне одолеть Хумбабу, если вернет меня невредимым домой — я всю жизнь буду славить его и чтить богатыми жертвами!

После этого герои опоясались оружием и приготовились к опасному походу.

III

Еле вырвавшись от старейшин, готовых без конца давать им премудрые наставления, Гильгамеш и Энкиду зашагали в храм Эгальмах проститься со жрицей Нинсун.

Глядя снизу вверх на своего могучего сына, женщина печально выслушала его слова:

— Мама, мы уходим сражаться с великаном Хумбабой! И пока мы не убили жестокого хранителя кедров, пока не изгнали зло из этого мира и не вернулись домой с победой, моли за нас Шамаша — я знаю, бог услышит слова своей жрицы!

Нинсун молча скрылась в дальних комнатах храма и вскоре появилась оттуда в жреческом одеянии, в богатом ожерелье, в высокой тиаре. Окропив землю чистой водой, она зажгла перед кумиром Шамаша благовонное куренье, положила перед богом мучную жертву и обратилась к нему то ли с жалобой, то ли с молитвой:

— Для чего ты дал Гильгамешу неусыпное сердце,
Для чего покорил ты моего сына?
Ты коснулся его, и он уходит
На Хумбабу дорогою отдаленной,
В бой вступает, который ему неведом,
Неизвестное дело затеял ныне.
Вплоть до дня, когда он уйдет и вернется,
Вплоть до дня, когда он достигнет кедров,
Поразит могучего, поразит Хумбабу
И погубит зло, что тебе ненавистно,
Ты, когда он повернется к небу,
Он к тебе повернется, Айя, невеста, помни!

Погасила Нинсун курильницу, сняла тиару и обратилась к Энкиду:

— Энкиду, мое счастье, мое веселье! Береги Гильгамеша, будь ему опорой в трудном походе. А я не устану молить богов, чтобы они вернули вас обоих в Урук живых и невредимых!

Приподнявшись на цыпочки, жрица повесила на шею Энкиду талисман, и степной человек поклялся:

— Как бы долго ни продлился путь, я буду рядом с Гильгамешем! В какое бы пекло он ни полез, я его не оставлю!

IV

Долго шли герои на запад то по дороге, то без дороги — и на третий день достигли дальнего притока Евфра-

та. Устроив привал на берегу реки, они принесли жертву богам, утолили голод и улеглись спать...

Но посреди ночи Гильгамеш вдруг проснулся с пронзительным криком.

— Что случилось? — привстал разбуженный Энкиду. — Что ты кричишь, как будто скорпион укусил тебя в ухо?

— Друг, мне привиделся страшный сон: огромная гора обрушилась сверху и нас с тобой придавила!

— Не объедайся перед сном, тогда не будут мучить кошмары, — зевая, посоветовал Энкиду. — Кстати, почему ты считаешь этот сон страшным? Наоборот, он явно сулит нам удачу: как рухнула та гора, так рухнет и убитый нами Хумбаба!

За три дня друзья отмахали длинный путь, а когда остановились на ночлег, поужинали и уснули, Гильгамеш снова разбудил Энкиду громким воплем.

— Что тебе приснилось на этот раз? — сонно поинтересовался тот. — Небось, как я намял тебе бока возле дома красотки Ишхары?

Но Гильгамешу было не до шуток.

— Нет, мне привиделся дикий тур, который чуть не поднял меня на рога, — от его гневного рева дрожало небо! Потом блеснула молния, загорелась земля, но хлынувший дождь потушил пламя...

— Отличный сон! Дикий тур — это Шамаш, который решил испытать твою храбрость. А дождь послал твой божественный предок Лугальбанда, значит, он поможет нам расправиться с Хумбабой. Перестань беспокоиться, ложись и спи!

День за днем Энкиду с Гильгамешем шли все дальше в сторону заходящего солнца — и наконец завидели впереди горы Ливана.

Темно-синяя горная гряда заслонила собой небо, быстрый ветер донес до друзей запах моря и аромат смолистых кедров...

Еще никогда Шамаш не получал от героев таких щедрых жертв, и еще никогда не было так тревожно у них на сердце.

В тот вечер Энкиду даже не лег спать, а молча сел в шалаше рядом с Гильгамешем, дожидаясь очередного сновиденья друга.

И дождался: Гильгамеш резко сел и, дрожа, схватил его за руку:

— Это ты меня разбудил? Меня как будто кто-то коснулся! Наверное, бог прошел рядом: я слышал его дыхание! Энкиду, еще никогда мне не снилось таких кошмаров. Я видел, как средь бела дня на землю пала тьма, потом грянул гром и заблестели молнии, меня окружило кольцо огня, и от пламени некуда было укрыться!

— Тише, тише! Это только сон, и сейчас я растолкую его не хуже премудрой Нинсун. Темнота — это наш враг Хумбаба, и как тьму разорвало пламя, так и мы с тобой победим и разорвем в клочья ужасного великана!

...Вот потянулись деревья ливанских предгорий, вот нависла над головами героев вершина высокой горы — и вдруг они замерли на полушаге: как лавина, обрушился на незваных пришельцев голос великана Хумбабы!

Эхо не скоро затихло среди кедровых стволов, и Гильгамеш с Энкиду долго не могли произнести ни слова.

— Знаешь, а ведь я мог ошибиться в истолковании твоих снов, — наконец пробормотал Энкиду. — Я не такой уж опытный толкователь! Давай-ка лучше вернемся в Урук и спросим Нинсун, что означают эти виденья...

— Ну уж нет! — решительно возразил Гильгамеш. — Разве для того мы прошли такой путь, чтобы повернуть назад в двух шагах от цели? Пусть Хумбаба надрывает себе глотку, мы не дети, боящиеся громкого крика!

— Я слышал, что страж кедров облачается, как в одежды, в семь смертоносных лучей, и что эти лучи лишают сил всех приблизившихся к его чаще, — прошептал Энкиду. — Кажется, это правда: мы еще не вошли в лес, а у меня уже отнимаются руки и ноги. Гильгамеш, давай

остановимся, пока не поздно, не будем вторгаться во владенья Хумбабы!

— Хорошо, возвращайся, я один пойду в вотчину владыки кедров, — упрямо заявил Гильгамеш. — Ступай домой, друг! И если мне не суждено будет вернуться, правь Уруком вместо меня. А когда подбежит к тебе мой ребенок, скажи, что отец его принял смерть в бою с ужасным Хумбабой, а не умер, спьяну вином захлебнувшись!

Энкиду ничего не ответил, только смерил товарища гневным взглядом и первым вошел под своды кедрового леса.

— Уж теперь-то мы точно одолеем Хумбабу! — Гильгамеш догнал друга и зашагал рядом. — Вот увидишь, не помогут Хумбабе его магические лучи и смертоносное дыхание. Всем известно — двое львят одолеют любого льва!

— Ну-ну, припомни еще какую-нибудь пословицу... Например, что втрое скрученный канат не скоро порвется, — фыркнул Энкиду. — Любишь же ты затасканные поговорки!

Но раскидистые вершины совсем затемнили солнце над головами друзей, тропинка исчезла у них из-под ног — и герои, понизив голос, встали ближе друг к другу.

V

Вот она, вотчина ужасного Хумбабы! Стволы кедров уходили ввысь, как колонны, под ними густо рос терновник и колючие травы. Кругом царила мертвая тишина, даже птичьи голоса не звенели в чаще.

— Неужели нам придется выслеживать Хумбабу в этих зарослях? — мрачно проговорил Гильгамеш. — Мой боевой топор отлит не для того, чтобы прорубать им дорогу в буреломе!

— Тогда начни рубить им кедры — и, могу поспорить, их страж тут же явится, чтобы свернуть тебе шею! — посоветовал Энкиду.

— Думаешь? Давай-ка проверим!

Гильгамеш поплевал на руки и обрушил топор на ближайший кедровый ствол. Гулкий стук разнесся под сводами леса — и тотчас в ответ раздался злобный грохочущий рев. Топор едва не выпал у браконьера из рук, когда между деревьями показался великан в три человеческих роста!

Герои невольно попятились, глядя на приближающееся чудовище: семь ослепительных одежд облекали тело лесного стража, и Гильгамеш, собравшись с силами, пробормотал:

— Сперва надо лишить Хумбабу его магических лучей, иначе мы никогда его не одолеем!

— Нет, сначала победим великана, а уж потом займемся его лучами, — возразил Энкиду. — Если хочешь поймать наседку, не трать время на возню с ее цыплятами!

— Кто из нас любит затасканные поговорки? — усмехнулся Гильгамеш и ринулся в бой.

Он поразил великана топором и тут же выхватил меч; Энкиду ни на шаг не отставал от друга, и между кедрами разгорелась жестокая битва.

Не помогли великану его хваленые магические одежды — могучий удар Гильгамеша поверг Хумбабу наземь, и лезвия двух мечей уперлись в горло лесного стража.

— Сжальтесь, пощадите сиротку! — заскулил великан. — Если вы меня убьете, на вас обрушится гнев Эллиля, и месть верховного бога будет страшной!

— А кто отомстит за тех, кого погубил ты? — крикнул Энкиду в запале боя. — Если тебя пощадить — сколько еще людей ты отправишь в Иркаллу!

И, взмахнув мечом, он поразил чудовище в грудь, а Гильгамеш тут же пробил топором голову Хумбабы.

Заскрипели, застонали кедры, оплакивая гибель своего стража, но как только герои расправились с волшебными лучами поверженного великана, под сводами леса воцарился глубокий покой.

Друзья сняли с Хумбабы его оружие, нарубили драгоценной кедровой древесины и в ознаменование своей ве-

ликой победы принесли Шамашу богатые жертвы, пообещав пожертвовать вдвое больше по возвращении в Урук.

VI

Покончив с трудами, Гильгамеш скинул грязное платье, умылся в ручье, надел свежие одежды, откинул со лба длинные волосы, увенчался тиарой...

И так совершенна была его красота, что им залюбовалась сама богиня Иштар, и страстное желание овладело ее сердцем. Богиня любви, не привыкшая отказывать себе в своих желаниях, словно падающая звезда, устремилась с неба на землю, встала перед героем и приветствовала его такими словами:

— Ну, Гильгамеш, отныне ты мой любовник!
Твоим вожделеньем я хочу насладиться.
Ты будешь мне мужем, я буду тебе женою.
Заложу для тебя колесницу из ляпис-лазури
С золотыми колесами, со спицами из рубинов,
И в нее запряжешь ты коней огромных;
В нашу обитель войди, в благовонье кедра,
И когда ты проникнешь в нашу обитель,
Те, кто сидят па тронах, твои поцелуют ноги,
Все падут пред тобою, цари, князья и владыки,
Принесут тебе дань люди гор и равнины,
Станут тучны стада, станут козы рождать тебе двойни;
Будет мул выступать под твоей ношей тяжелой,
Будет конь твой могучий стремить колесницу
И гордиться, что равных себе не знает!

Нежно коснувшись груди Гильгамеша, Иштар нетерпеливо ждала, когда он кинется в ее объятия... Но ее надежды были напрасны!

Герой отступил на шаг, смерил богиню взглядом и остудил ее пыл насмешливой улыбкой.

— Сохрани для себя свои богатства,
Украшенья тела и одежды,
Сохрани для себя питье и пищу,
Пищу твою, что достойна бога,
И питье твое, что владыки достойно.
Ведь любовь твоя буре подобна,
Двери, пропускающей дождь и бурю,
Дворцу, в котором гибнут герои,
Смоле, опаляющей своего владельца,
Меху, орошающему своего владельца!
Где любовник, которого бы ты всегда любила,
Где герой, приятный тебе и в грядущем?
Вот, я тебе расскажу про твои вожделенья:
Любовнику юности первой твоей, Таммузу,
На годы и годы назначила ты стенанья!
Птичку пеструю, пастушка, ты полюбила,
Ты избила ее, ты ей крылья сломала,
И живет она в чаще и кричит: крылья, крылья!
Полюбила ты льва, совершенного силой,
Семь и еще раз семь ему вырыла ты ловушек!
Полюбила коня, знаменитого в битве,
И дала ему бич, удила и шпоры,
Ты дала ему семь двойных часов бега,
Ты сулила ему изнемочь и тогда лишь напиться,
Силили, его матери, ты судила рыданья!
Пастуха ты любила, хранителя стада,
Он всегда возносил пред тобою куренья,
Каждый день убивал для тебя по козленку,
Ты избила его, превратила в гиену,
И его же подпаски его гоняют,
Его же собаки рвут ему шкуру!
И отцовский садовник был тебе мил, Ишуллану,
Приносивший тебе драгоценности сада,
Каждый день украшавший алтарь твой цветами,
На него подняла ты глаза и к нему потянулась:
«Мой Ишуллану, исполненный силы, упьемся любовью,
Чтоб мою наготу ощущать — протяни свою руку».
И сказал Ишуллану: «Чего от меня ты хочешь?

Мать моя не пекла ли? Я не вкушал ли?
А должен есть снедь стыда и проклятий,
И колючки кустарника мне служат одеждой».
И едва ты услышала эти речи,
Ты избила его, превратила в крысу,
Ты велела ему пребывать в его доме,
Не взойдет он на крышу, не спустится в поле.
И, меня полюбив, ты изменишь тоже мой образ!

Долгий яростный вопль Иштар, наверное, услышали даже на небесах. Еще никто из смертных никогда ее так не оскорблял! Еще никто, кроме садовника Ишуллану, ей не отказывал!

Как комета с горящим хвостом, богиня ринулась в чертоги Ану и зарыдала, припав к отцовским коленям:

— Гильгамеш, царь Урука, только что нанес мне ужасное оскорбленье! Он перечислил все мои грехи, все мои любовные шашни — отец, он как будто содрал с меня кожу и выставил совсем голой!

— А разве он что-нибудь присочинил? — прокряхтел старый Ану. — И разве не ты первая его оскорбила, покусившись на его невинность?

— Невинность Гильгамеша — не смеши меня, папочка! — вскричала Иштар.

— Хорошо, хорошо... Но что же ты от меня хочешь?

— Я хочу отомстить негодяю! Отец, пошли на землю чудовищного быка, пусть он убьет Гильгамеша! А если ты мне откажешь, я так завизжу, что мертвецы повыскакивают из могил, и тогда на земле станет меньше живых, чем мертвых!

— Верю, с тебя станется, — вздохнул Ану, хорошо знавший неукротимый характер своей дочки. — Ладно, так и быть, я создам быка, о котором ты просишь, но взамен ты тоже должна кое-что сделать для старика-отца.

— Все что угодно! Клянусь украденными мною «ме»!

— Я хочу, чтобы ты семь лет выполняла в моем дворце самую грязную работу. Говорят, труд облагораживает —

вот и проверим, отвлечет ли он тебя от любовных шашней и кровавых распрей.

— Я согласна! — вскричала мстительная Иштар. — Клянусь семь лет выполнять работу служанки, если только бык убьет гордеца Гильгамеша!

Ану долго трудился над созданием чудовищного быка: за это время победители Хумбабы успели вернуться в Урук, где Гильгамеш принес Шамашу обещанные жертвы, а Энкиду сколотил из нарубленного в ливанских горах кедра роскошную дверь для храма Энлиля.

День и ночь в городе гремела победная музыка, и люди пировали от царских щедрот: их повелитель со своим побратимом вернулись домой! Они одолели ужасного Хумбабу!

Но в самый разгар праздников на Урук вдруг обрушилось страшное бедствие, мычащее бедствие с рогами и копытами. Дрогнуло небо, зарницы полыхнули от горизонта до горизонта, когда Иштар погнала вниз по небосводу гигантского быка; и вот чудовище с диким ревом обрушилось на Кулаб, предместье Урука. Сбив с ног полсотни человек одним небрежным взмахом хвоста, бык помчался к городу, словно воплощение неистовой злобы и жажды мести. Его копыта выбивали огромные ямы, в которые десятками валились люди, ломая себе кости, а многие гибли от одного ядовитого дыхания монстра. Уцелевшие в панике бежали в Урук, но город оказался для них не спасением, а смертельной ловушкой: городские ворота разлетелись в щепки от удара огромных рогов, и с громовым мычанием бык Иштар ворвался на забитые народом улицы.

— Пожалуй, я бы лучше еще разок схватился с Хумбабой! — крикнул Энкиду Гильгамешу сквозь визг и вопли обезумевших от ужаса людей. — Уверен, этот теленок — подарок тебе от влюбленной богини! Ну, и что ты ей ответишь?

— Гони эту тварь на меня! — гаркнул в ответ Гильгамеш. — Гони, а потом разверни влево!

Энкиду бесстрашно бросился навстречу быку и направил его прочь от переполненных людьми улиц. Гильгамеш уже ждал посреди площади с кинжалом в руке — единственным оружием, которое он взял с собой на праздник. Энкиду ухватил быка за корень хвоста, развернул его боком к другу... И тогда царь Урука метнулся вперед и поразил чудовище между затылком и шеей. С торжествующим ревом, когда-то пугавшим в пустыне львов, Энкиду рассек поверженному быку грудь, а Гильгамеш вырвал трепещущее сердце и поднял его к небу:

— Эй, Иштар, посмотри — вот тебе мой подарок!

Друзья не знали, что Иштар все это время наблюдала за ними с высокой городской стены, желая полюбоваться, как небесный монстр растопчет оскорбившего ее Гильгамеша. Но когда победитель поднял вверх окровавленное бычье сердце, дикий вопль, полный горя и злобы, заставил героев вскинуть глаза — и они увидели на зубце стены растрепанную фурию, бешено потрясающую кулаками.

— Будь ты проклят, Гильгамеш! — провыла Иштар. — Ты еще заплатишь мне за убитого быка и за мое униженье!

И богиня разразилась проклятьями, достойными уличной девки. Наверное, она еще долго поливала бы грязью царя Урука и его родню, если бы Энкиду не вырвал член быка и не швырнул прямо в лицо богине:

— Замолчи! Если скажешь еще что-нибудь худое про Гильгамеша, я стащу тебя со стены и отделаю так, что даже папаша Ану тебя не узнает! А потом вспорю быку брюхо и обмотаю тебя его кишками с ног до головы!

От подобного неслыханного оскорбления Иштар попросту онемела, лишившись дара речи...

А герои с торжеством отнесли бычье сердце в храм Шамаша, а рога отдали мастерам, чтобы те украсили их богатой отделкой. Шесть мер благовонного масла, вместившиеся в оба рога, Гильгамеш возлил перед своим предком Лугальбандой, сам же трофей повесил над царским ложем...

И вновь на улицах города воцарилось веселье: народ праздновал победу героев над кровожадным чудовищем, славя двух отважных защитников Урука!..

Только в храме Иштар вместо пения раздавались горестные причитания: собрав вокруг себя храмовых блудниц и уличных девок, богиня оплакивала убитого быка, а вместе с ним — свою надежду на отмщение.

VII

До поздней ночи на улицах Урука весело звучали флейты, барабаны и систры, лишь под утро люди разбрелись по домам, и в городе все затихло. Ушли во дворец и виновники торжества, чтобы как следует отоспаться. После стольких трудов они заслужили отдых!

Но едва занялся рассвет, Энкиду ворвался в спальню Гильгамеша и растолкал мирно спящего друга:

— Гильгамеш, проснись! Я видел ужасный сон!

— После расскажешь, — промычал царь. — Посмотри, еще даже солнце не встало!

— Нет, послушай! Прежде мне никогда еще не снилось таких кошмаров!..

Голос Энкиду задрожал, и Гильгамеш сразу проснулся, сел и внимательно посмотрел на товарища:

— Что с тобой? Раньше страшные сны были по моей части — помнишь? Ну хорошо, расскажи, что за видение так тебя испугало!

— Почему-то мне кажется, что это был вещий сон... Послушай, я видел, как в небесных чертогах спорили Ану, Эллиль и Шамаш — и их спор был о нас с тобой, Гильгамеш. Ану негодовал: «Слишком дерзкими стали некоторые люди! Надо наказать двух гордецов, поразивших моего быка и стража кедров Хумбабу!» — «Тебе нажаловалась Иштар, я знаю, — возразил Шамаш. — Нет, Гильгамеш и его побратим не заслужили смерти: храбрецы слишком редки на земле, я хочу и дальше любоваться их подвигами

во время странствий по поднебесью!» — «То-то ты всегда потакаешь их бесстыдным проделкам!» — заорал Ану, но тут в разгорающуюся ссору вмешался Эллиль. «Вот каково мое решение! — провозгласил владыка богов. — За убийство Хумбабы поплатится один Энкиду, Гильгамеша же смерть не коснется!» — «Почему? — возмутился Шамаш. — Они вместе сразили быка, вместе одолели владыку кедров! Так почему ты хочешь погубить одного Энкиду, чем он так тебе ненавистен?» — «Гильгамеш всегда приносил мне богатые жертвы, — ответил Эллиль, — и я не в обиде на царя Урука. Но Энкиду преподнес мне всего лишь дверь для храма — к тому же точь-в-точь похожую на ту, что захлопнулась за мной, когда я был изгнан в Иркаллу! Так пусть и за дикарем из степи навсегда захлопнется дверь в Страну без Возврата!» Так возгласил Эллиль — и остальные боги не посмели оспорить приговор своего владыки... Вот что я видел, Гильгамеш, и знаю — этот сон предвещает мне близкую гибель!

Энкиду замолчал и лег на пол рядом с кроватью друга.

— Нет! — закричал Гильгамеш. — Нет, твое видение было лживым, ты не умрешь!

— Мы убили Хумбабу, победили быка, но нам не под силу спорить с волей верховного бога, — прошептал Энкиду. — Вот она, месть Эллиля, которой грозил мне хранитель кедров...

— Перестань! Разве может герой вроде тебя пасть духом из-за ночных кошмаров? Но если ты так тревожишься из-за глупого сна, давай принесем Эллилю щедрую жертву и попросим, чтобы в другой раз он послал тебе сновидение получше.

Энкиду тяжело вздохнул, но все же поднялся, и, пройдя по дремлющему городу, друзья приблизились к храму Эллиля.

Там Энкиду с упреком обратился к кедровой двери:

— Дверь из леса, лишенная разуменья,
Чей рассудок не существует,
Твое дерево славил я на двадцать часов пути в округе,

Даже кедр вознесенный, что я видел в лесу Хумбабы,
Редкостью не может с тобою сравниться.
Семьдесят пять локтей шириной ты
и двадцать четыре длиною...
Но если бы знал я, о дверь, что ты мне путь заграждаешь,
Что твоя красота украшает мою темницу,
Я бы поднял топор и тебя расколол бы в щепы!

— Брось, Энкиду! — тронул его за плечо Гильгамеш. — Ты ведешь себя, как малый ребенок! Перестань понапрасну терзаться: сейчас мы принесем щедрые жертвы богам, и они успокоят твою смятенную душу. Эй, вы слышите, Ану, Эллиль и Шамаш? К вам обращается царь Урука, потомок божественного Лугальбанды! Изгоните тревогу из сердца моего побратима, ниспошлите ему долгую жизнь — и я засыплю ваши алтари золотом, залью их душистым елеем! Слышите, боги? Вы меня слышите?!

Крик Гильгамеша прокатился громом над мирно спящим Уруком, и вдруг сверху гулко откликнулся лучезарный Шамаш, чьи лучи только что выглянули из-за края городской стены:

— Не трать, царь, понапрасну золота и елея! Приговор Эллиля ты ничем не отменишь!

Побледнев, друзья в ужасе переглянулись...

А потом Энкиду схватил себя за волосы и закричал протяжно и хрипло, как смертельно раненный зверь. Ударяя кулаком в двери храма, он осыпал страшными проклятиями охотника и блудницу, из-за которых он пришел в Урук, навстречу своей погибели!

— Я назначу тебе судьбу, блудница,
Не изменится она в стране вовеки.
Вот, я тебя проклинаю великим проклятьем,
Дом твой будет разрушен силой проклятья,
В дом разврата загонят тебя, как скотину!
Пусть дорога станет твоим жилищем,
Лишь под тенью стены найдешь ты отдых,
И распутник, и пьяный твое тело измучат

За то, что меня, Энкиду[122], лишила ты силы,
За то, что меня, Энкиду, увела из моей пустыни!

— Зачем же ты проклял блудницу, герой? — упрекнул с неба Шамаш. — Разве она когда-нибудь желала тебе зла? Разве она не кормила тебя хлебом, не поила сикерой? Благодаря этой женщине ты сделался человеком, благодаря ей повстречал своего побратима, а теперь обрек ее на страшные муки!

Энкиду понурил голову, раскаиваясь в слепой необузданности своего гнева. И хотя страшная боль уже вонзила в его грудь острые когти, он превозмог ее, чтобы взять назад проклятия в адрес блудницы:

— Убежавшая пусть возвратится, станет путь ее легким,
Пусть любви ее просят князья и владыки,
Вождь могучий развяжет над нею свой пояс,
Одарит ее золотом и ляпис-лазурью!

Через силу договорив, Энкиду застонал и упал перед храмом Энлиля.

Гильгамеш бросился к другу, подхватил на руки, отнес во дворец, положил на мягкое ложе... Но не смог облегчить его страдания, и все заклинания знахарей и жрецов оказались бессильны.

День, и другой, и седьмой, и десятый терзала болезнь Энкиду, а Гильгамеш то метался от храма к храму, принося богам богатые жертвы, то сидел у постели друга. Но молчали боги, неблагоприятными оказывались результаты гаданий, и больному становилось все хуже и хуже.

На двенадцатый день Энкиду приподнялся на ложе, не увидел рядом Гильгамеша и хрипло позвал:

— Друг, почему ты меня покинул? Раньше ты делил со мной все радости и печали, а теперь ушел, оставил меня в несчастье... Видно, запах смерти тебе ненавистен! Только знай, и тебя не минует участь всех смертных, ведь ворота Иркаллы и для царей открыты!

VIII

— Что ты говоришь? — крикнул Гильгамеш, врываясь в спальню и кидаясь к постели больного. — Слушай, я только что был в храме Эллиля: половину золота из моих сокровищниц я сложил к его алтарю, а вторую половину пообещал принести, как только ты встанешь на ноги! Теперь владыка богов обязательно излечит тебя, вот увидишь...

— Но ведь Шамаш сказал, чтобы ты не тратил попусту золото, помнишь? Нет, Гильгамеш, не разоряй ради меня своих сокровищниц, это все равно не поможет, — прошептал Энкиду. — Лучше расскажи, что сейчас делается на воле...

— Там светит солнце, воздух пахнет весной, только все тоскуют по тебе и ждут твоего выздоровления. Слышишь? Весь люд Урука по тебе плачет; и заливаются тоскливым воем звери, с которыми ты когда-то бегал в степи; и роняют смолистые слезы кедры, меж которыми мы с тобой вместе бродили; и рыдает Евфрат, вспоминая, как мы черпали его светлую воду; и причитают жены и дети Кулаба, спасенные нами от быка Иштар; даже все блудницы прекратили свои забавы, даже танцовщицы отбросили в сторону бубны! С тех пор, как ты слег, в Уруке никто не смеется, не поет, не танцует — все только и ждут, когда ты встанешь с постели! Ну же, друг мой, вставай! Впереди у нас еще столько странствий, столько подвигов и приключений! Все дороги мира зовут нас — слышишь? Слышишь пение птиц и посвист вольного ветра?

Но Энкиду еле слышно ответил другу:

— Смерть покорила меня, я ныне бессилен.
Боги любят тебя и сделают сильным,
Славу твою возгласят все девы Урука...
Сколько пространств мы с тобой обошли и равнинных,
и горных,
И я устал, и лежу, и больше не встану.
Покрой меня пышной одеждой, какую мать твоя носит,

Кудри смочи мои маслом кедра,
Того, под которым от нашего гнева погиб Хумбаба.
Тот, кто берег зверей пустыни,
Тот, кто играл у воды со стадом,
Никогда не сядет с тобою рядом,
Никогда не напьется воды в Евфрате,
Никогда не войдет в Урук блаженный!

Энкиду закрыл глаза, вытянулся на ложе и замер. Тронул Гильгамеш его грудь — и не услышал биения сердца. Схватил за руку — она не ответила на пожатие.

Тогда он упал на друга, как на невесту,
Как рыкающий лев, он рванулся на друга,
Как львица, детеныша которой убили,
Он схватил его недвижное тело,
Рвал одежду свою, проливал обильные слезы,
Сбросил царские знаки, скорбя о его кончине.

Гильгамеш прибегал к колдовству и чарам, вновь и вновь молил богов вернуть Энкиду к жизни, не желая примириться с кончиной друга. Напрасно Шамаш убеждал царя Урука, что даже боги не могут вернуть умершего из Иркаллы, напрасно сам Эллиль снизошел до того, чтобы объяснить закон непреложности смерти упрямцу, день за днем нарушающему тишину его храма...

Гильгамеш ничего не желал слушать! Он запретил предавать тело Энкиду погребению, и его молитвы все больше походили на богохульства, а его неистовая скорбь — на безумие.

Весь люд Урука оплакивал смерть того, кто был общим любимцем, а горше всех плакала Нинсун — как об Энкиду, так и о своем безрассудном сыне.

Наконец, боясь, что Гильгамеш вот-вот и впрямь лишится рассудка, жрица решилась обратиться к богам с дерзновенной просьбой: пусть они позволят тени умершего ненадолго подняться на землю. Может, хоть Энкиду сумеет образумить своего друга? Нинсун пришла с этой

просьбой в храм Эллиля, но верховный бог не откликнулся на молитву жрицы; она припала к кумиру Сина, но и тот не внял ее заклинаниям. Только добрый Эйя склонил слух к материнской мольбе и велел Нергалу, владыке мертвых, открыть ненадолго врата преисподней[123].

И вот, как дыхание ледяного ветра, на землю вышла тень Энкиду и предстала перед Гильгамешем. Рванулся Гильгамеш к другу — но тут же понял, что перед ним лишь бесплотная оболочка... Однако он отчаянно обрадовался даже этой тени и засыпал умершего нетерпеливыми вопросами:

— Скажи мне, друг мой, скажи мне, друг мой,
Скажи мне закон земли, который ты знаешь!

И голосом, похожим на далекое эхо, призрак отвечал побратиму:

— Не скажу я, друг мой, не скажу я!
Если бы закон земли сказал я,
Сел бы ты тогда и заплакал!
— Что же? Пусть я сяду и заплачу!
Скажи мне закон земли, который ты знаешь!
— Голова, которой ты касался
и которой радовался сердцем,
Точно старую одежду, червь ее пожирает!
Грудь, которой ты касался
и которой радовался сердцем,
Точно старый мешок, полна она пыли!
Все тело мое пыли подобно!

...В царских покоях, откуда много дней доносились то плач, то крики, с некоторых пор наступила зловещая тишина, и не сразу несколько смельчаков отважились переступить порог комнаты скорби, где Гильгамеш столько времени оплакивал друга. Царь по-прежнему сидел над телом Энкиду, но молча и неподвижно...

Призвав на помощь всю свою храбрость, один из сановников робко обратился к Гильгамешу:

— Ты победил Хумбабу, хранителя кедров,
Львов убивал ты в горных ущельях,
Умертвил и быка, что спустился с неба.
Почему ж твоя мощь погибла, почему же твой взор опущен,
Сердце бьется так быстро, прорезают чело морщины,
Грудь исполнена скорбью,
И с лицом уходящего дальней дорогой лицо твое схоже?

И Гильгамеш, подняв на вопрошавшего пустые глаза, тихо ответил:

— Энкиду, мой друг, мой брат, пантера пустыни,
Вместе с которым мы видели столько лишений,
Друг, с которым мы львов убивали,
Умертвили быка, что спустился с неба,
Победили Хумбабу, хранителя кедра,
Ныне судьба его свершилась...
Надо мной тяготеет предсмертное слово друга.
Как, о, как я утешусь? Как, о, как я заплачу?
Друг возлюбленный мой грязи теперь подобен,
И не лягу ли я, как он, чтоб вовек не подняться?

IX

«Не такой же ли я смертный, как Энкиду? Значит, и мне не спастись от страшного мрака Иркаллы!»

Эта мысль погнала Гильгамеша за стены Урука, повела без дороги в дальнюю степь, в дикие горы, но даже в самой безлюдной глуши он не мог укрыться от страха смерти. Страх следовал за ним мягкой львиной поступью (а ведь раньше он никакого льва не боялся!); страх заставлял его, смирив гордыню, молить о защите Эллиля, Сина и даже Иштар...

Но Гильгамеш знал, что боги не отведут от него кончины, и потому шел все дальше и дальше — к горам, окаймляющим землю и уходящим подножьями в глубины Ир-

каллы, к горам, за которыми Шамаш спускался в воды Мирового океана.

Герой давно потерял счет дням, проведенным в дороге; он дрался на перевалах со львами, ел мясо диких зверей, одевался в звериные шкуры — и наконец достиг-таки утесов Машу.

Здесь открывались врата в преисподнюю, и вход охраняли ужасные стражи: огромные полулюди-полускорпионы, чьи сверкающие взоры сулили гибель... Сердце Гильгамеша дрогнуло при виде этих кошмарных созданий, и все-таки он решительно направился к ним.

— Стой! Ни шагу дальше! — остановил героя грозный оклик, полное яда жало взметнулось над головой Гильгамеша. — Поворачивай назад, смертный, если не хочешь раньше времени попасть в Страну без Возврата!

— Мой названный брат, Энкиду, уже ушел этой дорогой, — глухо отвечал Гильгамеш. — А я для того и явился сюда, чтобы спастись от неминуемой смерти. Я ищу Утнапишти, единственного из людей, кто обрел вечную жизнь. Я хочу выведать у него секрет бессмертия!

— Ты безумец, — отвечал человек-скорпион, опуская ужасное жало. — Еще никогда не бывало такого, чтобы живой человек входил в ворота Иркаллы! За этим порогом царит такой мрак, что лишь Шамаш может рассеять его своими лучами; ты же затеряешься, сгинешь в кромешной тьме, больше никогда не увидишь света!

— Я и так пребываю во тьме с того дня, как потерял Энкиду. Вся моя жизнь — беспросветный мрак, полный тоски и боли. Но и в лютой печали, и в жару, и в мороз я не поверну назад, не откажусь от цели. Открой же ворота, страж! Раз я сумел добраться до края света, у меня хватит сил и для того, чтобы шагнуть за край!

— Да, я вижу, ты слишком упрям, чтобы внять моим убеждениям. Хорошо, я распахну перед тобой ворота — иди, храбрец! И да сопутствует тебе удача!

Человек-скорпион кончил, вошел Гильгамеш в пещеру.
Ночною дорогой солнца час двойной он проходит,

Мрак там глубок, и нет там света,
Позади себя ничего он не видит.
Восемь часов идет, и дует северный ветер,
Десять часов идет, выходит навстречу солнцу,
На двенадцатый час разлилось сиянье.
Деревья богов он увидел, к ним путь направил.

О таких деревьях и слыхом не слыхивали по ту сторону края света! Вместо плодов на них висели драгоценные камни: сердолики, рубины, яшма, топазы и изумруды. Гильгамеш шел по райскому саду, дивясь на небывалую красоту, но печаль по-прежнему терзала его сердце.

X

На краю сада, на обрыве над морем, стоял дом Сидури — гостеприимной хозяйки. К ней частенько захаживали боги, и она угощала их сикерой, черпая из бездонного кувшина хмельную брагу золотой чашей... Но еще никогда в ее владения не забредали такие диковинные пришельцы, как тот, что вдруг вынырнул из глубины сада!

При виде одетого в звериные шкуры могучего человека с осунувшимся лицом и с полубезумным взглядом Сидури стремглав бросилась в дом и заперлась на все засовы.

Горе и скитания и впрямь слегка помутили рассудок Гильгамеша, к тому же рядом с ним теперь не было Энкиду, усмирявшего прежде его буйный норов, — потому герой метнулся вдогонку за женщиной, срывая с пояса секиру, и яростно заорал:

— Как ты смела захлопнуть двери у меня перед носом?! Разве так встречают путников добрые люди?! Открой, слышишь, не то я проломлю эти стены и превращу твою лачугу в груду развалин!

— Кто ты такой? — дрожащим голосом отозвалась Сидури. — Что тебе от меня надо?

— Я — Гильгамеш, царь Урука! Я ищу Утнапишти, чтобы выведать у него секрет вечной жизни. Ну же, выйди, хозяйка, не бойся... Побеседуем, как смертный со смертной!

Женщина с опаской посмотрела в щелку: грозный пришелец устало сидел на земле, выпустив из рук свою ужасную секиру... Тогда Сидури вышла из дома и с жалостью посмотрела на безумца.

— Секрет вечной жизни? Эх, Гильгамеш, не трать понапрасну силы на поиски недостижимого!

Когда род людской создавали боги,
Смерть они приказали роду людскому
И в своих руках жизнь сохранили.
Ты, Гильгамеш, наполни свой желудок,
Забавляйся ты и днем, и ночью,
Каждый день устраивай праздник,
Каждый день будь доволен и весел,
Пусть твои одеянья будут пышны,
Голова умащена, омыто тело,
Любуйся ребенком, твою хватающим руку,
Пусть к твоей груди припадет супруга!

— Чем-то подобным я занимался, пока не потерял Энкиду, — глухо проговорил Гильгамеш. — А теперь скажи — где мне найти Утнапишти? Лежит ли путь к нему по суше или по морю?

— Только лодочник Уршанаби знает путь к жилищу Утнапишти Дальнего, — отвечала Сидури. — На краю леса, возле моря, Уршанаби держит свои каменные обереги; время от времени он приплывает сюда, чтобы поохотиться в чаще на огромного змея...

Не успела она договорить, как Гильгамеш вскочил и бросился к лесу, но ни в чаще, ни на прибрежном песке не смог найти Уршанаби. Тогда в приступе гневного буйства герой разнес на куски каменных идолов, стоявших у моря; выследил в зарослях и голыми руками удушил огромного змея; а потом, не зная, что бы еще сотворить,

принялся вырывать с корнем высокое дерево... И тут за его спиной кто-то укоризненно произнес:

— Зря ты разбил моих идолов, Гильгамеш! Сидури сказала — ты хочешь попасть к Утнапишти, но без оберегов нам не пересечь океана смерти...

— Так это ты — лодочник Уршанаби?! — воскликнул герой, обернувшись и увидев юношу с веслом в руках.

— Он самый, — юноша взглянул на мертвого змея у ног Гильгамеша, завязанного на три замысловатых узла, и воздержался от дальнейших упреков. — Ладно, раз ты лишил нас оберегов, попробуем придумать что-нибудь другое. Отправляйся-ка в лес и наруби там сто двадцать шестов длиной по пятнадцать саженей. Будешь гнать ими лодку, да смотри, чтобы рука твоя при этом даже слегка не коснулась воды!

И Гильгамеш с Уршанаби пустились в длинный путь по черным водам океана смерти. На двенадцатый день сломался последний шест; тогда Гильгамеш сделал из обломка мачту, поставил парус из звериной шкуры, служившей ему плащом, и лодка заскользила дальше по смоляным волнам.

Утнапишти Дальний издалека приметил диковинное судно и удивленно пробормотал:

— Почему поломаны жерди судна?
Кто-то, мне неподвластный, стоит на судне.
Не совсем человек он стороной правой,
Я смотрю и вижу, не совсем человек он!

Но — человек или не человек — Утнапишти и его жена столько времени не видели ни единой живой души, кроме Уршанаби, что любого гостя готовы были встретить с распростертыми объятьями. Они радостно приветствовали Гильгамеша, едва тот выпрыгнул на песок, и увлекли в дом, где стали потчевать вкусными яствами.

— Значит, ты хочешь добиться бессмертия? — покачал головой Утнапишти, когда гость ответил на расспро-

сы хлебосольных хозяев. — Эх, Гильгамеш, вот тебе мой совет — не трать годы на поиски невозможного! В нашем мире все имеет свои пределы, и этот древний закон никто ради тебя не изменит.

Навсегда ли мы строим домы? Трудимся навсегда ли?
Навсегда ли друг с другом расстаются братья?
Навсегда ли ненависть входит в сердце?
Навсегда ли реки заливают равнины?
Навсегда ли птицы увидели солнце?
Нет с давнишних пор на земле бессмертья,
Мертвый и спящий друг с другом схожи,
Оба не знают лика смерти.
Властелин и слуга равны пред нею,
Ануннаки, великие боги, ее скрывают,
Мамету, госпожа судеб, управляет с ними,
Жизнь или смерть они указуют,
Не дают угадать смертного часа!

XI

— Но тогда как же ты? — упрямо вскричал Гильгамеш. — Я гляжу на тебя и вижу, что ты ничем не отличаешься от прочих смертных! Ты точно так же ешь и пьешь, как и все люди, так же чихаешь и так же бранишься, споткнувшись! Так за что тебя и твою супругу боги одарили бессмертием?

Переглянувшись с женой, Утнапишти отодвинул тарелку и встал.

— Что ж, я расскажу тебе, как это случилось. Пойдем, полюбуемся на закат — здесь, за краем света, у нас вдоволь хлеба, но немного зрелищ...

Гильгамеш и отшельник покинули дом и уселись на высоком прибрежном утесе. Солнце уже опустилось к горизонту, и черную воду, как волнистый позолоченный меч, рассекала золотая дорожка. Глядя на этот сплав

золота и мрака, Утнапишти начал рассказ о далеких днях, почти позабытых по ту сторону края света...

...О том, как свирепый Эллиль однажды задумал уничтожить весь род людской; о том, как он взял слово с других богов не говорить людям о надвигающейся катастрофе; о том, как Эйя обошел запрет, предупредив о грядущем потопе тростниковую ограду дома Утнапишти; и о том, как, по совету мудрого бога, жители Шуруппака принялись строить огромное судно...

— Ох, и задал же нам тогда Эйя работенку! Но еще трудней, чем построить корабль размером сто двадцать локтей на сто двадцать, оказалось отловить и погрузить на его борт диких зверей со всей округи... Слышал бы ты, какой шум царил внутри нашего судна — блеянье, и вой, и топот, и рев, и мычанье! А какой, о боги, там стоял запах! С трудом разогнав травоядных и плотоядных по разным концам ковчега, я велел корабельщику накрепко закрыть и засмолить двери...

Солнечный меч из золотого сделался красным, словно отведал вражеской крови, пока Утнапишти предавался воспоминаниям о пережитом потопе. И хотя с того дня миновало уже много веков, голос отшельника дрожал и срывался, когда он описывал то, что видел:

— Час наступил предрешенный:
Вечером мрака властитель пролил нечистые воды;
На образ дня посмотрел я
И я испугался этой погоды,
В судно вошел и двери захлопнул...
Едва рассвет засветился,
Из глуби небес поднялась черная туча,
Адад рычал в ней,
Набу и Царь вперед выступали;
Вестники, шли они через гору и поле;
Нергал опрокинул мачту.
Он идет, Ниниб, он бой ведет за собою;
Факелы принесли Ануннаки,
Их огнями они освещают землю.

Грохот Адада наполнил небо,
Все, что было блестящим, превращается в сумрак.
Брат не видит более брата,
Люди в небе друг друга узнать не могут,
Боги боятся потопа,
Они убегают, они поднимаются на небо Ану.
Там садятся, как псы, ложатся на стены.
Кличет Иштар, как поденщица, громко,
Голосом дивным царица богов возглашает:
«Пусть тот день рассыплется пылью,
День, когда я злое сказала перед богами,
Потому что сказала я злое перед богами,
Чтобы людей погубить и потоп накликать.
Для того ли взлелеяла я народ мой,
Чтобы, как выводок рыб, они наполнили море?»
...Шесть дней, шесть ночей бродят ветер и воды,
ураган владеет землею.
При начале седьмого дня ураган спадает.
Он, который сражался, подобно войску;
Море утишилось, ветер улегся, потоп прекратился.
Я на море взглянул: голос не слышен,
Все человечество стало грязью,
Выше кровель легло болото!
Я окно открыл, день осветил мне щеку,
Я безумствовал, я сидел и плакал,
По щеке моей струились слезы.
Я взглянул на мир, на пространство моря,
В двенадцати днях пути виднелся остров,
К горе Низир приближается судно.

Гильгамеш, затаив дыхание, внимал рассказу о том, как Утнапишти выпустил из ковчега сперва голубя, потом ласточку и, наконец, ворона... Когда ворон не вернулся на судно, уцелевшие люди поняли, что наводнение пошло на убыль и что из-под воды опять показалась суша.

— И подумать только, что мое благочестие едва не принесло всем нам гибель! Едва мы ступили на землю, я решил принести жертву богам, жертвенный дым под-

нялся высоко к небу, и первым его учуял Эллиль. Увидев, что не весь человеческий род уничтожен, он так разъярился, что хотел тут же довести дело истребления до конца... Но, по счастью, на нашу защиту встали все остальные боги и в первую очередь — Эйя. Я думаю, — Утнапишти понизил голос, — что, слегка поостыв, Эллиль понял: без человечества ему не видать и жертв, поэтому милостиво дозволил всем спасшимся жителям Шуруппака вновь расселиться по этой земле. А меня с женой верховный бог удостоил наивысшей награды: благословил и возгласил:

Прежде Утнапишти[124] был смертным,
Ныне и он, и жена нам, бессмертным, подобны:
Пусть он живет, Утнапишти, в устье реки далеко!

Вот с тех пор мы здесь и живем, уже много веков подряд, — закончил свой невероятный рассказ Утнапишти. — Но тебя, Гильгамеш, кто введет в собранье богов? Кто испросит для тебя вечной жизни?

— Уже солнце село, а ты все болтаешь! — взойдя на утес, упрекнула жена Утнапишти. — Дай наконец нашему гостю отдохнуть и выспаться после дальней дороги...

— Да ведь он мечтает о вечной жизни, — усмехнулся отшельник. — А сон и смерть так похожи друг на друга, что тот, кто хочет победить смерть, должен сначала победить сон. Ну-ка, герой, не поспи шесть дней и семь ночей кряду — сможешь?

— Да хоть восемь! — твердо заявил Гильгамеш.

Сев поудобнее, он поднял глаза на ночное небо... И почти сразу звезды начали расплываться, сливаться друг с другом, а потом в яркой голубизне ослепительно вспыхнуло солнце.

— Кажется, я задремал, — приподнявшись на локте, смущенно обратился Гильгамеш к Утнапишти. — Но всего на один миг, это не считается, правда?

— На один миг? Как бы не так! — хмыкнул отшельник. — Сосчитай-ка хлеба, что лежат рядом с тобой! Пока

ты спал, жена каждый день клала возле тебя по хлебу; шесть из них уже зачерствели, и только седьмой остался свежим, видишь? Да, ты проспал семь дней кряду, а теперь тебе пора возвращаться. Тот, кто не сумел побороть сон, не годится для вечной жизни. Счастливо тебе добраться домой, царь Урука!

— Счастье покинуло мой дом с тех пор, как погиб Энкиду, — глухо откликнулся Гильгамеш. — А теперь у меня больше нет и надежды.

Опустив голову, он побрел к океану, где Уршанаби готовил судно к отплытию. Герой уже прыгнул в лодку, уже поднял шест, как вдруг жена Утнапишти укоризненно обратилась к мужу:

— Нет, не годится отпускать гостя с пустыми руками! Неужели он понапрасну проделал такой длинный путь? Неужели ты ничем его не одаришь?

— Пожалуй, ты права... — задумчиво почесал за ухом Утнапишти. — Хорошо, Гильгамеш, вот тебе мой подарок: на дне океана растет трава с острыми, как когти пантеры, шипами. Если ты отведаешь ее, ты навсегда избежишь старости и смерти!

Едва услышав эти слова, Гильгамеш привязал к ногам тяжелые камни и нырнул на дно океана. Шипы волшебного цветка до крови изорвали его пальцы, но герой стерпел боль и не хлебнул смертоносной воды. Вынырнув, он с торжествующим воплем взмахнул чудесной травой, зажатой в окровавленной руке.

— Я добыл бессмертие — посмотрите! Эй, Уршанаби, скорее в путь! Я доставлю траву в мой город, разделю между всеми людьми, а потом отведаю сам — и тогда обрету вечную жизнь, и прощу Утнапишти его глупую шутку с семью хлебами!

Переплыв океан, пройдя сквозь утесы Машу, Уршанаби и Гильгамеш много дней шагали через горы, пустыни и степи, и наконец увидели впереди стены Урука.

Лишь полдня пути отделяли Гильгамеша от родного дома, и при виде водоема с чистой водой царь решил смыть

с себя дорожную грязь, чтобы в достойном виде предстать перед подданными и перед матерью.

Он оставил волшебную траву на берегу, погрузился в прохладную воду... Но тут из норы выползла змея и сожрала траву — всю, до последнего стебелька. С тех пор змея получила способность молодеть, раз за разом сбрасывая старую кожу.

Когда Гильгамеш увидел, что произошло, он едва не лишился рассудка.

— Неужели я прошел столько дорог, перенес столько мук и лишений ради того, чтобы одарить вечной жизнью не себя, не свой народ, не Энкиду, а ползучую скользкую гадину?! Будь проклят весь змеиный род ныне и до скончания веков!

Гильгамеш бушевал и проклинал змеиное племя до тех пор, пока совсем не выбился из сил; тогда он опустился на землю и заплакал.

— Видно, правы были Сидури и Утнапишти — смертному не надо стремиться к вечной жизни. Ты помнишь знак, Уршанаби, который мы видели на берегу Евфрата? Он означает: «Вот место, чтобы причалить лодку!» Я думаю, это — знамение для меня, весть о том, что пора мне смириться, навсегда поставить лодку у родного причала.

Лодочник с Гильгамешем отправились дальше, а когда подошли к городским воротам, Уршанаби загляделся на высокие стены Урука.

— Эту кладку заложили семь мудрецов давным-давно, еще до потопа, — негромко проговорил Гильгамеш. — Давно мертвы и забыты те, кто жили в допотопные времена, но имена семи мудрецов до сих пор поминают в Уруке рядом с именами бессмертных. Наверное, только такого бессмертия и может добиться человек... И я его тоже добьюсь: соберу по всей стране камни и эти стены докончу!

ХЕТТЫ

И умерла Сарра в Кириф-Арбе, что ныне Хеврон, в земле Ханаанской. И пришел Авраам рыдать по Сарре и оплакивать ее. И отошел Авраам от умершей своей и говорил сынам Хетовым, и сказал: я у вас пришелец и поселенец; дайте мне в собственность место гроба между вами, чтобы мне умершую мою схоронить от глаз моих. Сыны Хета отвечали Аврааму и сказали ему: послушай нас, господин наш, ты князь божий среди нас, в лучшем из наших погребальных мест похорони умершую твою.

Библия, Первая книга Моисеева, Бытие, гл. 23.

ИХ ОТКРЫТИЕ

В 1880 году профессор богословия Арчибальд Генри Сэйс переполошил своей лекцией все лондонское Библейское общество, заявив, что наряду с вавилонянами, ассирийцами и египтянами во II тысячелетии до н.э. существовал еще один великий древний народ — хетты!

Не то чтобы о хеттах никто ничего раньше не знал; об этом народе несколько раз вскользь упоминается в Би-

блии, в том числе в рассказе о похоронах Авраамом жены его Сарры. Но к концу XIX века к священной книге уже было принято относиться с изрядной долей скепсиса — во всяком случае, как к источнику реальных исторических сведений. Поэтому преподобного Сэйса вскоре наградили ироническим прозвищем «изобретатель хеттов».

То, что в 1884 году ирландский миссионер Уильям Райт выпустил книгу «Империя хеттов», ничуть не уменьшило критического отношения к хеттам в научном мире. «Должно быть, два священника чересчур начитались Библии, — раздавались насмешливые голоса, — а может, им слишком напекло голову во время путешествий по языческим землям?»

Доводы Райта и Сэйса и впрямь вытекали из их знакомства с кое-какими древностями сирийской земли.

В 1872 году преподобный Райт принял приглашение британского консула Кирби Грина осмотреть некую диковинку в провинциальном турецком городке Хаме. Экскурсия обещала быть опасной, так как нравы местных жителей вполне соответствовали названию их городка. К тому же покрытый странными письменами камень, по глубокому убеждению турок, излечивал от ревматизма, поэтому горожане крайне враждебно относились к любым попыткам чужеземцев покуситься на их святыню.

И все же Райту удалось осмотреть не только чудодейственный камень, лежащий у дороги, но и три других, вделанных в стену здания. Все четыре камня оказались покрытыми неизвестными письменами!

Решение «неверных» увезти священные реликвии едва не вызвало бунт обитателей Хамы. Прошедший ночью метеоритный дождь еще больше подогрел страсти: видите, правоверные — сам Аллах возражает против нечестивого посягательства франков на мусульманские святыни! Только благодаря вмешательству просвященного Субхи-паши история закончилась благополучно. Находчивый паша ухитрился истолковать небесное знамение в благоприятную для исследователей сторону — и гипсовые копии загадочных надписей отправились в

Британский музей, оригиналы же заняли место в музее Стамбула.

Вскоре обнаружился еще один похожий камень, вделанный в стену алеппской мечети. В отличие от своего собрата в Хаме этот предмет излечивал глазные болезни, что отнюдь не способствовало его сохранению: оттого, что страждущие постоянно терлись лицами о поверхность камня в надежде на излечение, надпись на нем сильно пострадала, но все еще была видна...

Но кому принадлежали эти письмена? Сэйс уверял, что хеттам — тому народу, который в Библии называется хеттеями и из которого вышла, между прочим, мать великого Соломона, сына Давида (мир с ними обоими!). В 1876 году Сэйс установил, что надпись на хаматском камне следует читать способом «бустрофедон» — то есть так, как ходят по пашне быки: первый ряд — слева направо, следующий — справа налево и так далее. Но только спустя семь лет «изобретателю хеттов» удалось правильно прочесть первые шесть знаков неведомого языка.

Шли годы, археология и история накапливали все новые факты, подтверждавшие правоту Сэйса и Райта. Два священника, конечно, не были свободны от ошибок и заблуждений, но главная их ошибка состояла в том, что они явно недооценили значение открытого ими народа!

Медленно, очень медленно из тумана веков выплывали контуры державы, властвовавшей когда-то почти над всей Малой Азией.

Прошлое неохотно расставалось со своими тайнами, и работа исследователей, пытавшихся заглянуть в лицо загадочным хеттам, порой сопровождалась такими драматическими обстоятельствами, что они могли бы составить канву для дюжины авантюрно-археологических фильмов вроде «Индианы Джонса».

Чего стоили хотя бы раскопки немецкого археолога Карла Хуманна в Зинджирли! Взбеленившаяся погода, болезни, нечеловеческий труд, бюрократизм и враждебность местного населения словно объединились для того, чтобы привести

экспедицию к провалу. Однако перед Хуманном вставали стены первой открытой археологами хеттской крепости, и это не позволяло ему расстраиваться из-за всяких пустяков, вроде несусветной жары, скорпионов, ядовитых змей, малярии, воспаления легких и прочих мелочей жизни. Возвращение экспедиции к морю по своей невероятной трудности напоминало путь Роберта Скотта от Южного полюса (к счастью, не с таким трагическим финалом), и все-таки самоотверженное упорство немецких исследователей помогло им вывезти в Европу 23 бесценных хеттских рельефа.

Затем последовало открытие в 1887 году тель-амарнского архива в столице фараона-еретика Эхнатона. Одно из посланий, адресованных Аменхотепу IV, еще не успевшему тогда сменить имя «Амон доволен» на «Полезный Атону», содержало братское поздравление некоего Суппилулиумы по поводу восшествия молодого фараона на престол... В этом послании неведомый правитель осмеливался обращаться к владыке великого Египта как равный к равному! Так кто же он такой, хеттский царь, по-братски похлопывавший фараона по плечу? В ту пору это еще никому не было известно, потому что история хеттов по-прежнему оставалась загадкой. Чтобы ее разгадать, необходимо было изучить язык и письменность этого народа, а хетты как будто нарочно старались сбить исследователей с толку, «подбрасывая» им документы на двух разных языках: иероглифическом (как в надписи на хаматском камне) и клинописном (как на табличках из тель-амарнского архива).

В 1905—1906 годах состоялось — как бы помягче выразиться — нашествие Гуго Винклера на Богазкёй, в самое сердце хеттского царства. Хотя эта экспедиция и возглавлялась ученым с мировым именем, она работала с варварской небрежностью, заставляющей вспомнить лихие троянские «подвиги» Генриха Шлимана. Тем не менее Винклеру повезло не меньше, чем удачливому искателю клада Приама. Ценой разрушения акрополя Хаттусы[125] были добыты тысячи таблиц, исписанных аккадской клинописью на вавилонском и хеттском языках, а также таблички с египетскими иероглифами.

И — самая поразительная из находок! — на свет божий был извлечен договор о «вечном мире», заключенный три тысячи лет назад между Рамсесом II и хеттским царем! Призывая в свидетели тысячу хеттских и египетских богов, в вечной дружбе клялись два могущественных владыки: последний великий египетский фараон и (опять-таки никому доселе не известный) царь Хаттусилис.

Теперь все зависело от лингвистов и филологов: несмотря на первые успехи Сэйса, хеттский язык все еще оставался тайной за семью печатями.

Эти печати были взломаны в те годы, когда весь мир раскололся на два враждующих лагеря и когда военное безумие, казалось, не оставляло места для занятий академическими науками. Но именно во время Первой мировой войны чешский ученый Бедржих Грозный вплотную подступил к раскрытию тайн хеттского языка. Сидя на армейском складе, профессор-интендант ухитрялся совмещать выдачу солдатам ботинок и подштанников с исследованием клинописных текстов. К счастью для науки, его непосредственный начальник обер-лейтенант Камергрубер благодушно отнесся к забавному увлечению близорукого «интеллигента» — и одновременно с завершением военных действий была завершена монография «Язык хеттов», ставшая воистину революционным прорывом в юной науке хеттологии. Оказывается, язык хеттов оказался индоевропейским!

Предварительное сообщение Грозного к его книге называлось «Решение хеттской проблемы», хотя, конечно, до окончательного решения этой проблемы было еще далеко. Далеко до нее и поныне.

Вслед за Грозным твердыню давно забытого хеттского языка штурмовали исследователи самых разных национальностей. Швейцарец Эмиль Форрер, итальянец Пьеро Мериджи, американец Игнаций Д. Гельб (последний по рождению — украинец) и немец Хельмут Теодор Боссерт добились того, что «иероглифический» хеттский стал доступен для чтения так же, как и «клинописный». И все-таки язык и история хеттов до сих пор полны тайн, и до

сих пор в Богазкёе и других местах Малой Азии и Сирии ведутся раскопки, сулящие новые открытия.

И по сей день не удается найти хотя бы обрывок легенды, повествующей о том, откуда этот загадочный народ пришел на свою новую родину.

ИХ ИСТОРИЯ

Клятва Аниттаса и титул «Табарна»

А случилось это на рубеже IV и III тысячелетий до н.э.: хетты явились в долину реки Галис, где в ту пору обитали говорившие на неиндоевропейском языке их предшественники — хатти, и основали там несколько царств[126].

Аборигены-хатти постепенно растворились среди более многочисленного хетто-лувийского населения, оставив на память о себе имена богов, названия диких животных, напитков, музыкальных инструментов, хлеба — а еще название железа и умение его обрабатывать. Кое-кто считает, что загадочные рудознатцы-халибы, во времена Гомера обитавшие в горах за страной амазонок и ревниво хранившие от чужеземцев секреты обработки «металла войны», и были остатками древнего народа хатти...

Но это уже относится к историческим мифам, зато можно считать доказанным фактом, что город Хаттуса обязан своим названием именно хатти.

Почему-то этот город люто возненавидел один из древнейших владык хеттского государства, правитель Куссары Аниттас. В XIX веке до н.э. он взял Хаттусу измором, разрушил до основания и посеял на ее месте бурьян. «Если кто-нибудь из тех, кто будет царствовать после меня, вновь заселит Хаттусу, — зловеще предостерегал Аниттас, — пусть покарает его небесный Бог Грозы!»

Несмотря на огромный авторитет Бога Грозы древняя цитадель все-таки вскоре была отстроена снова. Кое-кто объясняет это тем, что последующие цари принадлежали

уже к другой династии, которая без особого почтения относилась к фанабериям прежней; но, скорее всего, причина здесь в другом: почти неприступное плато, в изобилии снабженное пресной водой, словно самой природой было создано для того, чтобы на нем воздвигли город.

К XVII веку до н.э. Хаттуса вновь процветала, причем ее обустройству могли бы позавидовать некоторые городишки нынешней российской «глубинки» (в частности, там имелась канализационная система и отлично ухоженные, посыпанные гравием улицы).

Однако при знаменитом хеттском правителе Табарне столицей все еще оставалась Куссара. Кстати, вы знаете, чем именно был знаменит Табарна? Нет? Вот и рассуждай после этого о чьих-либо бессмертных деяниях! Да ведь этот царь так прославился своими победами, что его имя стало почетным титулом всех последующих хеттских владык — наподобие того, как имя Карл превратилось потом в «король», а имя Цезарь — в «кесарь», «кайзер» и «царь». Казалось, у Табарны было даже больше причин претендовать на бессмертие, чем у Гильгамеша, но пронеслась дюжина-другая веков — и что осталось от его гремящей славы? Несколько предположений о том, какие именно страны он завоевал и где они находились[127], а еще — титул, о котором ученые до сих пор спорят, начинается он с буквы «т» или же с «л».

Но с какой бы буквы он не начинался, правивший вслед за Табарной-Лабарной Хаттусилис уже его носил... Кстати, вот еще одна тема для размышлений о бренности славы: некоторые исследователи на этом основании считают Хаттусилиса I и Табарну одним и тем же лицом.

Завещание Хаттусилиса I

Хаттусилис, по всей видимости, получил свое прозвище [128] за любовь к городу Хаттусе. Туда он перенес столицу царства и оттуда отправлялся в военные походы, а совер-

шил он их немало! Этот правитель отчаянно гордился тем, что кое в чем он перещеголял самого Саргона Великого; его похвальба своими подвигами напоминает похвальбу задиристого мальчишки: «Посмотрите — вот как я могу!»

Никто раньше не пересекал реки Пураны. А я, Великий царь Табарна, перешел ее вброд, и мое войско за мною следом перешло ее вброд. Саргон тоже переходил ее когда-то. Он поразил войска города Хаххи, но городу Хаххе он ничего не сделал, и он его не сжег в огне, и дыма от тех городов он не поднял к небесному Богу Грозы.

А я, Великий царь Табарна, уничтожил города Хассуву и Хахху, и я предал их огню, и дым от них поднял к небесному Богу Грозы. А царя города Хассувы и царя города Хаххи я впряг, как упряжных быков, в колесницу![129]

От таких увлекательных занятий Великого Табарну оторвала болезнь, и он вернулся домой как раз вовремя, чтобы раскрыть составленный против него заговор. Заговорщиками оказались опальный сын Хаттусилиса и его племянник, сын его сестры, назначенный наследником престола.

Недолго думая, Хаттусилис созвал тулию и панкус — два органа, чем-то напоминавшие британские палату лордов и палату представителей и давшие основание некоторым энтузиастам называть царство хеттов конституционной монархией. Тулия состояла из родственников царя и высшей знати; панкус же возник как народное собрание, но позднее превратился в собрание одних только воинов.

Итак, Хаттусилис собрал обе эти палаты и огласил перед ними свое завещание — впечатляющий образец древнего красноречия.

— Я, царь, объявил его своим сыном, обнял его и возвысил! —

говорил старый полководец о племяннике-заговорщике, и теснящаяся между двумя городскими воротами толпа[130] молча слушала хаттуского владыку. —

Я постоянно окружал его заботами. Он же оказался недостойным того, чтобы на него смотрели. Он слезы не уронил, не выказал сочувствия! Он холоден и невнимателен!

Я, царь, его схватил. Я-то хотел, чтобы мудрость он постиг. И тогда я сказал: «И что же? Впредь никто не возвеличит сына своей сестры, не воспитает его как своего сына! Слову царя он не внял, а тому слову, которое от матери его — змеи исходит, он внял. И братья и сестры ему все время нашептывали враждебные слова; их слова он и слушал! Я же, царь, прослышал об этом. На вражду я отвечаю враждой!

Довольно! Он мне не сын! Мать же его подобно корове заревела: «У меня, живой еще, сильной коровы, вырвали чрево. Его погубили, и его ты убьешь!» Я на это возразил: «Разве я, царь, ему причинил какое-нибудь зло? Разве я не сделал его жрецом? Всегда я его отличал на благо ему. Он же к наказам царя не отнесся сочувственно. Разве тогда может он в глубине своей души питать доброжелательство по отношению к городу Хаттусасу и думать о его благе?..

Так говорил старый царь, и каменные львы, охраняющие городские ворота, вместе со всеми хмуро внимали его речи, и раздраженно погромыхивал с жаркого неба бог Грозы.

— Смотрите же! —

продолжал Хаттусилис, показывая на юного внука. —

Мурсилис — мой сын. Признайте его своим царем! Посадите его на престол! Ему много богом вложено в сердце. Только Льва божество может поставить на львиное место. В час, когда дело войны начнется или восстание тяготы принесет, будьте опорой сыну моему, подданные и сановники!

...Уже и сейчас, хотя он по возрасту будет нести не все царские обязанности, чтите его! Ваш он царь — отпрыск Моего Солнца. И его воспитывая, возвеличивайте его как царя-героя! Когда же его в поход еще несовершеннолетним

поведете, то назад его приведите благополучно. Ваш род да будет единым, как волчий. Да не будет в нем больше вражды. Подданные будущего царя от одной матери рождены...[131]

И еще многое сказал в тот день бывалый воин, предостерегая хеттский народ от раздоров и мятежей, а своего приемного сына — от заносчивости и непочтительности к богам.

Будущее показало, что мечты Хаттусилиса о единстве царского рода были такими же наивными, как и обычай хеттских царей торжественно именовать себя «Мое Солнце». Но если бы с того света он смог увидеть деяния своего преемника, он понял бы, что не ошибся в выборе.

Мурсилис I — завоеватель Вавилона

Мурсилис I воинственностью явно пошел в деда: он покорил сильное хурритское государство Халеб, захватил Алалах, а потом отважился на такое деяние, на которое не отваживался даже его дед Хаттусилис. Он повел свои войска на Вавилон! К счастью для хеттов (а для вавилонян — увы!) после смерти Хаммурапи в этом городе царил полный разброд, и Мурсилису даже не пришлось штурмовать считавшиеся неприступными вавилонские укрепления. Он вступил в город через открытые ворота, низложил последнего царя династии Хаммурапи Самсудитану и захватил в Вавилоне богатейшую добычу, в том числе золотую статую Мардука.

Пленного Мардука повезли в Хаттусу, но тут по нагруженным трофеями хеттским войскам ударили хурриты, и победители оставили золотого Владыку в городе Хане на Евфрате.

А вскоре после этого Мурсилис был убит своими зятьями Хантилисом и Цидантисом, и, прослышав об этом, вавилонские жрецы наверняка потирали руки и злорадно приговаривали:

— Ага! Вот божественная месть святотатцу, похитившему из Эсагилы первородного сына Эйи!

Если бы жрецы могли предугадать, что смерть Мурсилиса — только начало длинной эпохи смут, заговоров и дворцовых переворотов, которым почти столетие суждено будет терзать хеттское царство, они торжествовали бы еще больше.

Телепинус — реформатор и мечтатель

Будучи внуком цареубийцы и сыном отцеубийцы, который, в свою очередь, сам пал от руки подосланного душегуба[132], Телепинус очень хорошо знал, каково жить во дворце, где за каждым поворотом тебя может поджидать заговорщик с кинжалом в руке. Когда в результате одного из таких заговоров погиб его сын, Телепинус решил разорвать кровавый круг и издал «Указ», направленный на установление твердого порядка престолонаследия.

«Царем да будет поставлен первый царевич — сын царя, — возглашалось в „Указе". —

Если первого царевича нет, тогда тот, который сын второй по месту, пусть царем станет. Когда же наследника — сына царя нет, то которая дочь царя — первая, для той пусть возьмут зятя ...и он да будет царем.

...Не убий никого из рода. Это не (ведет) к добру.

Который (царь) совершит зло по отношению к своим братьям или сестрам, (тот) отвечает своей царской головой. Тогда созовите судебное собрание (тулию). Если его дело пойдет (вина будет доказана), то пусть он своей головой искупит. Тайно же, подобно Цури, Тануве, Тахарваили, Тархусу пусть не убивают!»[133]

Есть в этом «Указе» что-то от «Поучения Владимира Мономаха детям»: истовая надежда на то, что словом — хотя бы царским — можно удержать кого-то от пролития невинной крови.

В «Указе» Телепинуса речь идет не только о делах царской семьи:

> «А дело крови таково. Если кто-нибудь повинен в убийстве, то слово за хозяином крови. Если он скажет: „пусть он умрет", то виновный должен умереть, если же он скажет: „пусть он даст воздаяние"[134], то он должен дать воздаяние».

Таким образом Телепинус пытался ограничить беспредел, давно царивший как во дворце, так и за его стенами. В ту пору это было тем более необходимо, что на страну хеттов надвигались воинственные горцы хурриты, которым на пятки наступали каски и египтяне. Но Телепинусу не удалось сплотить хеттов, не удалось заставить членов царской семьи думать лишь о благе государства. С его смертью кончилась эпоха Древнего царства и наступил долгий темный период упадка хеттской страны...

Суппилулиумас I — несостоявшийся зять фараона

И этот упадок длился до тех пор, пока на трон не вступил родоначальник новой династии — Тудхалияс I, вероятно, происходивший из хуррито-лувийской Киццуватны. Тудхалияс I повернулся лицом к врагам, со всех сторон обступившим страну, и ему удалось добиться немалых успехов в сражениях с касками, но потом удача вновь покинула хеттов, и к началу XIV века до н.э. их страна оказалась буквально на краю гибели. С севера наступали каски, с запада — Арцава, с северо-востока — страна Аццци и ее союзник Хайаса, с востока — хурритское царство Исува, за

которым вставала тень самого могучего тогдашнего хурритского государства Митанни.

Хеттское царство оказалось в сжимающемся кольце. Вот уже пала и погибла в огне считавшаяся неприступной Хаттуса... Многие тогда совсем отпели хеттов: так, фараон Аменхотеп III, отдавая свою дочь в жены царю Арцавы, заявил, что со страной Хатти все кончено.

Казалось, спасения и вправду нет — но оно пришло в виде очередного дворцового переворота. Около 1385 года до н.э. Суппилулиумас I сверг своего слабовольного брата Арнувандаса II и от обороны перешел в решительное наступление. С бесподобной наглостью он повел армию прямо в сердце Митанни, и не успели митаннийцы опомниться, как их войско уже было разбито, а сын их низложенного царя оказался женат на дочери Суппилулиумаса. Оставив ошарашенных хурритов приходить в себя, хеттский царь овладел Хайясой и тамошнего владыку женил на своей сестре. Таким образом Суппилулиумас I убил сразу двух зайцев: обеспечил безопасность северо-восточных границ и устроил судьбу своих ближайших родственниц.

Пришла пора позаботиться о сыновьях — и одного из них царь сделал правителем Каркемиша, другого — правителем Халеба, а третьего послал военачальником в Сирию.

К тому времени митаннийцы успели оправиться от зрелища 1200 сторонников своего низложенного царя, посаженных Суппилулиумасом на кол вокруг их столицы Вашшукканне. (С прискорбием следует признать, что первая акция подобного рода была проведена именно хеттским царем. Правда, у хеттов такие мероприятия не прижились, зато это новшество с энтузиазмом подхватили ассирийцы и стали проводить в жизнь со свойственным им размахом.)

Итак, митаннийцы решили взять реванш и снова захватили Каркемиш. Суппилулиумас поспешил на помощь сыну, осадил город... И во время этой осады с ним произошло преудивительное событие: хеттский царь получил послание от вдовы фараона Тутанхамона. Вот что

писала успевшему прославиться победами владыке юная царица Анхесемпамон:

> Мой муж умер. Сына у меня нет. А у тебя, говорят, много сыновей. Если бы ты мне дал из них одного твоего сына, он стал бы моим мужем. Никогда я не возьму своего подданного и не сделаю его своим мужем! Я боюсь такого позора![135]

Суппилулиумас был поражен и (как свидетельствует его сын Мурсилис), собрав совет, откровенно заявил своим сановникам:

> — Прежде со мной ничего похожего не случалось!

Да, прежде такого еще не случалось ни с кем! За всю многовековую историю Египта на трон этой великой державы никогда не всходил чужеземец. Хотя фараоны частенько брали в наложницы дочерей иноземных царей, еще ни разу не бывало такого, чтобы вдовствующая царица взяла себе мужа «со стороны». А ведь если поверить в искренность просьбы вдовы Тутанхамона, это означало, что сын хеттского царя станет первым чужеземным фараоном Египта и (по обычаю страны Та-Кемет) — живым богом!

От подобной перспективы у любого могла закружиться голова. Но Суппилулиумас, закаленный в политических и военных баталиях старый лис, усомнился: а не ловушка ли это? Царь послал в Египет доверенного человека с наказом разузнать, что же в действительности творится в этой стране и вправду ли Анхесемпамон осталась бездетной вдовой.

Сам же он продолжил осаду Каркемиша, на восьмой день взял город, восстановил сына в царских правах и с чувством выполненного долга вернулся в Хаттусу зимовать.

А время неудержимо бежало, драгоценное время! Анхесемпамон не написала Суппилулиумасу, что в Египте рвется к власти хитрый честолюбец Эйя, что именно для того, чтобы избежать брака с этим сановником, она и ре-

шилась поступиться древними египетскими традициями и своей гордостью.

Только весной вернулся наконец гонец Суппилулиумаса, и вместе с ним прибыл посол от Анхесемпамон, вельможа Хани. Новое послание молодой царицы было похоже на вопль отчаяния:

> Почему ты так говоришь: «Они меня-де обманывают?» Коли у меня был сын, разве стала бы я писать в чужую страну о своем собственном унижении и унижении моей страны? Ты мне не поверил и даже сказал мне об этом! Тот, кто был моим мужем, умер. Сына у меня нет. Но я никогда не возьму своего подданного и не сделаю его моим мужем. Я не писала ни в какую другую страну, только тебе и написала. Говорят, у тебя много сыновей. Так дай мне одного своего сына! Мне он будет мужем, а в Египте он будет царем.

Но Суппилулиумас все никак не решался поверить. А вдруг египтяне просто задумали отомстить ему за победоносный поход в страну Амка, находящуюся в сфере влияния Египта, и замышляют захватить его сына в заложники? И лишь когда вельможа Хани клятвенно подтвердил, что каждое слово его госпожи — правда, и хеттские агенты донесли то же самое, царь ухватился за столь блестящую возможность.

Он послал к Анхесемпамон своего младшего сына Циннанцаса... И тогда началась гонка, ставка в которой была неслыханно велика. Царевич спешил, как только мог, от египетской столицы и красавицы Анхесемпамон его отделяло уже только полдня пути! Но Эйя недаром поседел в дворцовых интригах: бывший доверенный вельможа Эхнатона повсюду имел свои глаза и уши. Хеттского царевича и всю его свиту убили на постоялом дворе на подъезде к египетской столице.

Для вдовы Тутанхамона это было крахом всех надежд. Она вышла замуж за человека, брака с которым так старалась избежать, и Эйя, бывший «носитель веера по правую руку царя», завершил свою карьеру на самой верхней,

поднебесной ее ступеньке, сделавшись владыкой Верхнего и Нижнего Египта.

А хеттскому царю оставалось только отомстить за подлое убийство сына. Суппилулиумас двинулся войной на новоявленного фараона и даже сумел одержать ряд побед, но закончился этот поход так же трагически, как и свадебная поездка Циннанцаса. Египетские военнопленные занесли в хеттское войско чуму, и ее жертвой стал сам Великий Табарна. Так закончил жизнь Суппилулиумас — *Рожденный от чистого источника* — царь, снова сделавший страну Хатти мировой державой.

Мурсилис II — воин и литератор

После недолгого правления Арнувандаса, тоже погибшего от чумы, на хеттский престол взошел другой сын Суппилулиумаса, Мурсилис II — тот, благодаря «Летописи» которого нам стали известны драматические перипетии со сватовством Анхесемпамон. Вообще в личности этого правителя удивительным образом сочетался дар военного с даром литератора: мало кто из царствующих особ древности оставил такие талантливые записки, как Мурсилис II. Чего стоит хотя бы его рассказ о том, как от сильного испуга во время грозы он сперва потерял, а потом вновь обрел дар речи!

> «Я направлялся в разрушенный город Кунну. Разразилась гроза. Бог Грома ужасающе прогремел. Я испугался. Слов, что были в моем рту, стало меньше, и слово с трудом выходило из моего рта. Но я не обратил тогда внимания на это свое состояние. Потом пришли и прошли годы. И так случилось, что это мое состояние стало мне сниться. И во сне меня коснулась рука бога, и дар речи от меня ушел»[136].

Далее все с той же подкупающей простотой царь повествует о том, как он обращался к оракулам — сперва к

одному, потом к другому — и как те прописали больному жертвоприносительную терапию и сложные очистительные обряды. Лечение помогло, хотя, надо думать, обошлось Мурсилису не дешевле, чем благотворительная деятельность его мачехи...

Мачеха Мурсилиса, третья супруга Суппилулиумаса Маль-Никаль[137], в девичестве вавилонская царевна, пользовалась таким доверием своего грозного супруга, что хотя и не была матерью его взрослых сыновей, тем не менее в обход традиций уважительно величалась Тавананной.

Тут надо сделать отступление и объяснить, что же это за титул. Дело в том, что в древнехеттском царстве наследование престола велось по женской линии. Родоначальницей первой хеттской династии считалась некая Тавананна, имя которой сделалось таким же почетным титулом матери или жены правящего государя, как имя Табарна — почетным титулом царя. Впоследствии наследование перешло от кудели к мечу, но хеттские женщины все-таки не стали безгласными безропотными существами, какими были, к примеру, ассирийские. В стране Хатти слабый пол сохранил достаточную независимость и ухитрялся участвовать даже в таких сугубо мужских делах, как охота и скачки. А чего стоил параграф 26 (а) хеттских законов, начинавшийся словами, от которых любого ассирийского законотворца хватил бы удар: «Если женщина прогоняет (от себя) мужчину...»! «Прогоняет от себя мужчину» — нет, каково?! Если дело так дальше пойдет, до чего же мы тогда докатимся, а?! Эдак, чего доброго, женщины начнут выходить замуж за рабов, сохраняя при этом личную свободу! Или станут совместно с мужем решать вопрос о браке своих дочерей! Или даже (сохрани нас от этого боги) получат право наследовать имущество покойного супруга!

Трудно поверить, но хеттские женщины обладали всеми вышеперечисленными правами, и Тавананна Маль-Никаль широко воспользовалась последним из них. После смерти Суппилулиумаса она раздала в память о муже все его богатства заупокойному храму и просто гражда-

нам Хаттусы. Но в ту пору Мурсилис II вел дорогостоящие войны с касками и с союзом Хайаса-Ацци, поэтому столь щедрая благотворительность Тавананны отнюдь не пришлась ему по вкусу... И все-таки недостаток средств не помешал Великому Табарне разбить сильное царство Арцаву и сделать тамошними правителями членов верной хеттам семьи, потом превратить в своих вассалов Миру, Хаппалу и Страну реки Сеха, разгромить Милаванду, восставшую еще при Суппилулиумасе, и заключить выгодный договор с Амурру.

Но наряду с торжеством побед этот хеттский царь знавал в жизни и немало горестей. В то время как он сражался с многочисленными врагами, обстановка в его дворце тоже напоминала фронтовую: жена Мурсилиса терпеть не могла чужеземку-тавананну, и та отвечала невестке полной взаимностью. Обе женщины всеми силами старались сжить друг друга со света, не гнушаясь при этом даже чародейством и колдовством. В конце концов заклинания вавилонянки оказались сильнее: жена Мурсилиса испустила дух. Во всяком случае в ее смерти заподозрили именно Маль-Никаль, и царь созвал во дворце суд, чтобы решить судьбу тавананны...

Но тут лента исторического фильма обрывается на самом интересном месте: вынесенный судом вердикт нам доподлинно не известен. Есть предположение, что мачеху Мурсилиса отправили в ссылку, и как кара за это в страну снова пришла чума — самый беспощадный бич хеттского государства.

Молитвы Мурсилиса о прекращении страшного бедствия — это не только вершина творчества царя-литератора, но и бесподобный психологический документ, запечатлевший отношения хеттов с богами. У многих других народов подобную «молитву» сочли бы кощунством, но у царя и в мыслях не было оскорблять богов, даже когда он бросал им горькие упреки в неразумной жестокости. Просто хетты по-другому относились к своим божествам, чем, скажем, вавилоняне. Хотя Мурсилис по обычаю и именовал себя «рабом» богов, его обращение к бессмерт-

ным было скорее обращением одного свободного человека к другому, попытка уговорить оппонента как следует все обсудить и прийти к разумному соглашению.

«О вы, все боги, все богини... Вы, все боги минувшего, вы, все богини! Вы, боги, которых по этому случаю я созвал на совет, чтобы вы были свидетелями, вы, горы, реки, источники, сторожевые башни! [138]

...Я признал перед вами грех отца своего: мой отец убил того Тудхалияса Младшего[139].

И отец мой совершил жертвоприношение, когда он убил его, но город Хаттуса не совершил тогда жертвоприношение. Страна же раньше не совершила этого жертвоприношения, и никто не совершил этого для страны.

А теперь страна Хатти очень отягощена чумою, и страна Хатти умирает.

...Вы, боги, мои господа, жаждете отомстить за кровь Тудхалияса... И эта кровь страну Хатти привела к гибели. Уже прежде страна Хатти возместила эту кровь. А теперь я, царь Мурсилис, сам возмещу своим имуществом то, что возмещают, когда нарушена клятва. И пусть у вас, богов, господ моих, смягчится душа. Смилостивьтесь надо мною, вы, боги, мои господа! И пусть вы меня увидите! А когда я вам буду молиться, услышьте меня. Потому что я не совершил никакого зла. А из людей, живших в те дни, кто совершил зло, тех никого уже нет в живых, все они давно умерли... И если чума не уменьшится и люди будут умирать по-прежнему, то и те немногие жрецы, приносящие в жертву хлеб и совершающие жертвенные возлияния, что еще остаются в живых, — тогда и они умрут, и некому будет приносить вам в жертву хлеб и возлияния.

И вы, боги, господа мои, ради этого жертвенного хлеба и жертвенных возлияний, которые я вам приношу, смилостивьтесь надо мною. И пусть вы меня увидите! Изгоните чуму из страны Хатти!»

Так обращался к богам Мурсилис, пытаясь воззвать к *человеческой* логике небесных вершителей судеб. Но боги

не вняли доводам царя, и тогда тот в смятении начал искать причины бедствия в другом: а может быть, мор начался из-за того, что его отец разорвал мирный договор с Египтом, нарушив тем самым клятву именем Бога Грозы?

И опять Мурсилис попробовал воззвать к разуму богов — если отец его согрешил, зачем же обрушивать кару на невиновных? Полный страха за свою жизнь, полный тревоги за судьбу страны, царь тем не менее осмеливался читать бессмертным нравоучения, приводя в пример поведение людей: посмотрите, разве будет добрый господин так поступать с повинившимся рабом, как вы, боги, поступаете с моим народом!

Пожалуй, мало найдется столь человечных и столь пронзительных произведений, как молитвы Мурсилиса, вознесенные к небу из гибнущей от чумы Хаттусы в XIV веке до н.э.

Бог Грозы города Хатти, господин мой, и вы, боги, господа мои, так все и совершается: кругом грешат. Вот и отец мой согрешил. Он нарушил слово, данное Богу Грозы... А я ни в чем не согрешил. Но так все совершается: грех отца переходит на сына. И на меня перешел грех отца моего.

... Услышь меня, Бог Грозы города Хатти, господин мой, и оставь меня в живых! Я так тебе скажу об этом: птица возвращается в клетку, и клетка спасает ей жизнь. Или если рабу почему-либо становится тяжело, он к хозяину своему обращается с мольбой. И хозяин его услышит и будет к нему милостив: то, что было ему тяжело, хозяин делает легким. Или же если раб совершит какой-либо проступок, но проступок этот перед хозяином своим признает, то тогда что с ним хозяин хочет сделать, то пусть и сделает. Но после того, как он перед хозяином проступок свой признает, хозяин его смягчится, и хозяин этого раба не накажет. Я же признал грех отца моего: «Это истинно так. Я это сделал». Если же нужно возместить, то возмещение давно уже было сделано: эта чума и была многократным возмездием...

Услышь меня, я тебе молюсь, Бог Грозы города Хатти, господин мой. Оставь меня в живых!.. И пусть боги, мои

господа, явят мне божественное чудо ...По какой причине кругом умирают, пусть это станет известно. И на разящий серп мы наденем тогда чехол. Бог Грозы Хатти, господин мой, оставь меня в живых! И пусть чума будет уведена из страны Хатти.

И снова битва при Кадеше

В конце концов, собрав с земли хеттов обильную жатву, чума ушла, но почти сразу на обессиленную Хаттусу наползла новая тень: ей стали угрожать набеги касков, доходивших теперь до самого Канеса (Несы). Преемнику Мурсилиса II Муваталлису даже пришлось перенести столицу южнее, и Хаттуса стала жертвой племен, которых хетты презрительно называли «кочевниками» и «свинопасами».

А вслед за тем на юге медленно повернул голову египетский сфинкс и окинул границы хеттских владений задумчиво-оценивающим взглядом. Выйдя из оцепенения, в котором египетская внешняя политика пребывала при Эхнатоне, Египет принялся энергично наверстывать упущенное: фараоны новой династии всеми силами старались вернуть потерянные царем-еретиком сирийские территории. Еще Сети I ввел войска в Ханаан и продвинулся вплоть до Кадеша — хеттского оплота в Сирии, а когда на престол взошел преисполненный самомнения и имперских амбиций Рамсес II, стало ясно, что крупного столкновения двух держав не избежать.

Муваталлис начал собирать союзников. В конце концов под его началом оказалась огромная по тем временам армия в 28 тысяч человек: разношерстное сборище анатолийских и сирийских народов и племен...

Но тут нужно прерваться и сделать маленькое отступление. Дело в том, что взаимоотношения хеттов с подвластными им государствами основывались совсем на ином принципе, нежели у египтян или ассирийцев.

Если Египет и Ассирия были строго централизованными державами, полностью подминавшими под себя покоренные страны, то империя хеттов напоминала скорее союз феодальных государств, связанных системой вассалитета[140].

Мелкие царьки приносили Великому Табарне присягу на верность, прося «принять их на службу», которая заключалась в уплате дани и в участии в войнах сюзерена. В мирное же время власть хеттского владыки в вассальных странах была не очень-то велика... Вот почему царства Сирии и Палестины решительно предпочитали хеттское господство египетскому или ассирийскому, и вот почему некоторые теперь называют хеттскую страну «федеративным государством».

Подобная система имела свои преимущества, но имела и недочеты: разве подданные того же Рамсеса II или, скажем, Ададнерари I посмели бы так капризничать и задирать нос, как это делали вассалы царя Муваталлиса? Египтяне с издевкой писали о том, что Муваталлис раздал все богатства своей страны правителям Арцавы, Лукки, Киццуватны, Араванны, Каркемиша, Алеппо, Угарита, лишь бы подвигнуть тех выступить против фараона. Да будь на месте хеттского царя владыка Египта — да живет он, здравствует и благоденствует! — все эти царьки примчались бы по первому его зову, дочиста опустошив *свои* сокровищницы, чтобы принести живому богу богатые дары!

Нечто подобное и происходило, пока Рамсес II во главе огромного войска продвигался к Кадешу, чтобы раз и навсегда покончить с этим гнездом смут и мятежа. Его продвижение было похоже не на военный поход, а скорее на триумфальное шествие: все сирийские царьки спешили облобызать землю у ног фараона, а местные осведомители хором уверяли, что враг обратился в бегство при одном появлении солнцеподобного владыки. Рамсес, никогда не страдавший недостатком самомнения, поверил радужным сообщениям и решил, что Кадеш свалится ему в руки, как спелый плод, стоит только подойти ближе...

«А мерзопакостный, повергнутый правитель хеттов со многими чужеземными странами, что были вместе с ним, стоял сокрытый и готовый (к битве) на северо-западе от Кадеша»[141], —

с возмущением сообщает «Эпос Пентаура».

Мы уже знаем, что Муваталлис, ловко подбросив египтянам дезинформацию, неожиданно обрушил свои колесницы на беспечно шагающий по дороге отряд Ра. Дальнейшее сражение было в основном битвой хеттских и египетских колесниц: в обоих войсках именно конница составляла главную ударную силу, хотя организована была совершенно по-разному. На египетских колесницах стояли двое: возничий и лучник, на хеттских же — трое: возничий, копейщик и щитоносец; к тому же хеттские колесницы по сравнению с египетскими имели невероятно малый вес (не более 10 кг) и центр тяжести не сзади, а в середине кузова. Поэтому они развивали огромную скорость и становились страшной атакующей силой — но в то же время легко опрокидывались, а на ограниченном пространстве теряли свою маневренность[142].

Нетрудно представить, что началось, когда 2500 хеттских колесниц, по пятам преследуя остатки разгромленного отряда Ра, ворвались в лагерь фараона! Рамсес в это время, восседая на золотой скамье, как раз бранил своих вельмож за плохую организацию разведки... И тут, как живое олицетворение справедливости царственной критики, колесницы «мерзопакостного, повергнутого правителя хеттов» влетели в царскую ставку, заполонив все вокруг.

Вместе со всеми египетскими воинами фараон сначала бросился наутек, но потом...

Посмотрел его величество окрест себя, и он заметил, что окружили его 2500 колесниц на его дороге отхода вместе с бойцами всеми мерзопакостного хеттского царя и многих чужеземных стран, что были вместе с ними...

Да уж, 2500 вражеских колесниц трудно было не заметить! Что случилось дальше, мы тоже знаем — попавшему в окружение фараону ничего другого не осталось, как прорываться с боем сквозь неприятельскую конницу... И, как утверждает «Эпос Пентаура», все 2500 колесниц поверглись перед конями вдохновленного Амоном Рамсеса, после чего он собственноручно перебил всех вражеских колесничих.

«Они падали один на другого, а я убивал их окрест себя. Никто не вернулся, и все из них пали, не поднявшись».

На самом деле, надо полагать, сбившиеся в кучу две с половиной тысячи хеттских колесниц образовали нечто вроде человеческо-конной Ходынки, и преимущество оказалось на стороне немногочисленных телохранителей фараона, спаянных железной дисциплиной. Это и помогло египетским воинам выстоять перед лихо, но беспорядочно атакующим врагом...

И пока лагерь фараона напоминал мир в состоянии первозданного хаоса: в одном месте громоздились груды столкнувшихся друг с другом колесниц, в другом победители тащили на память ценные сувениры вроде золотого трона, в третьем распоясавшиеся анатолийцы дергали за хвост знаменитого боевого льва Рамсеса по имени Убийца Противников, — на помощь подоспело элитное египетское подразделение «молодцев», и ситуация резко переменилась.

Рискуя повториться, не удержусь все же от искушения поведать о случившемся словами «Эпоса Пентаура».

Сначала вступает со своей арией Рамсес:

«Я был как Монт, я стрелял направо и бился налево. Я заставил их спуститься в воду, как спускаются крокодилы!»

А потом подхватывает торжественный хор:

«А мерзопакостный, повергнутый правитель хеттов стоял в середине своего пешего войска и своего колесничного войска, смотря на сражение его величества в единственном

числе, предоставленного себе самому ... Он (правитель хеттов) стоял отвернувшись, смущенный от страха!»

Да, какая это все-таки великая сила — художественное слово! Пусть египетским фараонам неведомы ни скромность, ни элементарное чувство меры, зато рассказы о их приключениях столь же захватывающи, как рассказы о приключениях барона Мюнхгаузена.

Итак, после прибытия «молодцев» Муваталлис решил, что для победы над «его величеством в единственном числе» 2500 колесниц маловато, и бросил в битву еще одну тысячу... Однако момент был уже упущен, и конное подкрепление только увеличило сумятицу на поле боя. Да и что значила жалкая тысяча колесниц для божественного фараона, только что единолично расправившегося с двумя с половиной тысячами!

«Дал я им попробовать руку мою в мгновение ока. Я учинил резню среди них; один из них кричал другому: „Это не человек тот, кто среди нас! Это Сет, великий силою!.. Не могут люди делать того, что делает он: один-одинешенек побеждает сотни тысяч, причем нет пешего войска с ним и нет колесничного войска. Идем скорее, бежим пред ним, и мы сыщем для себя жизнь и будем вдыхать воздух!“»

Не правда ли, полет Мюнхгаузена верхом на ядре просто ничто перед подвигами Рамсеса II? Если верить словам египетского Распэ, удравшие от греха подальше воины фараона только с наступлением темноты по одному, тишком пробрались в лагерь — и пораженно всплеснули руками при виде бесчисленных трупов врагов, искрошенных их владыкой.

«Они нашли, что все чужестранцы, в (ряды) которых я проник, лежат повергнутые в своей крови, как все лучшие бойцы страны хеттов, так и дети и братья их державца. Я заставил побелеть (от белых одежд врага) поле у Кадеша, и не знали (куда) ступить из-за их множества.

Тогда пришло мое войско, славя мое имя, так как они видели то, что сделал я.

...Я сражался и победил миллионы чужеземных стран, причем был один ...Смотрите, я нашел, что вы вернулись к моему величеству в силе и победе, после того как я поверг сотни тысяч вкупе воедино своей сильной рукой!»

Интересно, зачем Рамсесу вообще понадобилось таскать за собой войско? Разве только для того, чтобы покрасоваться перед ним своими подвигами? Ведь на пару с боевым львом и при поддержке Амона фараон вполне мог бы покорить весь мир «вкупе воедино», даже будучи «в единственном числе»! И ему не пришлось бы тратиться на вооружение и на прокорм тысяч и тысяч колесничих и пехотинцев...

И все же, как ни крути, несмотря на немыслимую доблесть супермена Рамсеса, крепость Кадеш осталась за «мерзопакостным, повергнутым правителем хеттов». И этот факт так ободрил мелкие царства Востока, что вскоре чуть ли не вся Палестина восстала против египетского господства.

А теперь любители детской игры «Найди отличия» могут сравнить репортаж о подвигах Рамсеса II с тем, что писал о себе младший брат Муваталлиса Хаттусилис III.

Хаттусилис III — любимец богини Иштар

Хаттусилис[143], самый младший ребенок Мурсилиса II, родился болезненным и слабым, и родители опасались, что он не жилец. Но однажды его отцу явилась во сне Иштар и сказала:

«Года Хаттусилиса коротки. Не жить ему. Но мне отдай его. И да будет он моим жрецом. Тогда он останется в живых»[144].

Так повествует Хаттусилис в своей «Автобиографии», которую называют еще «Самооправданием». Царь и впрямь

написал ее после того, как лишил власти своего племянника, Мурсилиса III, но трудно осуждать узурпатора за такое нарушение заповедей миротворца Телепинуса. Во-первых, этот переворот принес его стране не вред, а только пользу, а во-вторых, в результате мы имеем такое примечательное литературное произведение, как «Автобиография».

Итак, согласно личному пожеланию Иштар, маленький Хаттусилис стал служить в ее храме и оставался жрецом вплоть до смерти отца и коронации своего старшего брата Муваталлиса. Став царем, Муваталлис решил, что младшему братишке довольно болтаться без дела, и отправил юношу управлять Верхней страной, чем до глубины души обидел прежнего правителя этой провинции, некоего Армадаттаса, сына Цидаса. Лишившийся должности вельможа оговорил нового правителя перед царем, в результате чего Хаттусилис был отдан под суд... И неизвестно, чем бы закончилась для него эта история, если бы за своего любимца не вступилась Иштар.

«И оттого что... брат мой Муваталлис был ко мне расположен... Армадаттас, сын Цидаса, и другие люди начали строить козни против меня... И я попал в беду. Брат мой Муваталлис предназначил меня к испытанию у колеса. Иштар же, госпожа моя, мне во сне явилась, и мне она... сказала вот что: «Злому божеству разве я тебя отдам? Ты не бойся». И я от наваждения злого божества очистился. И оттого, что меня богиня, госпожа моя, держала за руку, она никогда не отдавала меня ни злому божеству, ни злому суду. И оружие врага моего меня не могло поразить. Иштар, госпожа моя, оберегала меня от всех напастей. Если я заболевал, даже больной я видел божественную власть Иштар. Богиня, госпожа моя, всегда держала меня за руку. ... Мне не случалось делать дурного дела человеческого. Божество, госпожа моя, оберегала меня ото всех напастей. ... Иштар, госпожа моя, мимо меня не проходила во время, когда мне было страшно. Врагу меня она не оставила, и тому, кто со мной по суду тягался, завистникам моим она меня не оставила!»

Благодаря божественной помощи Хаттусилис выдержал таинственное и зловещее «испытание у колеса», и старший брат, избавившись от подозрений, отдал под его начало все войска страны Хатти. С такой силой — да еще при поддержке Иштар — молодой полководец одержал немало побед, а захваченное в боях оружие сложил в храме перед своей покровительницей.

Потом Хаттусилис женился по любви на дочери жреца Пудухепе.

«И мы соединились с нею, и нам божество дало любовь мужа и жены. ... Когда же Хакписса восстала, я изгнал прочь людей страны Каска, и я их покорил. И я стал царем страны Хакписса, а ты, Пудухепа, стала царицей страны Хакписса».

Скажите, много ли к нам пробилось из древности голосов женщин? Обычно их заглушают победные реляции царей с нудно-многословным перечислением истребленных, покоренных и угнанных в рабство врагов. Но голос Пудухепы, заслуженно пользовавшейся любовью и уважением мужа, дошел до нас в простой и трогательной молитве, вознесенной к Солнечной Богине в пору распри Хаттусилиса с его племянником Урхи-Тешубом:

«Солнечная Богиня города Аринны, госпожа моя, хозяйка земель страны Хатти, царица Неба и Земли! Солнечная Богиня города Аринны, моя госпожа, смилостивься надо мной, услышь меня! Люди говорят: „Божество исполняет желание женщины, когда она мучится при родах“. А я, Пудухепа, женщина, мучаюсь при родах, и я посвятила себя твоему сыну, так смилуйся надо мной, Солнечная Богиня города Аринны, госпожа моя! Исполни то, о чем я прошу! Подари жизнь Хаттусилису, твоему слуге! Пусть долгие дни и годы ему дадут Богини Судьбы и Богиня-Матерь. Ты же, высокое божество, среди богов выше других, и все боги тебя слушают, и никто не обратится к тебе безответно. В собрании всех богов попроси у них жизнь Хаттусилису!»

Междоусобица разразилась на седьмой год царствования побочного сына Муваталлиса Мурсилиса III, более известного под хурритским именем Урхи-Тешуб. Многие говорят, что не стоит полагаться в оценке юного царя на «Автобиографию» Хаттусилиса — дескать, она и написана была специально для того, чтобы очернить свергнутого соперника! Но подумайте сами: если Хаттусилис так рвался к власти, почему он выжидал семь лет, прежде чем захватить трон? Будучи опытным полководцем, властвовавшим над всеми северо-восточными провинциями, он легко мог бы оттеснить в сторону юнца Урхи-Тешуба сразу же после смерти Муваталлиса. Но вместо этого он сам посадил на трон того, кто даже не был законным царским сыном, а всего лишь отпрыском одной из наложниц!

Нам неизвестно, каких выдающихся достижений добился Урхи-Тешуб за свое семилетнее правление. Отчаянно завидуя воинской славе и влиянию своего дяди, он так увлекся раздорами с Хаттусилисом, что ему было уже не до таких мелочей, как управление государством. Арцава вышла из-под контроля? Ну и пусть катится на все четыре стороны! Ассирийцы угрожают захватить юго-восточный торговый путь? Да пускай берут себе на здоровье! А я отниму-ка пока у дядюшки город Самуху, который он когда-то отвоевал у касков!

В результате страна Хатти все больше и больше напоминала коммунальную кухню, и даже хеттские васссалы разделились на два враждующих лагеря: страна реки Сеха поддерживала Хаттусилиса, Мира стояла за Урхи-Тешуба...

Но на седьмой год правления зарвавшийся юнец отнял у дяди два его последних владения — города Хакписсу и Нерик, и на этом закончились терпение Хаттусилиса и царствование Урхи-Тешуба. Хаттусилис по всем правилам объявил племяннику войну, запер его в Самухе «как свинью», взял в плен и... Отправил в почетную ссылку в один из сирийских городов.

Конечно, куда логичней было бы физически устранить бывшего царя как возможный источник дальнейшей сму-

ты, но подобные крутые меры были не в характере Хаттусилиса. Даже его старый недруг Армадаттас, так долго пытавшийся извести ненавистного соперника и прибегавший для этого то к доносам, то к колдовству, то опять к доносам, отделался, как говорится, легким испугом, когда попал в руки Хаттусилиса.

«...Поскольку Армадаттас был моим родственником, и он был уже стариком и был больным человеком, я его отпустил. Я отпустил и Сиппаццитаса».

Кстати, этот Сиппаццитас, сын Армадаттаса (и его соучастник в колдовстве), впоследствии помогал Урхи-Тешубу собирать против Хаттусилиса войска, но после окончания гражданской войны новый царь всего лишь конфисковал его владения в пользу Иштар, а самого сослал за границу. Любители триллеров могут попытаться представить, как поступил бы со своим врагом в аналогичном случае, скажем, Синаххериб.

Взойдя на трон, Хаттусилис принялся разгребать авгиевы конюшни, накопившиеся при Урхи-Тешубе. Он обезопасил себя от возможного нападения Египта, заключив союз с вавилонским царем, после чего лицом к лицу оказался с ассирийской угрозой. Аданерари I рвался к Каркемишу, что одинаково тревожило и страну Хатти, и Египет. Поэтому в ответ на предложение Хаттусилиса заключить мир повзрослевший и поумневший Рамсес II ответил согласием, и высеченный на золотой доске договор возвестил о конце многолетней вражды между двумя величайшими государствами Востока. Интересно, что клятвы в вечной дружбе оказались отнюдь не пустыми словами: Египет и страна Хатти действительно оставались в добрых отношениях вплоть до гибели последней.

Известно, что к страдающему болезнью глаз Хаттусилису приезжали врачи из Египта, и хеттский царь проникся таким уважением к египетской медицине, что просил Рамсеса прислать врача для лечения бесплодия своей сестры Массануцци. Последовала недолгая переписка,

после чего египетские специалисты вынесли заключение: «Недуг принцессы неизлечим, поскольку ей уже 60 лет».

Дабы печальная участь бездетной сестры не постигла и дочь Хаттусилиса, царь выдал ее за Рамсеса, снабдив роскошным приданым.

По этому случаю, говорят, хеттский правитель впервые самолично посетил Египет, и во время свадебных пиршеств бывшие враги окончательно побратались:

> «И были отряды хеттов, лучники и всадники страны Хатти смешаны с отрядами египетскими. Ели и пили рядом и не косились зло друг на друга. Мир и дружба была между ними, такую встретишь лишь меж египтянами!»[145]

Амон и Иштар — божественные покровители высоких сторон — пили за здравие друг друга, и престарелый лев фараона — Убийца Противников — растроганно вытирал слезы полысевшей кисточкой хвоста...

Страсти по Маддуваттасу — или История одной разбитой таблички

И все-таки ассирийская «империя зла» неудержимо продвигалась на запад. В битве при Малатии Салмансар I вырвал у хеттов контроль над медными рудниками Исувы, и лишь обладание портами сирийского побережья да захват богатой медью Аласии (Кипра) отчасти компенсировали хеттам эту потерю.

Ушли в прошлое те счастливые времена, когда в ответ на предложение ассирийским царем дружбы Хаттусилис III мог надменно ответить:

— Что это за разговоры о братстве? Ведь ты и я — мы не рождены одной матерью!

Теперь хеттский царь Тудхалияс III /IV сам отправлял дружественные послания одному из самых кровавых ассирийских царей Тукульти-Нинурте. Но, всячески избе-

гая прямых столкновений с могучим противником, он тем не менее вел против него активную политическую игру. Тудхалияс убедил государство Амурру объявить Ассирии торговую блокаду, помогал мятежникам Вавилона и Митанни — и в конце концов доигрался! Тукульти-Нинурта форсировал Евфрат, вторгся в хеттские владения и угнал в плен 28 000 человек...

Как жаль, что о событиях в Анатолии накануне нашествия «народов моря» известно не так уж много. Даже с хронологией правления хеттских царей возникают большие трудности, поэтому преемника Хаттусилиса III осторожные ученые предпочитают называть Тудхалиясом III /IV. Скудость сведений не позволяет также точно определить местонахождение многих тогдашних анатолийских государств, а больше всего споров вызывает загадочная Аххиява — то враждебная, то дружественная хеттам страна.

В начале XIII века до н.э. Аххиява была одним из самых сильных царств, наряду с державой хеттов и Арцавой; но если запереть в одной комнате дюжину специалистов по Древнему Востоку и предложить им прийти к консенсусу относительно местоположения этой страны, боюсь, дело может закончиться большим кровопролитием. Кто помещает Аххияву на северном берегу Мраморного моря, кто — на островах у анатолийского побережья, кто — на Кипре, а кто — на Пелопоннесе, отождествляя аххиявцев с ахейцами, народом поэм Гомера, разгромившим «крепкостенную Трою»!

Последняя теория, без сомнения, представляется самой завлекательной. А если вспомнить, что один из царей Аххиявы носил имя Аттариссий, поневоле задаешься вопросом: а вдруг это и впрямь Атрей, сын Пелопа, легендарный герой греческих легенд, отец Агамемнона и Менелая, как полагает Э. Форрер? Если он прав, и если город Милаванду на побережье Анатолии близ устья реки Меандр и впрямь можно отождествить с Милетом, это многое объясняет. В частности, объясняет то влияние, которое имела Аххиява на Милаванду, возникшую первоначально как греческая колония. Известно, что в

середине XIII века до н.э. подстрекаемая Аххиявой Милаванда инспирировала беспорядки в Стране реки Сеха, а несколько раньше хеттский царь пытался уговорить правителя Аххиявы выдать ему пирата и разбойника Пиямарандуса, обосновавшегося в этом городе... Именно уговорить, но никак не принудить!

Надо сказать, что взаимоотношения хеттов с аххиявцами всегда напоминали бурный роман, в котором яростные выяснения отношений перемежались с периодами мира и согласия. Я хочу познакомить вас с одним, но весьма примечательным эпизодом этого романа. Чтобы не перебирать разные варианты датировки событий, давайте сразу договоримся, что время действия — вторая половина XIII века до н.э. Действующие лица — царь некоей анатолийской страны Маддуваттас, царь Аххиявы (т.е. ахейских Микен) Аттариссий-Атрей, царь страны Хатти Тудхалияс III /IV, его сын Арнувандас III и другие.

Итак, действие первое: все началось с раздора Маддуваттаса и царя «златообильных» Микен Атрея. Неизвестно, чем насолил мелкий анатолийский царек сыну Пелопа, но в любом случае он поступил крайне неосмотрительно: злить человека, который, не задумываясь, накормил родного брата кушаньем из тел его зарезанных сыновей, было все равно, что наступить на хвост голодному крокодилу. Разгневанный Атрей вторгся в страну Маддуваттаса, и тому пришлось спасаться бегством. Бедняга укрылся под крылышком хеттского владыки Тудхалияса, а Атрей, по пятам преследуя врага, в пылу погони перешел границы страны Хатти, однако здесь получил решительный отпор хеттов и вынужден был отступить. Конец первого действия.

Действие второе: Маддуваттас бродит по дворцу в Хаттусе и пристает к членам царской семьи:

— Вы извините, что я к вам обращаюсь! Сам я не местный, мое царство пропало, сокровищницу захватил Аттариссий, дети болеют, жены и наложницы разуты-раздеты! Помогите кто чем может, дай вам здоровья Бог Грозы и Богиня Солнца города Аринны!

Несчастный изгнанник так надоел всем своим нытьем, что царь хеттов вручил ему некую горную область Ципаслу вблизи Арцавы: мол, владей и правь, только оставь меня в покое! Интересно, что захваченное Атреем царство Маддуваттаса Тудхалияс даже не попытался отбить: видно, не хотел сталкиваться с грозным владыкой Микен[146].

Действие третье. Свежеиспеченный правитель Ципаслы, едва успев обжиться в своем новом дворце, ввязался в войну с царем Арцавы Купанта-Инарасом. В ту пору Арцава по праву считалась одной из самых могущественных анатолийских стран, и Маддуваттас снова потерпел полное и сокрушительное поражение. Он уже паковал вещи для очередного бегства (конечно, в Хаттусу, куда же еще?!), когда весть о случившемся донеслась до царя хеттов. Тудхалияс сразу сообразил, чем ему грозит очередное фиаско Маддуваттаса. Подсчитав, что куда дешевле будет потратиться на военный поход, чем подыскивать еще одно царство для вечного беженца, хеттский правитель немедленно послал войска для защиты своего протеже.

Спасательный корпус подоспел как раз вовремя, чтобы отразить наступление Купанта-Инараса. Хетты разбили арцавского правителя в пух и прах, взяли его жен и детей в плен и передали Маддуваттасу в качестве заложников.

Выслушав доклад вернувшегося с победой полководца, Тудхалияс одобрительно промолвил:

— Молодец! Конечно, брать заложников не в наших обычаях[147], но на сей раз сгодится любая гарантия мира. Надеюсь, теперь мы долго ничего не услышим о царе Ципаслы!

Однако Тудхалияс III/IV рано обрадовался.

В Ципасле еще не закончились праздники по случаю грандиозной победы Маддуваттаса над Купанта-Инарасом, когда на сцене, подобно Мефистофелю, в обрамлении языков пламени и клубов дыма возник Атрей: прослышав о неприятностях стародавнего врага, ахейский царь явился, чтобы окончательно его уничтожить. И опять Маддуваттас пустился наутек, и, опережая его, в Хаттусу мчались слухи.

— Неужели нам никогда не избавиться от этого неудачника?! — схватился за голову Тудхалияс. — Эй, позвать сюда полководца Киснапили!

Новое хеттское войско во главе с вышеупомянутым полководцем двинулось на защиту интересов Маддуваттаса. Дело шло к очередному конфликту страны Хатти и Аххиявы, но, по счастью, военачальники договорились решить спор посредством мономахии[148], предоставив последнее слово богам. Небожителям вся эта история, по-видимому, до смерти надоела, и они выказали свою волю резко и грубо: в поединке погибли оба противника. После чего Атрей отступил и вернулся в Аххияву, а Маддуваттас был торжественно возвращен на трон Ципаслы. За сим последовали праздники, жертвоприношения и амнистия в тюрьмах в честь победы великого царя Маддуваттаса. Пир горой, конец третьего действия!

Интермедия. Освоившись в подаренной ему Тудхалиясом стране, правитель Ципаслы начал оказывать покровительство враждебным хеттам жителям области Далава. Более того — он породнился со своим прежним врагом, Купанта-Инарасом, хотя, согласно вассальной присяге, не должен был иметь с ним никаких дел. Презрев присягу, Маддуваттас соблазнил арцавского царя прелестями своей дочки, и никто даже ахнуть не успел, как бывший несчастный изгнанник уже сделался правителем Арцавы, а впридачу подмял под себя несколько других стран... В результате чего нищий беженец, еще недавно подбиравший объедки со стола Великого Табарны, возник перед ошарашенными соседями в славе и блеске владыки, правящего огромной территорией от Меандра до Герна. Шок у всех анатолийских царей!

Действие четвертое. Тудхалияс успел скончаться, и на хеттский трон вступил его сын Арнувандас III. К этому времени Маддуваттас превзошел в наглости самого себя, и Арнувандас решил проверить, сохранились ли у него хоть остатки совести?

Кликнув дворцового писца, он стал диктовать письмо, полное горьких упреков:

«Бежал ты, Маддуваттас, к отцу Солнца Моего. И отец Солнца моего отклонил тебя от погибели и Аттариссия назад отстранил. А если бы не это, то Аттариссий тебя не оставил в покое, он убил бы тебя!.. Аттариссий и человек из города Пигая по отношению к Солнцу Моему — правители независимые, тогда как ты, Маддуваттас — вассал Солнца Моего, почему же ты к ним примкнул?»[149]

Да, так все и было: Маддуваттас помирился со своим бывшим злейшим врагом Атреем и в союзе с ним и с неким «человеком города Пигая» захватил драгоценную Аласию, Кипр! А ведь с тех пор, как Тудхалияс III/IV завоевал и обложил этот остров данью, хетты считали Аласию своей — и вот теперь источник меди оказался вырван у них из рук...

— По-моему, мы только зря переводим глину, — проворчал писец, когда Арнувандас сделал паузу, чтобы не задохнуться от гнева. — Этому прохиндею можно послать хоть тонну писем, все равно он никогда не вернет то, что стащил с чужого стола. Например, где серебряная посуда, которой мы не досчитались сразу после его отъезда?..

— Пиши! — гаркнул царь, и писец поспешно склонился над табличкой:

— Пишу, пишу... Но Тавананна уже отправила этому бесстыднику несколько посланий, и все равно с ее фамильных серебряных тарелок сейчас кушает Его Наглейшество царь Ципаслы...

Действие пятое. В Хаттусу только что доставили ответ Маддуваттаса: в нем новоиспеченный великий царь с издевкой сообщал, что он понятия не имел, что Аласия принадлежит хеттам!

— А что я говорил! — посочувствовал писец в ярости топающему ногами Великому Табарне.

— Я покажу этому негодяю, кому принадлежит «медный остров»! — Арнувандас грохнул послание Маддуваттаса о стену (впоследствии археологи так и не сумели сложить и склеить осколки разбитой таблички)[150].

— Эй, немедленно собрать флот в одном из сирийских портов! Мы отправляемся отвоевывать Аласию! И чтобы

больше никакой гуманитарной помощи и никаких беженцев в моем дворце, слышите?!

Хранитель золотого копья зашагал было к двери, чтобы довести приказ царя до ушей воинов дворцовой охраны, но, наступив воину на ногу и пинком отогнав любимую собачку Тавананны, в зал вошел царь государства Ишува, а за ним — все его многочисленное семейство:

— Великий Табарна, Великая Тавананна, вы извините, что мы к вам обращаемся! Мы сами не местные, в наше царство вторгся царь Паххувы Митас[151], скот увел, подданных угнал — помогите кто чем может, дай вам здоровья Бог Грозы и Богиня Солнца города Аринна!

Немая сцена.

Занавес.

Гибель Хеттской державы

Морская экспедиция на Кипр увенчалась успехом, и Арнувандас воздвиг там храм в честь отца, достославного Тудхалияса III/IV, чтобы увековечить память первого хеттского завоевателя Аласии и придать внушительности своей власти над этим островом. Но молодой царь правил недолго, и после его смерти на престол вступил второй сын Тудхалияса Суппилулимас II, которому суждено было стать последним царем хеттской державы.

Над страной Хатти стремительно сгущались тучи. Вылазки авантюристов вроде Маддуваттаса, Пиямарандуса и Митаса оказались лишь предвестниками великого катаклизма, который в середине XII века до н.э. обрушился на весь тогдашний цивилизованный мир от гор Пинда до быстротекущего Ириса. Другой прелюдией к грандиозному крушению стала Троянская война.

Согласно греческой легенде, владыка Микен Агамемнон и его брат, спартанский царь Менелай, объявили войну Трое из-за легкомысленной жены Менелая Елены Прекрасной, сбежавшей с троянским царевичем Парисом.

Однако главная причина наверняка заключалась в другом: богатства «крепкостенной» Трои, контролировавшей торговый путь через Геллеспонт, не могли не привлечь любителей крупной поживы.

Вряд ли слабовольный красавчик Менелай решился бы пойти войной на город Приама даже ради всех тамошних сокровищ или ради десятка похищенных жен, но его старший брат Агамемнон уродился нравом в их свирепого отца, детоубийцу Атрея.

Он собрал коалицию ахейских царств, и, принеся в жертву собственную дочь, чтобы вымолить у Артемиды попутный ветер, повел флотилию из 1200 кораблей к Геллеспонту. Девять лет длилась изнурительная осада города, стены которого считались почти неприступными[152], а на десятый год Троя пала — благодаря изобретательности Одиссея, подкинувшего врагам начиненного воинами деревянного коня. Дома и храмы древнего города были разграблены, жители перебиты или угнаны в рабство, но и победителей-ахейцев ждала печальная участь. Одни из них погибли на обратном пути, другие — по возвращении домой, третьи же так и окончили свою жизнь в изгнании, на чужбине.

Выдумки? Мифы? Сказки? Но не так давно были найдены подтверждения легенды о Мопсе — одном из героев, осаждавших Трою, а после войны основавшем город в Киликии. Может быть, и в других легендах тоже кроется истина, укутанная в плотную пелену позднейших домыслов, пересказов, фантазий?

Трудно, почти невозможно разглядеть сейчас в темном колодце времени, как в действительности происходило крушение мира, олицетворением незыблемости которого служили циклопические стены Микен и Тиринфа, цитадели Хаттусы и Богазкёя. И до сих пор неясно, что за племена принимали участие в грандиозном переселении, которое принято именовать нашествием «народов моря» и которое было для современников чем-то вроде Всемирного потопа, бушевавшего не семь и не сорок дней, а несколько лет.

Египту еще повезло, что на юге волна «народов моря» была не столь высока; лишь благодаря этому Рамсесу III удалось разбить врагов в грандиозном морском сражении и уберечь от уничтожения свою страну. У хеттов же на спасение не было ни малейших шансов.

Диковинное сборище движущихся с запада полудиких племен с неудержимостью цунами обрушились на хеттское царство, на его вассалов, недругов и союзников и смело их с лица земли. Были захвачены Аласия, Амурру и Киццуватна, уничтожена Арцава, погибла Киликия, разорена дотла Северная Сирия. С захватом северо-западного и сирийского торговых путей для хеттской империи все было кончено.

Последний царь Хаттусы, Суппилулиумас II, все же пытался сопротивляться врагам, но это было безнадежным делом, ибо одновременно с нашествием с Балкан «народов моря» в спину ему ударили каски. И вот над стенами хеттской столицы взметнулись первые языки пламени, в то время как зарево на западе возвещало об уничтожении поселения, успевшего отстроиться на месте уничтоженной ахейцами Трои. И вряд ли уцелевших жителей селения могло утешить то, что города их врагов ахейцев — легендарные Иолк, Фтия, Микены, Пилос — тоже гибли сейчас один за другим, уничтожаемые ордами дорийцев. Эти северные племена, первоначально обитавшие в предгорьях Олимпа и в Иллирии, несколькими волнами прокатились по Элладе, на пятьсот лет погрузив ее во мрак «темных веков».

Ахейцы, изгнанные голодом и войной из родных мест, тысячами выселялись на Киклады или на малоазийское побережье, а самые активные из них вливались в полчища «народов моря»; повсюду властвовал железный меч, а оказавшиеся вдруг ненужными вещи вроде письменности, науки и искусства были надолго забыты.

Это неправда, что государства гибнут, только подточенные внутренним недугом. Взгляните: вот могущественный Агамемнон в блеске славы возвращается из-под Трои, вот Арнувандас отплывает с побежденного Кипра... Проходит совсем немного времени — и Хаттуса гибнет в

огне, а Микены превращаются в руины, по которым бродят дикие звери!

Начиная с XII века до н.э. завеса забвения опустилась над великой империей хеттов и над крито-микенской Грецией. Но если Греции через много веков суждено было возродиться во всем блеске классической Эллады, то от страны Хатти боги отвернулись навсегда. Правда, в Сирии еще спустя полтысячелетия после гибели хеттской державы существовали мелкие государства, хранившие традиции ее культуры — такие как Хама, Алеппо, Мараш, Каркемиш, но их язык и религия были уже не хеттскими, а хурритскими. А потом и эти царства подмяла под себя Ассирия, и с падением Каркемиша, взятого Саргоном II в 717 году до н.э., хеттский народ окончательно ушел в небытие.

Их боги, их легенды, их искусство... их менталитет

«Народ, лишенный изящества»

Завоеватели и беспощадное время оставили от памятников хеттской культуры лишь немногие крохи, а то, что уцелело, дало основание С. Ллойду назвать хеттов «народом, лишенным изящества».

Если сравнивать барельефы и скульптуры Хаттусы и Богазкёя с вычурным искусством египтян, с изящными фресками Крита и Феры или с шедеврами классической Эллады, искусство страны Хатти и впрямь может показаться безыскусными набросками ребенка в сравнении с произведениями опытных мастеров. Но есть в этих «набросках» нечто, чего вы не сможете найти ни в тель-амарнских росписях, ни в ассиро-вавилонских барельефах. Это сила в сочетании с простотой и искренность, граничащая с наивностью.

Те же черты отличают все, что писали или делали хетты: от анналов царей до воинской присяги. Нет, хеттский народ вовсе не был лишен чувства прекрасного, напротив:

даже такие скучные документы, как судебные протоколы, писцы Хаттусы старались расцветить образными выражениями... Видимо, чтобы не умереть от скуки во время длящихся подолгу судебных заседаний.

Раз уж речь зашла об юриспруденции, хочу заметить еще вот что: хеттские законы любопытны не только с точки зрения истории развития юридической мысли и не только как иллюстрация неуемного стремления хеттов к справедливости. Некоторые из статей дошедшего до нас судебника представляют собой зачатки самого популярного впоследствии жанра — анекдота. Как вам, например, понравится такой закон: «Если собака съела чужое сало, а хозяин сала поймал ее и извлек сало из ее желудка, наказания быть не должно». К сожалению, не уточняется, *кому именно* наказания быть не должно — то ли хозяину собаки, то ли тому, кто извлек сало из ее желудка. Сама собака, надо полагать, бывала достаточно наказана уже в процессе извлечения украденного сала. О том, куда предполагалось употребить спасенный таким образом продукт, даже не хочется думать... Может, данный анекдот вставили в свод законов по просьбе некоего страдальца-судьи, столкнувшегося с подобным случаем и позаботившегося о создании соответствующего прецедента?

Если же говорить серьезно, то в хеттских законах (самый старый список которых всего лишь на 100 лет моложе законов Хаммурапи)[153], в первую очередь поражает их мягкость. Почти все преступления, по вавилонским законам каравшиеся смертной казнью, в стране Хатти карались всего-навсего штрафом: кража, укрывательство беглых рабов и даже колдовство; причем в судебнике отмечалось, что штраф этот значительно снижен по сравнению с принятым прежде. Правда, подобный гуманизм проявлялся только по отношению к свободным людям, и многие упрекают хеттов за такое вопиющее неравенство рабов и свободных перед законом. Это обвинение кажется мне довольно странным — попробуйте-ка найти хоть одно рабовладельческое государство, в котором раб и его хозяин были бы равны перед законом!

Зато члены Общества защиты животных (существуй такое общество в те времена) остались бы безмерно довольны хеттским правом: в стране Хатти человек, согрешивший с овцой или со свиньей, приговаривался к смертной казни, но и быку, «прыгнувшему» на человека, грозило то же самое[154].

Пожалуй, большего равенства перед законом «меньших» и «больших» братьев просто невозможно пожелать. И после столь изящного решения проблемы скотоложества кто-то еще называет хеттов «народом, лишенным изящества»!

Кстати, об изяществе... и искусстве. Да, в сравнении с ассирийскими шеду или рядом с быками Вавилона львы, охранявшие хеттские крепости и города, несомненно, проигрывают в изяществе исполнения и в реализме. Львы на Телль-Атханы или Алладжи скорее напоминают детскую игрушку или усатого булгаковского Кота Бегемота, довольного очередной хулиганской проделкой. Но со своей охранной службой эти толстые увальни справлялись ничуть не хуже, чем крылатые человекобыки Дур-Шаррукина или быки Вавилона, во всяком случае, до тех пор, пока «народы моря» не разнесли вдребезги многокрасочный мир хеттов.

Каменные львы Хаттусы сохранились до наших дней, но письменных памятников хеттской культуры уцелело до обидного мало. Так мало, что нет никакой надежды свести с богами страны Хатти столь же близкое знакомство, какое мы свели с божествами Египта или Месопотамии.

Царство громов и молний

У хеттов почиталось великое множество богов и богинь, но собственно хеттских среди них насчитывалось совсем немного. В этом нет ничего странного. В такой многонациональной державе, столичный архив которой содержал документы на восьми языках, и божества должны были быть самых разных национальностей. И что сразу бросается в глаза

при взгляде на хеттский пантеон — это то, что почетное место в нем занимают многочисленные властители гроз.

Малая Азия в отличие от Месопотамии всегда была богата бурями и грозами, так что даже тамошние цари иногда с перепугу лишались дара речи от ударов грома — вспомните Мурсилиса II! — поэтому повелителей небесного огня в стране Хатти чтили превыше, чем, скажем, повелителей ручьев или рек (хотя священных источников там тоже было немало).

Итак, запасясь на всякий случай фульгуритом[155], тушкой зимородка или каким-нибудь другим талисманом, отводящим молнии, давайте попробуем познакомиться с хеттскими божествами.

От имени Бога Грозы, почитавшегося в Хаттусе, до нас дошло только окончание *-унас*, а имя его супруги неизвестно вообще. Зато известно, что эта любящая пара имела троих детишек; двое из них уродились в папу и сделались Богами Грозы городов Нерика и Циппаланды, а о третьем — Телепинусе, речь пойдет чуть ниже.

В дне пути от Хаттусы, в городе Аринне, обитал еще один Бог Грозы, супруг Богини Солнца Вурусему. Вурусему почиталась еще хаттами, а во времена расцвета хеттской империи сделалась ее главным женским божеством, «царицей страны Хатти, царицей Неба и Земли». Супруг ее носил титул царя Небес, господина страны Хатти; это он вместе с Богом Солнца Египта удостоверил договор Хаттусилиса III и Рамсеса II. И все-таки солнечная жена затмевала супруга своим блеском — именно к ней в первую очередь обращались правители в годину бедствий, как поступил Мурсилис II во время эпидемии чумы или Пудухепа — в разгар затеянной ее мужем гражданской войны.

С тех пор, как к власти в Хаттусе пришла хурритская династия из Киццуватны, в стране начало быстро входить в моду все хурритское: хурритские имена, хурритская одежда, хурритские боги; а в «имперскую эпоху» религиозные тексты во время ритуалов уже зачастую читались по-хурритски и по-лувийски. Жителям страны Хатти поневоле приходилось становиться полиглотами! Но и при-

шлые божества точно так же любили атмосферное электричество, как и сторожилы хеттского пантеона. Самые внушительные храмы в честь Бога Грозы возвышались в области Тавра и в Северной Сирии, то-есть в самой «хурритизированной» части империи. Хурриты поклонялись грозовому божеству, которого звали Тешуб, супруга же его носила имя Хебат или Хепат (Хепа); вероятно, именно от ее имени произошло имя библейской прародительницы человечества — Ева.

Через хурритов, воспринявших шумеро-аккадских богов, хетты познакомились с Ану, Анту, Нинлиль, Эйей, Энлилем и, конечно же, с Иштар, с которой отождествлялась Сауска, покровительница города Самухи. Как вы вскоре убедитесь, месопотамские божества обосновались в стране Хатти, как у себя дома.

Само собой, один из самых многочисленных народов Малой Азии — лувийцы — тоже не могли не обогатить империю хеттов своими богами, во главе которых выступал повелитель гроз Таттас...

Вы еще не оглохли от раскатов грома? Нет? Тогда продолжим: в городе Туванува имелся собственный Бог Грозы неизвестной национальности; происхождение Бога Грозы города Тархунта можно установить только с помощью анализа ДНК; среди палайских божеств, осевших в хеттской державе, главное место опять-таки занимал Бог Грозы! Кроме них можно упомянуть еще Бога Грозы города Мануцци (это его ужасающий гром лишил царя Мурсилиса дара речи), а также Пирваса, бога на лошади, одного из немногих собственно хеттских божеств. Его имя, родственное хеттскому «перуна» — «скала», впоследствии унаследовали Перун и Перкунас — славянский и литовский громовые божества...

Уф! Пожалуй, хватит. Самое время отложить в сторону фульгуриты и обратиться к тем немногим отрывкам, что сохранились от хеттских мифов и легенд...

...хотя правильнее было бы сказать не «отрывкам», а «обломкам», ведь почти все уцелевшие хеттские тексты запечатлены на глиняных табличках.

Вот вам еще одна горькая ирония судьбы и истории: материал, использовавшийся для кратковременных записей, пережил века и даже тысячелетия! А тексты, которым суждена была, по мысли их создателей, долгая жизнь, погибли в огне агонизирующих городов или в кострах, освещавших стоянки «народов моря». Да, скорее всего основным материалом для «книг» как в хеттской державе, так и в крито-микенской Греции служили деревянные дощечки, выделанные шкуры[156] и, возможно, пальмовые листья. Это предположение объясняет, почему на глиняных табличках, найденных в микенских городах, сохранились только скучные хозяйственные тексты: сиюминутную бухгалтерию выгоднее было вести на таком дешевом, доступном и удобном в обработке материале, как глина. Это объясняет также, почему в хеттских архивах содержится так мало художественных произведений. Если бы в Аххияве и в стране Хатти деревья были столь же редки, как в Месопотамии, ахейские и хеттские легенды и мифы во множестве дошли бы до нас на глиняных табличках, подобно шумеро-аккадским, но...

Но теперь мы имеем лишь то, что имеем.

Поэтому заранее приготовьтесь скрежетать зубами, когда истории, которые вы сейчас прочтете, будут обрываться на самом интересном месте.

Битвы богов (хеттский перевод хурритского мифа) Кумарби попадает в «интересное положение»

В стародавние годы, на заре времен, хуррито-хеттские боги сражались за владычество над недавно сотворенным миром.

Сначала на небесном престоле восседал бог Алалу, а все прочие божества подчинялись ему. Даже Ану, которого шумеры и аккадцы называли «отцом богов», почтительно склонялся перед ним и прислуживал на его пирах. Так

длилось девять веков, пока Ану не возмужал и не набрался храбрости бросить вызов верховному богу:

— Эй ты, жалкий выскочка, выходец из низов! Твое место под землей, а не на облачном престоле! Только я, рожденный на небесах, имею право здесь восседать!

И Ану, отважно ринувшись в бой, так намял бока своему бывшему господину, что Алалу в панике бросился вниз и укрылся в далекой Темной Земле, откуда был родом.

Победитель же гордо уселся на освободившийся трон, наивно полагая, что уж его-то отсюда никто никогда не сбросит!

Следующие девять веков и впрямь ничто не омрачало царствования нового владыки, но когда наступил десятый век, подрос мститель за низвергнутого Алалу — его сын Кумарби. Все это время он послушно прислуживал узурпатору, но наконец почувствовал в себе силы восстать против Ану.

И вновь небеса содрогнулись от битвы бессмертных, и молнии дождем посыпались на почерневшую от ужаса землю.

Почти сразу Ану понял: ему не выстоять против молодого, сильного и свирепого врага. Вырвавшись из рук Кумарби, он ринулся вверх, пытаясь спастись в родных небесах, — так же, как Алалу когда-то укрылся от него в земных недрах, — но рычащий от ярости Кумарби вцепился зубами в ногу противника, стащил Ану вниз и... откусил ему детородный член! Потом он проглотил лакомый кусочек и радостно захохотал, полагая, что вопрос о престолонаследии решен теперь раз и навсегда.

Но Ану, даже потеряв мужское достоинство, самообладания и разума не потерял. Гордо взглянув на победителя, он оборвал его смех такими словами:

— Рано радуешься, голубчик! Скоро тебе придется не смеяться, а плакать. Знай же: в твоем чреве зреют теперь мои дети, три ужасных бога — Тешуб, повелитель реки Аранцах[157] и храбрый Тасмису. Ты превратил меня в евнуха, Кумарби, но и сам ты отныне скорее женщина, чем мужчина! В положенный срок тебе суждено родить тех,

кто отомстит за меня. Ну, что же ты больше не хохочешь? Впрочем, хоть смейся, хоть плачь, хоть разбей голову о гору Тассу[158], своей позорной судьбы ты ничем уже не изменишь!

Окинув врага последним презрительным взглядом, Ану взмыл вверх и растаял в синеве небес...

А Кумарби взвыл и начал яростно плеваться. Но хотя ему удалось наплевать целую гору Канцуру, огромную Гору Богов[159], он так и не избавился от того, что было у него внутри.

Тяжелая беременность Кумарби

Трясясь от бешенства, бормоча ругательства, Кумарби помчался за советом к богу Энлилю. Но что мог ему посоветовать хозяин Экура? Любые противозачаточные средства были бессильны против семени Ану, и теперь оставалось лишь подсчитывать месяцы беременности в ожидании рождения трех богов. Энлиль любезно предложил гостю свои услуги в этих подсчетах, но Кумарби разгневанно отказался и бросился на поиски Намхэ. Уж если кто и мог решить наисложнейшую акушерскую проблему, то только богиня плодородия!

Но напрасно Кумарби надеялся на помощь почтенной богини. Когда Намхэ узнала, какой услуги от нее ждут, она так взъярилась, что сыну Алалу пришлось спасаться бегством. Вслед ему неслись возмущенные крики:

— Да неужели я, Намхэ, соглашусь принимать роды, чтобы убить появившееся на свет невинное дитя?! Прочь отсюда, мерзавка! Ты позоришь все женское племя!

Кумарби с трудом увернулся от просвистевшей мимо его уха сковороды и перешел с рыси на легкий галоп.

Теперь у него оставалась последняя надежда, извечное прибежище всех отчаявшихся горемык: добрый Эйя.

Путь до подводного дворца Апсу был неблизок, особенно для бога в «интересном положении», и лишь на седь-

мом месяце беременности Кумарби удалось наконец до него добраться.

Тем временем Ану чуть ли не каждый день нетерпеливо высчитывал на пальцах сроки и, разменяв седьмой месяц, не выдержал. Ладно, пусть его сыновья родятся недоношенными, лишь бы трое мстителей поскорей появились на свет! И Ану запел заклинание, призывая самого грозного из трех близнецов — Тешуба — покинуть тело Кумарби:

— О, выйди из тела Кумарби!
О, как за тебя я боялся!
Я — Ану, я жизнь тебе дал!
О, выйди из чрева Кумарби!
Как женщина, пусть он родит![160]

В мстительном запале бывший царь богов совсем не подумал о существенном различии в анатомии женщин и мужчин. Об этом ему напомнил сам Тешуб: потыкавшись туда-сюда в поисках выхода, малыш обиженно отозвался из своей темницы:

— Как место найти мне благое,
Чтоб выйти из чрева Кумарби?
Едва появлюсь, как тростник,
Кумарби меня переломит.
Как выйти из тела Кумарби
И не осквернить при этом?
Из уха Кумарби я б вышел,
Но ухо меня б осквернило!
Как выйти из места благого?
Родятся же дети у женщин!
О, как бы на свет мне родиться?

Ану перестал петь и схватился за голову: в самом деле, как? Почему он об этом не подумал?

Но в скором времени старик нашел решение трудной проблемы:

— Назначено место, где выйдешь:
Ведь Богу Грозы надлежит
Пройти через череп Кумарби,
Пробьет его камень большой,
И в это отверстье он выйдет,
Родится на свет Бог Грозы!

Тешуб обрадованно захлопал в ладоши: ему отнюдь не улыбалось протискиваться через чье-то немытое ухо. Вот появиться на свет из расколотого черепа родителя — это вполне достойно великого Бога Грозы!

Кумарби же возня и разговоры в его животе довели до полного остервенения.

— Заткнись, негодник! Сиди смирно! — сквозь зубы процедил он. — Ну, подожди, только высунься наружу, уж я с тобой разберусь!..

— Это я с тобой разберусь! — задорным голосом откликнулся Тешуб. — И кто как обзывается, тот сам так называется!

Во все горло распевая дразнилку, он начал приплясывать во чреве Кумарби, и к его пляске тут же присоединились оба брата.

Придерживая руками живот, беременный бог из последних сил ввалился в подводные чертоги Апсу и так низко склонился перед хозяином, что упал на пол.

— Ты не ушиблась, дорогуша? — вскричал Эйя, вскакивая с трона. — В твоем положении надо быть осторожней! Позволь, я тебе помогу...

Он подхватил «гостью» под локоть, взглянул «ей» в лицо — и оторопел.

— Как, это ты, Кумарби?!

— Сам видишь, что я! — прошипел тот. — И больше не смей называть меня дорогушей... О-ох!

— Да у тебя, никак, начинаются схватки? — всполошился Эйя. — Эй, слуги, скорей бегите за повивальными бабками!

— Никаких бабок! И никаких слуг! — прорычал Кумарби. — Ты сам примешь маленького стервеца, который

отплясывает у меня в животе. И как только он и его братцы появятся на свет, я тут же их проглочу!!!

— Глотать детишек? Да к тому же маленьких богов? — возмутился Эйя. — Ты, наверное, слишком устал в дороге, вот и несешь всякую ерунду. Лучше пойдем-ка к столу, сейчас я тебя накормлю доотвала. В твоем положении нужно лучше питаться...

— Ни слова больше о моем положении! — взревел Кумарби.

— Хорошо, хорошо, только не волнуйся! В твоем положе... Ммм... То-есть я хотел сказать — тебе сейчас вредно волноваться. Эй, слуги, скорей накрывайте на стол!

Трудные роды Кумарби

Эйя не поскупился на угощение: каких только яств не было на пиршественном столе! Оголодавший во время долгого пути гость отдавал должное и соленьям, и печеньям, а потом обратил внимание на свежие лепешки, которые усердно нахваливал гостеприимный хозяин. Кумарби ухватил самую румяную и пышную, откусил большущий кусок...

И вдруг закричал от боли!

Откуда ему было знать, что по приказу Эйя в эту лепешку запекли камень кункунуцци?[161]

И теперь во рту у Кумарби не осталось ни единого целого зуба, а без зубов он вряд ли сумел бы съесть своих новорожденных малышей!

Кумарби выплюнул обломки зубов вместе с крепким ругательством и вместе с запеченным в лепешку булыжником. И надо же было такому случиться: кункунуцци взлетел к потолку, стукнулся о балку и рухнул вниз, прямо на голову беременному богу, пробив в его черепе солидную дыру.

Тешуб только того и дожидался: он тут же вырвался на волю, грохоча громом, как погремушкой, а следом за ним

на свет появились Аранцах и могучий Тасмису. Все трое новорожденных нетерпеливо вырвались из рук хлопочущих над ними Богинь-Защитниц и отправились на гору Канцура, чтобы показаться отцу. И Ану ликующе захохотал, увидев с небес своих отпрысков — тех, кому вскоре предстояло отомстить за его свержение и увечье.

Тешуб показывает характер

Едва оправившись от родов, Кумарби созвал богов на срочное совещание, чтобы решить, как быть с появившимися на свет детьми Ану, в первую очередь — с грозным Тешубом?

— Его нужно уничтожить, и как можно скорей! — настаивал властелин мира. — Пока Бог Грозы не уничтожил всех нас! А заодно я хочу разобраться с грубиянкой Намхэ, которая швырнула в меня сковородкой...

— Постой, не горячись, — осадил крикуна Эйя. — Похоже, у тебя послеродовая депрессия! Но я считаю, что тебе лучше оставить Тешуба в покое. Вместо того чтобы бросать ему вызов, сделай его царем в одном из городов — поверь, худой мир лучше доброй ссоры!

Но как Эйя ни старался, он не сумел переубедить Кумарби, и остальные небожители приняли сторону верховного владыки.

Вскоре до Тешуба донеслась весть, что боги готовятся дать ему сражение. Старший сын Ану немедленно собрал свое войско, в которое кроме его младших братьев входили также два боевых быка — Сьерри и Телла.

— Этот сброд вздумал объявить нам войну! — прогрохотал Бог Грозы. — Что ж, война так война! И я уже выиграл первую битву: я проклял свирепого бога Забаба[162] и захватил его в плен. Вот он стоит перед вами, униженный, испуганный, покорный — а вскоре та же участь постигнет всех лизоблюдов Кумарби! Каждого из них я прокляну лишающим сил проклятьем — каждого, даже Эйю!

Раз хозяин Апсу не смог обуздать Кумарби, пусть теперь пеняет на себя. Кто не с нами, тот против нас! Смелость, смелость и еще раз смелость — и враг будет разбит, победа будет за нами!

Воинство Тешуба благоразумно молчало, не осмеливаясь возражать своему буйному предводителю, только бык Сьерри укоризненно промычал:

— Зачем же ты грозишься проклясть Эйю, Тешуб? Зачем ты оскорбляешь хозяина Апсу? Ведь он помог вам троим появиться на свет, он спас тебя и братьев от зубов Кумарби, он всегда выступал за мир во всем мире — а теперь ты ему угрожаешь! Ох, господин, как бы твои неразумные речи не привели к беде!

И Эйя в унисон с быком низко и мрачно отозвался из своих подводных покоев:

— Проклятий ты не говори!
Тот, кто проклинает меня,
Не знает, что делает сам!
Зачем ты меня проклинаешь?
Напрасно меня проклинаешь!
Наполнен был пивом сосуд,
Вдруг вдребезги он разобьется! [163]

Рождение детей Земли

«Пожалуй, это слишком далеко зашло! — тревожно размышлял Эйя, глядя на приготовления к грандиозной битве, которой вскоре предстояло разразиться на земле и на небесах. — Чует мое сердце — быть беде! И в первую очередь, как всегда, пострадают те, кого бессмертные даже не заметят в запале боя — хрупкие смертные люди. Что ж, я породил этих созданий, я их и спасу!»

И вот ночной порой, когда молнии разминающегося перед битвой Тешуба густо полосовали черные небеса, Не-

бесный Возница[164] погнал свою Звездную Колесницу вниз, и Земля с готовностью распахнула ему объятия.

Шесть дней продолжалась их брачная ночь, а потом Возница вернулся на небо, а беременная Земля явилась в подводный дворец Апсу, чертоги которого с некоторых пор превратились в некий божественный роддом. С того дня, как Эйя помог Кумарби родить, его слава искусного акушера затмила даже славу Аруру и Намхэ.

Беременность возлюбленной Небесного Возницы длилась недолго, и вскоре один из слуг стремглав вбежал в палаты Эйи:

— Она рожает, господин, поспешите!

Но так легки и быстры были эти роды, что Эйя даже не успел спрыгнуть с трона, как вслед за первым слугой уже влетел второй:

— Она родила! Земля родила близнецов!

Услышав радостную весть, добрый бог просиял и отправился поздравить молодую мать, собрав для новорожденных щедрые подарки: красивую одежду, серебряные игрушки и веретено — символ долголетия.

А еще через несколько дней небывало громкие раскаты грома возвестили о начале божественных битв... Но теперь Эйя был спокоен за людей: дети Небесного Возницы и Земли стали надежными хранителями и защитниками людского рода, в первую очередь — хурритов (это ведь хурритский миф, вы не забыли?).

Конечно, в войне богов одержал верх Тешуб — вот только рассказ о его победе не сохранился.

Однако это еще не конец!

Кумарби замышляет реванш. Рождение Улликумми

Кумарби в душу свою мудрость вбирает,
Как злодей, он день дурной породит.
Он против Бога Грозы зло замышляет:
Он соперника Богу Грозы породит.

...Когда Кумарби в душу свою мудрость вобрал,
С трона своего вверх он быстро взлетел.
Взял он в руку жезл,
А ноги обул
В буйные ветры, как в сапоги, —

и в два шага домчался до далекого Холодного Озера. Низвергнутый царь богов взглянул с вышины на лежащую посреди туманной водяной глади скалу в три версты длиной, полторы шириной — и скривил губы в зловещей улыбке.

— Да, Ану, твой замысел удался, Бог Грозы меня одолел! Но игра еще не закончена, о нет! Теперь я знаю, что мне делать. Вскоре бунтовщики встретятся с мстителем в тысячу раз более ужасным, чей твой ублюдок Тешуб!

На что только не пойдешь ради мести! Распоясав чресла, Кумарби десять раз сочетался с Озерной Скалой и оставил в ней свое семя.

Неизвестно, сколько времени прошло — много ли, мало ли, — но вот у Скалы родился малыш с телом из камня кункунуцци, и Богини Судьбы вместе с Богинями-Защитницами положили новорожденного на колени к отцу.

Довольно странный был вид у этого мальчугана, но Кумарби очень ему обрадовался и, качая сынка, начал придумывать отпрыску имя покрасивее.

— Как мне сына назвать,
Что Богини Судьбы и Богини-Защитницы дали мне?
...Его назову Улликумми[165].
Пусть на небо идет он и станет царем.
Славный город Куммию Улликумми растопчет,
Улликумми ведь Бога Грозы поразит,
Как мякину развеет, наступит пятою,
И раздавит его он, как муравья!
Позвоночник Тасмису, как тростник, он сломает!
Всех богов распугает на небе, как птиц,
Как пустые горшки, разобьет их!

Такую милую колыбельную напевал Кумарби над новорожденным сыном... Но потом умолк и задумался: где бы ему спрятать малыша, чтобы враги не убили Улликумми в младенчестве?

Бывший царь кликнул своего советника Импалури:

— Отправляйся немедленно к богам-Ирсиррам, позови их ко мне! Да смотри, не говори, зачем они мне понадобились, чтобы весть о моем сыне не разлетелась по всей земле!

Быстроногие Ирсирры, одни из немногих богов, оставшихся верными Кумарби после его свержения, тут же явились на зов и выслушали повеление господина:

— Возьмите этого малыша, отведите на Темную Землю и посадите на плечо Упеллури. Только там мой сын будет в безопасности, только там он сможет вырасти, невидимый богам!

Да, это было неплохо придумано!

Упеллури, божество подземного мира, подобно эллинскому Атланту, держал на себе Небо и Землю. Но в отличие от Атланта, увлекавшегося садоводством и выращивавшего золотые яблоки Гесперид, этот неуклюжий ленивый гигант не интересовался абсолютно ничем. И им самим, стоящим на краю мира по горло в воде, тоже никто не интересовался. Лучшего убежища для ребенка, чем у великана на плече, было просто не найти!

Иштар пытается обольстить Улликумми

Ирсирры взяли новорожденного сына Кумарби, посадили его на правое плечо Упеллури, и Улликумми остался торчать там, словно стойкий оловянный солдатик... Или, скорее, как длинный узкий меч. Каменный отпрыск Озерной Скалы был слеп, глух, нем и неподвижен, зато рос не по дням, а по часам! За каждый день он вытягивался на сажень, за месяц — на четверть версты, а через пятнадцать дней стал таким огромным, что показался из

моря по пояс, почти коснувшись головой небесных чертогов богов.

Только теперь Бог Солнца, невзначай посмотрев вниз, увидел Улликумми и страшно удивился.

— Что это за странная штука торчит из моря? И, если глаза меня не обманывают, она растет?

Бог Солнца спустился, рассмотрел Улликумми поближе и со всех ног помчался к Богу Грозы.

Едва взглянув на запыхавшееся Солнце, Тешуб и Тасмису поняли: произошло что-то ужасное! А когда перепуганный гость рассказал, что случилось, братья бросились на край света, чтобы своими глазами увидеть каменное чудовище.

— Эй, братишки, в чем дело? — Иштар, сестра Тешуба и Тасмису, догнала их и помчалась рядом. — На вас лица нет, что за беда стряслась?

Но край света был уже близок, и братьям ничего не понадобилось объяснять: Иштар сама все поняла, когда увидела Улликумми.

Два бога и красавица-богиня в ужасе уставились на каменное чудовище, торчащее из воды, словно меч, угрожающий небесам. Даже храбрый и бесшабашный Тешуб, и тот побледнел и застучал зубами.

— Готов поспорить, что это отпрыск Кумарби, рожденный всем нам на погибель! — простонал он. — Кто же выстоит в битве с эдаким каменным монстром? Посмотрите, он уже достиг головой облаков и все равно продолжает расти!

Иштар опомнилась первой и принялась утешать перепуганных братьев:

— Успокойтесь! Хоть он и похож на гору Канцуру, он все же мужчина и, как мне кажется, недалекого ума... Значит, я в два счета сумею его обольстить. Могу поспорить, он у меня быстро забудет, что его тело сделано из камня!..

И Иштар, спустившись на побережье с лютней и бубном, запела страстную песню, закружилась в зажигательном танце.

Богиня плясала и пела час, другой и третий, до крови изранила ноги об острые камни, до хрипоты сорвала голос, но Улликумми продолжал неподвижно стоять на плече Упеллури, все такой же бесстрастный и молчаливый: камень камнем, столб столбом!

Неизвестно, сколько еще времени красотка выбивалась бы из сил, но тут из моря встала большая волна и сочувственно прошумела:

— Эй, дочка, не мучайся понапрасну! Этот парень слеп и глух, он не оценит твоих любовных песен и танцев!

Давно не испытывала богиня любви такого удара!

Как услышала это Иштар,
Сразу петь перестала
И отбросила лютню и бубен,
Украшенья с себя сорвала золотые,
Плача в голос, ушла она прочь.

Поражение Бога Грозы

После сокрушительного фиаско Иштар пришло время взяться за дело ее братьям.

И хотя у Бога Грозы дрожали колени при одном воспоминании об Улликумми, все же он начал готовиться к битве, засыпая слуг многословными приказаниями:

— Приготовят пусть корм для быков!
Благовонное масло пускай принесут!
Пусть натрут благовоньями Сьерри рога!
Хвост у Теллы пусть золотом будет покрыт!
Дышло в упряжи бычьей пускай повернут!
Прикрепят эту упряжь к могучим быкам,
А снаружи на упряжь пусть камни наденут!
Поскорее пусть вызовут грозы такие,
Что за верст девяносто скалу разбивают...

Ветры вызовут пусть вместе с ливнями быстро,
И те молнии, что ужасают сверканьем,
Пусть из спальных покоев скорее выводят!

Так командовал Тешуб, всеми силами стараясь оттянуть миг сражения... А пока его слуги золотили хвост одному боевому быку и натирали благовониями рога другому, Улликумми все рос и рос.

Но вот последние приготовления были завершены и, взойдя на колесницы, боги устремись в бой.

Вот тут-то Улликумми впервые шевельнулся и показал, на что он способен! Одним движением каменной рукой он низверг в море целый отряд богов во главе с Аштаби и

Небесами, как платьем порожним, встряхнул он.

А ростом сын Кумарби теперь уже намного превосходил гору Канцуру: если раньше он возвышался над морем на две тысячи верст, то сейчас затмевал собою полнеба, так что жители Куммии — священного града Бога Грозы — даже с самых высоких башен не могли разглядеть поле сражения.

Напрасно супруга Тешуба Хебат вглядывалась вдаль с башни своего храма; она видела только гигантского каменного врага, облик которого внушал ей леденящий ужас.

Тогда Хебат позвала верную богиню Такити:

— Пожалуйста, возьми скорее жезл, обуй ноги в буйные ветры, как в сапоги, и лети на поле битвы, принеси мне вести о муже. Жив ли он? Цел ли он? Или великан Кункунуцци[166] уже его одолел?

Такити взмыла в небо и понеслась на север — но куда бы она ни направлялась, всюду каменной преградой перед ней вставал Улликумми. Так и не выполнив просьбу госпожи, вестница вернулась к Хебат, и женщины снова стали со страхом вслушиваться в звуки далекого боя...

Вдруг откуда ни возьмись на площадку башни рухнул брат Тешуба Тасмису.

— Бог Грозы велел мне вывести тебя из Куммии, Хебат! — прохрипел он, вытирая пот и кровь с осунувшегося лица. — Похоже, наши дела совсем плохи. Брат приказал мне спрятаться вместе с тобой в укромном месте... Но лучше беги и прячься сама, царица! Я тебя предупредил, а теперь мне надо вернуться на поле боя...

И Тасмису, повернувшись на пятках, унесся прочь, а Хебат вскрикнула и в полубеспамятстве сделала шаг вперед. Она упала бы с башни, если бы в последний миг ее не подхватили придворные женщины.

Эйя побеждает Улликумми

— Надо отступать! — крикнул Бог Грозы, отшвырнув в сторону колчан, в котором больше не осталось перунов. — Нам не выстоять в битве с каменным исполином!

— Отступать? Куда? — хладнокровно отозвался Тасмису. — На вершину Канцуры или Лалападувы?[167]

Чтобы сидеть там, дрожа, и ждать, когда Улликумми швырнет нас себе под ноги и растопчет, как муравьев?

— Что же ты предлагаешь? — огрызнулся Тешуб.

— Там, где не помогли отвага и сила, должен помочь разум. Есть один-единственный бог, которому под силу справиться с Кункунуцци, — это Эйя. Пойдем к нему, поклонимся стократно и попросим помощи против сына Кумарби!

Да, ничего другого разбитым наголову богам и впрямь не оставалось!

И Тешуб с Тасмису, явившись в Апсу, принялись усердно бить поклоны. Пять раз они поклонились воротам дворца, пять раз — дверям покоев Эйи, а когда навстречу им вышел хозяин, успели совершить перед ним пятнадцать поклонов, прежде чем он их остановил.

— Сейчас не время для подобных упражнений! — проворчал Эйя, даже виду не подав, что помнит о давнишней

размолвке с Тешубом и о зловещих посулах Бога Грозы. — Я уже знаю, что Кункунуцци вас победил!

— Чудовищный сын Кумарби разнесет на куски весь мир, если ты не придумаешь, как его одолеть, — пробормотал Тасмису. — Пожалуйста, придумай что-нибудь... Ведь стоит ему подрасти еще на пару-другую верст, и его уже невозможно будет остановить!

— Я должен посмотреть на него вблизи, — задумчиво перебил мудрый бог и, покинув подводный дворец, отправился на край света, где по горло в воде все так же безмятежно стоял Упеллури...

А на правом плече гиганта торчало такое, что Эйя невольно присвистнул. Да, акселерат Улликумми не терял времени зря! Если не принять экстренных мер, скоро с ним и впрямь невозможно будет справиться!

Громкий свист заставил Упеллури прервать храп и медленно приподнять тяжелые веки.

— Это ты, Эйя? — зевая, удивился гигант. — Рад тебя видеть, у-эых!

— Здравствуй, дружок! — отозвался Эйя и помялся, не зная, как бы поделикатнее задать щекотливый вопрос. — Скажи, пожалуйста, Упеллури, когда ты в последний раз смотрел на свое правое плечо?

— Да никогда, — благодушно сообщил тот и зевнул так, что чуть не вывихнул челюсть. — А зачем?

— Затем, что на твоем плече стоит сын Кумарби Улликумми, сотворенный на погибель богам!

— Подумать только, — вежливо-равнодушно откликнулся великан. — Ну и что же?

— А то, что он продолжает расти и скоро, наверное, коснется головой самого верхнего неба! Неужели ты ничего об этом не знал? И неужели тебя это совсем не волнует?

— Эйя, когда боги взвалили на меня небо вместе с землей, я об этом и знать не знал, — прогудел Упеллури. — И когда подножие небес отсекли от краев земли, я об этом ведать не ведал. Да, теперь я припоминаю, что с некоторых пор что-то начало давить мне на плечо... Но почему я должен из-за этого волноваться?

— Да погляди же наконец! — Эйя силой повернул голову гиганта вправо. — Неужели тебе не хочется сбросить с себя эту тяжесть?

— Да, впечатляет... — пробормотал Упеллури. — Не-а, не хочется... — и великан снова погрузился в сон.

Некоторое время Эйя напряженно размышлял, кусая губы, а потом вдруг стукнул себя ладонью по лбу:

— Ха! А ведь я, кажется, знаю, как победить Кункунуцци! Ну, спасибо, дружище, что ты напомнил мне о тех временах, когда небо было отсечено от земли!

— Хррр... Ммммм... Ффф... — отозвался сквозь сон Упеллури.

Улликумми же за время беседы Эйи и великана вытянулся еще на три локтя.

Хозяин Апсу поспешил к богам минувшего, которые заведовали складом с рухлядью, накопившейся еще от начала времен. В необъятном полутемном помещении само время, казалось, остановилось, запутавшись в висящей повсюду паутине. Порой боги-кладовщики просыпались, чтобы стряхнуть с себя полуметровый слой пыли, а потом опять погружались в дремоту на несколько десятков лет...

И вдруг пыль, пауки, паутина, таблички учета имущества полетели в разные стороны: на склад ворвался Эйя и поднял всех на ноги громким криком:

— Эй, просыпайтесь, вставайте! Немедленно принесите мне нож, которым когда-то отрезали небо от земли! Я отсеку им Улликумми от плеча Упеллури, и никогда больше каменный исполин не будет торчать подобно мечу!

Кладовщики всполошенно заметались туда-сюда и через пару часов отыскали древний нож между первым изданием таблиц судеб бога Энлиля и давно вышедшим из моды старым платьем Иштар.

А дальше все пошло как по маслу!

Эйя блестяще провел хирургическую операцию: Упеллури даже не проснулся, когда гигантский каменный нарост, отсеченный от его плеча, с плеском шлепнулся в

воду. Он не проснулся и тогда, когда присутствовавший на операции Тасмису ликующе закричал:

— Слава тебе, Эйя! Весь мир перед тобой в неоплатном долгу!

— Да, уже в который раз, — снимая маску и вытирая пот со лба, скромно согласился божественный хирург. — Что ж, теперь дело за вами!

Тасмису с радостным воплем устремился на небеса, зовя старшего брата окончательно расправиться с поверженным противником, и Тешуб не заставил себя долго ждать.

На колесницу, как птица, взлетел Бог Грозы,
С громовыми раскатами к морю понесся,
И сразился тогда Бог Грозы с Кункунуцци...

Угадайте, кто победил в этом сражении?

Исчезновение Телепинуса

Телепинус, отпрыск Бога Грозы и Богини-Матери, покровитель плодородия и растительности, был почтительным и послушным сыном, но и ему порой доводилось ссориться с родителями. Так и случилось однажды: раздор начался из-за пустяка, но слово за слово перерос в большую ссору. И в конце концов Телепинус так разозлился, что, в гневе надев правый сапог на левую ногу, а левый на правую, покинул отчий дом.

— Иди-иди, грубиян! — прокричал ему вслед отец. — И можешь больше не возвращаться, невежа!

Мать-Богиня, тоже рассердившаяся на сына, промолчала... Но с уходом Телепинуса ее дом словно осиротел, и точно так же осиротел весь мир, совсем как тогда, когда Иштар спустилась в преисподнюю.

Погасли в очаге поленья, и окна заволокло чадом. В хлеву затосковали быки, в загонах — бараны. Овцы не

захотели кормить ягнят, коровы отгоняли от вымени телят. Перестали цвести и плодоносить растения, женщины больше не рожали детей, высохли пастбища, погибли леса, обмелели реки.

Однако бессмертные не сразу поняли, что происходит. Бог Солнца по привычке устроил для своих собратьев роскошный пир, но сколько гости ни налегали на яства, их по-прежнему мучил голод; сколько чаш они ни осушали, им все больше хотелось пить.

— Что же это такое? — испуганно вскричал Бог Солнца. — Откуда такая напасть?

Только теперь Бог Грозы сообразил, что происходит, и со вздохом признался:

— Наверное, это случилось из-за того, что мой сын Телепинус в гневе покинул отчий дом! Нужно поскорее вернуть его, пока все живое в мире не погибло от голода!

Самые быстроногие гонцы бросились на поиски Телепинуса, но нигде не могли его найти. Даже орел Бога Солнца, хотя и осмотрел все горы, долы и морские волны, не разыскал беглеца. Даже сам Бог Грозы, как ни старался, не смог отыскать сына. Усталый и голодный, он ни с чем вернулся домой и в ответ на тревожный взгляд жены проворчал:

— Бесполезно! Наверное, наш отпрыск всем назло укрылся в Иркалле!

Тогда Богиня-Мать разжала ладонь, на которой сидела крохотная пчелка:

— Лети! Ищи Телепинуса! А когда найдешь, ужаль этого лентяя пару раз, чтобы поднять с места, и приведи сюда!

— Да ты, никак, рехнулась, жена! — раздраженно громыхнул Бог Грозы. — Раз уж орел Бога Солнца не высмотрел сверху нашего лоботряса, где его разыскать какой-то жалкой пчеле?

Однако крылатая посланница Богини-Матери оказалась на редкость трудолюбивой. Она без устали летала туда-сюда до тех пор, пока не нашла наконец Телепинуса спящим на лесной поляне возле священного города Лих-

цина. Помня наказ хозяйки, пчела ужалила беглеца в руку, ужалила в ногу — и Телепинус вскочил с громким воплем, разозленный еще больше прежнего!

Тряся укушенной рукой, бог в гневе принялся сметать дома и целые города, губить людей и животных, колыхать землю и громыхать так, как не сумел бы даже его отец, Бог Грозы!

Бессмертные и смертные в ужасе прятались, и не помышляя о том, чтобы утихомирить разошедшегося буяна... Но великая волшебница богиня Камрусепа не растерялась. Вооружившись крылом орла, она принялась нараспев читать заклинание:

— Сердитый дух Телепинуса и его сердцевина! Задыхаются в огне дрова. И подобно тому, как дрова горят, пусть так же сгорит гнев Телепинуса, сердитость, вина, свирепость. Как маленькие зерна солода в поле не несут, а оставляют впрок на семена... так пусть столь же малы станут гнев Телепинуса, его сердитость, вина и свирепость.

...Прочь, гнев Телепинуса! Прочь, сердитость! Прочь, вина! Прочь, свирепость! Подобно тому как вода по водосточному желобу обратно вверх не течет, так пусть гнев Телепинуса, его сердитость, вина и свирепость назад не приходят!

И волшебство Камрусепы подействовало: Телепинус успокоился, перестал ругаться, чесать укушенную руку и виновато обозрел причиненные им опустошения.

А потом он вернулся домой, помирился с родителями, и вместе с ним в мир вернулось прежнее плодородие.

Овца снова начала заботиться об ягненке, корова ласково подтолкнула к вымени теленка, в домах запищали новорожденные дети, на полях пышно распустились цветы.

И боги, собравшиеся на пир после долгой голодовки, не забывали поднимать каждую вторую чашу за здравие Телепинуса — вечно юного бога изобильной природы.

Однако вскоре мир вновь оказался перед угрозой голодной гибели, на этот раз по вине мстительного Кумарби.

Хедамму и Иштар

Хотя Бог Грозы и уничтожил Улликумми, Кумарби не пожелал примириться с поражением и составил новый злодейский план. Он вступил в брак с дочерью Океана Шертапшухури, которая родила огромного Хедамму, прожорливого, как Робин Бобин Барабек.

Его город боялся Куммия
И город Дуддул боялся.
Когда Хедамму родился,
Все перед ним трепетали
И в страхе его растили.

Еще бы! Как нянькам было не бояться ребенка, который для разминки глотал козлят вместе со шкурой и копытцами, а на обед требовал две тысячи быков. Присматривавшие за сыном Кумарби женщины дрожали от страха, ожидая, что питомец вот-вот слопает и их!

Но детский аппетит Хедамму был ничто по сравнению с булимией[168], которая разыгралась у него, когда он подрос. Теперь ненасытный обжора каждый день съедал целые табуны лошадей, большие стада барашков и овец, а истребив весь домашний скот в окрестностях, принялся за диких зверей. Он вылавливал в лесах и глотал оленей, кроликов, медведей, волков, на десерт вылуживал в реках выдр и запивал все это целыми озерами воды...

Вскоре во всей стране начались голод и засуха, и сам Эйя не знал, как справиться с такой бедой.

Тогда, посовещавшись, боги обратились за помощью к Иштар:

— Пусти в ход все свои чары, красавица, и останови Хедамму! Он разорил уже сто тридцать городов, и еще семьдесят выскребают сейчас для него последние припасы. Если сына Кумарби не остановить, скоро он примется глотать людей, а потом, чего доброго, настанет и наш че-

ред... Так пусть он заболеет любовным томлением и забудет про еду и питье!

Иштар, не задумываясь, согласилась. Она до сих пор переживала поражение с Улликумми и с радостью ухватилась за возможность восстановить свою репутацию.

Красавица натерлась благовониями, надела самые лучшие украшения, зато одежду, наоборот, сняла — и кликнула своих служанок, Красоту и Страсть:

— Разузнайте поскорей, где сейчас Хедамму!

— Госпожа, он только что сожрал припасы пяти больших городов и отправился к морю закусить рыбешкой, — ответила Красота. — Горе нам, горе! Сын Кумарби уже лишил нас хлеба и мяса, а теперь задумал лишить и рыбы!

— Ну, это мы еще посмотрим! — загадочно улыбнулась богиня и, прихватив лютню, отправилась на берег моря.

Толстый живот Хедамму, покачивающегося на волнах, был виден издалека, как спина огромного кита, но Иштар сделала вид, что ничего не замечает и, наигрывая на лютне, спустилась к воде. Услышав странные звуки, Хедамму приподнял голову... и при виде красотки, одетой только в золотые украшения и прикрытой лишь лютней, чуть не подавился макрелью.

— Кто ты? — пропыхтел он, с трудом проглотив вставшую поперек горла рыбу.

— Я — служанка благочестивой Кель, — Иштар с притворной скромностью опустила ресницы. — Моя госпожа решила принести богам богатую жертву и послала меня приготовить все для жертвоприношения. Но поскольку я неловкая, глупая и неуклюжая, Кель велела: «Разыщи Хедамму, он мастер на все руки и, конечно, не откажется тебе помочь!» Прошу тебя, прекрасный юноша, скажи, где мне найти знаменитого героя Хедамму?

— Аэмм... Ммм... Блбль... — отозвался обжора, невольно хлебнув воды.

— О, как ты красноречив! — восхитилась Иштар. — Как я завидую твоей возлюбленной! Я отдала бы все на свете, чтобы очутиться в объятиях такого стройного мужественного красавца, как ты!

— Да-а? — сын Кумарби торопливо пошлепал к берегу, расправив плечи и пытаясь втянуть живот.

— Конечно! — трепеща ресницами, страстно пропела Иштар. — Наверное, даже великий Хедамму не сравнится с тобой в красоте!

— Вообще-то я и есть Хедамму, — смущенно признался толстяк.

— О-о! — богиня любви всплеснула руками, и лютня упала на песок, явив «знаменитому герою» последние скрытые от его взора прелести красавицы.

Не прошло и трех дней, как Энлилю принесли радостные вести: Хедамму совсем перестал есть и почти перестал пить! Вместо того чтобы опустошать амбары, леса, моря и реки, он усиленно занимается спортом, желая приобрести стройную талию, и учится играть на лютне, чтобы исполнять для своей возлюбленной серенады...

Так мир спасся от ужасного голода, богиня любви взяла реванш за неудачу с Улликумми, а Кумарби окончательно потерял надежду отомстить.

Чудовища и Бог Грозы

Раньше эти создания были людьми, но над ними тяготело проклятие, заставившее их совершить ужасные дела. Что именно они натворили, неизвестно, но их деяния лишили их человеческого облика.

Подметая звериные тропы мохнатыми хвостами, уродливые чудища скитались по лесам и пустынным горам, днем прятались в пещерах, а ночью выли на луну. Но в их безобразных телах страдали человеческие души, и наконец глухой ночью чудовища осмелились войти в спящий город и прокрасться в храм Бога Грозы.

— Верни нам человеческий облик! — взмолились они. — Мы исполним любое твое приказание, только сделай нас снова людьми!

Громовый бог в задумчивости взглянул на странных просителей и проговорил:

— Короткие пути вы удлините,
А дальние пути — укоротите!
Гора высокая пусть низкой станет,
А низкая гора — высокой станет!
Поймайте Волка голыми руками,
Льва оседлайте и за пасть схватите!
А в реку бросьте сеть! Поймайте Змея
И во дворец его доставьте тут же,
Чтобы судить его судом законным!

Если вы совершите все эти подвиги, вы снова станете людьми!

Съежившись, поджав хвосты, чудовища ползком покинули храм грозного бога.

Прошел день, миновал месяц, кончился год... Тоскливый хриплый вой уже давно перестал пугать по ночам детей, и получеловеческий-полузвериный силуэт не мелькал больше в лунном свете на окраине города.

Но когда год обновился, мохнатые уродливые тени вновь подкрались к воротам храма Бога Грозы, и круглые зеленые глаза ярко вспыхнули во мраке святилища.

— Не удалось нам сделать ничего:
Короткие пути не удлиннили,
А долгие мы не укоротили.
Гора высокая не стала низкой,
А низкую не сделали высокой!
И Волка мы руками не поймали,
Льва мы не оседлали,
не схватили...

— А сеть, которой вы ловили Змея, порвалась, как только вы забросили ее, — холодно прервал Бог Грозы жалобный скулеж чудовищ. — Я уже знаю. Так ступайте же прочь отсюда! Носите и дальше свои шкуры! До тех

пор, пока не совершите подвиг, который снова сделает вас людьми.

И дети вновь начали просыпаться по ночам от тоскливого воя, а взрослые пугали малолеток:

— Смотри, если будешь баловаться — придет из лесу чудище и съест тебя! Оно только и ждет, как бы схватить такого озорника!

И никто даже не догадывался, что чудовища искали вовсе не поживы, а подвига, который смог бы снова сделать их людьми...

Луна, упавшая с неба

Однажды Бог Луны упал с неба на рыночную площадь, и вместо луны на небосводе осталось лишь пустое место среди звезд.

Поскольку несчастье случилось поздно ночью, никто из людей его даже не заметил — зато Бог Грозы, увидев сверху лежащую на площади луну, так перепугался, что пустил дождь, быстро перешедший в сильный ливень.

Напрасно богиня Хабнатали пыталась излечить Бога Грозы от постыдной слабости — тот никак не мог с собой совладать, и ливень все хлестал и хлестал.

Наконец шум дождя разбудил великую волшебницу Камрусепу, и та укоризненно проговорила:

— Подумаешь, Луна упала на рыночную площадь! Разве это повод, Бог Грозы, чтобы ты залил весь мир, как во время Великого потопа?

— Но я никак не могу удержаться! — смущенно объяснил тот. — Вот потому и гремлю перунами и хлещу ливнем!

— Да, и не даешь мне уснуть, — покачала головой Камрусепа. — Хорошо, сейчас я приведу тебя в чувство, дружок. Послушай-ка мое заклинание! Как же там... Подожди... Ах, да! Вот, слушай: пусть страх и ужас покинут тебя, пусть они никогда к тебе не вернутся!

Сонная Камрусепа выбрала самое короткое заклинание и еле выговорила его сквозь зевоту, поэтому на этот раз ее волшебство не сработало. Зато сработала наконец мужская гордость: Богу Грозы стало так стыдно за свою трусость, что он немедленно прекратил громыхать и заливать землю дождевыми потоками. Более того — он сошел вниз, и, хотя его зубы стучали от страха, вернул Бога Луны на небо.

Над миром опять засиял шафрановый диск, а Камрусепа, очень довольная своим колдовским искусством, снова отправилась спать.

Пожалуй, на этом пришла пора проститься с людьми и богами страны Хатти

До дня, когда цари минувшего вернутся,
Чтобы узнать, что с их страною сталось.

А когда настанет такой день, наверное, не знает никто...

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Геродот говорит лишь (со слов жрецов), что от царствования первого египетского фараона до конца эфиопского владычества прошло 341 поколение, принимая это время за 11 340 лет.

[2] Та-Мери —Любимая Земля: так называли свою страну сами египтяне.

[4] Т.е. солнечных, от лат. solaris — «солнечный».

[4] Омфал (греч. — "пуп"). Сами древние греки без колебаний помещали омфал в храме Аполлона в Дельфах, в Фокиде.

[5] Первоначально Ра и Амон почитались как разные боги, но в период Нового царства их культы слились, и появилось единое солнечное божество Амон-Ра.

[6] Тота изображали в виде обезьяны или человека, но чаще — в виде человека с головой ибеса.

[7] Перевод А. Ахматовой.

[8] Ху — Воля, Сиа — Разум, Сехем — Энергия, Хех — Вечность.

[9] Здесь и далее переводы, помеченные *, принадлежат М. Матье.

[10] Перевод О. И. Павловой.

[11] Перевод А. Ахматовой.

[12] Птица Хат — самка коршуна.

[13] Поиски частей тела Осириса и изготовление его мумии заняла 70 дней — время, в течение которого на небе виден Сириус.

[14] По верованиям древних египтян, имя (Рен) давало знавшему его власть над обладателем имени.

[15] Перевод О.Павловой.

[16] Нейт — богиня войны и охоты; позднее — богиня плодородия и ткачества.

[17] В древнеегипетском языке слова "скот" и "сан" имели одинаковое произношение.

[18] После наказания, которому он подвергся, бог Анти проклял золото. Поэтому в местностях, где чтили Анти, пользоваться золотыми вещами было запрещено.

[19] Сет предложил Гору состязание на каменных ладьях. Гор, схитрив, построил себе ладью из кедра и сверху покрыл ее гипсом, а Сет спустил на воду ладью из настоящего камня. Конечно, ладья Гора легко поплыла, а ладья Сета тут же утонула... Но это все равно не разрешило спор.

[20] "И Сет сказал Гору:

— Иди! Проведем приятный день в моем доме.

И Гор сказал ему:

— Согласен, я согласен.

И вот затем, в вечеррнюю пору, им постелили, и они легли, эта пара.

И вот ночью Сет укрепил свой член и направил его между ляжек Гора.

И Гор всунул обе свои руки между своих ляжек и принял семя Сета.

И Гор отправился сказать своей матери, Исиде:

— Приди ко мне, Исида, моя мать! Приди, и ты увидишь, что Сет сделал со мной.

Он раскрыл свою руку и показал ей семя Сета. Она громко закричала, схватила свой нож, отрезала его руку, бросила ее в воду и достала ему равноценную руку.

И она взяла немного приятно пахнущей мази и помазала ею член Гора.

И она укрепила его, сунула его в небольшой сосуд, и он испустил в него свое семя.

И Исида направилась с семенем Гора в утреннюю пору к саду Сета. Она сказала садовнику Сета:

— Какие овощи Сет ест здесь у тебя?

Садовник сказал ей:

— Он не ест здесь у меня никаких овощей, кроме латука.

Исида окропила латук семенем Гора.

Сет пришел по своему ежедневному обыкновению и поел латука, который он ел постоянно. Он забеременел от семени Гора.

Затем Сет отправился сказать Гору:

— Приди! Поспешим — я буду препираться с тобой в суде.

И Гор сказал ему:

— Согласен, я согласен.

И они отправились в суд, эта пара. Они предстали перед великой Эннеадой. Им сказали:

— Говорите, вы!

И Сет сказал:

— Пусть отдадут мне сан Правителя, ибо, что касается Гора, который присутствует здесь, то я выполнил работу мужчины по отношению к нему.

И (боги) Эннеады громко закричали. И они извергали блевотину и плевали в лицо Гору.

И Гор насмехался над ними.

И Гор поклялся богам:

— Ложь все, что говорит Сет! Пусть позовут семя Сета, и посмотрим, откуда оно откликается, и пусть позовут (затем) мое (семя), и посмотрим, откуда оно откликнется.

И Тот, владыка божественных слов, писец нелицеприятный Эннеады, положил свою руку на плечо Гора и сказал:

— Выходи, семя Сета!

Оно откликнулось из глубины болота.

И Тот положил свою руку на плечо Сета и сказал:

— Выходи, семя Гора!

И оно сказало ему:

— Откуда я должно выйти?

И Тот сказал ему:

— Выходи через его ухо.

Тогда оно сказало ему:

— Неужели мне подобает выйти через его ухо: я — божественное истечение!

И Тот сказал ему:

— Выходи через его темя.

И оно появилось в виде золотого диска на голове Сета.

И Сет сильно разгневался. Он протянул свою руку, чтобы схватить золотой диск.

И Тот отнял его у него и поместил как украшение на своей голове".

(*Папирус Британского музея, известный под именем Честер-Бити, вторая половина Нового царства. Перевод И. Ливщица.*)

[21] Поневоле напрашивается вопрос: а кто светил с неба до того, как Ра начал путешествовать в ладье Манджет?

[22] Уннефер — «Постоянно пребывающий в благости»: эпитет Осириса.

[23] Отрывок из «Книги мертвых», изданной Лепсиусом в 1842 г.

[24] Перевод М. Коростовцева.

[25] Перевод М. Коростовцева.

[26] Хотя очень трудно представить, что земледелец или пастух мог пройти через все вышеперечисленные испытания. Сдача государственных экзаменов в любом из современных российских институтов ничто перед экзаменами в египетском царстве мертвых!

[27] Карстен Нибур — участник экспедиции, отправленной Фридрихом I Датским для изучения Аравии, Ирана и других восточных стран. О своих исследованиях Нибур написал в книге «Описание путешествия по Аравии и другим близлежащим странам по собственным наблюдениям и сведениям, собранным на месте». Этой книгой зачитывался Наполеон, он даже взял ее в египетский поход.

[28] То есть востоковедом.

[29] Хедив (перс.) — до 1922 года официальный наследственный титул вице-короля Египта, данный ему в 1867 году турецким султаном, в номинальной зависимости от которого тогда находился Египет.

[30] Нармера, так же как и легендарного царя Скорпиона, часто относят к додинастическому периоду — около III тыс. до н.э.

[31] В защиту Геродота следует сказать, что он всегда использовал все доступные ему источники, от официальных документов до рассказов очевидцев, причем ко многому, что рассказывали его многочисленные местные информаторы, относился весьма критически. «Я передаю то, что мне рассказывали, но я не обязан в это верить», — неоднократно повторяет Геродот. Греческий путешественник старался собрать как можно более полные сведения о любой стране, где он бывал, но был лишен возможности лично проверить все, что ему говорили. Зато он всегда старался интерпретировать собранные факты, опираясь на логику и здравый смысл — в этом у него не мешало бы поучиться тому же Эриху фон Деникену, чьи расчеты, посвященные Великой пирамиде, пестрят нелепейшими ошибками. А цифровые данные Геродота о пирамиде Хефрена удивительно точны.

[32] Между Аменхотепом II и Аменхотепом III очень недолго правил Тутмос IV.

[33] Их посадили на кол.

[34] Этот период именуется «амарнским» по названию современного поселка Эль-Амарны, расположенного неподалеку от места, где находился Ахетатон.

[35] Синдром Фрелиха — органические изменения с нарушением выделения гормонов.

[36] Цитата дана по книге А. Немировского «Мифы и легенды Древнего Востока».

[37] Четыре отряда войска Рамсеса II назывались по именам богом — Амон, Ра, Птах и Сутех.

[38] Перевод М. Коростовцева.

[39] Перевод А. Ахматовой.

[40] Уауат — область Северной Нубии, Сенмут — ныне остров Бигге у первого порога Нила, пограничный пункт Египта.

[41] Локоть — около 50 см.

[42] Великое Зеленое море — Красное море.

[43] Речь идет, по-видимому, о фараоне Рамсес IV из XX династии.

[44] Коптос — центр Пятого нома Верхнего Египта.

[45] Кар — принадлежавшая египтянам область в Нубии.

[46] Вот это и называется справедливый божественный суд!

[47] Вероятно, хурритское государство Митанни.

[48] К сожалению, о собаке в сказке ничего не говорится. Хотя она тоже заслужила «дыхание жизни» и счастливую судьбу.

[49] В сказке перечисляются фараоны V династии. Есть мнение, что эта сказка является оправданием прихода к власти гелиопольской династии. Так же как эллинские цари обычно возродили свою родословную к богам, фараоны этой династии возводили свое происхождение к Богу Ра.

[50] Так именуется в папирусе вождь восставших.

[51] Месопотамией — «Междуречьем» — древние греки называли местность между Тигром и Евфратом. Термин «Двуречье» используется чаще всего как синоним «Месопотамии», хотя иногда так называют только юг Междуречья. Здесь Двуречьем будет называться вся Месопотамия в целом.

[52] Надеюсь, вы помните, что «Весы Обеих Земель» — это одно из египетских названий города Мемфиса?

[53] Некоторые исследователи считают, что носители Эль-Обейдской культуры уже были шумерами. Таким образом, шумерская цивилизация и впрядь оказывается едва ли не древнее египетской.

[54] Ныне о. Бахрейн.

[55] Постоянный эпитет Энлиля. Вероятно это означает «муж могучий».

[56] Перевод В. Афанасьевой.
[57] Перевод стихотворного текста в этом мифе Ф. Мендельсона.

[58] Нинмах — «Госпожа могучая». Есть предположение, что это эпитет Намму и что Энки творил людей на пару с матерью, а не с женой.

[59] Перевод стихотворного текста в этом мифе В. Афанасьевой.

[60] Перевод стихотворпого текста в этом мифе В. Афанасьевой.

[61] Нинкаси — богиня пива.

[62] Перевод стихотворного текста в этом мифе В. Афанасьевой.

[63] Перевод Ф. Мендельсона.

[64] На самом деле письменность появилась раньше.

[65] Перевод И. Каневой.

[66] Перевод стихотворного текста здесь и далее в этом мифе В. Афанасьевой.

[67] С третьей попытки. Сперва Нинурта ранил Анзуда стрелой, но, обладая таблицами судеб, орел нашел в них соответствующее заклинание и легко излечился от раны.

[68] Согласно другой версии, муж Инанны, пастух Думузи правил в еще допотопные времена в Бад-тибире, а его тезка, урукский правитель, был рыбаком, а не пастухом. Любопытно, что в те времена для правителей не считалось зазорным именоваться рыбаками или пастухами, например, царь Киша Этана тоже называется в «Царском списке» пастухом.

[69] Перевод стихотворного текста в этом и в следующем мифе В. Афанасьевой.

[70] Перевод стихотворного текста в шумерских мифах про Гильгамеша В. Афанасьевой.

[71] Миф об Этане сохранился в немногих фрагментах, в которых отсутствует концовка. Однако судя по тому, что в других легендах упоминается сын Этаны Балих, царь все-таки раздобыл вожделенную траву. Кстати, название ее неизвестно.

[72] Апсу — шумерский Абзу.

[73] Гишизда — умирающий и воскресающий бог плодородия, так же как и Думузи.

[74] Нингирсу — главный бог Лагаша, иногда отождествлявшийся с богом войны Нинуртой.

[75] Нисаба — богиня, покровительствовавшая писцам.

[76] Переводы с аккадского в этой главе И. Дьяконова.

[77] Перевод И.Дьяконова.

[78] Перевод стихотворного текста в этой главе В. Афанасьевой.

[79] Перевод стихотворпого текста в этой главе В. Афанасьевой.

[80] О природе Асага до сих пор идут споры. Кто считает его огромным деревом, кто — камнем, кто — воплощением болезни (от аккадского асакку — «болезнь»), кто — драконом.

[81] Отчасти в этом была повинна повышающаяся с каждым годом засоленность почвы, но причина наверняка заключалась не только в этом. Надо сказать, что во времена третьей династии Ура плотность засева была вдвое больше, чем во времена Уруинимгины, и все-таки урожайность резко упала.

[82] Перевод В. Афанасьевой.

[83] Ворота Иштар — главные ворота Вавилона.

[84] Перевод И. Волкова, переработанный И. Дьяконовым.

[85] Перевод стихотворного текста в этой главе В. Афанасьевой.

[86] Не забывайте, что Эйя — это шумерский Энки, а вавилонское Апсу соответствут шумерскому Абзу.

[87] За исключением жриц и гетер, считавшихся служительницами Иштар.

[88] Царпаниту — богиня-покровительница при родах.

[89] Иркалла — царство мертвых.

[90] Перевод стихотворного текста в этой главе В.Шилейко.

[91] Образ Нергала сближался с образом бога чумы Эрры; в одном из городов у них имелся общий храм.

[92] Перевод стихотворного текста в этой главе В.Афанасьевой.

[93] Сибитти — «Семерка» — семь злых демонов, насылающих на людей болезни, спутники Эрры.

[94] Около 1225 года до н.э.

[95] Перевод В. Афанасьевой.

[96] Перевод К. Бельцода.

[97] Иероскопия (*греч.*) — гадание по внутренностям животных, в том числе по печени. Греки переняли его у вавилонян.

[98] Перевод В. Афанасьевой.

[99] Сикль — 8,4 г.

[100] Это была его ошибка: в древнем Вавилоне, во избежание недоразумений, левой рукой давали взятку, а правой — «честный дар».

[101] Мина — около 400 г.

[102] Перевод стихотворного текста в этой главе В.Якобсона.

[103] Иеродула — храмовая рабыня.

[104] Эугаль — храм в Даксе.

[105] Эмеслам — храм Эрры в Вавилоне.

[106] Шуанна — Вавилон.

[107] Перевод стихотворного текста в этой главе В.Афанасьевой.

[108] Перевод И.Дьяконова.

[109] Перевод И.Дьяконова.

[101] Раньше завоеванными землями управляли наместники, имевшие гораздо больше прав, чем начальники областей.

[102] Напоминаю, что это означает «царь истинен» или «истинный царь».

[103] На территории современного Армянского нагорья.

[104] Перевод Л. Липина.

[105] Приводится по изданию Д. Ч. Садаев, «История Древней Ассирии». — М, 1979 г.

[106] Если только их выполняли ассирийцы, а не угнанные в плен иноземные мастера.

[107] Согласно воле Синаххериба, царем Вавилона был назначен старший брат Шамашшумукин. Недовольный такой скромной долей в отцовском наследстве, он восстал против Ашшурбанипала и, когда Вавилон был взят, бросился в пламя своего дворца.

[108] Существует версия, что Ашшурбанипал то ли отрекся, то ли был отстранен от власти и дожил остаток дней в одном из городов Месопотамии.

[109] Современные ассирийцы соблюдают этот пост, но только три дня. Он называется «пожелание Ниневии», что в контексте исторических событий стоит воспринимать как едкую иронию. Но, как свидетельствует Бибилия (книга Ионы), подобный пост однажды спас ниневийцев от гнева Господа, а их город — от разрушения.

[110] Современные ассирийцы говорят на новоассирийском языке.

[110] Стихотворный перевод поэмы Н. Гумилева.

[111] Вавилонский талант (мера веса) равен 30,3 кг.

[112] В переводе Гумилева — Эабани

[113] В ниневийской версии этот эпизод завершает поэму.

[114] В переводе Гумилева — Ут-напиштим

[115] Рабочие Винклера разрушали здания, которые никто даже не подумал хотя бы перед этим зарисовать.

[116] Надо сказать, что сами хетты называли свой язык не хеттским, а неситским по имени одной из своих столиц Несы (Канеса).

[117] Больше всего споров вызывает Вилуса, которую ученые помещают то там, то сям, но чаще всего отождествляют с Илионом (Троей).

[118] Хаттусилис — «Хаттуский».

[119] Перевод «Летописи Хаттусилиса 1» В. Иванова.

[120] В хеттских городах все самые важные события происходили в обширном пространстве между двух городских ворот, отгороженном боковыми укреплениями, а не на площадях. Если в городе было несколько рядов укреплений, т.е. несколько стен, то было несколько таких дворов. Между ворот велась торговля (иноземных купцов в сам город пускали редко), там стояли столики с весами, на которых проверялся вес серебрянных слитков, трудились общественные писари, войско принимало присягу, собирался панкус.

[121] Перевод «Завещания Хаттусилиса 1» В. Иванова.

[122] Цидантас убил Хантилиса, сам погиб от руки своего сына Аммунаса, а того приказал убить Хуццияс, "малый царь" города Хакмес. Сыном Аммунаса и был Телепинус.

[123] Перевод «Указа» В. Иванова.

[124] Т. е. выкуп, виру.

[125] Перевод В. Иванова.

[126] Перевод В. Иванова.

[127] Это хурритское имя вавилонская царевна приняла, став женой хеттского царя; как ее звали раньше — неизвестно.

[128] «Молитвы Мурсилиса во время чумы», перевод В. Иванова.

[129] Оракулы заявили Мурсилису, что чума — это наказание за убийство Суппилулиумасом законного царя.

[130] Исключение составляли важнейшие крепости и города вроде Каркемиша, отдававшиеся под управление членов семьи хеттского царя.

[131] Перевод «Эпоса Пентаура» здесь и далее Н. Петровского.

[132] Еще одно отличие — у египтян на колесницах сражались только знатные люди, у хеттов же колесничим мог стать в принципе любой. Из «Летописи» Мурсилиса II известно, что жители побежденных городов просили царь зачислить их в колесничие, и он эту просьбу удовлетворил.

[133] Видимо, Хаттусилис получил свое прозище за то, что вернул столицу обратно в Хаттусу.

[134] Перевод «Автобиографии Хаттусилиса III» В. Иванова.

[135] В. Замаровский, «Тайны хеттов».

[136] Напоминаю, что отождествление Аттарисия с микенским Атреем имеет как своих сторонников, так и противников, так же как до сих пор идут споры, при каком хеттском царе происходила история с Маддуваттасом.

[137] Хетты и впрямь почти никогда не прибегали к подобной мере.

[138] Мономахия (*др. греч.*) — поединок двух противников.

[139] F. Sommer.

[140] Поэтому ее содержание известно только по ответу Арнувандаса.

[141] До сих пор идут споры о том, правомочно ли усматривать в этом имени фригийское «Мидас». Хотя знаменитый фригийский царь Мидас, награжденный Аполлоном ослиными ушами, жил гораздо позже, есть предположение, что Мидас, как и Минос — династическое имя, передававшееся из поколения в поколение.

[142] Согласно легенде, Зевс послал Аполлона и Посейдона работать на троянского царя Лаомедонта в наказание за мятеж, который те подняли против громовержца. Лаомедонт приказал богам обнести город новой стеной взамен прежней, разрушенной землетрясением. Только

один участок стены был уязвим — тот, который воздвиг помогавший богам царь мирмидонян Эак.

[143] Но даже этот список носит следы реформ, значит, первоначальный вариант законов еще старше.

[144] Однако «грех» с лошадью или мулом считался ненаказуемым.

[145] Фульгуриты — кусочки сплавившегося при ударе молнии песка.

[146] Еще в I тыс. до н.э. на Кипре учителя чтения и письма называли «человеком, рисующим на шкуре».

[147] Аранцах — хурритское название Тигра.

[148] Тасса — священная гора у хурритов.

[149] Канцура — местопребывание хурритских богов.

[150] Перевод хеттских и хурритских мифов В.Иванова.

[161] Кункунуцци — скорее всего базальт.

[162] Забаба — вавилонский бог войны. В этом мифе, как видите, перемешались хеттские, хурритские и шумеро-аккадские божества.

[163] Существовали магические обряды, при которых разбивали сосуд с пивом, чтобы вызвать гибель врага.

[164] Небесный Возница — у хеттов так называлось созвездие Большой Медведицы.

[165] Улликумми — «Разрушитель города Куммии», священного города Тешуба.

[166] Кункунуцци — прозвище Улликумми. То ли происходит от названия камня, из которого он был сделан, то ли образовано от слова «убивать» и может быть переведено как «Каменный убийца».

[167] Лалападува — священная гора, обиталище богов.

[168] Булимия — постоянный мучительный голод.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА 1

ЕГИПЕТ

Вместо предисловия 3

В НАЧАЛЕ ВРЕМЕН 6

Вначале было...
(мемфисская космогония) 6
Все начиналось так...
(Гермопольская космогония) 9
Все начиналось так!
(Гелиопольская космогония) 11
Все начиналось именно так!
(Фиванская космогония) 14

ВРЕМЯ БОГОВ 16

Бегство Тефнут в пустыню 16
Времена года 20
Борьба Ра с исчадиями мрака 22
Бунт людей против Ра 23

Вознесение Ра. Странствие двух ладей 28
Царствование Осирисаи заговор Сета 35
СтранствияИсиды 37
Поиски частей тела Осириса. Рождение Гора..... 40
Трудное детство Гора 41
Семь скорпионов Тота 44
Битвы Гора и Сета 46
Тяжба Гора и Сета 47
Продолжение тяжбы. Хитрость Исиды..... 50
Состязание Гора и Сета.
Переписка с Осирисом. Конец распри..... 51
Царство Осириса и трудный путь в Дуат 57
Время ученых, авантюристови энтузиастов 64
Художник Доминик Виван Денон..... 65
Лингвист Жан Франсуа Шампольон 69
«Гиена в гробницах фараонов» —
Джованни Бельцони 74
Огюст Мариетт —создатель каирского музея..... 77

ВРЕМЯ ФАРАОНОВ 79

Менес — объединитель Египта 83
Джосер — первый фараон Древнего царства
и Имхотеп — инопланетянин и бог 85
Хеопс, Хефрен и Микерин —создатели
пирамид-гигантов 88
Хатшепсут — женщина-фараон 96
Эхнатон — еретик и поэт 99
Фараон Тутанхамон
и археолог Говард Картер 105
Рамсес Великий и битва при Кадеше 111

ВРЕМЯ ПИСЦОВ 118

Потерпевший кораблекрушение..... 121
Ловкий вор..... 125
Правда и Кривда 128
Два брата 132
Обреченный царевич 139

Фараон Хуфуи чародей Джеди 146
Взятие города Юпы 149

МЕСОПОТАМИЯ

Путь к началу начал.
Археологическо-лингвистическая прелюдия 151
Шумеры —выходцы из Эдема 160
Загадочные «черноголовые» 160
Сотворение мира 164
Женитьба Энлиля 165
Бог Энки — мудрец и демиург 169
Великий потоп 172
Инанна выманивает у Энки Сути 174
Первые герои Урука — Энмеркар
и Лугальбанда 178
Инанна и Думузи 185
Думузи и Гештинанна 193
Великий Гильгамеш 194
Аккадцы.
Начало новой табличкиистории Междуречья 201
В Месопотамии прибывает черноголовых 201
Этана и орел 202
Рыбак Адапа и Южный ветер 205
Царь-реформатор Уруинимгина 208
Саргон Древний 211
Проклятие Нарам-Суэна 214
Гудеа: хочешь жить — умей вертеться 217
Подвиги Нинурты 220
Изгнание кутиев 224
Третья династия Ура 227
Падение третьей династии Ура 232
Вавилон.
История Месопотамии продолжается 236
Ворота Бога 237
«Когда вверху» 239
Мардук и все-все-все 245

Сошествие Иштар в Иркаллу[69] 248
Эрешкигаль и Нергал 252
Хождение по мукамвавилонского Мардука 260
Вавилон сомнений, суеверий и науки 263
Разговор господина и раба 270
Сказка о ниппурском бедняке 273
Вавилон: падения и взлеты 277
Поэма о боге чумы 279
Послесловие Эрры к первомуи
последующим изданиям 286
Прощальный взгляд на «Врата Бога» 286
«Когда боги, подобно людям...» 290

АССИРИЯ 300

В начале «славных дел» 300
Чем дальше, тем страшнее 302
Между двумя упадками 304
Ашшур — бог с голубиным хвостом 306
Наука побеждать 309
Дамасские перипетииСалмансара III 310
Семирамида и другие женщины Ассирии 313
Тиглатпаласар III и его реформы 317
«Истинный царь» номер два 320
Мардук-апал-иддин против Синаххериба 322
Культура Ассирии 324
Начало конца 327
Конец Ассирии — или продолжение следует 329
Отважный воин 332

ВСЕ ТОТ ЖЕ БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ГИЛЬГАМЕШ

И снова — вперед к прошлому 334
О все видавшем 337
I 337
II 341
III 346
IV 347

V 350
VI 352
VII 357
VIII 361
IX 364
X 366
XI 369

ХЕТТЫ

Их открытие 375
Их история 380
Клятва Аниттаса и титул «Табарна» 380
Завещание Хаттусилиса I 381
Мурсилис I — завоеватель Вавилона 384
Телепинус — реформатори мечтатель 385
Суппилулиумас I —несостоявшийся
зять фараона 386
Мурсилис II — воин и литератор 390
И снова битва при Кадеше 395
Хаттусилис III — любимец богини Иштар 400
Страсти по Маддуваттасу — или
Историяодной разбитой таблички 405
Гибель Хеттской державы 411
Их боги, их легенды, их искусство...
Их менталитет 414
«Народ, лишенный изящества» 414
Царство громов и молний 416
Битвы богов(хеттский перевод хурритского мифа)
Кумарби попадает в «интересное положение» 419
Тяжелая беременность Кумарби 421
Трудные роды Кумарби 424
Тешуб показывает характер 425
Рождение детей Земли 426
Кумарби замышляет реванш.
Рождение Улликумми 427
Иштар пытается обольстить Улликумми 429

Поражение Бога Грозы 431
Эйя побеждает Улликумми 433
Исчезновение Телепинуса 436
Хедамму и Иштар 439
Чудовища и Бог Грозы 441
Луна, упавшая с неба 443

ПРИМЕЧАНИЕ 445

Анна Овчинникова

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

Руководители проекта *А. Костыгин, А. Тишинин*
Ответственный за выпуск *Е. Белозерова*
Обложка *А. Ганчурин*
Верстка *А. Шакиров*
Корректор *А. Текучева*
Технический редактор *В. Андреева*

ООО Издательство **«Северо-Запад»**
197101, Санкт-Петербург, ул. Мира, д. 16, оф. 31
Тел.: (812) 232-95-39, тел./факс 237-08-24
http://severo-zapad.net

Издательство «Феникс»
344082, г. Ростов-на-Дону, пер. Халтуринский, 80.
Тел.: (8632) 61-89-76, тел./факс (8632) 61-89-50,
e-mail: torg@phoenixrostov.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ОАО «Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Формат 84×108/32. Усл. печ. л. 24.
Бумага офсетная. Гарнитура «Школьная».
Тираж 5000 экз. Заказ № 2061.

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ФЕНИКС»
Для крупнооптовых покупателей

344082, г. Ростов-на-Дону, пер. Халтуринский, 80
Тел. (863) 261-89-53, e-mail: torg@phoenixrostov.ru

Представительства в г. Москва

ул. Космонавта Волкова, 25/2, 1-й этаж, (м «Войковское»)
Директор – *Моисеенко Сергей Николаевич*
Тел.: (095) 156-05-68, 450-08-35, 8-916-526-4376
e-mail: fenix-m@yandex.ru

ш. Фрезер, д. 17, район метро «Авиамоторная»
Директор – *Мячин Виталий Васильевич*
Тел.: (095) 517-32-95, 107-44-98, 711-79-81
e-mail: *mosfen@pochta.ru, mosfen@bk.ru*

Издательский Торговый Дом «КноРус»
ул. Б. Переяславская, 46, (м «Рижская», «Пр. Мира»)
Тел. (095) 680-02-07, 680-72-54, 680-92-13
e-mail: phoenix@knorus.ru

Представительство в г. Санкт-Петербург

198096, г.Санкт-Петербург, ул.Кронштадская, 11, офис 17
тел.: (812) 335-34-84, e-mail: fnx.spb@mail.ru
Директор: Стрельникова Оксана Борисовна

Представительство в г. Новосибирск

ООО «ТОП-Книга». Новосибирск, ул. Арбузова 1/1
Директор – *Вяльцева Ирина*
Тел.: (3832) 361028 доб. 165, e-mail: phoenix@top-kniga.ru

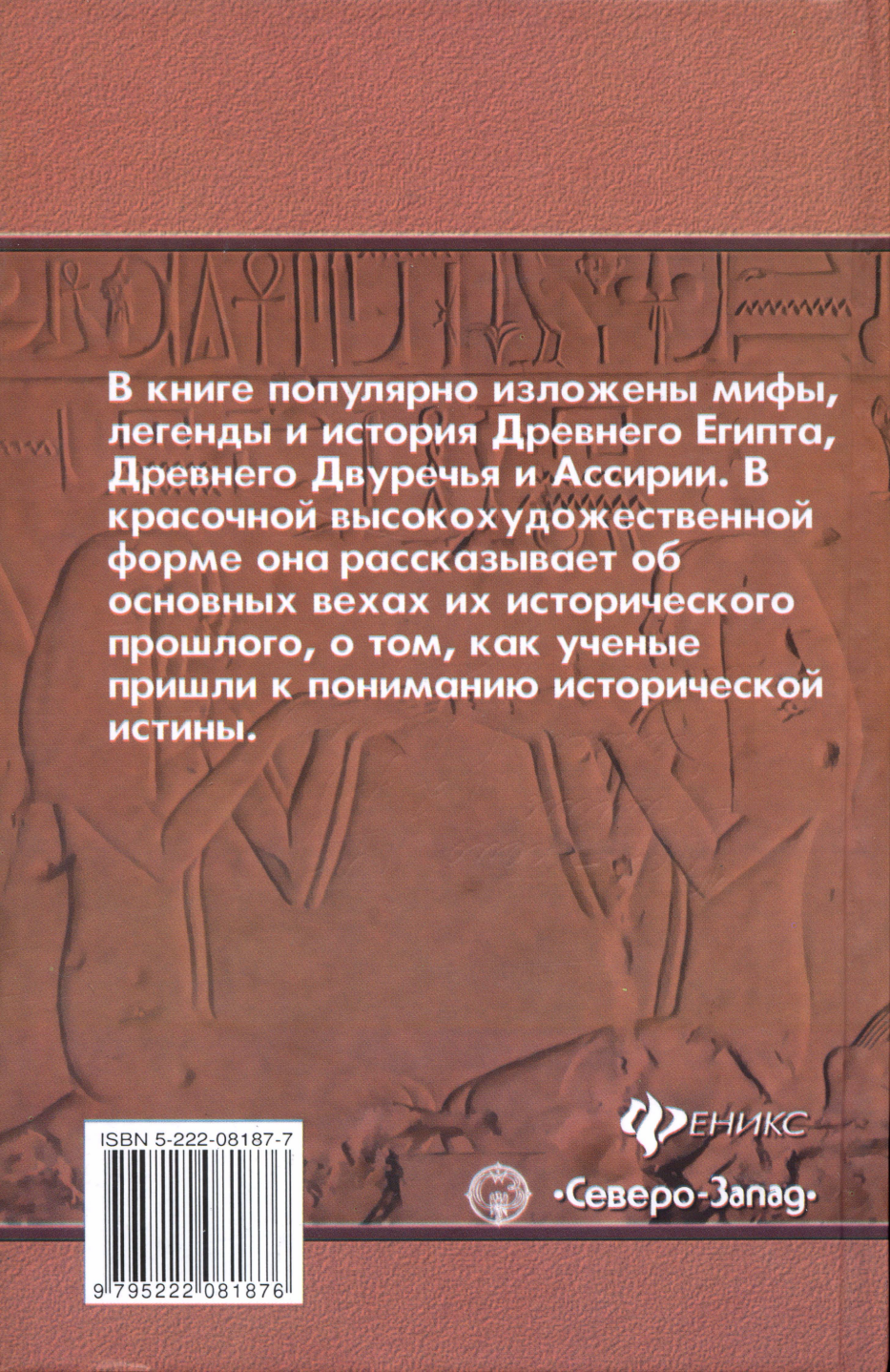
Представительство в Украине

ООО «Кредо». Донецк, пр. Ватутина, 2 (офис 401)
тел. +38 062 – 345-63-08, 339-60-85, e-mail:
moiseenko@skif.net

Самара и Тольятти

«Чакона» — книготорговая фирма
г. Самара, ул.Чкалова, д.100. Тел. (846) 242-96-30
г. Тольятти, 15-й квартал, ул. Автостроителей, 56а, 2-й эт.
(8482) 30-84-17, 76-29-05.
Интернет-магазин: www.chaconne.ru

Сайт Издательства «Феникс» http://www.phoenixrostov.ru
По вопросам издания книг обращаться:
Тел. 8-863-2618950, e-mail: office@phoenixrostov.ru



В книге популярно изложены мифы, легенды и история Древнего Египта, Древнего Двуречья и Ассирии. В красочной высокохудожественной форме она рассказывает об основных вехах их исторического прошлого, о том, как ученые пришли к пониманию исторической истины.

ISBN 5-222-08187-7

9 795222 081876

ФЕНИКС

Северо-Запад